

Империя Масок

Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Переводчики: Резчица, Фра Дженитиви, NoMadKa, lepshin93, Paper Tigers, Reienis, Guiltytwo, Hikari, Snowgist

Благодарности: Unstabled, Шен Мак-Тир

Глава 1

Императрица Селина вошла в просторный Церковный двор Университета Орлея в окружении своих слуг и охранников и сэра Мишеля, её рыцаря-телохранителя, шедшего сбоку, защищая её от возможного нападения. Весь преподавательский состав собрался, чтобы встретить императрицу, и теперь профессора, склонившись в приветствии, ждали её приближения.

В бледном утреннем свете мраморные стены сверкали, как только что выпавший снег. Каменные плитки двора представляли собой мозаичное изображение Андрасте, гордой и непреклонной, в перламутровых доспехах, на фоне сердоликового пламени. Селина с одобрением отметила, что со времени её последнего визита мозаику восстановили в тех местах, где время и неосторожные сапоги раскрошили камень.

Лазуритовые глаза мозаичной Андрасте смотрели прямо на Церковь, именем которой и был назван двор. Это было самое высокое здание Университета, подчёркивающее своё господство парой сияющих бронзовых куполов, которые студенты университета прозвали «грудь Андрасте».

Конечно, об этом ректор университета Селине не говорил.

Над большими бронзовыми дверями, над росписью с Андрасте и её учениками, в камне золотом были выгравированы слова из Песни Света: УЧЕНОЕ ДИТЯ – БЛАГОСЛОВЕНИЕ, НИСПОСЛАННОЕ РОДИТЕЛЯМ И ВОЗНЕСЁННОЕ К СОЗДАТЕЛЮ. Под ними, опустив головы в поклоне, и стояли ректор университета и его подчинённые, пока Селина и её свита шли по мозаике с образом Андрасте.

— Ваше Императорское Величество, — поприветствовал её ректор Генри Моррак, и по знаку Селины он и другие профессора подняли головы. — Ваш визит для нас великая честь.

— В такие тревожные времена, Моррак, я нахожу покой в знаниях и мудрости, которые вы и ваш университет даёте будущему Орлея, — Селина улыбнулась и подала знак своей свите. Двое слуг явили на свет замысловатый предмет из переплетённых полос сильверита, который, после того, как его немного повертели и покрутили, весьма изобретательно сложился в небольшую, но удивительно удобную скамейку.

Сэр Мишель отошёл в сторону, изучая взглядом проходы и окна в мраморных стенах, всегда наготове на случай опасности, но всегда источающий особую уверенность, которую Селина требовала от тех, кто служил ей лично.

Моррак занервничал. Он явно намеревался пригласить её в свой кабинет, чтобы обсудить причину, по которой Селина нанесла визит в его владения, и, возможно, похвастаться новым манускриптом, недавно расшифрованным каким-нибудь многообещающим студентом. Он поджимал губы под относительно простой маской, которую носил, как младший сын семейства Моррак, в тревоге и беспокойстве, обдумывая, как подойти к диалогу при свидетелях. Селина незаметно наслаждалась тем, что так рано ввела его в замешательство.

Императрица была одета в платье кремового цвета, отороченное вязью жемчужных нитей и обшитое затейливым золотым и аметистовым узором; цвета, символизирующие род Вальмон. Это было самое лёгкое и удобное, в чем положение Императрицы позволяло ей появляться публично, кроме тех случаев, когда она отправлялась на верховую прогулку, но наряд весил достаточно, чтобы к концу дня её спина и талия ныли от боли. Внимательно следя за тем, чтобы ничто не выдало её дискомфорта и облегчения, императрица присела на сильверитовую скамейку.

Скрыть выражение лица ей помогла полумаска, подобные которой носила вся знать Орлея. Маска была инкрустирована лунным камнем, а её золотые линии очерчивали скулы и нос. Крохотные пурпурные сапфиры обрамляли глаза, и окрашенные павлиньи перья обвивали голову подобно фиолетово-золотой короне. Сапфиры и перья могли быть заменены их аналогами других цветов, если того требовал наряд или событие. Лицо императрицы ниже маски было напудрено, а губы накрашены насыщенным красным цветом.

— Если угодно Вашему Императорскому Величеству, — начал ректор Моррак, — профессор Дюси с удовольствием прочтёт отрывок из своей диссертации о неполноценности кунарийского общества. Это смелая попытка пойти дальше ранних исследований брата Дженитиви, и, если мне не изменяет память, вы нашли его предыдущую работу очень многообещающей.

— Это и впрямь звучит чудесно, — ответила Селина и, подождав, пока Моррак почти обернулся к одному из профессоров справа от него, добавила: — Но мне кажется, обсуждение огромных рогатых правителей Пар Воллена несколько излишне в день, уже тронутый обещанием зимней стужи. — И, вновь полностью завладев вниманием ректора, продолжила: — Возможно, один из ваших профессоров сможет развлечь нас математической наукой. В последнее время я, по мере своих скромных сил, штудирую теорему Вираниона, и я была бы благодарна, если один из ваших учёных мужей мог объяснить процесс доказательства.

На мгновение во дворе замолкло все, кроме нескольких пташек, которые не улетели зимовать на юг, потому что их подкармливали студенты и зрители.

Ректор Моррак сглотнул. Пусть даже он был младшим сыном в семье, ему следовало лучше контролировать себя. Селина мимоходом задумалась: не стало ли его открытое лицо причиной того, что семья отослала его прочь от опасностей светского двора в мир учёных, или он просто растерял куртуазные навыки, придя в университет. В любом случае, это выставляло его в невыгодном свете.

— Ваше Великолепие, — промолвил он наконец, — вы слишком скромно оцениваете свои способности к знаниям. Теорема Вираниона чрезвычайно сложна. Признаюсь, во время моего собственного обучения математике волны моего интеллекта не раз бились об её каменные берега, но с ничтожным результатом. Однако, если вы хотите поговорить о математике, я написал трактат об особенной пропорции, встречающейся в природе так часто, что должно быть сам Создатель приложил к этому руку. Я бы с радостью...

— Чаю? — спросила Селина, и сделала знак одному из слуг, который извлёк на свет изящный серебряный чайник, покрытый рунами, благодаря которым вода внутри оставалась горячей, не нуждаясь в подогреве. Другой слуга достал чашки и блюда из антиванского фарфора, настолько изысканного, что сквозь него просвечивали лучи утреннего солнца.

— Наверняка, кто-то другой освоил теорему Вираниона. Вряд ли можно считать Университет Орлея лучшим учебным заведением Тедаса, если мы не можем понять труды просто учёного из Тевинтера.

Казалось, это оскорбило ректора Моррака. В конце концов, может, он и не растерял гордость аристократа.

— Уверяю вас, Ваше Великолепие, Университету Орлея нет равных в его стремлениях к знаниям и культуре, и в немалой степени благодаря тому факту, что тевинтерские ученые не более чем рабы магов, управляющих ими. Дав нам свободу от политических или религиозных давлений, вы дали нам силу двигать культуру Орлея вперёд.

Да, Моррак помнил достаточно придворных навыков, чтобы суметь отразить неожиданный укол. Селина порадовалась, что разговор мог оказаться интересным.

— Тогда, может, кто-то из ваших студентов? Когда я гуляла с графиней Элен в прошлом году, она рассказала, что спонсирует юношу, чьи математические способности были просто поразительны, — она взяла чашку, предложенную слугой, и отпила из неё. — По-моему, он как раз изучал теорему Вираниона, и именно это обсуждение натолкнуло меня на собственные поиски. Кажется, юношу звали Ленан.

— Ах, да, — сказал Моррак, помрачнев взглядом, когда понял, куда клонит Селина, — кажется, я помню его заявление. Конечно, наши двери открыты для любого, кто своим благородным происхождением или соответствующим финансированием, может гарантировать, что будет продолжать наши знаменитые традиции, но...

— Скажите мне, Моррак, — перебила его Селина и сделала паузу, чтобы отпить чаю. — Вы изучаете математику. Вам известно число ноль?

Это был превосходный чай, ривейнская смесь из корицы, имбиря и гвоздики, подслащённая мёдом — именно так, как любила Селина.

— Да, Ваше Великолепие, — ответил Моррак после некоторого молчания, когда стало ясно, что вопрос не являлся риторическим. Он взял чашку, предложенную слугой Селины с плохо скрываемым раздражением.

— Прекрасно. Именно столько студентов вашего университета происходят не из благородных семей. Признаюсь, это слегка огорчает меня, ректор Моррак, я ожидала некоторых улучшений с нашего последнего разговора.

— Ваше Великолепие...

— Пейте ваш чай, Моррак. Я не прошу вас позволить крестьянам снова по вашим залам. Я попросила вас принимать тех мещан, кого поддерживает средствами кто-то из благородных, тех, в ком кто-то смог заметить некоторый интеллект, пробивающийся, несмотря на их происхождение, кто своими исследованиями может сделать Орлей ещё сильнее.

Костяшки на пальцах Моррака стали белее блюда у него в руках.

— Ваше Императорское Величество, юноша, о котором вы говорите — эльф.

Селина повернулась к сэру Мишелю де Шевину, своему рыцарю, облачённому в сильверитовые доспехи с выложенным эмалью имперским гербом. Герб его собственной семьи был изображён прямо над сердцем, а маска была упрощённой версией маски Селины.

— Сэр Мишель, шевалье известны своим острым зрением. Скажите нам, нет ли среди нас в этом двореке эльфа?

Сэр Мишель слегка улыбнулся.

— Образно говоря, Ваше Величество, — он указал на церковь, точнее, на фреску над огромными бронзовыми дверьми. — Если я не ошибаюсь, эта роспись является точной репродукцией картины «Андрасте и её ученики» кисти легендарного Анри де Лида. Когда Анри создал оригинал, эльфы ещё считались союзниками, это было до предательства и нападения на Орлей. Через двадцать лет, когда Верховная Жрица Рената призвала к Священному Походу против эльфов, она приказала уничтожить все церковные картины с изображением эльфов, — он улыбнулся. — Но Анри де Лид умолял так страстно и отчаянно, что она уступила и позволила сохранить этот единственный экземпляр, с условием, что Генри подрежет уши теперь уже еретичному последователю Шартану.

Селина благодарно кивнула.

— Ах, да. И, кажется, университет весьма точно скопировал оригинал. Вы можете указать среди них Шартана, Моррак? Уши изменены, но большие глаза выдают его совершенно отчётливо.

Моррак посмотрел на роспись, затем на Селину.

— Конечно, Ваше Великолепие. В отличие от Церкви, университет гордится тем, что создаёт точно видение истории. Это действительно тот эльф, которого Андрасте освободила от рабства в презренной Тевинтерской Империи.

— Как странно, что университет, готовый столь яростно бороться против давления религии на область его исследований, не хочет уступить в таком деле, хотя бы настолько, насколько это делает сама Верховная Жрица Рената.

— Это и впрямь не поддаётся пониманию, Ваше Величество, — сказал сэр Мишель и взглянул на ректора Моррака.

Ректор сделал большой глоток из чашки и поставил её обратно на блюдце так, что фарфор задребезжал.

— Конечно, мы с огромной радостью пересмотрим заявление графини Элен.

— Орлей благодарен вам за вашу преданность нашей культуре и науке, — слегка кивнув головой, Селина встала. Один из слуг взял сильверитовую скамейку и стал складывать её, а другому Селина отдала чашку и блюдце.

— Теперь, после разговора о делах религиозных, мне хотелось бы провести время в этой церкви и оценить её уроки. Проследите, чтобы меня не беспокоили, ректор Моррак, — затем она улыбнулась и в знак примирения добавила: — Когда я закончу, то с огромным удовольствием выслушаю подробности об этой пропорции, которая, как вы говорите, указывает на руку Создателя.

Профессора поклонились и спешно посторонились, когда Селина последовала к огромным бронзовым дверям. Все её слуги остались на месте, кроме сэра Мишеля.

— Вам стоило предупредить меня о русле, в которое повернётся ваш разговор, Ваше Величество, — тихо сказал он. — Ерьс Шартана нельзя назвать распространённым знанием.

Селина улыбнулась, не посмотрев в его сторону.

— Я верила в вас, мой рыцарь.

— Прикажете сопровождать вас внутри?

— Думаю, я буду в достаточной безопасности меж грудей Андрасте, — ответила Селина, пока сэр Мишель открывал для неё дверь. Мишель заглянул внутрь, осматривая комнату и оценивая наличие угрозы, потом повернулся к ней, кивнул, и императрица вошла внутрь одна.

Внутри было прохладно, однако здесь не было холодного осеннего ветра, и поэтому было приятнее, чем снаружи. Проходя сквозь витражные окна, солнечные лучи алым светом ложились на деревянные скамьи, запах масел заполнял всю церковь. В дальнем конце зала, в большой золотой жаровне ярко пылал вечный огонь, единственный источник света, помимо окон.

В церкви не было никого, кроме рыжеволосой женщины в одеяниях жрицы, которая встала, когда Селина подошла ближе.

— Ваше Императорское Величество, — негромко поприветствовала она, низко кланяясь.

Перепадка с ректором Морраком об эльфах была лишь лёгкой прелюдией перед настоящим испытанием этого утра. Селина жестом велела склонившейся перед ней женщине подняться.

— Я рада, что Верховная Жрица согласилась на встречу.

Рыжеволосая женщина улыбнулась. На ней не было маски, что было обычным для служителей Церкви, и хотя её произношение было как у урождённой орлесианки, черты лица выдавали в ней ферелденку. Маски были частью Игры, жёсткой и бесконечной борьбы, которая создавала и уничтожала династии Орлея, и Церковь настаивала, чтобы её люди не носили масок, что должно было показывать их невовлечённость в политику. Лишь немногими аристократами эти указания воспринимались всерьёз.

— Дело, по словам вашего посыльного, весьма важное, и Верховная Жрица хотела бы, чтобы оно разрешилось. Я буду её голосом. Можете звать меня Соловей.

Селина приподняла бровь под маской. Редко кто осмеливался представляться Императрице Орлея под псевдонимом. И все же, Джустиния послала бы только того, кому она действительно доверяла.

Без всяких церемоний Селина села на одну из скамеек, отчего кремовый атлас её наряда некрасиво наморщился, а аметисты стукнулись о дерево.

— Вы осведомлены, Соловей, о напряжении между магами и храмовниками?

Соловей смутилась, и тогда Селина жестом предложила ей присесть.

— Конечно, Ваше Великолепие.

Соловей села, двигаясь с непринуждённой грацией так, что на её простой робе не образовалось ни складки. Легкость её движений была признаком натренированного барда, и Селина отметила это и запомнила, чтобы использовать, когда понадобится.

— Храмовники стали ещё беспокойнее после событий в Киркволле, — сказала Селина, глядя на сверкающий красным витраж, изображающий Андрасте на костре. Благодаря многолетнему опыту, она могла чётко видеть женщину подле неё даже краем зрения. — Впрочем, маги тоже. Что Доротея собирается с этим делать?

Она намеренно использовала настоящее имя Верховной Жрицы, и уголком глаза видела, как отреагировала Соловей. Глаза женщины лишь слегка сузились, хотя она и не шевельнулась. Раздражение, но не оскорблённое чувство приличия. Значит, Соловей может называть Доротею по имени, возможно, она знала её ещё до того, как та пришла к власти.

Все это промелькнуло в её голове в мгновение ока, пока Соловей отвечала:

— Верховная Жрица не хочет предполагать, что события в Киркволле — нечто большее, чем просто деяние одного сумасшедшего мага, чьи прискорбные действия были спровоцированы чересчур фанатичными храмовниками. Вы знаете, что в некоторых городах-государствах Марки у магов намного больше ограничений, чем здесь, в Орлее.

— Знаю, — ответила Селина. — А ещё я знаю, что вы не ответили на мой вопрос. Если Доротея не предлагает ничего, что могло бы объединить магов и храмовников, то она следует по стопам Владычицы Церкви

Эльтины, которая ждала и молилась, пока Киркволл разрывался на части, — она повернулась и посмотрела женщине в глаза.

Соловей снова отреагировала на имя Верховной Жрицы.

— Джустиния хочет сделать это мир лучше, Ваше Великолепие. Метаниями мы ничего не добьёмся.

— Иногда события не дают столько времени, сколько нам хотелось бы, особенно, когда речь идёт о магии, — Селина посмотрела на рыжеволосую женщину, которая в своей простой церковной робе сидела, как подобает леди, спокойно и уравновешенно. — Насколько я понимаю, во время последнего Мора Круг магов в Ферелдене был почти потерян, один из его старших чародеев стал одержимым. После убийства этих существ, Герою Ферелдена пришлось выбирать — убить всех оставшихся в живых магов в башне, или нет. И времени на раздумья не было.

Её колкость достигла цели — Соловей моргнула и горячо возразила:

— Мы не в гуще войны, Ваше Великолепие.

— Мы всегда на войне, — ответила Селина. — Просто некоторые из нас не всегда об этом знают. Так мне когда-то сказала бард по имени Маржолайн. Я слышала, она встретила свой печальный конец в Ферелдене, — она вздохнула. — Это грустно, не правда ли, Соловей?

Соловей на мгновение замялась, глядя на Селину со сдержанным уважением.

— Полагаю, — наконец ответила она, — это зависит от точки зрения. И, возможно, вы захотите называть меня Лелианой.

— Возможно, — ответила ей Селина, и, улыбнувшись, продолжила, понизив голос: — Доротея должна это знать: аристократы в частных салонах умоляют трон разрешить им принять в этом деле прямое участие.

Лелиана выглядела потрясённой, и Селина кивнула.

— В Орлее есть люди, которые предпочли, чтобы мы пошли войной на свой народ во имя безопасности. Мне бы этого не хотелось. Доротея это знает. Но я должна дать им альтернативу.

Лелиана нахмурилась и встала.

— Вы хотите, чтобы Доротея превратила разрешение этой проблемы в какое-то зрелище.

Селина выдохнула.

— Честно говоря, любое зрелище вызовет жалобы, что я позволяю Церкви свободно править вместо себя, — сказала она, и Лелиана безмолвно кивнула. — Но если Джустиния сможет успокоить храмовников до того, как мне придётся обратиться меч против самой империи, то я готова заплатить такую цену.

Лелиана улыбнулась.

— Вы думаете о себе намного меньше, а об Орлее намного больше, чем я предполагала, Ваше Великолепие. Это прекрасное качество в правителе, которое, увы, встречается редко.

Селина тоже встала, и на мгновение свет из витражных стёкол окна окрасил её наряд в багрянец.

— Скажите мне кое-что. Насколько большим был Архидемон?

Лелиана рассмеялась, деликатно и тихо, подобно леди благородного происхождения или натренированному барду, отчего её одеяния сестры церкви стали казаться нелепой маскировкой.

— Достаточно большим, Ваше Великолепие. Одного его вида хватает, чтобы большинство остальных проблем стали казаться маленькими, — она посерьёзна и добавила: — Я спрошу Джустинию, не предпочтёт

ли она прямые действия. Ей понадобится ваша поддержка, чтобы отразить все обвинения в том, что она пытается захватить больше власти.

— Конечно. Возможно, она сможет выступить с речью на балу в её честь?

Лелиана задумалась.

— Это не то место, в котором можно ожидать подобное...

— Поэтому вам нравится эта мысль, — улыбнулась Селина. — А еще это заставит многих дворян, уговаривающих меня действовать, выслушать её слова и понять, что с этим кто-то уже разбирается.

Лелиана усмехнулась.

— Ведь вы и сами обучались как бард, Ваше Великолепие. Об этом легко забыть. Я передам Верховной Жрице ваше предложение.

— Три недели, — сказала Селина, — или месяц, в лучшем случае. Чуть дольше — и у меня не будет выбора, придется действовать. Дворяне захотят хоть каких-то знаков, что проблема решается, перед тем, как отправятся по своим зимним резиденциям.

Лелиана поклонилась.

— Ваше Императорское Величество.

Шпионка Верховной Жрицы покинула церковь через скрытую боковую дверь, и Селина вернулась на скамью. На этот раз, вспомнив своё обучение, она села, не издав ни звука и не смяв своего платья.

Еще три недели сжимать зубы и терпеть Великого Герцога Гаспара, который вместе с некоторыми другими аристократами подстрекал к войне. Три недели стараться игнорировать idiotские споры между разбойными храмовниками и магами, которые отказывались понимать, как устроен мир.

А наградой за твёрдость ей будет Гаспар с его рёвом о том, что она уступила власть Церкви, будто бы власть была мечом, который может находиться в руках только у одного человека. Власть была не такой. Власть была подобна танцу партнёров, знающих, когда нужно вести, а когда следовать, а когда просто наступить на подол платья соперницы, чтобы та рухнула с позором.

Дай власть в неосторожные руки, и она может сокрушить величайшую империю в Тедасе. Селина должна была защищать культуру и историю всего Орлея.

Именно в такие минуты она наслаждалась простыми радостями, например, подчинить непокорного профессора своей воле.

— Три недели, — промолвила Селина, и позволила себе на мгновение понаблюдать за тем, как лучи огненного цвета играют с витражным стеклом.

***

Под стать своим господам, никогда не показывавшимся на публике без своих полумасок, слуги тоже носили маски, пусть не такие экстравагантные и разнообразные, как у представителей знати, которые могли себе позволить менять маски так часто, как того требовала мода. Если фамильной маской господина был лев, вырезанный из слоновой кости, инкрустированный ониксом и золотом, то и его прислуга носила маску льва, окрашенную в чёрный цвет с полосами из латуни. Маски защищали слуг, куда бы они ни направлялись, предупреждая торговцев и купцов, что оскорбив слугу, они тем самым могли оскорбить и его хозяина. А еще маски были полезны, когда встречались слуги из разных домов — они помогали распознать возможного союзника... или потенциального врага.

Слуги королевского дворца в Вал Руайо, которые работали на виду, носили маски, повторявшие маску императрицы Селины. Там, где её маска была инкрустирована лунным камнем, их маски были просто лакированными, или инкрустированы слоновой костью у тех слуг, что выше по положению, а фиолетовый и золотой цвета были нанесены краской. Часть лица ниже маски слуги дворца красили белым, что было знаком дополнительного статуса.

Постороннему наблюдателю, взглянувшему на это море бледных лиц, отделанных золотом и фиолетовым, все слуги показались бы одинаковыми. Женщины носили платья для прислуги, мужчины — облегающие бриджи, сшитые по последней моде и окрашенные в императорские цвета. Своих лиц не скрывали только стражники и те слуги, которые не показывались на публике — кухарка и её помощники, например, или чистильщики туалетов.

Но маски слуг предназначались для демонстрации, а не для анонимности. Иначе, маска скрывала бы эльфийские уши Бриалы.

— Эй, ты! Кролик! — позвала её кастелянша, когда Бриала вышла из главного зала.

Бриала повернулась.

— Госпожа?

— Выгнали, да?

Кастелянша снова посмотрела в сторону главного зала, где слуги, стоя на лестницах, старались расположить огромное фиолетовое знамя так, чтобы золотой лев рода Вальмон, из которого происходила Императрица Селина, висел на нужной высоте.

— Может, тебе и позволяют одевать Её Императорское Величество в обычные дни, но для бала все должно быть безукоризненно, — она снова перевела взгляд в сторону. — Поднимите слева повыше!

Бриала видела много раз, как кастелянша готовилась к балам. В такие времена женщина всегда была сердитой и встревоженной, срывая своё раздражение на ком только можно. Но сегодня что-то было иначе. Её колкость была не такой злой, как обычно, и все слуги знали, что Бриала хорошо ладила со всеми девушками, которые одевали Селину для официальных мероприятий. Ей приходилось ладить с ними — иначе они стали бы соперницами.

Более того, из-под маски кастелянши выбивалась прядь непослушных волос, промах, совершенно недопустимый ни для кого из слуг императорского дворца. Кастелянша не могла этого не заметить, если только она не снимала маску, чтобы в спешке надеть её обратно.

— Да, госпожа, — ответила Бриала.

Она прислуживала Селине с детства, когда императрица была лишь одной из бесконечного числа соперничающих меж собой претендентов на престол. Теперь, в Вал-Руайо, Бриала была одной из немногих эльфов, которым было дозволено носить маску на публике.

— Значит, можешь оказаться полезной. Сбегай на кухню и поговори с кухаркой и ее девчонками. Погода засушливая, нельзя чтобы и мясо высохло.

Она повернулась к Бриале.

— Прошлой осенью леди Монтсиммар сказала, что в Круге магов утку подавали лучше, чем у нас, — сквозь щёлочки в маске было видно, как её глаза сузились со злостью. — Передай им, что если в этом году такое повторится, то их выпорют.

— Да, госпожа, — повторила Бриала и склонила голову в знак уважения. Иерархия среди слуг дворца была чёткой и строгой, и хоть положение личной служанки Селины и ставило Бриалу в особое положение в порядке подчинения, но отнюдь не освобождало её полностью.

— Ох, да не волнуйся, кролик, — кастелянша фамильярно похлопала Бриалу по плечу, и Бриала заметила, что застёжки на манжете женщины расстегнуты, ещё одна ошибка, которую служанки, одевавшие кастеляншу, никогда не допустили бы. — Это просто чтобы напугать бездельниц до смерти. Тебя бы мы никогда не отхлестали. А теперь иди.

— Да, госпожа, — повторила Бриала в третий раз и ушла, а кастелянша вернулась к своим делам и снова стала кричать на слуг, чтобы они опустили левую сторону флага пониже.

Спускаясь вниз по большому коридору, пол которого был застлан изысканным ковром из Неварры, а стены покрыты классической росписью и завитками лепнины, Бриала думала.

Кастелянша верно служила Селине вот уже больше десяти лет. Она трепетно относилась к своей работе и никогда бы не позволила себе отвлечься в день бала, если только она не была чем-то скомпрометирована. Застёжка и непослушная прядь указывали на нового любовника, который добился благосклонности и украл пару её мгновений.

Конечно, этим могло всё и ограничиться, но в Вал-Руайо всё являлось частью Игры, будь то даже тайные похождения слуг, занимающих высокое положение. Бриала выросла, наблюдая за Игрой, и будучи одной из пешек Селины, была намерена победить.

Даже в худшем варианте, если кастелянша и была втянута во что-то, то она сама о том не подозревала. Неприятности Селины принесут неприятности и кастелянше: если, не приведи Создатель, Селина умрёт или потеряет власть, её, несомненно, заменят. Если происходящее было чем-то большим, чем просто пылкий любовник, то кастелянша была лишь инструментом, пассивным элементом какого-либо заговора.

Вопрос в том, чьим именно инструментом.

На кухне, где сейчас готовились все известные миру блюда, от жары было трудно дышать. Повариха Рилен была крупной румяной женщиной, чьи толстые предплечья покрывали шрамы от ожогов, оставшиеся после несчастного случая в юности — конечно, если то, что предыдущая кастелянша посчитала, будто Рилен становилась слишком дерзкой, можно назвать «несчастливым случаем». Она нравилась Бриале, и эльфийка делала всё, что могла, чтобы защитить эту женщину, справляющуюся с выпечкой лучше, чем она — с тонкостями Игры.

— Мисс Бриа! — сияя, поприветствовала Рилен вошедшую Бриалу. — Её Великолепие пожелала чего-нибудь, чтобы продержаться до вечернего банкета? У нас есть восхитительные пирожные из Лида.

— Спасибо, Рилен, но нет.

Бриала посмотрела на помощниц Рилен, большинство из которых были эльфийками, хоть среди них и были человеческие девушки, и ни на одной из них не было маски. Им не позволялось выходить на публику.

— Кастелянша очень беспокоится за утку. Она выразила это очень... настойчиво.

Рилен благодарно кивнула.

— Я лично прослежу за этим.

Она стряхнула муку с покрытых рубцами рук и перешла к котлу, в котором что-то жарилось и кипело.

— И не могли бы вы послать кого-то из девушек разузнать, не меняла ли неожиданно кастелянша чего-нибудь в расписании? — спросила Бриала.

— Конечно, мисс Бриа, — улынулась Рилен. — Я отправлю её к вам.

— Спасибо.

Бриала покинула кухню и прошла по дворцу. В большом зале кастелянша уже закончила со знаменем, и теперь кричала на тех, кто расставлял столы. За залом следовали замысловато отделанные комнаты для карточных игр, каждая из которых была обставлена в стиле какой-либо страны, начиная от ферелденских ковров из огромных медвежьих шкур и золотых статуй мабари до декадентских шелков и волшебных ламп Тевинтера. С балконов открывался вид на большой зал, и одновременно можно было подышать свежим воздухом, любуясь лабиринтом зелёных изгородей, усеянным сверкающими мраморными фонтанами.

— Эй ты! Остроухая!

В отличие от «кролика», использовавшегося в дружелюбно-снисходительном тоне, в ответ на который Бриала лишь слегка стискивала зубы, «остроухий» было ни чем иным, как оскорблением. Так кто-то из людей мог обратиться к оборванцу из канавы, слишком ленивому, чтобы работать, или слишком глупому, чтобы воровать.

Капитан дворцовой стражи не носил маски. Как и вся дворцовая стража. Иначе подосланному убийце было бы слишком легко незаметно пробраться к императрице во всеоружии. Удлиненные черты лица капитана свидетельствовали о благородном происхождении, и из-под его парадного плаща, украшенного золотым львом рода Вальмон, блистали парадные доспехи.

Но для Бриалы большее значение имело то, что одна из пряжек на его нагруднике была застёгнута криво, а под ухом виднелся след страстного поцелуя.

— Болтаешься и увливаешь от работы, остроухая? — спросил капитан с презрительной усмешкой.

— Императрица велела проверить приготовления к сегодняшнему банкету.

Бриала не поклонилась. Следовало бы, так как он был капитаном стражи, но Бриала обладала достаточной властью, чтобы обходить правила стороной, когда ей этого по-настоящему хотелось — а в этот момент ей хотелось очень сильно.

— Любопытно, — он фыркнул и посмотрел на неё с возросшим интересом. — Хотя, если тебе хочется немного отвлечься, фигурка у тебя неплохая, и я могу закрыть глаза на эти мерзкие уши, торчащие из твоей головы.

Он подошёл ближе, закрывая ей обзор.

— Может, я даже смогу использовать их вместо вожжей, — до неё донёлся запах его пота и... лаванды, любимого аромата кастелянши.

Она отступила.

— Я сомневаюсь, что императрица одобрит.

Она развернулась и ушла, даже не оглянувшись, продолжая думать.

Капитан стражи стал заигрывать с кастеляншей, и его ухаживания явно должны были изводить её, пока она не уступит, и тем самым отвлечь её внимание от лабиринта изгородей... Поэтому он и загородил обзор Бриале. Насколько помнила Бриала, капитан получил свою должность вскоре после смерти предшественника. Да этого он служил в армии. Бриала не знала, где, но, учитывая популярность герцога Гаспара среди солдат...

Она знала, кто и где. Оставалось узнать, что.

Она поспешила вниз по изогнутой лестнице, мраморные ступеньки которой были покрыты красным бархатом, но ещё до того, как она успела дойти до двери в лабиринт живой изгороди, её окликнули.

— Мисс Бриа!

Бриала повернулась и увидела, как к ней бежит эльфийка, одна из помощниц кухарки.

— Мне велели найти вас.

— Спасибо, Дизирель, — улыбнулась ей Бриала. — Что ты узнала?

Дизирель понизила голос и нервно затеребила рукав платья своими тонкими пальцами.

— Кастелянша добавила барда по имени Мельсендре в сегодняшний список гостей.

Бриала кивнула.

— Спасибо. Теперь, если Рилен может обойтись без тебя еще чуть-чуть, не могла бы ты разузнать, чем сегодня весь день занимался капитан стражи?

— Конечно, мисс Бриа. Рилен сказала, что я в вашем распоряжении.

— Хорошо, — Бриала повернулась к лабиринту изгородей. — А я побуду здесь. Поохочусь.

***

Селине доводилось видеть тренировки шевалье. Одним из самых знаменитых испытаний, по крайней мере, из тех, что проходили публично, был ряд лезвий, закреплённых на столбах, установленных на больших деревянных подмостках. Когда слуги раскручивали массивное, спрятанное от глаз колесо, клинки начинали вращаться с головокружительной скоростью, рубя и кромсая любого, кто оказался рядом. На летних празднествах отважные юноши пытались проскочить сквозь них в тяжёлых, подбитых ватой туниках. Лезвия были затуплены, так что участники если и могли пострадать, то только от уязвлённой гордости. Поговаривали, что на настоящих испытаниях лезвия затачивались, и солдаты их проходили лишёнными всякой защиты.

И официальные приёмы в представлении Селины ничем не отличались.

К счастью, это испытание она проходила не в одиночку. Её телохранитель, сэр Мишель, держался на шаг позади неё, как всегда, без брони — чтобы не вызывать беспокойства при движении Селины сквозь толпу, но тем не менее, при оружии. Рукава его были из роскошного золотистого шелка, а камзол — из фиолетовой замши, выделанной из шкур зверей, которых гномы разводили вместо скота. Ножны украшал золотой лев с инкрустированными фиолетовыми сапфирами глазами и гривой, руки были свободны от колец и браслетов, в отличие от остальных аристократов — ничто не должно было помешать ему обращаться с мечом — а над маской возвышалось длинное жёлтое перо шевалье.

— Приказы, Ваше Величество? — спросил он тихо, чтобы услышала только Селина. Обычно на таких мероприятиях Мишель говорил мало, и императрица это ценила. Будучи её телохранителем, он являлся продолжением её публичного образа, привлекая внимание не к себе, но к ней. Он мало интересовался Игрой, но всё подмечал и следовал приказам. Мишель был с ней вот уже десять лет, с тех пор как предыдущий телохранитель Селины погиб, защищая её от убийцы.

— Бриала передала, что обнаружила?

— Меч в кустах? Да, Ваше Величество

Его голос был низким и спокойным, а язык тела говорил, что возможным предметом обсуждения могли быть ледяные фигурки виверн со стола закусок.

— Наблюдай за бардом, Мельсендре. Все начнётся с неё.

— Надеюсь, мне не придется проходить испытание на знание религиозной иконографии этим вечером.

Селина сдержала улыбку.

— Я постараюсь тебя предупредить, если такая необходимость возникнет.

Под прелестный голосок Мельсендре, барда Гаспара, напевавший о конце лета и утерянной любви, Селина двигалась сквозь поле врагов и союзников, доброжелателей и потенциальных соперников.

— Ваше Великолепие, — граф Шанталь из Велуна, в своей перламутровой маске с прикрепленными к ней нитями чёрного жемчуга, поклонился, встретив её взгляд. — Ваше сияние введёт в заблуждение бедных птиц — они подумают, что лето продолжается, и не улетят на юг.

Шанталь уже довольно долго настойчиво просил её руки. Учитывая его явную преданность и неуклюжесть в Игре, Селина держала его на комфортном и дружеском расстоянии, никогда не разбивая его надежды полностью.

Платье Селины цвета слоновой кости имело глубокий вырез, и на её белоснежной коже сверкал жёлтый бриллиант в роскошной золотой оправе. Платье подчеркивало драгоценный камень нитями жёлтых, как потемневшее золото, каплей янтаря, которые словно стекали с груди к подолу и запястьям. Её маска была идентична утренней, если не считать того, что перья сменила золотая филигрань.

— Ваши слова согревают, как тёплые воды озера Целестин, — ответила она, — и хоть мне грустно от того, что птицы должны улететь, чтобы не погибнуть в зимнюю стужу, я знаю, что весной они украсят небо Велуна.

Селина прошла дальше и встретила глазами с Леди Монтсиммар, в чью маску были вставлены два сияющих лириумных кристалла, по одному на каждую щёку — подарок Первого чародея орлейского Круга.

— Козин, — с дружелюбной фамильярностью поздоровалась она с женщиной, присевшей в глубоком реверансе. — Прошло так много времени. Скажи мне, понравилась ли тебе утка?

— Соус был божественен, Ваше Великолепие.

Леди Монтсиммар и её муж принимали и развлекали герцога Гаспара этим летом, и в последние годы их козырем была приближённость семьи к Кругу магов, точнее их контроль над ним. Мужа Селина считала опасным, а жену — скучной, и подозревала, что леди Монтсиммар даже не понимает, насколько шаткой стала ситуация с магами. Её догадка подтвердилась, когда леди добавила:

— Хотя, по правде говоря, когда мы были в Круге магов...

— О, я была бы осторожнее, обедая с ними, — легко рассмеявшись, перебила её Селина. — Кажется, когда они стараются что-то приготовить, всё вокруг них заканчивается пожаром.

Селина продолжила свой путь, а Леди Монтсиммар выдавила из себя напряжённую улыбку. Селине даже не нужно было оборачиваться, она знала, что позади неё сэр Мишель смерил Леди Монтсиммар неодобрительным взглядом, безмолвно напоминая, что императрица вольна смеяться и вести Игру или, если захочет, насадить голову Леди на пику. Селина напомнила себе поговорить с Мадам де Фер, магом при Императорском дворце, о тесных связях Монтсиммаров с магами.

Дальше и дальше она шла сквозь толпу, обмениваясь приветствиями и тёплыми словами, пропитанными ядом. Стоит ли Орлею настаивать на более выгодных условиях торговли с Ферелденом, пока государство-выскачка ещё оправляется от Мора? Что нужно сделать, чтобы события Киркволла не повторились здесь? Неужели университет, где получают образование молодые люди из благородных семей, и впрямь начнёт принимать остроухих?

Челюсть Селины ныла от непрерывных улыбок — это было единственное выражение, видимое на лице, скрытом полумаской и слоем косметики. И словно не слыша всех колкостей, Мельсендре продолжала петь своим прелестным голоском.

И, наконец, подобно глубокому гулу, прокатившемуся через поле битвы, раздался смех Великого Герцога Гаспара, давая понять, что представление закончилось.

Слуги и те, что были поробее, замолчали, словно услышав похоронный колокол, и через некоторое время раздались смешки других лордов и леди, которых наступившая тишина позабавила.

Толпа перед Селиной расступилась, давая пройти к Великому Герцогу и черноволосой девушке-барду. Мельсендре была без маски, её лицо скрывал густой слой косметики, как у простолюдинки на благородном собрании, и она в смущении отвернулась в ответ на какие-то слова Гаспара.

Ни малейшим образом не поменяв своего выражения, Селина внутренне напряглась. Она вела Игру большую часть своей жизни, но как бы она ни готовилась, как бы она ни строила и просчитывала свою стратегию, всегда было место мгновению страха.

Но страх прошёл, и она направилась к барду, тайком добавленному в список приглашённых, по приказу капитана стражи, лояльного Гаспару. Сэр Мишель уверенно шёл за ней, идеально подстроив свой широкий шаг под её поступь.

Мельсендре хороша, отметила Селина, но не идеальна. Макияж скрывал тот факт, что она не могла имитировать румянец, который изображал бы искреннее смущение, но ей в любом случае следовало бы добавить краски на щёки, чтобы произвести на собравшихся аристократов нужное впечатление. Этот маленький недостаток — даже не ошибка как таковая, но мелочь, которую Селина сделала бы лучше, каким-то образом всё упрощала.

— И каким же остроумием мой кузен заставил замолчать этот прелестный голос? — спросила Селина в напряжённой тишине.

Мельсендре неловко замялась, но Гаспар с лёгким поклоном, едва достаточным, чтобы избежать очевидного оскорбления, ответил:

— Ваше Императорское Величество, — сказал он, всё ещё усмехаясь. — Я говорил этой юной особе, что её песня напоминает по мелодии «Мабари короля Мегрена».

Собравшиеся захихикали, забавляясь скандальностью ситуации. Селина продолжила улыбаться. Это был хороший первый удар. Песня была популярна и безобидна несколько десятилетий назад, когда Орлей оккупировал Ферелден. Она рассказывала о несчастном Мегрене, посланном против воли в Ферелден императором Флорианом. В песне высмеивался незадачливый аристократ, которого на каждом углу раздражала грубая ферелденская культура, включая слюнявого мабари, сгрызшего его маску.

Песня потеряла свою популярность с тех пор, как Мэрик убил Мегрена, хоть официально её никто и не запрещал. Придя к власти, Селина всеми силами пыталась укрепить связи между двумя странами, и песня, высмеивавшая грубых ферелденцев и их бескультурные обычаи, не пользовалась успехом.

Видимо, сейчас это должно было измениться.

— Я помню, мы пели её с солдатами во время маршей, — сказал Гаспар. — Она напоминала о тех днях, когда Орлей был готов завладеть всем миром. Бедный Мегрен, попал в западню там, куда не падает взор Создателя, стараясь прижиться среди собачников.

Герцог был высоким широкоплечим мужчиной, крой его дублета и рукавов был прямым и строгим, а отделка серебром усиливала сходство костюма с доспехами. Золотую маску украшали изумруды, соответствующие геральдические цветам его рода, а сверху красовалось длинное жёлтое перо — как и сэр Мишель, он был шевалье.

А ещё он стоял меньше чем в десяти шагах от банна Тегана Геррина, посла из Ферелдена, чьё лицо, не скрытое косметикой, искажилось гневом, когда его народ называли «собачниками».

— То было печальное время для всех нас, — сказала Селина, с улыбкой повернувшись к послу, — и Орлей счастлив видеть в Ферелдене друга в эти времена испытаний.

Теган поклонился с благодарной улыбкой.

— Ваше Императорское Величество, Ферелден надеется на то же самое.

— Конечно, — Гаспар подошёл к нему. — Прошрое в прошлом, да, Теган? Сейчас мы просто двое старых вояк.

Он похлопал ферелденца по плечу, и банн Теган заметно напрягся от такой фамильярности.

— Вы привезли своего пса в Орлей, милорд? — поинтересовалась черноволосая Мельсендре, изображая из себя полную невинность, что вызывало смехи среди аристократов.

Теган повернулся к ней со сжатыми по бокам руками.

— Да, но не на бал. Сомневаюсь, что он оценил бы блюда.

Толпа рассмеялась. Пусть и не мастер Игры, ферелденец был достаточно умён, чтобы разглядеть ловушку и использовать её, чтобы расположить к себе толпу.

— Я должен когда-нибудь увидеть твоего пса, Теган, — сказал Гаспар, не желая отвлекать внимание от своего спектакля. — Но сегодня, в честь дружбы между нашей империей и вашим... королевством, я хочу подарить тебе кое-что.

По щелчку его пальцев примчался слуга с чем-то длинным, завёрнутым в бархат насыщенного зелёного цвета.

Гаспар взял свёрток и, широко улыбаясь, передал его Тегану. Неохотно, понимая, что наступает на ловушку, но не зная, как этого избежать, посол развернул подарок.

Как и сообщила ей утром Бриала, внутри лежал меч. Ферелденской работы, предельно функциональный, но еле заметный орнамент вокруг рукояти и на гарде говорили о том, что меч принадлежал человеку благородного происхождения. Клинок выглядел изношенным, с зазубринами на лезвии и пятнами ржавчины.

— Великий герцог Гаспар!

Мишель встал между мечом и Селиной. Оружие никогда не должно попадать в главный зал — стражники при входе во дворец проверяли всех, чтобы убийца не пронёс оружие внутрь. Поэтому, отметила Селина, днём Гаспару пришлось немало потрудиться, чтобы тайно доставить этот свёрток и спрятать его в лабиринте изгородей.

— Спокойно, шевалье, — Гаспар взглянул на клинок. — Я бы скорее напал на кого-нибудь с кочергой, чем взял в руки эту вещь. Этот меч сняли с тела какой-то ферелденской благородной женщины, которая доставила немало неприятностей бедному Мегрену. Кажется, ее звали Мойра.

Его глаза искрились от смеха из-под его золото-зелёной маски.

— Слуги использовали его, чтобы убивать крыс в подвалах.

Теган застыл, смотря на меч в своих руках так, будто бы все собравшиеся исчезли. Зелёный бархат собрался вокруг его побелевших кулаков.

— Так этот меч принадлежал человеку благородного происхождения? — спросила Мельсендре, добавив ровно столько сомнения в голосе, сколько нужно было, чтобы толпа засмеялась над изношенным мечом, побуждая Тегана сказать что-либо, что Гаспар мог бы истолковать как оскорбление.

Приём был простой, но эффективный. Банна Тегана будут подначивать, пока он не скажет что-нибудь яростное. Тогда Мельсендре шокировано ахнет, чтобы даже недалёкие гости поняли, что им следует оскорбиться. И Селине придётся выбрать — велеть сэру Мишелю бросить вызов банну Тегану, чтобы защитить честь Орлея, или промолчать, позволяя Гаспару воспользоваться кодексом чести шевалье и бросить

вызов от себя лично. При любом исходе отношения между Орлеем и Ферелденом испортятся, и страны приблизятся к еще одной глупой войне.

Войне, в которой Гаспару не было равных.

Все это пронеслось в голове Селины, пока Гаспар продолжал поворачивать нож в нанесённой ране.

— Ну, она-то называла себя Мятежной королевой. Хотя больше походила на разбойницу или главаря наёмников. Думала, что могла выгнать нас из Ферелдена.

— И была права, — ответил Теган, так и не подняв взгляд на Гаспара. — Её сын Мэрик выгнал всех вас из нашей страны.

— Жаль, что Мойра не увидела этого, — сказал Гаспар, с улыбкой посмотрев по сторонам. — Возможно, если бы при ней был один из ваших огромных псов...

Некоторые рассмеялись. И этого было достаточно, чтобы довести Тегана. Селина увидела, как напряглись его плечи и его рот открылся, чтобы сказать именно то, чего хотел услышать Гаспар.

— Банн Теган, — позвала она. Она правила величайшей империей вот уже двадцать лет, и знала, каким тоном заставить толпу замолчать.

Ферелденский посол повернулся к ней, так и не закрыв рот.

Так как Селина и Гаспар играли в Игру достаточно долго, чтобы стать старыми добрыми врагами, она послала кузену мимолётную улыбку, перед тем шагнуть вперёд. Превосходная попытка, говорила ее улыбка, и, возможно, в следующий раз тебе и повезёт... Но не сегодня.

— Ваше Императорское Величество, — Банн Теган стоял наготове, жилы на его шее вздулись от напряжения.

— Я вижу по вашему выражению лица, что этот клинок пробудил в вас старые чувства. Орлей нанёс вам обиду смертью Мойры Тейрин, Мятежной королевы Ферелдена? Когда толпа дружно затаила дыхание, она спросила:

— Вы требуете сатисфакцию?

Теган посмотрел на клинок в своих руках, перевёл взгляд на Гаспара. И, наконец, ибо пусть он и не блистал в Игре, но не был дураком, посол посмотрел на саму Селину, оценивая её позицию, и тихо ответил:

— Да.

Толпа разразилась криками, и Селина улыбнулась. Гаспар закрыл глаза и покачал головой, понимая, что проиграл, в то время как его бард Мельсендре взглянула на него в замешательстве, не зная, как ей теперь управлять толпой.

Селина посмотрела на сэра Мишеля, слегка кивнула, и её рыцарь вытащил свой клинок. При виде отливающего голубым серебра, обнажённого в бальной зале, крики дворян мгновенно стихли.

— Тогда вы её получите, — ответила Селина ферелденскому послу. — Сэр Мишель?

— Ваше Великолепие? — отозвался Мишель, стоя наготове с обнажённым клинком и не сводя глаз с Банна Тегана.

— Нам бросили вызов, а вы мой рыцарь. Вы готовы защитить честь Орлея в дуэли между мужчинами благородных кровей?

Не колеблясь, сэр Мишель ответил:

— Нет, Ваше Великолепие. Вызов брошен нам, а посему нам выпадает обязанность выбрать оружие для дуэли. Мы не можем продолжать, пока этого не сделаем.

Селина выдержала паузу, нагнетая обстановку.

— Я понимаю. Я бы не хотела пятнать нашу всё ещё растущую дружбу кровью, пролитой в защиту прошлых разногласий, — она повернулась к Банну Тегану. — И посему, по праву, оружием для этой дуэли я выбираю... перья.

— Превосходно, Ваше Великолепие, — сказал сэр Мишель и без всякого колебания выдернул высокое жёлтое перо из маски.

Эта толпа аристократов была непостоянна, кровожадна и тщеславна, но прежде всего все они принадлежали ей. Как бы они ни желали скандала из-за кровавой дуэли, они восхищались остроумием. Когда сэр Мишель принял стойку опытного мечника, размахивая своим пером, толпа разразилась восторженным ликованием.

Банн Теган заметно расслабился, отбросил бархатный свёрток в сторону и облегчённо улыбнулся Селине:

— Ваше Великолепие, сожалею, но я не вооружён для дуэли такого рода. Вы могли заметить, что мой народ предпочитает перьям мех.

Он даже удостоился смеха толпы, когда поднял обшитые мехом рукава.

— Совершенно верно.

Селина перевела взгляд на Гаспара, нацепившего вежливую улыбку, которую при дворе использовали, чтобы не радовать врагов своей досадой.

— Кузен, своим первым подарком вы продемонстрировали свою щедрость по отношению к нашим кузенам в Ферлдене, — она подняла руку в благодарном жесте. — Не будете ли вы так любезны предложить еще один дар?

Гаспар моргнул и поклонился.

— Для меня нет большего удовольствия, — ответил он, и быстрым сдержанным движением руки отцепил перо от своей маски.

Потом он передал жёлтое перо, почётный знак легендарного ордена орлейских шевалье, только что оскорблённому им ферлденскому собачнику.

Пока сэр Мишель и Банн Теган парировали и наносили удары перьями под радостный смех толпы, Селина улыбнулась и попросила Мельсендре спеть что-нибудь праздничное.

***

Той ночью Бриала пробралась в покои Селины через потайную дверь, спрятанную за высоким зеркалом на стене.

После бала императрица приняла ванную — она часто так делала — и переделась в шёлковую сорочку насыщенного фиолетового цвета. Свечи на её столе едва хватало, чтобы освещать страницы, которые она читала, и большая часть комнаты освещалась лишь светом из окна — бледно-жёлтыми лучами холодной осенней луны и более тёплым оранжевым светом самого Вал-Руайо.

— Он заговорил? — спросила Селина, не оборачиваясь, продолжая сидеть за письменным столом.

Бриала улыбнулась императрице, чьи длинные светлые волосы были всё ещё влажными и струились по её спине, притягивая лунный свет.

— Да, хотя я не думаю, что это достойно вашего прерванного вечера. Ваш бывший капитан стражи уже признался, что тайно пронёс подарок Гаспара, и предаёт себя вашей милости.

— Оптимистичное решение с его стороны, — усмехнулась Селина и, положив писчее перо, повернулась к Бриале. Лицо Селины, не изменившееся с детства, было более изящной версией её маски — тонкие черты лица, нежная кожа и красные губы, обладающие от природы красивой изогнутой формой. — А кастелянша?

Бриала заколебалась, и Селина подбодрила её любопытствующей улыбкой. Наконец, Бриала сказала:

— Глупа и влюблена, но не предательница, — и, подумав о Дизирель и Рилен, которых могли высечь, не будь утка приготовлена так, как того требовала кастелянша, добавила: — Однако лёгкое наказание поможет ей перенести вызванное ею недовольство с честью и достоинством.

Селина с улыбкой встала.

— Конечно, — ответила она, подойдя ближе. — Учитывая нашу победу над Великим Герцогом Гаспаром, щедрость будет весьма кстати.

Пальцы Селина легко скользнули по шее Бриалы, и с негромким звуком маска эльфийки спала с ее лица.

— В конце концов, Бриа, — тихо сказала Селина, убрав маску в сторону, — нужно прощать ошибки, совершенные в безрассудстве любви.

Когда её неприкрытая щека коснулась щеки Селины, до Бриалы донеслись ароматы роз и жимолости, ароматы ванной императрицы, и холодная шёлковая сорочка скользнула меж пальцев Бриалы, падая и обнажая бледную кожу.

— Как вам будет угодно, Ваше Великолепие, — прошептала она, и свободной рукой погасила свечу.

Глава 2

Лемет шёл по освещенным факелами тущобам Халамширала, остерегаясь воров и людей. Он слышал, что в городах Ферелдена и, возможно, даже где-то в Орлее эльфов держали взаперти в тесных районах, называемых эльфинажами. Но здесь, в Долах, где эльфов было больше, чем людей, дело обстояло иначе: люди сами заперлись в Высоком квартале.

Он гадал, как обстояли дела в эльфинажах — может, раз эльфов мало, то люди не утруждаются посылать стражу в эльфийский район и там не избивают по ночам каждого встречного? Зачем устраивать регулярные побоища, когда эльфов слишком мало, чтобы чего-то опасаться? Может быть, эльфы содержали в чистоте все улицы своей части города, а не только те, что вели от ворот к Высокому кварталу?

Но, честно говоря, Лемет в этом сомневался.

— Ты поступил глупо, друг мой, — сказал Трен, пошатываясь на ходу.

— Да неужели, — вздохнул Лемет, оступившись на расшатанном булыжнике грязной мостовой. Они шли по району, где жили преимущественно эльфийские торговцы и ремесленники, и улицы здесь не ремонтировались годами.

— Ты мог бы провести приятный вечер с Жанетт вместо того, чтобы идти вместе со мной домой, — продолжил Трен. — Но тебе обязательно надо было её разозлить.

— Жанетт слишком много болтает, — отрезал Лемет и снова оглянулся. — О том, что давно погрязло в веках, о Долах.

— Это пьяная болтовня, Лемет. Никто не воспринимает её всерьёз, — Трен схватил Лемета за плечо, и оба эльфа заметили, что из переулка за ними наблюдают трое юнцов, держа руки на кинжалах. Трен и Лемет пошли по дальней стороне улицы, не оглядываясь, пока переулок не оказался позади.

— Жанетт слишком много думает об истории, — нарушил молчание Лемет, когда они снова оказались наедине, — это втянет её в неприятности.

— Как? В таверне были одни эльфы.

Трен поймал взгляд Лемета и закатил глаза.

— Ладно. Несколько плоскоухих, но ты знаешь, что я имею в виду. Ты подозреваешь Гистана и Тейла потому, что их матери были любезны с какими-то молодыми дворянчиками и заимели полукровок? Не похоже, что они живут в хорошей части города лишь потому, что выглядят как люди. Никто там не собирается рассказывать знати, что эльфы вспоминали, как когда-то правили этим городом.

— Да, я знаю, — сказал Лемет, останавливаясь, когда перед ними тенью в свете факелов перебежал улицу мальчик. Ему было не больше восьми, но, раз время было позднее, то наверняка он работал с ворами. В их сторону мальчик не оглянулся. — Но эти разговоры только злят народ. Наслушаются рассказней о славе Долов и о проклятых шемах, предавших нас, и каким-нибудь придуркам взбрѣдет в голову творить глупости.

— Например, спорить с аристократами, когда они отказываются платить за ремонт своих карет? — спросил Трен, посмеиваясь.

Лемет покраснел.

— Лорд Бенкур не заплатил за новую ось, а теперь хочет поправить передние колеса. Его человек сказал, что он за все заплатит, как только я закончу.

— Хорошо, наверное, было быть лордом в старые времена, да? — спросил Трен. — Только представь себе: приказываешь своему слуге отвезти карету в трущобы к какому-нибудь нищему человеку, и говоришь тому, что расплатишься, когда сможешь, а?

— Тогда не было людей, — заметил Лемет. — Целый город эльфов...

Он остановился.

— Ты слышал?

Трен быстро оглянулся.

— Лошади.

Приятель двинулся к ближайшей аллее. Ни один торговец не был настолько глуп, чтобы показаться со своей повозкой на этих улицах после наступления темноты, а это означало, что повозка, которую везли лошади, принадлежала кому-то из людей.

Каждый эльф в Халамширале знал — когда люди приезжают в трущобы, лучше не попадаться им на глаза.

— Ты же не думаешь, что кто-то из таверны проговорился? — прошептал Трен. Стук копыт и колѣс по булыжной мостовой становился все громче.

— Кое-кто совсем недавно говорил, что там были только эльфы, — Лемет сердито посмотрел на друга и, шурясь в темноте, снова перевёл взгляд на аллею. Это был тупик, образованный горами мусора и высокой стеной, возникшей, когда кто-то попытался расширить свой магазин.

— Просто не высовывайся, — пробормотал Трен, спрятавшись за бочками. Лемет упал ничком, стараясь не обращать внимания на грязь — по крайней мере он надеялся, что это была грязь — которая просачивалась сквозь тунику. Они молча ждали, пока людская повозка ехала вниз по улице.

Оказавшаяся в их поле зрения карета была недавно выкрашена — золотые узоры ослепительно сверкали на белом фоне, а маленькие фонарики по обе стороны сиденья кучера разгоняли тени. Сам кучер был крупным мужчиной, к его кожаному жилету были пришиты ножны для кинжалов, а по обе стороны кареты на

подножках стояли вооружённые стражники. Лемет не видел, что за знатная особа была внутри — красная бархатная занавеска скрывала все внутри кареты, виднелась лишь золотая полоска света. Лошади были одинаковыми — обе с идеальной золотистой шёрсткой и белой гривой.

Когда карета, громкий стук колёс которой нарушал абсолютную тишину улицы, проехала мимо, Лемет облегчённо выдохнул.

В то же мгновение из темноты вылетел камень и громко ударился о доспехи одного из стражников.

Трен, который уже начал было вставать, быстро опустился обратно, а стражник, выругавшись, ударил по стенке кареты. Лемет посмотрел в сторону аллеи на другой стороне улицы, откуда вылетел камень.

В следующий миг он заметил эльфа-мальчишку, прячущегося в тенях с ещё одним камнем наготове.

Лицо мальчишки было искажено гневом, а его вторая рука сжата в кулак.

Значит, связался с ворами не по своей воле, подумал Лемет, вставая. Когда у тебя нет семьи, которая бы о тебе заботилась, вору — возможно, единственное, что отделяет тебя от медленной смерти зимой.

Лошади громко заржали, и карета остановилась.

Пригнувшись, Лемет побежал на противоположную сторону улицы, игнорируя тихий оклик Трена. Он схватил мальчишку за плечо, мешая ему тем самым повторить бросок. Тот развернулся и попытался ударить юношу. Лемет схватил его за запястье.

— Они убили мою маму, — сказал мальчишка, пытаясь освободить руку из хватки Лемета.

— Тихо, — Лемет перевёл взгляд на карету, услышав как скрипнули её крепления, когда стражники прыгнули на землю. Про себя Лемет заметил, что кучеру следовало бы их смазать.

— Они не имеют права ходить по этой улице, после того, что они с ней сделали, — упорствовал мальчик. — Не имеют права!

— Тихо! — Лемет потащил мальчишку вглубь переулка. Тот поскользнулся на грязи и шлёпнулся на землю. Его большие глаза расширились от страха, и Лемет наклонился, чтобы помочь ему. Этот переулок не заканчивался тупиком, и если они побегут...

С сокрушительной силой нечто ударило Лемета о стену, и он повалился наземь. Получив жестокий удар по рёбрам, он перевернулся и встретил взгляд обзлённого стражника, но не того, в кого попал камень.

— Ты нашёл этих ублюдков? — спросил чей-то ленивый голос со стороны кареты.

Стражник посмотрел на Лемета, одетого в грязную, но ещё пригодную рабочую одежду, потом на мальчишку, одетого в украденные отрепья и всё ещё сжимавшего камень в руках.

Рёбра Лемет горели от боли, и он чувствовал, как по лицу струится кровь от удара об стену.

Стражник направился к мальчишке.

Лемет схватил его за ногу.

— Сколько их там? — снова спросили со стороны кареты.

Стражник сурово посмотрел на мальчишку, затем на Лемета, и едва заметно кивнул.

— Только один, лорд Мансерай, — ответил он и вытащил Лемета на улицу.

Стражник, в которого попал камень, направился к ним с мечом наголо. Лемет закрыл глаза, благодаря Создателя за то, что среди людей всё-таки есть кто-то достойный.

* * *

Проснувшись в объятиях Бриалы, Селина наблюдала, как лучи осеннего солнца не спеша проникали в её комнату.

Она помнила, как, будучи ребёнком, спала дольше, восстанавливая силы после утомительных бардовских тренировок или затянувшейся светской вечеринки. Тогда она, свернувшись под одеялами, мягкими, словно облака, просыпалась от ярких солнечных лучей Вал Руайо, пробивающихся в окна, и могла позволить себе медленно сменить уют сновидений на восторженное ожидание новых событий дня наступившего.

Это было до того, как на неё пала ответственность за весь Орлей.

Теперь она читала отчёты и изучала документы при свете ночников, пока голова не начинала пульсировать от боли, и было слишком поздно, чтобы выпить еще чашку чая. Она падала на постель и крепко закрывала глаза, пытаясь успокоить разум, чтобы он перестал скакать от проблемы к проблеме, словно собака, гоняющаяся за крысами в винном погребе. Она просыпалась задолго до рассвета с отчего-то беспокоящимся сердцем и боролась со страхами до тех пор, пока ей в голову не приходила идея, которая стоила бы того, чтобы встать с постели и записать её.

Лишь когда Бриала спала подле неё, разум Селины давал своей хозяйке отдохнуть.

Её любовница тихо сопела во сне, и Селина неосознанно провела рукой по ее волосам. Чёрные кудри эльфийки, сероватые в предрассветных лучах, приобрели тёплый каштановый оттенок, как только солнце осветило комнату.

Грязно-коричневые, так назвала их Селина, когда Бриала прислуживала ей, будучи ещё маленькой девочкой. Цвета лошадиного навоза, всего лишь безобразная тень золотистых локонов Селины. Когда-то они были детьми, и Селина еще не знала ценность настоящего друга, которому можно доверять, и который не был соперником в Игре.

Селина перевела взгляд на шею Бриалы, туда, где пульсировала жилка. Кожа эльфийки была темнее, чем у неё, хоть она и проводила большую часть времени в помещении, и вокруг её глаз не было следов загара. Бриала старалась не замечать этого, но Селина знала, что ее любовница втайне стыдится своей кожи. Не ушей, которые выдавали в ней эльфийку, даже когда она была в маске, не своих чудесных глаз, а своей усыпанной симпатичными веснушками загорелой кожи.

Селина провела пальцем по руке Бриалы, улыбнувшись, когда эльфийка проснулась.

— Могла бы сказать, что не можешь уснуть, — промолвила Бриала.

— Ты заслужила отдых, — ответила Селина, улыбаясь, и поцеловала ее в щеку.

— Что ещё было на балу? — потягиваясь, спросила Бриала. Она выскользнула из постели и направилась к небольшому шкафчику, где, наполнившись водой за ночь, стоял зачарованный чайник Селины.

Селина улыбнулась.

— Думаю, самое интересное ты видела, — она начала искать свои вещи и, когда Бриала кинула их ей свободной рукой, продолжая заваривать чай, поймала их. — Банн Теган прислал письмо с искренней благодарностью, он пишет, что возвращается в Ферелден, пока ещё чего-нибудь не случилось. Маркиз де Монтсиммар хочет денег, чтобы нанять наёмников для оказания помощи храмовникам в поисках отступников, сбежавших из Круга. Эта проблема стала только хуже после событий в Киркволле. И, конечно, граф Шанталь из Велуна продолжает верить, что императрице Орлея следует связать с ним свою судьбу, поскольку озеро Целестин — это невообразимо райское место.

Бриала рассмеялась. Шанталь был вежлив, честен, и уже несколько лет неуклюже ухаживал за Селиной.

— Кто-нибудь ещё? — она налила чай и передала Селине чашку и блюдце.

Селина сделала свой первый за это утро глоток, и вкус пряностей снял толику напряжения в её голове. Она улыбнулась, вдохнула аромат чая, и опустила чашку на блюдце, чтобы накинуть на плечи пеньюар.

— Спасибо.

Бриала покачала головой и улыбнулась.

— Это, можно сказать, в моих собственных интересах, Ваше Величество. Я знаю, какая ты бываешь, если утром не выпьешь чашечку чая.

Селина возмущенно фыркнула, затем взяла свои чашку с блюдцем и сделала ещё глоток.

— Есть новости из Лида, — сказала она через мгновение, отвечая наконец на вопрос Бриалы.

— Герцог Ремаш? — Бриала перестала рассматривать наряды в гардеробе и широко распахнутыми глазами посмотрела на Селину.

— Незадолго до того, как ты и сэра Мишель разнесли дорогого Гаспара в пух и прах, Ремаш громко заявил, что великий герцог – бескультурный и невоспитанный выродок. Он сказал, что Гаспара не пригласят на зимнюю охоту в этом году, и если я соглашусь с его прошением, Гаспар не попадёт и на охоту в Вал Фирмине.

Слушая Селину, Бриала готовила её наряд на день, выбирая украшения и аксессуары, которые подойдут ей на запланированных мероприятиях.

— Намного более щедрое предложение, чем в прошлый раз. Если Ремаш убедит этих дам и господ, Гаспару будет некого звать на войну с Ферелденом.

— И лишиться твоих ночных визитов? — с улыбкой спросила Селина. — По-моему, цена слишком высока.

Бриала усмехнулась.

— Вряд ли ты станешь первой правительницей, которая будет принимать ночные визиты от кого-то, кроме супруга, — однако она не смотрела в глаза Селине, когда говорила это. — И если выйти замуж за правителя Ферелдена больше не вариант...

— Боюсь, что нет, — когда-то в юности Селина надеялась свадьбой достичь того, чего Мегрен и его мабари не смогли добиться силой. С добровольной поддержкой Ферелдена Орлей смог бы отразить агрессию Неварры и даже выиграть передышку для Тевинтера.

К сожалению, король Кайлан уже был женат. Учитывая, сколько крови пролилось, пока на трон Ферелдена не взойшёл новый король — и сколько Ферелдену предстоит ещё восстановить после последнего Мора — любые неприкрытые действия Орлея будут восприняты как атака.

Конечно, она могла бы выйти замуж за другого ферелденского аристократа, но это привело бы к прямо противоположной проблеме. Подобно Гаспару, настроенные агрессивно аристократы схватились бы за оружие, даже если бы Селина вышла замуж за короля Ферелдена, негодуя от того, что императрица величайшего народа унизилась до брака с королём собачников, предпочтя его одному из них. Выйди она за кого-то рангом ниже, негодующих стало бы больше в разы.

И в глубине души Селина была с ними согласна.

— Это стоит обдумать, — сказала Бриала, перебивая ход мыслей Селины. Та бросила на неё взгляд и увидела, что Бриала наливает ей вторую чашку, не поднимая глаз.

— Не стоит, — Селина положила руку на плечо Бриалы и нежно приподняла её подбородок, чтобы прекрасные глаза любовницы встретились с её собственными. — Если я привяжу себя к какому-нибудь лорду, то не ради хороших охотничьих угодий Девонских низин.

Возможно, это было эгоистично. Возможно, это даже было ошибкой в Игре. Но Селина уже слишком многим пожертвовала в своей жизни ради Орлея... как и Бриала.

Взгляд Бриалы преисполнился нежности.

— Ваше Величество.

— А теперь скажи, чего мне ждать этим утром от министра по торговле.

— Он будет просить об одобрении изменений законов о налогах на торговлю по всей территории Долов, — говоря это, Бриала развернула Селину и сняла с нее одежду. — В последнее время с выручкой там плоховато, и он предложит небольшое повышение налога с каждой повозки.

— Но? — спросила Селина, вздыхая, когда пальцы Бриалы стали растирать её спину, прогоняя напряжение, уже появившееся в ожидании целого дня в узком корсете.

— Он нападает на эльфов-торговцев, — ловкие пальцы Бриалы прошли по плечам Селины, затем по её спине, и императрица немного подалась назад, ближе к своей возлюбленной. — Ну, на самом деле, на любого торговца, что не так богат. Они используют караваны из небольших повозок, тогда как торговцы с поддержкой знати используют те, что побольше. Увеличение налога на повозку вряд ли вообще заденет знать, но многих торговцев победнее он просто задавит.

— А если увеличить налог на каждый стоун груза? — спросила Селина. — Будет отличаться для грузов разного веса и более равномерно повлияет и на богатых, и на бедных.

— Я должна проверить цифры, но это может принести доходы и казне, — ответила Бриала, продолжая массировать спину Селины.

— Спасибо.

Селина взглянула в окно. Солнце поднялось над горизонтом, и комната была полна дневного света. Она неохотно накинута пеньюар обратно на плечи и отошла от Бриалы и её успокаивающих пальцев.

— Я хочу, чтобы ты выяснила, как сегодня поживает Гаспар. Если у капитана стражи больше нет информации, возможно, нам придется заполучить его барда.

— Формально она по-прежнему бард Гаспара, — ответила Бриала. — Мои люди потеряли её след. Я приказала отыскать её, но орлесианского барда сложно найти, если она этого не хочет.

Селина улыбнулась.

— Так оно и есть. Как думаешь, сапфировая шпилька или тиара из антиванских бриллиантов?

Нахмутив брови, Бриала подержала в руках оба украшения и окинула Селину критическим взглядом.

— Сапфир идёт тебе больше, но для встречи с торговцами... Бриллианты из Антивы напомнят им о нашей торговле.

Селина думала также.

— Тогда принесём в жертву мой стиль во имя уместности и символичности.

Бриала шагнула к ней и нежно её поцеловала.

— Вы просто великомученица, Ваше Великолепие.

Затем она взяла свою маску, лежавшую на туалетном столике, направилась к зеркалу, за которым был спрятан проход в ее комнату, и скрылась за ним.

Селина поднесла чашку к губам и глубоко вдохнула аромат чая. Покончив со второй чашкой, она позовет слуг, и Бриала вместе с ними начнёт одевать её, причёсывать волосы, наносить ей макияж.

И никто из них, кроме Бриалы, не будет знать о её первой чашке чая этим утром, о коротких украденных мгновениях с женщиной, рядом с которой она могла спать спокойно.

***

Гаспар ответил на поклон графа Шантале из Велуна и пригласил того сесть. Маркиз де Монтсиммар уже сидел внутри и потягивал свой бренди.

Они находились в курительной комнате дома Гаспара в Вал Руайо. Бордовые стены и изящные столы из железного дерева были украшены трофеями с охоты и сражений.

В одном углу рядом с огромным мечом порождения тьмы висела голова оскалившегося оборотня, а на столе перед ними в изысканной хрустальной вазе красовалась роза, вырезанная из цельного куска янтаря — напоминание о победе на одном из турниров в те дни, когда Гаспар был помоложе.

Гаспар махнул рукой слуге, который встретил Шантале, и тот спешно скрылся, закрыв за собой дверь.

— Не желаете бокальчик? — спросил Гаспар, и Шанталь вздрогнул, отчего неуместные нити черного жемчуга на его маске жалобно зазвенели.

— Боюсь, что если я проведу слишком много времени в поисках дна своего бокала, то не смогу долго сидеть в седле, — Шанталь, как и Гаспар с Монтсиммаром, был одет для прогулки верхом, а не в обычный для знати наряд. Позже днём должна была состояться охота, на которую императрица пригласила аристократов Вал Руайо.

— Что же это? — со смехом спросил Монтсиммар. Это был крупный человек, прекрасный воин в молодости, хотя после того, как одна грубая ошибка в крупном сражении навсегда ослабила его левую руку и заставила его бросить фехтование, он немного разжирел. Тем не менее, он продолжал носить высокое жёлтое перо, знак шевалье, прикрепленное к лириумной маске. — Не можешь удержать свой брэнди, Шанталь? Да и чем еще заняться в Велуне, кроме выпивки?

Шанталь напрягся, и Гаспар примирительно поднял руку.

— Спокойно, господа. Монтсиммар, не валяйте дурака.

Монтсиммар усмехнулся, поднял бокал и сделал большой глоток.

— Итак, Шанталь. Что вы думаете об этом представлении прошлым вечером?

Шанталь опустил в огромное мягкое кресло, и идиотские жемчужины на его маске снова забренчали.

— Я нахожу это тревожным, милорд, — он кивнул Гаспару. — Вижу, вы вернули себе перо.

— О, у нас их десятки, — усмехнулся Монтсиммар. — Они постоянно ломаются и пачкаются, и это если носить их только на балах. Если же в период турниров вам не приходится менять их после каждого раунда, считайте, что вы счастливчик.

— Но, — перебил его Гаспар, указывая на новое перо, прикреплённое к маске, — суть дела от этого не меняется. Вместо того, чтобы ответить на требование сатисфакции благородной дуэлью, Селина решила оказать милость ферелденцу.

— Используя символ шевалье, как игрушку, — сказал Монтсиммар без каких-либо следов бывшего веселья на лице. — Точно так же можно кидать туда-сюда императорскую корону.

— Как вы прекрасно знаете, я не шевалье, — начал Шанталь, и Гаспар подумал, что этого можно было и не говорить. Чопорный и тощий граф Велуна, скорее всего, ни разу не пролил крови в битве. Однако, Гаспар

убедился в благородности его помыслов, когда Шанталь добавил: — Но и я люблю Орлей. Мой отец умер, сражаясь в Ферелдене. И мне претит то, что его жертва может стать сиюминутной забавой в руках императрицы.

— Не вам одному, — Гаспар одарил Шанталь улыбкой, которую он использовал на турнирах, ту самую, которая заставляла соперников задуматься — что же такого знает он, чего не знают они. — И таких, как мы, много — мужчин, готовых спасти Орлей от женщины, которая подарит его нашим врагам с поцелуем в придачу, да ещё помашет платочком на прощанье.

Шантраль замер.

— Вы говорите об измене, милорд.

— Я говорю о благе нашей империи, Шанталь, — Гаспар подавил вздох. Его гость явно знал о цели этой встречи, но ломался, как хрупкая барышня, и нужно было ему подыграть. — Селина правит уже двадцать лет, но отказывается выйти замуж, даже несмотря на то, что империи нужны сила и стабильность. Она флиртует с Ферелденом и играет с вами, в то время как наши маги и храмовники смотрят на происходящее в Вольной Марке и заражаются опасными идеями. Она ничего не делает, — он допил свой бренди одним большим глотком, резко выдохнув, когда напиток обжёг его горло. — И этим смертельным бездействием она сама совершила измену.

Наступило продолжительное молчание. Монтсиммар бегло взглянул на Гаспара, и тот едва заметно покачал головой. Это был просчитанный риск. Даже если Шанталь откажется присоединиться, то его вполне можно будет убедить молчать каким-нибудь мягким жестом. И, будучи шевалье, Гаспар никогда не опустился бы до того, чтобы зарезать человека посреди курительной комнаты.

— Думаю, — ответил Шанталь. — Я всё-таки выпью того бренди.

— Вот и молодец, — Монтсиммар наполнил ещё один бокал и передал его Шанталю, который взял его дрожащими пальцами.

Гаспар улыбнулся. Возможно, Селине показалось, что прошлой ночью она выиграла схватку, и, возможно, в глазах светских модников и щёголей так оно и было. Но Орлей не нуждался в этих людях в предстоящей войне.

— Я намерен подойти к ней сегодня на охоте, — сказал Гаспар. — И предложить свою руку. Возможно, она наконец передумает, и всё это останется лишь праздной болтовней мужчин за бокалом бренди.

— Вам будет сложно донести до неё свою точку зрения перед собравшимися лордами, — сказал Монтсиммар, наливая себе из графина второй раз, — тем более в присутствии её проклятого защитника.

— Я отыщу способ поговорить с ней лично, — усмехнулся Гаспар. — А что касается её защитника, то, полагаю, сегодня о нём позаботятся.

***

С тех пор, как сэр Мишель в последний раз трясся от ужаса, прошли многие годы, но он испытал ужас вновь, когда увидел записку на кровати в своих покоях. Это было внезапное чувство четкого осознания происходящего, будто стянуло кожу на лице, и от чувства этого разом заныли все зубы.

Сэр Мишель де Шевин прочёл сложенную записку. Первые два слова были написаны изящным и чётким почерком, но в "де Шевин" буквы были кривыми и небрежными. Обыватель мог бы подумать, что рука посылавшего записку соскользнула, или у него или неё сломалось перо.

Мишель открыл письмо. В нём были указаны лишь время и место и больше ничего. Подписи не было.

Будучи защитником Селины, Мишель знал распорядок её дня наизусть.

Этим утром она должна была встретиться с министрами по торговле; обычная встреча, которая не предполагала его присутствия. Однако в полдень должна была состояться охота, на которую были приглашены те аристократы, что остались в Вал Руайо после бала. В полдень Мишель должен был быть подле неё — того требовали правила и знание того, что слишком часто титулы меняли хозяев в результате "несчастных случаев на охоте". Мишель предположил, что если сделать встречу короткой, то он вернётся вовремя.

Защитник императрицы был фигурой, занимавшей место на самой границе светского общества. Несмотря на имя "де Шевин" и благородное происхождение, о котором оно говорило, Мишелю полагалось отринуть все личные устремления и быть преданным лишь императрице и кодексу шевалье. Хотя его клятва состояла в том, чтобы защищать Селину от убийц и драться от её имени на всех дуэлях, он был столь же поверенным, сколько телохранителем; посвященный в тысячу секретов, он должен был быть её глазами и ушами там, где её не было. В любой схватке, в любом обществе он был воплощением самой императрицы, точно также как Великий Герцог Гаспар, находясь в Тевинтере или Ферелдене, был живым символом могущества Орлея.

Хотя Гаспар не оценил бы аналогию в данный момент, признался себе Мишель.

Он оделся для прогулки верхом. Куртка была укреплена стальными вставками вдоль рукавов, и точно такие же пластины спускались по бокам бриджей. Пусть этот костюм не защищал его так, как полный доспех, но в нём было легко двигаться, и это давало некоторое преимущество. Сегодня он не мог надеть доспехи. Сегодня он никого и ничего не воплощал.

Он шёл в маске, пока не покинул пределы дворца, незаметно воспользовавшись дверью для слуг, и затем убрал её во внутренний карман куртки. Гуляя по Вал Руайо без своей маски, он был всего лишь еще одним человеком. Он мог с одинаковым успехом быть и сыном купца, и солдатом в отпуске.

Хоть Мишель и не торопился, тревога подстёгивала его, и шёл он как мог быстро. Вскоре он покинул пределы богатого района возле дворца. Слева от него под одной из башен показалась зелёная линия. Несколько минут спустя она превратилась в парк, расположенный на низком холме, видимый почти отовсюду в городе. Башня на вершине холма оказалась центром маленькой крепости — Академии шевалье.

До Академии можно было добраться по узкой дорожке, которая шла через парк. Согласно древней традиции, по лужайке парка могли ходить только шевалье и ученики, использовавшие парк для тренировок.

Одна такая группа расположилась сейчас перед Мишелем: десяток юношей — и одна или две девушки — пытались взобраться на деревья в громоздких тренировочных доспехах. Кряхтя от напряжения, они взбирались на самые высокие ветки, хватали яркий кусок ткани, а потом спускались вниз, подгоняемые громкими окриками своего тренера. Как только их ноги касались земли, им в руки пихали утяжелённые меч и щит, и инструкторы начинали нападать на них с обмотанными тканью дубинками. Мишель вспомнил, как лёгкие горели от боли, измождённые руки болтались ветками на ветру, когда он пытался удержать щит. Когда упражнение заканчивалось, инструкторы хватали тряпки и закидывали их обратно на деревья, — и все начиналось заново. Мишель подавил усмешку, когда один из учеников поскользнулся и повалился на наземь. Судя по выражению лица тренера, парнишке предстояло несколько дополнительных раундов.

Годы, проведённые в Академии, были лучшими в его жизни. Он поступил туда, имея не более, чем рекомендательное письмо от графа Ги де Монфора, подтверждающим его происхождение, и кошелёк, полный золота в оплату за его обучение. Он упражнялся от рассвета и до заката, учась как стоять, как дышать, как заставить тело двигаться, даже когда мышцы больше не слушаются. Он научился владеть двуручником, мечом и щитом, парными длинным и коротким клинками. Он научился, как заставить натренированного боевого коня двигаться так, словно ноги животного были его ногами, и как сражаться на необученном коне и при этом не расстаться с жизнью. Он дрался в пластинчатых латах, кожаном доспехе и кольчуге, научившись при этом инстинктивно использовать каждый из видов брони себе на пользу.

И он узнал о гордой истории ордена шевалье. Он научился ценить долг и доблесть в сражении выше своей жизни. Он научился подставлять свой щит, чтобы блокировать удар, предназначенный товарищу, принимать свою смерть, как неизбежный исход жизни, прожитой в погоне за честью.

Когда испытания в Академии закончились, его и других выпускников отвели в город. Их разлучили с дворцом, с книгами по истории, со сказками о доблести. В каретах их повезли в трущобы после наступления темноты.

— Ваши тела прошли испытания и доказали свою силу, — сказали им наставники. — Ваши умы прошли испытания и доказали свою проницательность.

Наставники пустили по кругу бурдюк с крепким вином, вытолкнули выпускников из кареты, и сказали: "Теперь проверьте на прочность ваши мечи. В этом году эльфы с этих улиц трижды нанесли увечье орлейскому лорду, и один раз — леди. Идите, и вершите правосудие шевалье Орлея."

Мишель знал, что скорее всего эта история была ложью, и даже если нет, то учителя никак не могли знать, какие именно эльфы совершили преступление. А еще он знал, что поиск истины не был целью этого испытания. В ту ночь он выпил вино и проверил свой клинок.

Сэр Мишель де Шевин никогда не оглядывался назад.

Он отвернулся от Академии шевалье и направился в трущобы.

Вскоре он вошёл в таверну, о которой говорилось в записке. Это была убогая дыра, и несмотря на раннее время суток, люд в таверне состоял из пьянчуг и воров, которым было больше некуда идти.

Мельсендре, темноволосая бард со вчерашнего вечернего банкета, сидела одна за ветхим столом.

Сегодня на ней были кожаные одежды взамен её вчерашнего платья, и вместо лютни при ней был набор ножей. Она улыбнулась при появлении Мишеля.

— Сэр Мишель, — промолвила она медовым голосом, полным веселья. — Вы сделали честь этой таверне своим покровительством.

Он сел.

— Почему я здесь?

— Возможно, я хотела, чтобы вы вспомнили детство, — ответила она со сладкой улыбкой. Пальцы Мишеля схватили краешек стола так сильно, что старое дерево закрипело. — А, понятно, у шевалье не развито чувство юмора. Мне постоянно приходится учить и переучивать урок каждый раз, когда я имею с ними дело. Таковы опасности, когда приходится зарабатывать умом, знаете ли. И раз уж я об этом заговорила, — добавила она, — интересно, обрадуются ли они, когда узнают, что в благородном происхождении одного из их воспитанников есть сомнения. Как думаете, сэр Мишель?

— Думаешь, ты первая, кто хочет скомпрометировать меня тем, что я прихожусь дальним родственникам де Шевинам и что происхожу из увядшего рода? — в ответ на гневный взгляд Мишеля бард лишь приподняла одну из аккуратных ухоженных бровей, и он продолжил твёрдым и уверенным голосом: — Сомневаться в моем происхождении — значит сомневаться в моей чести, певичка. После нелепицы официального расследования я буду оправдан, а вот тебя почти точно казнят на это оскорбление.

Мельсендре ничего не ответила.

Попытка стоила того. Мишель смягчил тон.

— Все же это стало бы поводом для путаницы, и я не заинтересован в твоей смерти. Чего ты хочешь? Не думаю, что ты позвала бы меня сюда, не будь у меня того, чего ты хочешь.

Бард усмехнулась и щёлкнула пальчиками. Все мужчины в таверне за спиной Мишеля обнажили клинки.

— Сэр Мишель, вы уже всё принесли.

Глава 3

Мишель прислушался. Позади него раздался металлический скрежет покидающих ножны клинков.

— Шестеро? — спросил он барда.

Она усмехнулась.

— Семеро, но разве это имеет значение?

Мишель развернулся, метнул стул в стоявших позади него мужчин, и пошёл в атаку.

Его меч — не тот, что он носил на светских вечерах, а длинный меч из красной стали, достаточно хороший для использования и достаточно простой, чтобы не привлекать внимания — выскользнул из ножен и очутился в горле ближайшего мужчины в безупречно выполненном приёме "Дуэлянт Ловит Яблоко".

Никто из противников ещё даже не шелохнулся, и когда раздался удивлённый вопль, Мишель толкнул умирающего на одного из его товарищей и безукоризненно точным ударом "Второй Щит" проткнул второго противника прямо сквозь тело первого. Когда Мишель вытащил меч, оба мужчины упали замертво.

Осталось пятеро из семи. Мельсендре достала кинжал, но держалась в стороне от драки.

Оставшиеся противники ринулись на него, и Мишель нырнул в их гущу. Одним широким размахом он отразил большинство ударов справа, принял один удар слева на укреплённый рукав куртки и вырвался из круга, когда они постарались прижать его.

Второго клинка у него не было, поэтому большинство приёмов типа "Медведь Молотит Волков" не подходили. Он пнул поваленный стул влево, чтобы замедлить противников, потом ушёл вправо, и, держа меч обеими руками, с силой рубанул колени ближайшего врага. Мужчина спереди попытался заблокировать его удар, но Мишель, сменив направление движения меча, нанёс удар снизу, оставив противнику неглубокий, но уродливый порез на лице.

Четыре. Мельсендре нервно поглядывала на него, стоя так, чтобы её и Мишеля разделял стол.

Мишель сделал выпад влево, отведя удар, который успел лишь услышать, и, шагнув вперед, ударил оппонента в лицо эфесом клинка. Противник был слишком близко, чтобы можно было вонзить в него меч, и Мишель ударил мимо него; ещё один грязный манёвр "Второго Щита" застал врасплох того, что был сзади, и закончился раной в его колене. Зарывав, Мишель ринулся вперёд и откинул обоих врагов назад. Они ударились о стол и упали, и Мишель, отступив на шаг, покончил с ними, нанеся один за другим два удара.

Три и два. Краем глаза он увидел, как Мельсендре стала подбираться к двери.

Он повернулся недостаточно быстро, и его бок пронзила жгучая боль от удара противника, оставшегося у него за спиной. Он поморщился от боли, отклонил второй удар, рубанул по запястьям нападавшего, затем ударом крест-накрест располосовал ему горло.

Остался один. Бард.

Мишель ринулся сквозь таверну к дверям наружу, отчаянно пытаясь найти её, пока она окончательно не скрылась в рыночной толпе.

Краем глаза Мишель уловил какое-то движение — в него что-то бросили. Он развернулся и полоснул мечом.

Это был тоненький тряпичный мешочек, разорвавшийся при ударе и обдавший лицо Мишеля облаком зелёной пыли.

Он попятился, кашля и задыхаясь от боли, обжигающей глаза и горло. Слеплённый, лишённый возможности дышать, Мишель больше всего на свете желал свернуться калачиком на земле, но годы тренировок заставляли его стоять в защитной стойке с клинком в руках.

Это не помогло. Что-то тупое ударило его по затылку.

Мишель ударился оземь. Его последней мыслью было то, как сильно его учителя были бы им недовольны, ведь он забыл, что барда нужно было убить первой.

* * *

Селина была сильно разочарована, когда её защитник не явился вовремя на дневную охотничью прогулку в ухоженных лесах за пределами Вал Руайо. Вчера она одержала победу, и было жизненно важно не упускать этот момент и держать Гаспара в повиновении хотя бы несколько недель, необходимых Верховной Жрице Джустинии, чтобы подготовиться и перейти к решительным действиям от имени Церкви по отношению к растущей вражде между храмовниками и магами. Охота дала бы ей возможность выявить ещё не определившихся аристократов и подтолкнуть их в нужном направлении, показав дворянам, поддержавшим Гаспара, что действия, направленные против неё, будут иметь неприятные последствия.

Сэр Мишель был воплощением пунктуальности и ответственности. Он не оставил сообщения. Значит, его отсутствие не было намеренным.

Селина отправила Бриалу на его поиски. Затем, так как отмена охоты была бы проявлением слабости, она приказала привести свою сияющую белую кобылу, привела в порядок ездовую юбку и отправилась в бой.

Около десятка лордов и леди, которые ехали верхом, плюс их слуги, охранники Селины (которых хватило бы, чтобы обеспечить её безопасность, пусть и в отсутствие её защитника), да охотники, занятые мелкими заботами, о которых дворяне сами думать не хотели. Пока они ехали в лес — аккуратно посаженные деревья, в количестве достаточном, чтобы можно было устроить хорошую охоту и чтобы не представлять опасность для неопытного ездока — все вокруг Селины шумели. В воздухе смешались грубые приказы слуг своим подчинённым, беседа и смех аристократов, лай гончих. Аристократы были одеты в наряды для верховой езды или в кожу, и все это подчёркивалось серебром, золотом и ленточками, что подбирались под цвет масок владельцев.

Сзади плелись слуги, всегда готовые в мгновение ока оказаться рядом с больше заинтересованным в еде, чем охоте, всадником с бокалом разбавленного вина или насаженными на шампур кусочками мяса, сыра и вымоченных в вине фруктов.

Селина хранила ледяное молчание, вежливо и холодно улыбаясь. В тревоге приказав найти Мишеля, она забыла выпить чаю перед отбытием, и теперь из-за этого её мысли путались.

Великий Герцог Гаспар занял место сэра Мишеля и ехал подле нее.

— Вы не взяли лук и стрелы, Гаспар? — громко спросил маркиз де Монтсиммар, подъехав вплотную к ним на своем жеребце.

Гаспар обернулся.

— Нет, — сказал он. — Я не хотел бы испугать кого-то благородного происхождения видом крови.

— Тогда что же вы будете пить, кузен? — спросила Селина, не глядя на него.

Гаспар усмехнулся.

— Без лука и стрел никого не сразить, — произнёс лорд Шанталь. Он был взволнован и беспокойно сидел в седле.

— Если надо, — всё ещё улыбаясь, ответил Гаспар. — Я воспользуюсь пером.

Все гости затихли.

— Не самое сильное ваше оружие, — заметила Селина. — Учитывая, как быстро вас обезоружили прошлым вечером.

Собравшиеся рассмеялись, но смех был нервным; не такой должна была быть реакция толпы, поддерживающей её. Возможно ли, что она переоценила вчерашнюю победу?

Далеко впереди залаяли псы, пустившиеся в погоню за добычей. Селина повернулась к группе.

— Начнём же!

Кивнув своим стражникам, она подстегнула лошадь и понеслась в лес.

Собравшиеся были удивлены — обычно охоты Селины напоминали увеселительные прогулки, во время которых гости просто скакали по лесу, пока не находили какое-либо затравленное гончими животное, чтобы добить его стрелами или клинками. Однако пикировка с Гаспаром пошатнула Селину, и ей нужна была передышка, чтобы собраться с силами для следующего раунда. Ее лошадь неслась мимо деревьев, быстро отдаляясь от остальных. Всадники рассыпались по лесу, каждый старался первым добраться до преследуемого зверя.

Но стук копыт позади нее развеял эту иллюзию. Приближался крупный конь с опытным всадником, и, предпочтя не создавать иллюзию бегства, Селина замедлила ход лошади до рыси. Спустя мгновение с ней поравнялся Гаспар.

— Ваше Императорское Величество.

— Кузен.

Все остальные дворяне отделились на приличное расстояние, и пара в одиночестве ехала по ровной и ухоженной тропе.

— В любом случае, приносить лук и стрелы было бы пустым делом, — сказал Гаспар спустя некоторое время.

— Вы настолько плохой охотник? — спросила Селина.

Гаспар усмехнулся.

— Нет. Но этот лес такой ухоженный. Почти парк. Я предпочитаю охотиться в Лиде.

— В таком случае, жаль, что вы не сможете побывать на охоте у герцога Ремаша этой зимой.

— Вообще-то, Ремаш пригласил меня вчера, после бала, — жёстко сказал Гаспар. — Он сказал, что лес стал таким опасным, что он с удовольствием примет компанию доблестного человека.

— Ох, перестань, — раздражённо ответила Селина. — Кроме нас здесь никого нет.

На мгновение Гаспар замолчал, а потом разразился хохотом.

— Дыханье Создателя, Селина! — он хлопнул себя по ноге. — Тебе всегда доставало мужества, это точно. Будь ты мужчиной, ты бы сама вела армии.

— Поэтому ты плетёшь заговоры против меня, Гаспар? — спросила она, оглянувшись. — Из-за того, что я не мужчина?

Он, казалось, задумался.

— Нет, — наконец признался он. — Настоящая проблема в том, что ты — не я.

— Таких людей вообще мало, Гаспар, — сказала Селина и покачала головой. По крайней мере, он был честен в своей недалёковидности.

Они выехали на поляну, и Селина придержала свою лошадь.

— У тебя есть Монтсиммар, а теперь и Шанталь, и ты говоришь, что Ремаш тоже с тобой.

— Среди всех прочих, — пожал плечами Гаспар. — По-видимому, с пером вышел перебор.

— Ты поставишь Орлей под угрозу, чтобы захватить трон? Сейчас?

— Без сомнений.

Селина гневно махнула рукой.

— Ты лучше прочих знаешь, что маги и храмовники сойдутся в войне в течение пары месяцев, если мы не предотвратим этого!

— Совершенно верно, и я не заметил, чтобы Ваше Великолепие сделала хоть что-то, чтобы остановить это.

— А я не понимаю, Великий Герцог, чем поможет вторжение в Ферелден, — она гневно взглянула на Гаспара.

— Убей ты банна Тегана, и к весне наши солдаты умирали бы из-за твоей глупости.

— Хорошая война объединяет империю. Может, стоит этим идиотам в Церкви и Круге позволить убивать людей за границами нашей страны, а не внутри нее, — Гаспар поднял руку и, к удивлению Селины, снял маску.

Прошли годы с тех пор, как она в последний раз видела его лицо полностью. Его черты всё ещё были по-ястребиному острыми и жесткими, и он проводил на улице достаточно времени, чтобы вокруг места, где обычно была маска, образовались линии от загара.

По сути, это был вызов.

Через мгновение Селина тоже сняла маску. Все еще улыбаясь, Гаспар слегка кивнул.

— Знаешь, ты права, — сказал он, — сейчас нам нужна сильная империя. Мы не можем играть в игры, когда надвигается война.

— И всё же ты играешь с огнём, ставя под угрозу наши отношения с Ферелденом и считая, что я ничего не делаю, пока вокруг нас распадается Церковь.

Гаспар приподнял бровь.

— Ты отдаёшь власть Джустинии.

— Я даю Церкви единственный шанс спастись самостоятельно, пока мне не пришлось войти в историю как Безумная Императрица, утопившая Орлей в крови его народа.

Великий герцог покачал головой.

— Ты всегда слишком много думаешь о том, что скажет история, Селина, — он наклонился к ней. — Выходи за меня.

Это застало Селину врасплох, и она знала, что шок отразился на её лице. Она прокляла Гаспара за то, что тот спровоцировал ее снять маску.

— Ты слишком много себе позволяешь, кузен.

— Ты сделана из стали, Селина, — в голосе Гаспара не было ни издёвки, ни юмора. — Я восхищаюсь этим.

— Твоя жена убила мою мать.

— А потом твой отец убил её саму, — ответил Гаспар без особого пыла, — и тоже умер, скорее всего, из-за отравленного стилета, который Калиен всегда прятала в рукаве. И то была Игра, в которую честно играли и твои люди, и мои. Если хочешь сосредоточиться на нашей кровавой истории вместо спасения Орлея, то ты не дотягиваешь до той женщины, какой я тебя считаю.

Он выдохнул и посмотрел на нее с легкой улыбкой.

— Когда твои родители умерли, я думал, ты выбыла из Игры. Так думали и герцог Бастьен, и герцог Герман. Мы все ошибались, — тут он обвёл руками лес, словно охватывая таким образом весь Орлей взмахом одной руки. — Тебя интересуют университет, договора, балы и банкеты. Меня — нет, — Гаспар снова улыбнулся, но на этот раз улыбка была хищной. — Но я могу сберечь Орлей, и неважно, сколько крови за это придется пролить. Вместе мы могли бы спасти нашу империю.

То, что они были дальними родственниками, почти не имело значения, и такой брак мог действительно объединить Орлей. Селина и в самом деле на мгновение задумалась над предложением, глядя на Гаспара, который, не скрывая своего лица, восседал на своем боевом коне, гордый и сильный.

Но в итоге она отрицательно покачала головой.

— Мне нужны твоя мудрость и сила для защиты империи, Гаспар. Но мне не нужен муж.

Он покачал головой.

— Не мог не спросить, — пожал он плечами.

Затем, со скоростью, нехарактерной для мужчины его телосложения, он направил своего коня к её лошади. Его рука легла ей на плечо.

— Твои охранники далеко, чтобы нас услышать, а твой защитник, кажется, вышел из строя, Селина, — сказал Гаспар с искаженным лицом. — Я не имею никакого отношения к смерти твоей матери — если честно, вся эта история, на мой взгляд, ужасно противна — но я знаю, как подстроить несчастный случай на охоте.

Селина схватила его за запястье, и мужчина, вскрикнув от боли, подался назад. От его руки поднимался дым, добротная ткань рукава обуглилась. Он прижал поврежденное запястье к груди.

— Я села на трон в шестнадцать лет, Гаспар, после того, как твоя жена убила мою мать, — сказала Селина, поднимая руку, чтобы показать сверкающее рубиновое кольцо, полыхнувшее огнем. — И нет, я не хочу обсуждать нашу кровавую семейную историю. Я прекрасно её знаю, спасибо, — с помощью только лишь пальцев она вытащила нож из скрытых ножен на руке. Когда она подняла его, нож запылал. — И я правила Орлеем двадцать лет, не только устраивая балы и банкеты.

Он потянулся к мечу, и на мгновение оба замерли.

Гаспар дёрнулся и обнажил меч, но Селина успела сделать выпад вперёд и провести огненную линию по его предплечью. Она пришпорила свою лошадь и, пригнувшись, отъехала от него подальше. Расстояние, на котором Гаспар мог использовать свой клинок, склоняло весы в его пользу, но если она смогла достаточно повредить его руку, которой он фехтует...

Затем вдалеке снова залаяли гончие. Гаспар взглянул в том направлении, и, вздохнув, коротко поклонился Селине.

— Запомни, кузина. Всего, что произошло и ещё произойдёт, ты могла бы избежать с помощью брачного обета, — он убрал меч.

Селина знала, что могла поднять тревогу. Некоторые из людей Гаспара были крепко ему преданны, но некоторые побледили бы от одной мысли угрожать мечом императрице. Она могла бы заковать своего кузена в кандалы, как только придут её охранники.

Но если она так поступит, еще до захода солнца в Орлее начнётся война.

Он надел маску, и, всё ещё прижимая поврежденную руку к груди, покинул поляну.

Селина покачала головой и спрятала нож обратно.

— Вышел из строя, — пробормотала она. — Нужно найти сэра Мишеля.

* * *

Бриала тайком прокралась из дворца, оставив свою маску и тонкий меховой плащ в одном из тайников, специально предназначенных для таких целей.

Затем, растворившись среди десятков других эльфов, что прислуживали торговцам и погонщикам караванов в рыночном районе, она начала искать следы сэра Мишеля.

Самыми известными шпионами Орлея были барды. Их таланты добывать информацию, плести интриги и лицемерить так, чтобы аристократы действовали в их пользу, делали бардов легендой. И всё же, несмотря на это, а иногда и именно поэтому, их приглашали выступать. Дамы и господа, участвовавшие в Игре, всегда считали себя достаточно умными, чтобы состязаться с мастерами лжи, а заодно и научиться у них чему-то новому.

Но хоть барды и переигрывали аристократов, за ними следили. Они были знамениты. Они были легендой.

Бриала была лишь ещё одной эльфийкой на рынке. А эльфы были везде.

От мальчишки-эльфа, разгружавшего специ, она узнала, что в этом году в Шюрно ожидается плохой урожай. Старая эльфийка, стиравшая одежды, промокшие во время дождя, упомянула, что торговцы в Вал Фермине рассказывали, будто в крепости Адамант происходит что-то странное. А после того как Бриала осыпала человека-извозчика комплиментами и одарила улыбкой, тот обмолвился, что этим самым утром граф Шанталь ездил на встречу с Великим Герцогом Гаспаром к тому в поместье.

Бриала ходила, наблюдала и слушала, ожидая наводки, которая даст ей нужное направление.

Ребёнком Бриала часто молча наблюдала, причёсывая десятилетнюю Селину, за вдовствующей маркизой Мантильон и герцогом Проспером, кузеном матери Селины, ужинавшими с родителями Селины. Они говорили об охоте и о том, как по их мнению, покажут себя в ней те или иные аристократы, когда начнётся сезон. Герцог Проспер сказал, что Фердинанду и его дочери вообще сложно будет что-либо поймать, раз Мегрен, брат Фердинанда, сломал семейный лук. Бриале это замечание показалось тогда глупым и бессмысленным.

Затем Проспер сказал, что леди Селине выпадет возможность попробовать себя в охоте на золотого льва. Бриала посчитала это странным, потому что Селина только начала свои уроки стрельбы из лука по предложению леди Мантильон, дабы поставить осанку, и хоть Бриала никогда и не видела львов, она была уверена, что то были слишком опасные животные, чтобы сражаться с ними.

Но когда герцог Проспер произнес эти слова, дыхание у Селины перехватило, а леди Мантильон и родители Селины посмотрели на девочку. Бриала посмотрела на них, осторожно, чтобы не встретиться с ними взглядом, как и учил её отец, её взор упал на герб семьи Селины, золотого льва на пурпурном поле, и она поняла, что люди говорили вовсе не об охоте.

Она вспомнила, как её мать поссорилась с другой служанкой-эльфийкой, ещё до того как Бриала стала прислуживать Селине, как та эльфийка сказала, что прислуживать Селине будет её дочь, а Бриала будет работать на кухне, но на следующее утро служанка исчезла, и все болтали о том, что женщину поймали за кражей из кошелька принца Рейно.

Мать Бриалы ничего не сказала, но наказала Бриале быть очень осторожной, слушаться Селину во всем и стать подружкой девочке-аристократке.

И только услышав разговор об охоте за тронем Орлея, Бриала поняла, как много сделала её мать.

— Тупая остроухая шлюха!

Бриала вынырнула из воспоминаний и увидела, как какая-то швея кричала на прислуживавшую ей девочку-эльфийку. Опустив глаза, девочка покраснела, в то время как люди загоготали, а эльфы старались не смотреть в её сторону.

Бриала успокоила себя тем, что, как она заметила, пара торговцев были эльфами. Такое всё ещё было редкостью, но эльфы-торговцы допускались на рынки высшего общества, и во время своего последнего визита Селина объявила, что угрозы в их адрес неуместны и являются дурным тоном. Народ Бриалы медленно, но верно вставал на ноги.

Именно Селина научила Бриалу наблюдать, ибо девушка, особенно эльфийка, не могла действовать подобно мужчине. Мужчину, действовавшего быстро и агрессивно, хвалили за дерзость и храбрость. Женщину, поступившую так же, осмеяли бы за глупость или отчаянность. Будучи простой эльфийкой, Бриала не могла даже защитить себя от оскорбления или нападения, по крайней мере, пока на ней не было маски служанки семейства Вальмон. Ее сила была в ее невидимости, в том, что пока дворяне, которым она прислуживала, говорили друг с другом на своем языке метафор и эвфемизмов, они даже не могли подозревать, что Бриала понимала все ими сказанное и каждое их слово передавала Селине. Наблюдая за тем, как семья Селины вела свою партию в Игре, Бриала оттачивала в себе лучшее оружие женщины — глаза и уши.

Именно Бриала утешала Селину, когда умерла её мать — все аристократы говорили о несчастном случае на охоте, но к тому времени Бриала знала, что означало слово "охота". Герцог Проспер открыто рыдал, обещая Селине и её отцу любую поддержку, которую он мог оказать. Именно Бриала, спрятавшись ночью в тених у курительной комнаты, подслушала для Селины разговор, перед тем как герцог Проспер и отец Селины, принц Рейно, отправились нанести визит графу Бастьену де Гислейн, человеку, чья дочь подстроила тот несчастный случай на охоте.

Именно Бриала заметила крохотную ранку на руке принца Рейно, когда он вернулся с того визита, на котором дочь графа Бастьена сама погибла во время несчастного случая на охоте. Маленькая ранка, которая становилась все темнее и сквернее, пока не отняла жизнь отца Селины. И хоть все слуги шептались об отравлении, всегда будет считаться, что принц Рейно умер от болезни.

И именно Бриала была той, кто помогала Селине — шестнадцатилетней, опустошённой смертью обоих родителей — когда герцога Проспера отозвал сам Император Флориан.

Бриала одевала Селину для балов, выпрашивая у слуг, какие наряды будут носить другие дамы, давая Селине крохотное преимущество там, где могла. Бриала занималась напитками и закусками, пока Селина принимала сына графини Женевер, а затем и сына самой леди Мантильон. Маленькими подсказками через жесты, выученные у орлейских бардов, она помогала Селине очаровывать молодых людей и получать их поддержку в борьбе за престол величайшей империи известного мира. Бриала видела, как скука промелькнула на лице сына Женевер, когда Селина отвернулась, и незаметным жестом подсказала Селине говорить громче и смелее, чтобы привлечь внимание мальчишки. Бриала видела, как сын леди Мантильон не переставал бросать взгляды на меч принца Рейно, висевший на стене, и одним взглядом убедила Селину перевести разговор в русло военной истории и тем самым завоевать сердце сына юного Мантильона.

Бриала была той, кто в порыве восторга крепко обнял Селину, когда леди Мантильон в первый раз со дня смерти родителей будущей императрицы протянула Селине приглашение.

Воспоминание о чувстве победы только усилило раздражение Бриалы. Она уже час провела на рынке, но ничего не услышала о местонахождении сэра Мишеля. Куда бы он ни пошёл, он отправился туда не как защитник Селины.

Где бы он ни был, он был в опасности. Мишель был всегда преданным, и просто не представлялось возможным, что он мог вдруг взять и бросить Селину. Она не нашла никакого тёмного пятна в его биографии,

ничего, что кто-либо мог бы использовать с целью переманить его на другую сторону. Его семьи не было в живых, и он происходил из небольшого рода Шевинов. И даже если остальным Шевином и было до него какое-то дело, то Этьен Шевин был одним из ближайших союзников Селины.

Нет, здесь было что-то ещё, и Мишель либо попал в беду, либо, являясь лишь мелким аристократом, был уже мёртв. Когда ставки в Игре были достаточно высоки, любой, кто был приближен к дворянам, ранг которых не позволял защитить себя, оказывался в опасности. Бриала хорошо выучила этот урок.

— Тише, Бриа, — почти неслышно сказала Селина с другой стороны занавеси. — Я слышу, как ты дышишь, а сейчас ты не должна издавать никаких звуков.

Дрожащими руками Бриала оттянула красную бархатную ткань в сторону.

По полу личной библиотеки расплзалась красная лужа, портя богатый неваррский ковер. Она почти достигла занавеси.

А на другом её конце лежали родители Бриалы.

Селина закрыла собой эту страшную картину. Её руки коснулись рук Бриалы.

— Убийцы. Они перерезали всех слуг и могут вскоре вернуться.

— Но почему? — спросила Бриала. Она попыталась заглянуть через плечо Селины, но та снова помешала ей. — Зачем им это делать? У тебя была встреча с леди Мантильон. Она должна была помочь тебе!

— То же произошло с мамой и папой, — на глаза Селины навернулись слезы. Она вытерла их, кольцо на её руке блеснуло в темноте. — Леди Мантильон согласилась поддержать меня, но... Думаю, император Флориан не одобряет этого. Наверное, они пытались найти меня.

— Но они знали, что вечером тебя не будет, — Бриале было сложно соображать. — Я спряталась и слышала, как они разговаривали. Они сказали, что нужно поторопиться. Сказали, что ты скоро вернёшься. Если они знали, они... — Слова давались Бриале с трудом. — Ты встречалась с леди Мантильон тайком. Никто не знал о встрече, кроме самой леди Мантильон, — она взглянула Селине в глаза. — Она послала их.

— Бриа...

В комнате было душно и пахло медью.

— Гаспар понятия не имеет, что ты все ещё в Игре. Он думает, что престол у него в руках. Ему нет нужды посылать за тобой убийц. И если бы он их послал, они бы знали, что ты встречаешься с леди Мантильон, но не знали бы, когда ты будешь дома. Если только не она их послала. Чтобы... Чтобы сохранить вашу встречу в тайне.

По щекам Селины снова потекли слезы.

— Если это сделала она... Создатель, Бриа, мне так жаль. Я никогда не думала... Тебе нужно идти, — она вытерла глаза и беспокойно повертела кольцо на пальце. — Если они найдут тебя, то убьют. Поторопись.

— Куда? — Бриала в страхе отступила назад и поскользнулась — кровавое пятно доползло до неё. Она схватилась за портьеру, чтобы не упасть. — Я жила здесь всю жизнь, госпожа. Куда мне идти?

— Иди к долидцам, — в голосе Селины прозвучали нотки твердого приказа. Та часть сознания Бриалы, что ещё работала, заметила, что она слышит в этих словах свою мать. — Ты очень умна и знаешь двор Орлея лучше любого из живущих эльфов. Они будут идиотами, если не примут тебя и... не используют твои знания.

— Ты хочешь, чтобы я искала долидцев? Госпожа, я не могу даже...

— Можешь. И сделаешь это. Ради меня, Бриа. Ты будешь жить ради меня, понятно? — Селина резко наклонилась к ней. Бриала вздрогнула, и Селина страстно её поцеловала.

Всего лишь на мгновение, но всё остальное вокруг исчезло, и существовали только тепло тела Селины, запах её косметики, вкус её губ.

Селина притянула Бриалу ближе, обвив руками её талию... И затем оттолкнула.

— Возьми мой плащ и старую маску, которую я носила прошлой осенью. Плащ скроет твои уши, и ты сможешь нанять карету. Притворись мной и езжай как можно дальше. А потом... — Селина повозилась с волосами и со злостью что-то выдернула из них. — А потом продай это и купи проезд до Долов.

Селина вложила украшенную драгоценными камнями заколку для волос, подаренную леди Мантильон, в руки Бриале с такой силой, что вещица порезала той ладонь.

Когда знакомый Бриалы прибыл в таверну, в которой она его ждала, было уже далеко за полдень. Она встречалась с ним каждый месяц, и обычно они просто обменивались информацией, но сегодня, не обнаружив ничего, что могло бы помочь в поисках сэра Мишеля, она была готова просить об одолжении.

Лицо вошедшего было скрыто капюшоном, а его движения были плавными и собранными, как у крадущегося по лесу охотника. Он молча прошел к месту, где сидела Бриала, не обращая внимания на полные любопытства взгляды завсегдатаев таверны.

Он сел за столик Бриалы. В мягком полуденном свете Бриала могла чётко разобрать татуировки на его лице. У долийцев эти узоры назывались "валаслин" — "письмо на крови".

— Фелассан, — произнесла она с облегчением.

— Анет ара, дален, — ответил он на чистом эльфийском и улыбнулся. — Что, во имя милостивой Силейз, с тобой стряслось?

Бриала вышла с Фелассаном наружу. Оба молчали. Она доверяла его умению хранить секреты. Его спокойствие и терпение были частью натуры долийцев, живущих за пределами мира "шемленов", как долийцы называли людей. Или, по крайней мере, так было по словам Фелассана.

Под личиной Селины и с деньгами, вырученными за заколку, Бриала добралась до самого Халамширала. С давних времен этот город был домом эльфов, а Долю за пределами города и дали название долийцам.

Если бы не Фелассан, она стала бы жертвой разбойников, встретившихся ей по дороге. Все до единого умерли, сраженные эльфом. Впервые в жизни Бриала видела, чтобы кто-то из её народа поднял руку на человека.

В то мгновение она увидела мир, где ей не нужно было кланяться или стараться улыбаться, когда извозчик лапал её, в то время как она проходила мимо. Она увидела жизнь, в которой не нужно было напоминать себе, что "кролик" — это лучше, чем "остроухая". Она увидела мир, в котором аристократы не посылали своих убийц за её родителями.

И затем за ужином из оленины и чёрного хлеба Фелассан выслушал её историю и сказал, что если она хочет, чтобы мир был таким, она должна вернуться к Селине.

Она так и не дошла до лагеря долийцев.

Фелассан остановился в парке в центре торгового района. Не обращая внимания на скамейку, он прошёл по траве и прислонился к дереву.

— Хоть тут все и не настоящее, — прокомментировал он выращенную руками растительность, — это лучше, чем сидеть в том убогом здании. Как ты можешь постоянно находиться внутри?

— Привыкла. На траве нельзя стоять, — сказала Бриала, неловко оглядевшись. — Если тебя увидят...

— Какой скандал, — он улыбнулся, и татуировки на лице подчеркнули его фиалковые глаза. — Как там игра между твоей императрицей и её... кузенном? Братом?

— Кузенном. Ну, скорее, близким родственником.

— Детали, дален, — махнул рукой Фелассан. — Ты знаешь, как я отношусь к деталям.

— Знаю, — Бриала вздохнула. Поведение Фелассана больше напоминало франта, чем древнего мудреца, каким она поначалу его считала... но за годы их знакомства Фелассан, как и Селина, научил ее многому. — Селина готова помогать эльфийским торговцам, и она уже убедила университет принимать эльфов в свои стены. Но Селина пытается заставить Церковь разобраться с магами и храмовниками, и это делает её уязвимой.

— Глупо с ее стороны, — Фелассан ковырял кору дерева. — Зачем отдавать власть церковникам? Даже шемлен должен понимать, что это плохая идея.

— Она надеется, что сможет решить все по-тихому, — ответила Бриала. — Круг магов и храмовники тоже контролируются Церковью.

— Тоже плохая идея.

Фелассан отодрал кусочек коры и положил его в рот.

— Что ты делаешь?

— Долийцы знают много лекарств, позабытых людьми, — жуя, ответил Фелассан. — Кору некоторых деревьев можно жевать, чтобы снять головную боль, — он сделал паузу. — Правда, не эту. К сожалению, это просто кора.

Бриала покачала головой. Было бесполезно спорить, когда он был в таком настроении.

— И как бы ты решил проблему между магами и храмовниками?

— Дождался бы, пока они устанут убивать друг друга.

Фелассан вынул изжёванную кору изо рта, покосился по сторонам, и прилепил её обратно к дереву.

— На это может уйти слишком много времени, учитель.

— Когда-нибудь это случится, дален, — Фелассан открыл глаза. — У нашего народа моё имя означает "медленная стрела". Есть легенда, в которой одна деревня попросила Фен'Харела убить огромного зверя. Он пришёл к зверю на рассвете, увидел его силу и понял, что зверь убьёт его, если он будет бороться с ним. И вместо этого Фен'Харел пустил стрелу в небо. Жители деревни спросили Фен'Харела, как же он спасёт их, и он ответил: "Разве я говорил, что спасу вас?"

Затем он ушёл. Ночью тот зверь пришёл в деревню и растерзал воинов, женщин и стариков. Он добрался и до детей, и когда чудовище раскрыло свою огромную пасть, стрела, пущенная Фен'Харелом в небо, вонзилась прямо в глотку зверя и сразила его. Дети оплакивали родителей и старейшин деревни, но всё же принесли благодарность Фен'Харелу, ибо он сделал то, о чем просили жители деревни. Он убил зверя умом и медленной стрелой, которую зверь даже не заметил.

Бриала на мгновение задумалась. Её учитель не одобрил бы, если бы она поспешила с выводами.

— Фен'Харел обманщик. Он никогда не принимает ничью сторону.

— В этом смысле Фен'Харел был тот ещё хитрец и подонок, согласно старым легендам, — сказал Фелассан.

— А ты, стало быть, и есть та медленная стрела?

Фелассан улыбнулся.

— Надеюсь, — он пожал плечами. — Возможно, твоя императрица не сможет остановить эту войну. Возможно, маги и храмовники уничтожат друг друга, и когда наступит эта глупая и неизбежная война, шемлены слишком ослабнут и эльфы смогут вернуть себе Долю. Когда-нибудь мы узнаем наверняка. А сегодня ты помогаешь эльфам, живущим под гнётом этой империи. Пусть этого будет достаточно.

— Я беспокоюсь за защитника Селины, — Бриала поднялась. — Он исчез, и я не могу найти его, — она огляделась и понизила голос. — Ты можешь помочь мне?

— Да, я знаю пару трюков, — засмеялся Фелассан. — У тебя есть что-нибудь, что принадлежит ему? Что-нибудь, что он держал в руках или носил?

Улыбаясь, Бриала протянула ему длинное жёлтое перо.

Глава 4

Мишель очнулся от режущей боли в глазах. Пытаясь сморгнуть слезы, он закашлялся, попробовал было сесть, но в голове отдало болью в знак протеста, и он охнул.

Он закрыл глаза и сосредоточился на дыхании. Это было первое, чему учатся шевалье. Чтобы совладать с внешним миром, сначала нужно овладеть миром внутренним. Он почувствовал, как воздух входит в легкие, как сердце гонит кровь к мышцам, которые, несмотря на боль, были готовы выполнять его команды.

Его руки и ноги были связаны веревкой, а не закованы в кандалы. Царапину на боку — он отказывался называть что-то настолько маленькое раной — жгло болью, но сама она не была опасной и лишь раздражала. Мишель размял мышцы, восстанавливая кровообращение и проверяя, насколько крепко он связан. Еще два глубоких вдоха очистили легкие от остатков удушливой пыли, которую бард Гаспара бросила ему в лицо.

Когда Мишель совладал с собой, он открыл глаза.

Он был привязан к столбу на каком-то складе и окружен ящиками так, что они сформировали собой комнату. В лучах света, что падали в комнату через решетки на маленьких окнах, можно было разглядеть пылинки, которые словно застыли в воздухе. Роль пола выполняла голая земля, а ящики воняли гниющими фруктами и старыми тряпками. Снаружи доносился грохот тележных колес и отдаленные крики, что говорило о том, что он все еще был в Вал Руайо. Но ни один склад в торговом районе не был в таком жалком состоянии.

Значит, он был в трущобах.

Бард забрала его меч с кинжалами и сняла с него куртку, оставив его в простой льняной рубашке. Сбоку вдоль ребер она была порвана и испачкана кровью. Спрятанного оружия у Мишеля не было — шевалье обучали как воинов, а не как убийц.

Услышав шаги, Мишель выпрямился. Кодекс шевалье допускал использование элемента неожиданности вроде засад и притворства вопреки тому, что крестьяне видели в пьесах. Если бы только он мог освободиться, то тогда можно было бы притвориться спящим, а потом бесстыдно атаковать. Но такой возможности не было, и он решил просто не показывать свою слабость перед врагом.

Мельсендре вышла из-за угла, зайдя в маленький закуток из ящиков.

— Уже очнулся? — она присела на одно колено на безопасном расстоянии от него на тот случай, если он попробует её пнуть. — Впечатляет. Мои люди, что были в таверне, всё ещё без сознания. Конечно, те из них, кто остался жив.

— Что тебе нужно? — горло Мишеля все еще горело от пыли из того мешочка, но он сумел задать вопрос ровным голосом.

— Возможно, я просто хочу узнать тебя поближе, — Мельсендре сладко улыбнулась, отбросив свои темные кудри назад. — У нас не было времени познакомиться на банкете Селины, и потом, в таверне, ты тоже был занят.

Она встала и провела ухоженной рукой по поверхности одного из ящиков, а потом потерла пальцы друг о друга.

— Приношу извинения за помещение. Мы в эльфийском районе, недалеко от большого дерева на рыночной площади. Ты чересчур знаменит даже без маски. Поэтому мы не можем прятать тебя там, где есть шанс, что кто-нибудь тебя увидит, — она посмотрела на него и улыбнулась. — Но ведь на самом деле ты не настолько известен, правда?

— Что тебе нужно? — снова спросил Мишель. Мельсендре вздохнула.

— В сердце шевалье нет места для вежливости? Хотя не думаю, что семье, из которой ты родом, свойственна вежливость.

Он не ответил и она снова улыбнулась.

— Ты знал, что твой покровитель, граф Бревин де Шалон, перед смертью пожертвовал свою библиотеку Университету Орлея?

— Граф Бревин был ученым, — ответил Мишель. Мельсендре улыбнулась — очевидно, ей нравилась их беседа.

— Да, был. Однако проблема в том, что слуги иногда небрежно относятся к книгам. Так легко вложить список финансовых операций в исследование о кунари или о лечебных свойствах измельчённого драконьего рога, — Мельсендре игриво приложила палец к щеке, будто бы задумавшись. — Он довольно много потратил на твоё обучение, сэр Мишель.

— Моя семья погибла, когда я был еще ребенком, — ответил Мишель ровным голосом, — и граф Бревин взял меня к себе. Он также заплатил, чтобы меня приняли в Академию Шевалье.

Мельсендре покачала головой.

— В Монтфорте есть один человек, которого называют Магом Крови, — Мишель непонимающе смотрел на нее. Она склонила голову на бок, задумавшись. — Значит, тебе никогда не рассказывали. Твой покровитель, граф Бревин, заплатил этому человеку кругленькую сумму, чтобы сделать тебе имя.

Мишель сжал зубы.

— Маг крови? Ты лжешь, бард. Граф Бревин был хорошим человеком, — достаточно хорошим, чтобы, увидев мальчика десяти лет, отбивающегося от трех старших мальчишек в переулке, приказать своим подчиненным остановиться и помочь. Достаточно хорошим, чтобы взять этого мальчика к себе и предложить еду и шанс, как он сам выразился, направить данную ему силу в правильное русло, а не использовать в драках за объедки. — Он бы никогда не заключил сделку с магом крови.

— О, но это всего лишь имя, — ответила Мельсендре, снова даря ему свою игривую улыбку. — Видишь ли, Маг Крови на самом деле писарь и эксперт по геральдике и юридическим документам. Он получил свое имя за способность из ничего создавать благородную кровь.

Мишель уже три года жил у графа Бревина, когда однажды лорд тихо вошел в его комнату и, разбудив его, показал бумагу, которая изменила жизнь Мишеля. Бревин сказал, что умение Мишеля обращаться с мечом будет потрачено впустую, если он станет стражником или пойдет в наемники. Он сказал, что у Мишеля редкий дар, а дары нужно возвращать во благо империи. Наконец он сказал, что если Академия Шевалье принимает только людей благородных и знатных кровей, то, в общем-то, есть знатные люди, что уже давно

почили и которым больше ни к чему их имена. А души этих людей почтут за честь одолжить свой титул ради благой цели.

Мельсендре, казалось, печально смотрела на него, и Мишель понял, что она догадалась о чем-то по его молчанию.

— Он внес в список сумму — и по настоящему крупную сумму, нужно сказать. Должно быть, он был достаточно высокого мнения о тебе, — она вздохнула. — И он был прав. Ты стал защитником Селины.

— Да. Я — защитник императрицы, — сказал Мишель. — А ты служишь Гаспару. Интересно, почему же я до сих пор жив?

— Потому что после смерти тебя бы признали мучеником, убитым великим герцогом. А это было бы расценено как злодейское предательство, — ответила Мельсендре, снова приседая около него. — Но ты жив, и когда всем станет известна правда о твоём происхождении, императрица будет опозорена. Только представь: суд, публичная казнь, скандал. Вот почему ты все еще жив, Мишель.

Несмотря на свою победу, она не выглядела радостной. Наоборот, её улыбка слегка ослабла, когда она отвела взгляд от его глаз.

— Я скорее умру, — отозвался он.

— Я знаю, — кивнула она и глубоко вздохнула. — И, так или иначе, это была бы большая потеря. В моей жизни было немало боёв, и я совершенно точно могу сказать, что ты был рожден для владения мечом. Какая разница, аристократ ты или нет?

Она горько покачала головой.

— Я веду Игру лучше большинства придворных, и я же — ублюдок доярки и солдата, что был в увольнении. Всё что нам говорят — ложь. А лгут нам, чтоб мы знали своё место.

— Возможно, — Мишель пожал плечами, пытаясь казаться равнодушным. — Но мы все же пробились.

Мельсендре снова грустно улыбнулась.

— Твоей хозяйке, по крайней мере, не безразличны судьбы простолюдинов. Это достойно уважения. Я слышала, она заставила университет принять в ученики мало того что простолюдина, так еще и эльфа... Ах, вот оно что.

Её печаль вдруг улетучилась, и к ней снова вернулась её самодовольная кошачья улыбка. Мишель выругал себя за то, что он, дурак, позволил себе завязать разговор с орлесианским бардом и решил, что сможет вызвать её сочувствие. Холодное всеобъемлющее чувство страха нахлынуло на него, но лицо его осталось бесстрастным.

— Что?

— Я уже говорила, что выросла на ферме.

Теперь Мельсендре сидела рядом с ним, словно они были старыми друзьями.

— Жизнь там была ужасно унылой, поэтому я сбежала при первой же возможности и начала жить по-новому. Даже имя сменила. Уверена, ты сочувствуешь, — она игриво толкнула его локтем. — Но я до сих пор помню кое-что. Когда скрещиваешь белую корову с чёрным быком, телята получатся с чёрными и белыми пятнами. Когда скрещиваешь серую кобылу с чёрным жеребцом, жеребёнок получится серый... Однако он может, когда вырастет, произвести на свет чёрного жеребёнка. Словно небольшое количество чёрного остается в крови. Так происходит у рогатого скота, лошадей, и... Ну, в общем-то, у всех.

Она знала.

— Но когда человек, — продолжала Мельсендре таким тоном, будто обсуждала погоду, — сходится с эльфом, их потомок всегда будет человеком. Никаких эльфийских ушей, больших красивых глаз — обычный человек. Его невозможно отличить от других людей, — она посмотрела на Мишеля и добавила: — Если только он сам себя не выдаст.

Мишель сглотнул.

— Гаспар хотел тебя устранить и велел мне найти информацию, которую он мог бы использовать против тебя. Однако он также велел не убивать тебя, если только в этом не будет необходимости. Он такой джентльмен, — ухмыльнулась она. — Он будет ужасно рад, когда я расскажу ему, что ты простолюдин и прячешься за чужим именем. А представь, что он сделает с Селиной и её придворными, когда я скажу ему, что ты ещё и сын остроухой шлюхи?

Она произнесла это жеманно, с такой улыбкой, словно выведала грязный маленький секрет. Довольная собой, она ждала от Мишеля мольбы о милосердии или предложения сделки получше. А может, она опять играла с ним, выискивая способ получить больше информации, словно хорошо обученная шпионка и интриганка, кем она и являлась.

Сэр Мишель изо всех сил ударил её лбом в лицо. Она отшатнулась, а он перекатился на спину и, опустив руки вниз, провёл их под согнутыми ногами. Руки были все ещё связаны, но он дотянулся до головы Мельсендре. Он накиннул петлю ей на шею и начал затягивать верёвку с такой силой, что вместо криков у неё вырывалось лишь судорожное бульканье.

— Я — сэр Мишель де Шевин, — прорычал он, ещё сильнее натягивая веревку.

Мельсендре, теряя силы, вытянула кинжал из ножен на бедре. Но прежде чем она успела пустить его в ход, Мишель дёрнул руками вверх, а затем резко обрушил их вниз, сильно ударив Мельсендре головой о землю. Она обмякла, и он ударил ещё раз. И ещё.

— Я — сэр Мишель де Шевин.

Не встретив сопротивления, он выхватил кинжал из её руки и разрезал связывающие его верёвки. В следующую секунду он был уже свободен и стоял над ней.

Она всё ещё дышала.

— Я — сэр Мишель де Шевин, — повторил он, опустился на колени рядом с Мельсендре и резким и точным ударом окончил её жизнь.

Когда он поднялся, люди Гаспара уже прибыли.

* * *

Бриала выросла, веря в Создателя и следуя Песни Света. Она потеряла большую часть этой веры в тот самый миг, когда кровь её родителей окрасила пол личной императорской библиотеки. И хотя Фелассан неохотно знакомил её с уроками эльфийских богов, она начала с почтением относиться к Андруил, Богине Охоты.

Она думала, что сбрасывает с себя оковы Церкви, однако у неё до сих пор невольно бежали мурашки по спине, когда она наблюдала, как Фелассан практикуется в магии.

Наставник Бриалы поднес перо ко лбу, закрыл глаза и провёл по нему рукой. Перо на мгновение засияло, как будто вечернее солнце вдруг ярко осветило его. Фелассан кивнул.

— Пройдёмся?

И, ничего больше не сказав, тронулся с места.

— Что ты ощущаешь, когда делаешь это? — спросила Бриала, шагая рядом с ним. Они направлялись в сторону трущоб, столь неподходящее место для защитника Селины. Она кивнула продавцу эльфу, которому помогла в прошлом году. Он ответил ей едва заметной улыбкой.

Фелассан, казалось, тщательно обдумывал вопрос. Наконец он посмотрел на неё и ответил:

— Покалывание.

— Покалывание? — Бриала пристально посмотрела на него. — Это... не очень понятный ответ.

— Попробуй задавать вопросы получше, дален, — усмехнулся Фелассан. — Просить мага описать магию — это всё равно, что просить тебя описать закат слепому гному.

Если бы его капюшон соскользнул с головы и стали бы видны татуировки на его лице, то каждый эльф на рынке либо бросился бы ему в ноги, либо обнажил бы клинки для драки с этим как будто бы мифическим существом. И при этом он спокойно ходил босиком, а одежда его лучше подошла бы дровосеку, чем живой легенде. Он отпускал плоские шутки и отказывался принимать мир людей всерьёз. Она гадала, не поэтому ли он шёл по миру так, что тот его не касался.

— Как дела у долийцев? — спросила она. — Ты не говорил о своём народе.

Его лицо под капюшоном осветилось энтузиазмом.

— Они придумали новый замечательный план! В конце шемлены перебьют друг друга и оставят Долю в покое под управлением эльфов.

Бриала изогнула бровь.

— А что будет в начале?

— Они будут колесить по округе в повозках, запряжённых оленями. Над остальными деталями пока размышляют.

— Хорошо, что у них есть ты, — сказала Бриала. Фелассан усмехнулся и покачал головой.

— Тебе это не надоело, Бриала? — спросил он. — Жить среди дураков, подчиняя их себе, когда с помощью слов, а когда с помощью дела?

Бриала стала было отвечать, но под пристальным взглядом Фелассана умолкла. Его взгляд был решительным и почти сердитым, глаза горели в тени капюшона.

Она подумала о владелице замка, капитане дворцовой стражи. О бесчисленных дворянах, которые игнорировали её или обзывали "кроликом".

И о мягких пальцах Селины, скользящих по её руке.

— Я верю, что поступаю правильно, — наконец ответила она.

Фелассан кивнул и отвёл взгляд.

— Да, с недавних пор.

Они вошли в трущобы. Там теперь было больше эльфов, чем людей. Взгляды, которыми они провожали Бриалу и Фелассана, были гневными и настороженными одновременно. Фелассан мог бы легко смешаться с толпой в своей простой одежде и со скрытым лицом. Бриала, в отличие от него, была одета в новое чистое платье и хорошие кожаные ботинки, подошва которых ещё не была стоптана и при каждом шаге громко

стучала о камни. Даже несмотря на отсутствие у неё маски, любой эльф понял бы, что она прислуживает знати, едва взглянув на неё.

Она повернулась спиной к своему народу.

В какой-то миг, как часто случалось, у неё возникло желание попытаться всё объяснить. Она бы сказала им правду — что у них есть союзник в императорском дворце. Она бы сказала, что эльфов принимают на верхних рынках и в университете, а они бы...

Но потом, как и всегда, она вздохнула и продолжила идти, игнорируя разъярённые взгляды.

— Тяжело впечатлить кого-либо отсутствием привычного зла, — сказал Фелассан, не оборачиваясь. — Слушай-ка, а ты заметил, что вчера никто не пришёл к тебе и не избил тебя до смерти за то, что твой поклон не был достаточно быстрым? О, не стоит благодарности!

— Становится лучше.

— Конечно. Я же здесь, — Бриала хихикнула, и Фелассан добавил: — И ты делаешь хорошую работу. И в тот день, когда ты признаешь, что они никогда не поймут и не оценят этого, и вообще не узнают, сколько ты сделала...

— Что? — спросила Бриала. — Станет легче?

— Во имя Митал, нет! — Фелассан усмехнулся. — Честно говоря, твоё сердце иссохнет внутри тебя. Так что отложи этот день на столько, на сколько сможешь. О, ваш защитник недавно был здесь. Но уже ушёл.

Он остановился возле лачуги, на которую нельзя было взглянуть без слёз — её покосившиеся деревянные стены были покрыты отвратительными рисунками и коряво написанными углем смазанными надписями. Это была таверна.

Бриала кивнула и вошла внутрь. Там было пусто, если не считать эльфа за стойкой, который свирепо посмотрел на неё, когда она переступила порог.

— Мы закрыты, — выпалил он. — Отмываем тут всё после вчерашней разборки.

Она рассеянно кивнула и огляделась. Костяшки пальцев бармена побелели, так сильно он сжимал стакан. Ему либо заплатили, либо запугали, чтобы он хранил молчание. Тёмные обломки недавно сломанной мебели дополняли опилки, большая часть которых на полу была еще свежей. Они явно были разбросаны недавно, так что даже не успели впитать пиво и грязь. На стоящем рядом столе виднелся красный след.

— А похоже, что это было всего несколько часов назад.

— Это было вчера! — запротестовал эльф. Он поставил стакан и опустил руку под прилавок.

— Ты когда-нибудь задумывался, как сильно должны нагреться ногти, прежде чем они расплавятся прямо на пальцах? — спросил Фелассан, прислонившись к стойке и немного стянув свой капюшон. — В последнее время я часто об этом думаю.

Бармен взглянул на лицо Фелассана и побледнел. Он медленно поднял руку, убрав её от прилавка.

— Спасибо, — Бриала двинулась к столу и уловила неприятный, резкий запах. Ей приходилось использовать яды в своей работе, и она узнала запах глубинного гриба, который был одним из ингредиентов удушливой пыли.

Она глянула на бармена, потом на Фелассана.

— Пойдём.

Он кивнул, и они вышли наружу.

— Ловушка?

— Похоже на то. На него напало несколько человек. У них был яд.

— Яды. Очаровательно, — скривился Фелассан.

— Да, расплавленные ногти на чьих-то пальцах — это более возвышенно.

— Ох, не глупи, — сказал Фелассан, отмахиваясь от её слов. — Ногти просто чернеют и отпадают, но обычно палец распухает, и его разрывает задолго до этого.

— Я это запомню, хагрен. Ты чувствуешь, куда забрали сэра Мишеля?

— Конечно.

— Хорошо. Но прежде мне нужно ещё кое-куда зайти.

Она повела своего наставника лабиринтами улочек, игнорируя мрачные взгляды играющих в кости или с ножом. Она надеялась, что её уверенный шаг уберёжёт её, по крайней мере, днём. Она проскользнула в неприметную дверь обветшалого каменного здания. Внутри оно ничем не отличалось от обычной бандитской берлоги, хотя сейчас в нём было пусто.

Она нащупала на стене нужный камень, осторожно нажала на него и почувствовала щелчок освободившейся задвижки. Другой камень в стене, на вид такой же, как и остальные, упал, обнаружив за собой выдвижной ящик.

Лук, который вытащила Бриала, был сделан из красного кедра — достаточно хороший для использования по назначению и не привлекающий внимание. Кинжалы были из сильверита — более приметное оружие, но только если его обнажить. Стрелы были покрыты ядом корня смерти, наконечники были запечатаны, чтобы сохранить яд свежим до тех пор, пока он ей не понадобится.

Фелассан широко ухмыльнулся.

— У тебя в каждой части города есть тайники?

— Ты хорошо меня обучил, — Бриала закрыла ящик, вернула на место задвижку и вышла. — Пошли.

Фелассан показывал путь, и вскоре они оказались в одном из старейших районов города. Грязный и тесный, он был первым местом в городе, которое стало домом для эльфов. Этот район больше всех прочих напоминал эльфинажи Ферелдена. На узеньких извилистых улицах не было ни одного человека, а жившие здесь эльфы, скорее всего, никогда даже не видели верхний рынок.

Когда они проходили мимо громадного дерева на рыночной площади, Фелассан остановился. Венадаль был украшен лентами, а земля вокруг него была утыкана палочками с привязанными к ним кусочками яркой ткани в знак подношения.

— Древо Народа, — сказала Бриала.

— Твоего народа.

— И твоего, — Фелассан отвернулся и она добавила: — Хоть ты так и не считаешь.

— Это красивое дерево, — сказал Фелассан. — Пусть оно будет просто красивым деревом.

Бриала собиралась ответить, но тут из-за угла донёсся звук шагов и звон доспехов. Оба эльфа без лишних слов растворились в тенях.

Солдаты не были отмечены никаким гербом, однако они были закованы в латы из красной стали и вооружены длинными мечами.

— Дороговато для простых головорезов, — прошептал Фелассан, когда солдаты вошли в склад на краю площади. — И это не люди твоей императрицы.

— Да. Она бы отправила тяжёлую пехоту или убийц в неприметных одеждах. Это люди Гаспара.

Фелассан кивнул.

— Что ж, это хорошие новости.

Бриала удивлённо воззрилась на него.

— Не уверена, что правильно тебя поняла. Ты серьёзно?

Фелассан закатил глаза.

— Дален, зачем посылать столько наёмников, если нужно просто нести мёртвое тело?

— Поняла, — Бриала встала. Простое одеяние служанки давало ей свободу движений, однако сражаться в нём она не планировала. — В следующий раз надо будет оставить в тайниках еще и доспехи.

— Во всех тайниках? А если ты располнеешь? Представляешь, каково будет заменить такое количество комплектов брони?

Бриала глубоко вздохнула.

— Поохотимся?

— Пожалуй, — Фелассан на ходу выудил откуда-то из плаща палку, которая вдруг на глазах начала расти и извиваться, словно живая, пока наконец не превратилась в магический посох, чьё навершие засияло изумрудным светом. Вместе они вбежали в здание.

Склад был убогим даже по меркам трущоб. На земле, что служила полом, гнили груды высоко сложенных старых ящиков, превращавших склад в лабиринт, однако их содержимое давно уже испортилось и было позабыто. Пятна на полу и рубцы от оружия на древесине поведали Бриале, что это строение превратилось в место встречи контрабандистов, а также место, где убийцы оставляли своих жертв. Холодный воздух донес до неё затхлый запах немых тел и дешёвого дурмана.

Из глубины склада донёлся лязг оружия и стоны боли. Бриала посмотрела на лабиринт ящиков, затем вскарабкалась на одну из импровизированных стен. Подгнившее дерево крошилось под руками, а вся конструкция опасно зашаталась, но спустя минуту она всё же забралась достаточно высоко, чтобы оглядеть сверху весь склад.

— Я понимаю, что ты хочешь почтить своё наследие, — окликнул её Фелассан, вбежав в лабиринт, — но эльфы не особо лазают по деревьям. Ты снова спугала нас с белками.

— Дурак.

Бриала увидела внизу сэра Мишеля без доспехов, стоящего над телом Мельсендре с кинжалом в одной руке и с отобранным у кого-то мечом в другой. Один вражеский солдат был убит, но Мишель не смог удержать вход в проулок, где его держали, и его окружили. Как минимум шесть человек ещё стояли на ногах, а у Мишеля была рана на боку.

— Налево, затем направо!

Фелассан пробирался через лабиринт к Мишелю, следуя её подсказке, а Бриала подняла лук, прицелилась, выдохнула и выпустила первую стрелу.

Это всегда поднимало ей настроение. Она не была уверена, был ли причиной порыв ярости, реальной или воображаемой, или просто осознание того, что она хороша в чем-то таком, что даже Селина считала трудным.

На мгновение Бриала сама как будто отправилась в полет за стрелой, скользившей по воздуху и наконец вонзившейся в горло мужчины слева от Мишеля.

Мишель удивленно смотрел, как наемник упал замертво, а она уже целилась вновь. Как бы ни был Мишель удивлён неожиданной помощью, он всё же оставался одним из лучших шевалье. Он без колебаний скользнул на место упавшего, встав спиной к стене из ящиков.

Пока Мишель парировал пару мощных атак, Бриала изучила остальных нападавших. Один из них повернулся, ища её. Она выстрелила и стрела, пробив доспех, попала ему в грудь.

Остальные заметили её. Она широко ухмыльнулась самому здоровому из них, поднимая лук для следующего выстрела. Тот попытался в поисках укрытия, и Мишель нанёс ему удар в колено, а затем вонзил ему в горло кинжал.

— Вы смаете повернуться спиной к орлесианскому шевалье, псы? — выкрикнул Мишель, бросая тело на пол. Все остальные невольно отшатнулись. — Сразитесь со мной лицом к лицу и умрите с честью, хоть вы этого и не заслуживаете!

— Или вовсе без оной, — произнёс Фелассан, выйдя из-за угла. Он поднял посох, и между оставшимися людьми зазмеились извивающиеся усики синего света.

Воздух зашипел, затем раздался хлопок морозного взрыва и солдат моментально сковал искрящейся лёд, покрывший всё вокруг. Один из них так и застыл — на середине собственного крика.

Фелассан навёл посох на стену ящиков, и в прогнившее дерево ударил зелёный луч. Вся груда задрожала, покачнулась и обрушилась вниз на головы замороженных солдат с таким звуком, словно кто-то ударил молотом по полке с фарфоровым сервизом.

— Я могла бы просто их расстрелять, — заметила Бриала. Красные промороженные куски раскатывались вокруг огромной груды обломков.

— О, возможно, — сказал Фелассан, вращая посох в руках.

Тяжело дыша, Мишель в замешательстве посмотрел на Бриалу.

— Мне кажется, я у вас обоих в долгу.

— Обсудим это, когда вернём тебя целым во дворец, — ответила Бриала, осторожно спускаясь с ящиков. Она бы разорвала юбку, но это бы не помогло.

Узнав её голос, Мишель моргнул.

— Мисс Бриа? Служанка Её Величества?

— Что? Нет. Это было бы безумием, — Фелассан взмахнул рукой, заставив посох затрястись и сжаться вновь до размеров обычной палки.

— Надо выбираться отсюда, сэр Мишель, — Бриала взглянула на его раненый бок. — Ты можешь идти?

— Конечно, — он повернулся к одному из мёртвых солдат и выдернул из глазницы небольшой кинжал, потом направился к телу Мельсендре. Быстро обшарив её карманы, он поднялся. — Уходим.

Они покинули склад втроём. Фелассан и Мишель, долийский маг и шевалье, бросающие друг на друга настороженные взгляды и Бриала, которая не смотрела на них.

— Почему они схватили тебя? — спросила она, когда они вышли на улицу. Если кто снаружи и услышал шум драки на складе, то они не подавали виду. Эльфы на площади занимались своими делами около венадаля и не удостоили Бриалу и её спутников ни единым взглядом.

— Мельсендре сказала, что Гаспар приказал ей убрать меня от императрицы сегодня, и... — Мишель оглянулся на склад. — К моему сожалению, она преуспела.

— Как? — Бриала подошла к нему вплотную, так что Мишелю пришлось сделать шаг назад. — Как она заманила тебя сюда?

— Это дело чести...

— Заткнись, Мишель.

Он удивленно моргнул под тяжёлым взглядом Бриалы.

— Ты был отравлен в таверне, не во дворце. Ты бы не пренебрёг своими обязанностями из-за какого-то пустяка, так что она либо тебе угрожала, либо чем-то заманила. На её теле ты ничего не нашел, значит, она у тебя ничего не крада. Может, поддельная записка от друга? От члена семьи? — он вздрогнул, хотя сам наверняка не заметил, как едва уловимо дернулся уголок его глаза. — Но я сомневаюсь, что друг защитника императрицы пошел бы в таверну в трущобах... А из твоей семьи никого нет в живых.

Он снова вздрогнул. Дело в семье.

— Я перед тобой не отчитываюсь, остроухая, — отрезал Мишель, крепко сжимая украденный кинжал в пока ещё опущенной руке. — Если бы у нашей госпожи были вопросы, она бы не стала посылать служанку, чтобы задать их.

— Конечно нет, дурак. Она бы послала своего шпиона, — Бриала повернулась к Фелассану. — Остроухого.

Фелассан подавил зевок.

— Я обиделся. А ты?

— Нет. Потому что он никогда не называл меня так, ни когда раздавал приказы слугам, ни даже когда спешил. — Бриала улыbnулась. — А значит, он скрывает что-то, пытается отвлечь меня. Что же это, Мишель? Позор в семейной истории. Нет. Срочные новости не отвлекли бы тебя... Ах... — его лицо побледнело, когда она удовлетворённо кивнула. — Подделанный титул. Граф Бревин, должно быть, разглядел в тебе нечто выдающееся.

— И это точно не способность скрывать эмоции, — заметил Фелассан.

— Об этом забываешь, когда постоянно носишь маску.

— И, я так понял, только аристократы могут вступать в ряды шевалье? — поинтересовался Фелассан.

— Ты все верно понял. Более того, подделка титула карается смертью, — Бриала мельком глянула на руки Мишеля. — Простолюдин? Нет, не только в этом дело. Слишком уж он выделил слово "остроухая". Мать-эльфийка?

— Тише, — почти прошептал Мишель. Его хватка на кинжале сменилась на боевую, Бриала узнала её благодаря годам тренировок.

— Полегче с кинжалом, сэр Мишель. Я сомневаюсь, что ты сможешь убить нас среди бела дня так, чтобы никто не заметил, и позволь мне тебя заверить... — она одарила его улыбкой. — Селина заметит моё отсутствие и будет очень дотошна в своём расследовании.

Мишель опустил кинжал, рука его дрожала.

— Ты ещё хуже, чем бард.

— Бард увидела бы, как тебя подвергнут порицанию и казнят, не убей ты её. Ты правда ожидаешь от меня завершения её плана? — она ткнула в него пальцем. — Гаспар угрожает нашей императрице. Я не оставлю её без защитника в такой критический момент. Мельсендре сообщила Гаспару о твоём прошлом?

В ответ на её слова Мишель сник и помотал головой.

— Нет. Она хотела, чтобы я сперва подтвердил эту информацию.

— Хорошо. Значит, с её смертью мы в безопасности. А если Гаспар попытается провернуть нечто подобное вновь, немедленно свяжись со мной.

Мишель переводил недоверчивый взгляд с неё на Фелассана.

— Я бы поразмыслил над этим предложением, — посоветовал Фелассан. — Ты не очень-то хорошо справился в одиночку.

— И ты сохранишь всё в секрете? — натянуто и официально осведомился Мишель. Он был похож на приговорённого к смерти. — Даже от Селины?

— При одном условии, — Бриала подняла палец. — Когда-нибудь я попрошу тебя о чём-нибудь взамен. И ты сделаешь это для меня независимо от того, что это будет, если хочешь сохранить свою тайну.

— Одна услуга, — сплюнул Мишель. — Ты думаешь, я в это поверю?

— Да, одна услуга, — холодно ответила Бриала. Она не могла позволить эмоциям взять верх. Человек в отчаянном положении, чья честь и жизнь поставлены под угрозу, нуждается в логичном объяснении. — Если бы я просила больше, ты бы решил, что меня лучше просто убить. Я видела Мельсендре там, на складе. Она была мертва ещё до прихода солдат, — Мишель скривился, и Бриала понизила голос. — Я даю тебе слово остроухой, что, когда ты выполнишь свою часть сделки, твоё прошлое останется тайной навечно. Это нигде не будет записано, никому не будет нашёптано. Даже Селине. Одна услуга, независимо от того, какая именно, и всё.

Мишель колебался. Бриала по его лицу читала мысли, что приходили ему в голову. Сперва оскорблённая гордость, а потом вопросы. Может ли он ей доверять? Может ли он убить её сейчас и убедиться в сохранности своего прошлого? Может ли он согласиться и убить её позже?

И, наконец, вымученная, горькая улыбка.

— Если Гаспар пошлёт еще одного барда, — сказал он, — мне может понадобиться твоя помощь. Договорились.

— Отлично, — Бриала могла бы сказать ему, что ей можно доверять и что он не пожалеет о своём решении. Но, несмотря на мещанское происхождение, он носил маску дворянина слишком долго, чтобы поверить в такие слова. Поэтому она повернулась к Фелассану. — Будет безопаснее, если мы убедимся, что на складе не будет найдено никаких доказательств.

Фелассан кивнул.

— Дален, я могу гарантировать, что никаких доказательств не будет найдено даже вне склада. Всегда приятно повидаться с тобой, — и он направился обратно к складу, весело посвистывая.

После неловкого молчания Мишель кивнул в сторону, обращаясь к Бриале.

— Может, пойдём?

Когда они покидали эльфийские трущобы, склад за их спинами занялся пламенем.

* * *

— Я должен быть честен с тобой, Ремаш, — сказал Великий Герцог Гаспар, когда экипаж остановился возле ещё дымящегося склада. — Сегодняшняя охота сделала день на удивление удручающим. Никогда не думал, что поеду в трущобы, надеясь его улучшить.

Строение было просто кучей мусора, как и всё остальное в эльфийских трущобах. Густой черный дым был виден почти из любого места города, и сейчас, с наступлением ночи, тлеющие угли светились ярче, чем дешёвые фонари на площади.

Гаспар вышел из экипажа, поправляя плащ здоровой рукой и задумчиво глядя на большое дерево в центре площади.

За ним вышел Ремаш, герцог Лида.

— А для чего конкретно мы сюда прибыли, Великий Герцог?

— Я здесь потому, что у меня на этом складе был связанный защитник Селины и самодовольная Мельсендре со своими таинственными записками.

Гаспар указал было на склад обожженной рукой, но вздрогнул и сменил руку на здоровую.

— Но он вернулся во дворец, и я хотел бы узнать, почему, — хмыкнул он. — А ты здесь потому, что я вдовец, и ты думаешь, что твоя дочь станет прекрасной императрицей.

Ремаш улыбнулся и окинул настороженным взглядом кажущуюся безлюдной площадь.

— Я знаю, что вы не боитесь испачкаться, Великий Герцог, но я бы не хотел видеть вас раскапывающим завалы.

— Нет, у меня есть для этого слуги, — Гаспар свистнул, и из теней выступили люди в масках и ливреях.

— Без брони? — спросил Ремаш, когда они приблизились. За ними шёл эльф в грязном залатанном подобии костюма торговца.

— Создатель, нет, броня запугает бедных остроухих и загонит их обратно в тень. А мне нужно сегодня с ними поговорить, — Гаспар улыбнулся своим людям и эльфу, вышедшим на свет возле его экипажа. — Добрый вечер. Как твое имя, кролик?

— Силиг, милорд, — сообщил эльф, кланяясь Гаспару.

— Молодец, Силиг, — Гаспар кивнул на сожженный склад. — Итак, мои люди сказали, что заплатят хорошие деньги любому эльфу, который расскажет мне, что же здесь произошло.

— Да, милорд, — ответил эльф и сглотнул. — Это был мой склад. Я сдавал его в аренду торговцам, которые не могли себе позволить торговый район. Женщина — человек, певица, — она пришла и сказала, что хочет его использовать. Она сказала, что работает на тебя, и...

— Нет, — вставил Гаспар всё с той же улыбкой. — Она этого не говорила.

Эльф смертельно побледнел.

— Я, наверное, неправильно расслышал.

— Ты даже не знаешь, кто я такой.

— Нет, милорд, — он снова сглотнул. — Так вот, я видел, как два эльфа входили на склад после твоих... то есть после солдат, которые работали вместе с той женщиной. Я слышал драку, а потом вышел человек без доспехов и те два эльфа. Они разговаривали на площади, втроем. Человек рассердился на эльфийку. Она сказала что-то, что ему не понравилось. Эльф-мужчина просто смотрел, а потом пошёл назад на мой склад и

он весь вспыхнул огнём, весь сразу, — эльф потряс головой. — У него ещё знаки на лице были, как в старинных сказаниях о долидцах.

— Долиец? — со смехом спросил Гаспар. — Ты же не рассказываешь мне сказки, Силиг, не так ли?

— Нет, милорд! А женщина... её одежда была очень хорошей. Она и человек, которого тут держали... Я последовал за ними из трущоб. У меня есть пропуск в торговый район! — эльф запустил руки в карманы и поднял на Гаспара глаза, в которых отразились огни тлеющего склада. Гаспар жестом приказал ему продолжить рассказ. — Они прошли через него. Эльфийка выбросила свой лук. Красный кедр, стоит золотой, а то и больше, а она его выбросила. Потом они пошли прямо ко дворцу, и она надела маску.

— Эльфийка? — Гаспар вскинул голову и выдохнул. — Да уж. Таких много не увидишь. Кролик в маске. Слушай меня, Силиг. Ты хорошо потрудишься сегодня. Я не дам тебе золотой, потому что дать тебе золотой — это всё равно, что воткнуть тебе нож в спину. Ты знаешь это, и я это знаю. Но вот у тех людей есть немного серебра, и его будет более чем достаточно, чтобы отстроить другой склад.

— Благодарю вас, милорд, — эльф низко поклонился, и люди Гаспара увели его прочь.

— Вы действительно собираетесь ему заплатить? — спросил стоящий у кареты герцог Ремаш.

— Да, — Гаспар с улыбкой обернулся к своему будущему Великому Герцогу. — Нож в спину был бы безопаснее, но ты, должно быть, догадался, что на нас прямо сейчас смотрят десятки больших сверкающих глаз, и они все видят. Поэтому пусть они видят человека, помогающего отстроить заново склад, который сожгли люди императрицы. Быть может, они ещё пригодятся мне потом.

Ремаш кивнул, оставаясь бесстрастным за своей украшенной золотом и серебром маской.

— Собираетесь использовать эльфов?

— Что бы ни намеревалась рассказать мне Мельсендре, теперь этого не использовать, — Гаспар показал большим пальцем назад на тлеющие остатки склада. — Но долицкий шпион и эльф-убийца, оба работающие на Селину? — задумчиво произнес Гаспар, забираясь обратно в экипаж. — Дыхание Создателя, если я не придумаю, как этим воспользоваться, то я не достоин престола.

Глава 5

Молва раздула угли восстания в трущобах Халамширала.

Жестокость аристократов не была в новинку. Каждый эльф в городе знал, что нужно опускать взгляд, когда идет человек. Эльфийки с молодых ногтей постигали, насколько может быть опасно ходить в одиночку и даже просто выглядеть слишком красиво. Эльфийские торговцы знали, как торговаться так, чтобы дворяне платили хоть немного, и притом не переусердствовать, ибо тогда их дома будут преданы огню.

Никто этого не любил, но об этом все знали, мирились с этим, и принимали как часть устройства мироздания.

Однако смерть Лемета стала последней каплей.

Лемет был хорошим парнем, как говорил его друг Трен и другие торговцы. Он честно работал, содержал дом в чистоте и даже вел дела с дворянскими извозчиками благодаря своим низким ценам и добродушному, уважительному обращению. У него был спокойный характер и легкий смех, и он частенько покупал выпивку друзьям. Лемет не был каким-то мусором из сточной канавы, говорили они, а люди лорда Мансерая убили его, расчленили и развесили части тела по всему городу, будто он был распоследним преступником. Если они могут сотворить такое с хорошим эльфом вроде Лемета, который никогда не доставлял неприятностей, что же они сделают с остальными?

Воры говорили, что Лемет погиб, защищая гонца. Что бы он ни делал для заработка, сердце его было истинно эльфийским, а шемы, которые прирезали его, как собаку, пытались доказать каждому эльфу в трущобах, что улицы принадлежат им. Тогда-то люди и узнали, что на дороге всегда найдется камень для броска.

Жинетт и остальные сочувствующие говорили, что Лемет пришёл вечером в таверну поболтать о старых временах. Не важно, что было сказано в тот вечер в таверне, но он слышал о временах, когда Халамширал был домом эльфов до того, как сюда вторглись люди и нарушили покой. Он слушал, а когда аристократы, чьи предки сожгли дом эльфов дотла, попытались убить невинного ребенка, Лемет храбро заступился за него. Какой эльф не поступил бы так же?

Граф Пьер из Халамширала, который потворствовал деятельности лорда Мансерая ровно до тех пор, пока она не причиняла вреда никому из людей, приказал увеличить количество патрулей в городских трущобах. Нескольких запоздавших с возвращением домой эльфов поймали и избili стражники. На следующее утро тех стражников нашли мертвыми на рыночной площади с отрезанными ушами на манер наказания эльфийских бандитов.

Граф Пьер отправил в трущобы своих шевалье, чтобы приструнить непослушных. Они убили десятерых эльфов, недостаточно разумных, чтобы остаться дома, а на следующий день проснулись и обнаружили, что кто-то прикончил их конюхов и перерезал глотки лошадям.

Леди Элспет уведомила лорда Мансерая, что его визиты в поместье её семьи более не приветствуются, так как его неотёсанное поведение настолько взбудоражило простой люд, что слуги леди Элспет лишились возможности добывать свежие ягоды для её любимых пирогов. Когда лорд, кипя от злости, возвращался в своё имение, брошенный кем-то камень влетел в открытое окно экипажа и расквасил ему нос.

Те дворяне, что были помудрее, съехали на осенние праздники в свои пригородные поместья. А те, что поглупее, усилили стражу.

Так, медленно, но верно, весть разлетелась от Халамширала по всему Орлею.

Для Селины же недели после провального гамбита Гаспара проходили легко и приятно. Она подписывала дипломатические документы, просматривала отчеты, проводила аудиенции для ищущих покровительства изобретателей и художников, планировала бал в честь Верховной Жрицы, где могла бы пообщаться с дворянами и добиться некоторого прогресса в разрешении напряжённой ситуации между храмовниками и магами.

От рыжеволосой представительницы Верховной Жрицы всё не было никаких новостей. Ни отказа, ни подтверждения, и от этого молчания у Селины в животе всё завязывалось в узел. Она снова лежала без сна, глядя на рассвет, а рядом с ней на кровати свернулась Бриала.

Орлею нужен ещё один Мор, думала она. Не то, чтобы он бы серьезно помог, да она никогда бы и не пожелала таких масштабных разрушений своей империи. Но Мор был бы, по крайней мере, проще. Собираешь всех, кто может сражаться, бросаешь их в бой с порождениями тьмы и надеешься, что Серые Стражи уничтожат Архидемона. Политика отодвигается в сторону, пусть и не сразу, но постепенно — истории вокруг того неразумного вероломства Логэйна Мак Тира по отношению к Серым Стражам и попытки захватить власть во время последнего Мора в лучшем случае сбивали с толку, но ведь даже дикие ферелденские аристократы смогли объединиться.

Если из Предела Бездны вдруг полезут порождения тьмы и начнется новый Мор, успокоится ли Великий Герцог Гаспар и использует ли все свое непревзойдённое военное мастерство в битве с врагом, который того заслуживает? Обратят ли храмовники и маги свою ярость на порождений тьмы?

Селина вздохнула. Как бы просто это ни звучало, она знала, что новый Мор разорвёт Орлей на части вернее, чем любые гражданские распри. Более того, каждый Мор влечёт за собой уничтожение культур и утрату знаний. Во время войны не строят библиотек. Её университет, дворяне, учащиеся мыслить критически вместо бездумного следования по стопам отцов, простолюдины и даже эльфы, медленно пробивающие себе путь к знаниям... Всё это будет отброшено ради борьбы за жизнь.

— Тебе надо поспать, — пробормотала рядом с ней Бриала.

— Извини, что разбудила.

— Не извиняйся, — Бриала потянулась, проведя рукой по боку Селины. — Надо было разбудить меня раньше.

— Императорская ноша, — с улыбкой сказала Селина. Кожа её любовницы казалась тёмной, контрастируя с молочно-белым атласом ночной сорочки.

Бриала перекатилась на живот и встретилась взглядом с Селиной.

— Позволь мне разделить её с тобой.

— Я не хочу, чтобы ты разделяла ее, Бриа, — Селина погладила Бриалу, чтобы смягчить свои слова. — Ты — мои глаза и уши. Я хочу... — она прижала Бриалу к себе. — Я хочу, чтобы всё это было только моим. Нашим.

Бриала мягко высвободилась из объятий Селины и села, по-прежнему глядя на неё.

— Ваше Величество, вы знаете, что это невозможно, — она взяла Селину за руку тёплыми и сильными пальцами. — Ты уже ответила Ремашу?

Глаза Бриалы поутру были такими большими и тёмными. Всё равно что смотреть в бездонный омут, глубокий и в то же время успокаивающий.

— Ты же знаешь, что он теперь на стороне Гаспара, — сказала Селина со вздохом. Они оба во всеуслышание поклялись друг другу в верности вечером после того, как Гаспар сделал предложение Селине во время охотничьей поездки, а Бриала спасла Мишеля из ловушки барда. Гаспар провалился на обоих фронтах, но осознание того, что Ремаш для них потерян, придавало победе горечь.

Бриала сжала её ладонь.

— Но он же может вернуться? Если ты ответишь ему, не признавая за ним измены, он может найти правление рядом с тобой более заманчивым, нежели служение Гаспару. Страх вызвать твой гнев официальным отзывом сватовства может заставить его...

— Тогда я потеряю тебя, — произнесла Селина, и слова застряли у неё в горле. — Бриа, ты — всё, что у меня есть. Всё, чем я являюсь.

Она снова крепко прижала Бриалу к себе, чувствуя, как тёплые руки обнимают её. Атлас сорочки Бриалы скользнул по коже Селины, словно кошка, выгибающая спину от ласки.

— Создатель, иногда я тебе завидую.

Она тут же поняла, что сказала что-то не то. Она почувствовала, как Бриала застыла, хотя и не разжала объятий, и голос её звучал беспечно, когда она ответила:

— Императрица Орлея завидует эльфийской служанке?

— Ты знаешь, что я имею в виду, Бриа, — всё ещё обнимая Бриалу, Селина погладила её по спине. — Ты могла бы уйти отсюда, стать кем-то другим.

— Этот кто-то всё равно будет эльфом, — улыбнулась Бриала, но Селина знала, что она задета за живое.

— Да, я знаю. Но я... Я рождена, чтобы сидеть на троне. Я не могу делать что-то другое. С тех пор, как мои родители и леди Мантильон... — она запнулась.

На этот раз Бриала отстранилась.

— Ты была бы прекрасным учёным, — сказала она, встав и натянув своё одеяние, — до тех пор, пока не начала бы оспаривать решения Императора Гаспара. Тогда, наверное, и неприятности последуют, — она улыбнулась через плечо.

— Скорее всего, ты права, любовь моя, — Селина тоже поднялась и надела платье, как будто ничего не произошло. — И... Я подумаю насчет Ремаша.

Бриала кивнула, надела маску, а затем вышла через проход за зеркалом. Селина вздохнула и достала свой небольшой волшебный чайник.

Похоже, этим утром она будет пить чай в одиночестве.

* * *

Бриала узнавала новости у своих связных на рынке, когда вернулся Фелассан.

— Я не ожидала увидеть тебя раньше, чем через несколько месяцев, — сказала она, когда он, пробравшись мимо спорящих над фургоном с товарами торговцев, появился в её поле зрения. — Какой приятный сюрприз.

Несмотря на то, что плащ наставника был, как всегда, ничуть не запачкан грязью, невзирая на его непрерывные странствия, лицо Фелассана в тени капюшона выглядело напряжённым и уставшим.

— Я заскучал по виду твоего очаровательного личика в маске, дален, однако вернулся по более насущной причине. Что ты слышала о Халамширале?

Бриала прошла за ним в парк, где они беседовали всего несколько дней тому назад.

— Ничего, — ответила она. Неподалеку несколько богатых купеческих сынков смеялись, перебрасывая друг другу винный бурдюк и топча траву. Они бросали на неё косые взгляды, но она проигнорировала их и понизила голос. — Все мои птички запаздывают. Обычно они возвращаются поздней осенью. Я ничего не слышала с кораблей, прибывающих со всех концов Недремлющего Моря.

Он устало улыбнулся.

— Что же, в таком случае я не зря притащил сюда свои старые кости. Какой-то слабоумный шемленский лорд зверски убил эльфийского торговца безо всякой причины. Озлобленные голоса в эльфинаже призывают к миенхарель.

Шок от услышанного был настолько силён, что Бриала невольно рассмеялась.

— Из-за одного торговца? Скольких из нашего народа жестоко убивают каждый день?

— Никогда не знаешь, куда в сухом лесу ударит молния, — Фелассан сел на траву, — но я уже чую дым.

И он все подробно рассказал ей, назвав имена лорда и убитого эльфа, хотя это и не имело особого значения.

— Так значит, эльфы восстанут? Они будут разбиты. Это же... — она замолчала и начала сердито вышагивать по траве. — Они что, думают, что это поможет императрице? Это последнее, что ей нужно!

— Друзья разорванного на кусочки торговца будут просто убиты горем, — произнёс Фелассан. — Ведь они постоянно заботятся прежде всего о потребностях Селины.

— А должны бы! — Бриала повернулась к нему. — Она склоняет на свою сторону Верховную Жрицу, она противостоит Гаспару... Если это навредит ей, ты думаешь, эльфам станет лучше при Гаспаре?

— Если я чему-то и научился, — заметил Фелассан, — так это тому, что крупные политические перевороты почти никогда не совпадают с тем, что я думаю, — он лениво махнул рукой. — С другой стороны, то, о чём думаешь ты, может изменить реакцию императрицы Орлея на эти новости. Уверяю, ты первая, кто узнал об этом в Вал Руайо.

Один из купеческих сыновей кинул бурдюк слишком высоко, и тот пролетел над головой его приятеля. Фелассан без промедления сделал два шага, поймал бурдюк, развернулся и бросил его обратно, не пролив ни

капли. Молодые люди явно выглядели оскорблёнными тем, что в их игру вступил эльф, но бросок был очень хорош, и у них хватило любезности посмеяться и кивнуть.

— Ты прав, хагрэн, — Бриала с усилием заставила себя успокоиться. — Спасибо.

Фелассан мягко улыбнулся.

— Иди.

Опустив маску на место, она направилась обратно во дворец и зашагала через богатый квартал с неприличной поспешностью. Оказавшись внутри, она двинулась через залы. Кастелянша заметила её и окликнула, но Бриала не обратила на неё внимания. Во что бы ей это потом ни обошлось, дело того стоило.

Она застала Селину беседующей с управляющим университета и, ставив поднос с чайным сервизом у служанки, с поклоном вошла к императрице. С выработанной за годы обучения грацией Бриала подала чай, не прерывая подкупающих запросов управляющего об увеличении финансирования и просьб прояснить, сколько именно нужно принять в университет простолюдинов, чтобы императрица осталась довольна. Селина бросила на Бриалу один-единственный взгляд и взяла чай, подслащенный медом именно так, как она любила с самого детства.

Вернувшись мгновением позже в зал, Бриала сунула поднос обратно служанке, не глядя на неё, и, задумавшись, зашагала через залы.

Устроить все нужно идеально. В любом случае кто-то умирает — Бриала выучила этот урок в тот день, когда Леди Мантильон убила её родителей и всех остальных слуг, чтобы убедиться в безопасном восхождении Селины к власти. Но правильно подобранные слова могут спасти сотни жизней.

Бриала не могла позволить себе оплакивать неизбежные жертвы. Ей казалось, что в этом отношении она была больше похожа на дворян, которым служила, чем на эльфов с рынка. Мысль эта ей претила, но опять же, не так, как мысль о смертях, которые она могла бы предотвратить.

Селина вызвала Бриалу в Каменный Зал спустя несколько минут и отпустила слуг. Она стояла у открытого окна и любовалась садами. Комната получила своё название благодаря одной из стен, от пола до потолка украшенной разноцветными кусочками янтаря. Они складывались в мозаику, изображавшую Серых Стражей на легендарных грифонах, сражающихся с ордой порождений тьмы. Стражи и грифоны были сложены из светлого золотистого янтаря, небо было бледным, а ведомые огромным Архидемоном порождения тьмы — черно-красными.

Вся комната была заставлена памятными вещами и увешана картинами с изображениями легендарного ордена, но ничто из этого не было настолько детальным. Большая карта времен Второго Мора показывала, насколько широко распространились порождения тьмы на пике своего могущества, а стоящий в углу за стеклом пустой доспех будто возвращал назад в Божественный Век, когда Император Драккон отправил против порождений тьмы орлесианскую армию, чтобы спасти осажденных в Вейсхаупте Серых Стражей.

Селина указала на стул с ножками в виде когтей грифона.

— Обычно то, что ты узнаёшь на рынке, ждёт до вечера.

Бриала села.

— Не в этот раз, Ваше Величество. Эльфы в Халамширале в ярости. Лорд Мансерай без суда казнил торговца, и эльфы призывают к миенхарель, — Селина молчала, и Бриала добавила: — Это эльфийское слово. Когда люди заходят слишком далеко, эльфы напоминают им, что даже короткий клинок следует уважать. Они...

— Они восстанут, — перебила Селина, и слова её рассекли прохладный осенний воздух. — Против меня. Сейчас.

— Ваше Величество, это не восстание, — Бриала опустила голову и прерывисто вздохнула, стиснув ручки своего кресла в виде голов грифонов. Этого-то она и боялась. — Эльфы Халамширала никогда тебя не видели. Их недовольство направлено не на тебя и не на Орлей. Они только хотят справедливости для подданного твоей империи, который погиб напрасно.

— То, чего они хотят, не имеет значения, — Селина повернулась и медленно направилась прочь от окна. — Уже сейчас я веду войну на двух фронтах. Я не могу сражаться еще и на третьем.

— И не нужно, — Бриала встала, преграждая Селине путь. — Дай им справедливость.

— Лорда за смерть эльфа? Я... Будь всё проклято, — резким движением Селина сорвала маску. Лицо у неё пылало, глаза были красными после очередной бессонной ночи. — Может быть, мне объявить эльфов полноправными горожанами перед Создателем и престолом, пока я его занимаю?

— Почему бы и нет? — Бриала тоже сняла маску, помедлив несколько мгновений, чтобы успокоиться. — Если только ты в это не веришь, а я всего-навсего просто выбившаяся в люди кухонная девка, которая пока ещё тебе не надоела.

Селина отвернулась, бросила маску на мягкий диван и подошла к янтарной мозаике.

— Ты же знаешь, что я не могу этого сделать, Бриа. С таким же успехом можно выгравировать инициалы Гаспара на троне.

На фоне красно-золотой стены императрица и любовница Бриалы выглядела бледной и изнурённой. Селина всегда воспринимала сон как врага или как необходимое зло и, насколько знала Бриала, после событий в Киркволле стресс от растущего напряжения заставлял её просыпаться до зари почти каждое утро. Если было достаточно рано, Бриале иногда удавалось склонить её к занятию любовью, и последующее согревающее и нагоняющее сон блаженство позволяло Селине отдохнуть еще несколько часов. Но в последнее время и этого стало недостаточно.

— Да, я это знаю, — вздохнула Бриала.

Вместо того, чтобы подойти к Селине, она направилась к маленькому столику, где стоял заварочный чайник, который вечно сохранял воду в кипящем состоянии. Она налила Селине чай, поднесла его к ней и мягко коснулась её плеча. Это было не совсем извинение.

Селина обернулась, увидела чай и вздохнула.

— Я делаю, что могу, Бриа. Я заставила дворян помогать эльфам, — она взяла блюдце, поднесла к губам чашку и вдохнула аромат. Бриала заметила, как едва заметно расслабились её плечи.

— Знаю. Ты сделала больше, чем кто-либо с тех пор, как сама Андрасте даровала нам Халамширал.

— К сожалению, моей власти прямо сейчас не хватит, чтобы даровать эльфам Халамширал, — произнесла Селина с лёгкой улыбкой.

Бриала вернула Селине улыбку и взяла её за руку.

— Тогда у меня такое предложение, — нежно и деликатно она подвела Селину к мягкому дивану и усадила императрицу подле себя. — Престол не может призвать этого лорда Мансера к ответственности, а эльфы причинят тебе лишь неприятности. Поэтому позволь мне помочь, — она собралась с духом. — Пошли меня в Халамширал.

Минуту Селина молчала. Её рука покоилась в ладонях Бриалы.

— Ты убьешь Мансерая?

Бриала уверенно и деловито кивнула.

— У меня есть контакт с предводителем эльфов. Я могу дать им кровь, которой они жаждут, и успокоить их прежде, чем они найдут другую цель. Это будет нераскрытым преступлением для городской стражи, а не восстанием, и если кто-нибудь спросит твоё мнение, сможешь ответить, что лорду, бескультурному настолько, чтобы убить безвредное существо, следовало бы научиться следить за собственной защитой.

Селина потянулась и мягко коснулась щеки Бриалы. Та наклонилась вперёд, и когда они поцеловались, Селина крепко её обняла.

Затем она поднялась, взяла маску, надела её и, не говоря ни слова, медленно вернулась к окну.

— Быстро и чисто, Бриа, — сказала она.

— Ваше Величество, — Бриала поклонилась и ушла собирать вещи.

* * *

В ту ночь императрица Селина спала одна.

Конечно, Бриала приходила к ней не каждую ночь. Иногда обязанности задерживали её допоздна, и когда Селина гостила в поместье какого-нибудь лорда, они из осмотрительности спали в разных постелях.

Но с тех пор, как Бриала уехала, уже прошло время.

Каждое утро она просыпалась до рассвета, одинокая, в холодной постели, и упорно смотрела во тьму за окном, как будто могла там увидеть их всех. Магов, храмовников, эльфов, даже Гаспара и Ремаша и тех, кого ещё завербовал Гаспар. Все они затаились снаружи замка, каждую ночь подкрадываясь к ней, спящей, все ближе, поджидая, когда она совершит ошибку, чтобы наброситься на неё.

Каждое утро она заваривала себе чай, пила его до тех пор, пока головная боль не превращалась в отдалённый гул в затылке, и погружалась в старинные фолианты, не представляющие интереса ни для кого, кроме учёных.

Следующие несколько дней она провела тихо, выслушивая речи и принимая дары. Новости об эльфах из Халамширала достигли Вал Руайо, и собравшиеся дворяне и придворные качали головами и ворчали на избалованных халамширалских эльфов, которые не знают, как им повезло по сравнению с эльфами, живущими в эльфинажах Ферелдена и остальной части Орлея. Граф Пьер выразил извинения за постыдное поведение своих горожан и дал понять, что примет все меры и возьмёт ситуацию под контроль в кратчайшие сроки. Впрочем, это никого не успокоило. Дворяне Вал Руайо поинтересовались, что собирается делать Селина, а Селина вежливо уклонялась от ответов и мысленно желала Бриале скорейшего возвращения.

Спустя три дня после отъезда Бриалы Селина присутствовала на представлении в Большом Театре Вал Руайо и именно тогда поняла, насколько далеко всё зашло.

Большой Руайо был основан почти двести лет назад. Он славился как крупнейший театр империи с самыми знаменитыми актёрами и самыми выдающимися драматургами, а также наиболее дорогостоящим и богатым различными эффектами реквизитом. На некоторых постановках дым и пламя вызывались не алхимическими порошками, но самым настоящим магом, имеющим специальное разрешение приходить из Круга и использовать свои таланты. В постоянном стремлении превзойти конкурентов Большой Руайо привлек внимание и Церкви, и престола представлениями, граничащими со скандалом. Безумный Император Ревиль ограничил театр до бессловесных пантомим из страха, что постановки каким-то образом разожгут восстание против его правления, а дядя Селины, император Флориан, почти закрыл Большой Руайо вместе с остальными театрами после одной безвкусной пьесы, пролившей свет на орлесианское вторжение в Ферелден.

Селина проводила идею поддержки театра — финансово и политически. Она отвергла недовольство Церкви, а когда в пьесах упоминали её саму, дословно или образно, её всегда видели смеющейся или должным образом аплодирующей — просвещённая императрица, которая не беспокоится о том, что о ней может быть сказано на сцене. В ответ драматурги Орлея всегда бывали добры.

Её экипаж остановился у парадного входа возле дорожки из пушистого ковра, обозначающего прибытие высокопоставленного аристократа, почтившего своим присутствием представление. Снаружи на почтительном расстоянии собралась толпа.

— Приказы, Величество? — спросил Мишель. Он был тих, но бдителен с тех пор, как Бриала помогла ему бежать из ловушки Гаспара, стремясь таким образом искупить свой очевидный провал. Запинаясь, он пытался извиниться, как и предупреждала Бриала, но Селина быстро прервала его, дав сэру Мишелю понять, что его вины в случившемся нет.

Не время её защитнику терять веру в собственные силы.

— Как обычно, наблюдай.

Сэр Мишель кивнул, вышел из кареты и протянул руку, чтобы помочь выйти Селине. Снаружи с крыши кареты прыгнули слуги и быстро смели пыль с пушистого ковра и отпихнули назад простоллюдинов и дворян более низкого ранга, затем из кареты выступила сама Селина.

В толпе что-то было не так. Она интуитивно чувствовала это. Все поклонились, конечно же, но тон их голосов был иным. Сэр Мишель сопровождал её, идя сбоку, слуги несли длинный шлейф её платья и распыляли перед ней розовую воду, чтобы запах толпы не причинял ей неудобств, а она поглядывала из-под своей полумаски и старательно прислушивалась.

— ...Не вижу её...

— Не будь здесь...

В театре Селина приняла поклон от текущей владелицы Большого Руайо, полной женщины, нашедшей богатству купеческой семьи хорошее применение. Сегодня она была одета в простое, но модное платье, украшенное вышитыми масками — смеющейся с одной стороны и печальной с другой, а толстого слоя косметики хватало для той степени сходства с императрицей, чтобы соответствовать ей, при этом не подражать. Впрочем, под слоем макияжа лицо хозяйки театра выражало беспокойство.

Селина отдала бы что угодно ради присутствия здесь Бриалы. Её служанка и возлюбленная сопоставляла факты быстрее и лучше, чем Селина, и она могла пробраться куда угодно, невидимая под своей маской слуги. Тем не менее, Селина вежливо улыбалась владелице театра, пока та вела её в богато украшенную королевскую ложу, откуда Селине и её гостям открывался прекрасный вид на сцену, а толпе — прекрасный вид на императрицу.

Одна прислужница подала Селине чай, другая подложила на сиденье пурпурную бархатную подушку — как бы красиво ни украсили королевскую ложу, императрице всё же не подобало сидеть на простой деревянной скамье. Третья прислужница распыляла в воздухе розовую воду, пока не исчезли запахи пота, пересолённой пицци и декоративного дыма.

— Думаю, сегодня я бы выпила вина, — сказала она служанке с чайным подносом.

— Да, Ваше Великолепие.

— Пока ходишь за ним, пожалуйста, передай Мадмуазель Арше, что я восхищена чудесными новыми портьерами. А также... — Селина внимательно присмотрелась к настенной лампе. — Возьми с собой ещё девушку и найдите свежие свечи. Эти уже оплыли.

— Да, Ваше Великолепие, — отозвалась служанка и вышла вместе со второй.

На самом деле свечи вовсе не были в столь плачевном состоянии, а Селина редко пила вино во время представлений, и её служанки знали это. Ещё они знали, что Селина отправляет их прислушаться к присутствующим, задать несколько вежливых вопросов и выяснить, что происходит. Конечно, ни одна из них не обладала навыками Бриалы, но среди слуг императрицы Орлея не было тех, кто не умел играть в Игру.

Вскоре началась пьеса, объявленная как романтическое переложение истории об Андрасте. Саму Андрасте играла молоденькая светловолосая красавица. Она была увлечена восстанием против Тевинтера, хотя Селина нашла её игру скорее экзальтированной, нежели осмысленной. Селина изучила множество исторических источников, даже запретных, и предполагала, что Андрасте действовала чаще всего из политических соображений, и вовсе не была такой верующей идеалисткой, какой представляла её Церковь. Другими методами войны не выигрываются.

Негромкий стук в дверь заставил её обернуться. Мишель поднялся и открыл дверь, затем повернулся к Селине.

— Герцог Ремаш из Лида, Ваше Величество.

— Впусти его, Мишель.

Герцог Ремаш прошел в ложу и поклонился.

— Ваше Императорское Величество. Я узнал о вашем присутствии и понадеялся, что моё недостойное общество может быть встречено благосклонно. Конечно же, если это не слишком дерзко с моей стороны.

Она изящным движением руки пригласила его занять свободное место.

— Если ваши спутники не имеют ничего против, я буду рада.

Он кивнул и сел в кресло рядом с ней. Мишель молча стоял в задней части ложи.

— Тевинтерских магистров правление видя, решили мы, что магия должна служить в коленопреклоненном виде! — провозгласила внизу на сцене Андрасте.

— Необычное представление, — тихо поделилась Селина. — Я ожидала романтическую историю или трагедию, но такое?

Ремаш перевел на нее взгляд.

— И как вы полагаете, что это, Ваше Величество?

— Я бы сочла это комедией, но даже Большой Руайо не обошелся бы так с историей Андрасте, — Селина улыбнулась. — Хотя, быть может, это первый в истории Священный Поход в театре.

Ремаш негромко рассмеялся.

Тем временем на сцене Андрасте убеждала восставших вступить в союз с эльфами.

— В борьбе с такой магической мощью, как может нам свобода воссиять? Ведь войска, что имеем, нам не хватит! Но благозвучен справедливости напев, придут на помощь эльфы... раз иль два!

По толпе прошелестел нервозный смешок, и Селина заметила, как сотни тёмных лиц повернулись взглянуть на неё.

Шартан, эльфийский воин-еретик, чья история присоединения к битве Андрасте против древнего Тевинтера была взята из Песни Света, вышел на сцену.

Его изобразили женщиной в платье, её бёдра комично раскачивались, а бутафорские деревянные уши были настолько огромны, что даже зрители с последних рядов могли быть уверены в том, что она — эльф.

Она поцеловала руку Андрасте, и толпа засвистала.

Селина почувствовала, как мир сжимается вокруг неё. Её шея затекла, но она не шевельнулась.

Спустя минуту она произнесла:

— Я размышляла над предложением, которое вы изволили сделать ранее, герцог Ремаш.

— Не припоминаю никаких вопросов, которые требовали бы дальнейшего обсуждения, Ваше Великолепие, — он улыбался, не сводя глаз со сцены.

— Понимаю. Мне было бы так досадно прерывать ваше наслаждение представлением, — сказала Селина. — Скажите, много ли вы их видели?

— Только те, которые оплатил сам.

— Похоже, за это заплатил Гаспар, — сказала Селина, стараясь, чтобы эмоции не предали её, отразившись на лице, которое было хорошо видно зрителям снизу. — С помощью пера.

— О, я не шевалье, чтобы беспокоиться о фехтовании на перьях, — ответил Ремаш, так и не повернувшись к ней, — но Гаспар действительно очень переживал об охоте в Лиде, тогда как для вас это, похоже, просто ещё одна обязанность.

Внизу на сцене гневно воздел руки Маферат, единственной причиной его негодования были Андрасте и Шартан. Они флиртовали и дразнили друг друга, совершенно игнорируя войну с Тевинтером.

— Когда правители сердцам своим становятся рабами, забыв о долге ради всяческих проказ, возможно ли столь храброму и благородному созданию не взять всю тяжесть битвы на себя?

— Если я правильно понимаю, — сказала Селина, тоже не глядя на Ремаша, — этот Маферат станет героем, принесшим необходимую жертву, предав Андрасте?

— Ну, в этой постановке Андрасте завела себе любовницу-эльфийку и позабыла о своем долге, Ваше Величество, — Ремаш помолчал. — Впрочем, не буду раскрывать концовку.

— Мне известна концовка. Драматург будет казнён, — сказала Селина. — Возможно, и владелица театра тоже.

— Если честно, — заметил Ремаш, — такое изменение пьесы в последнюю минуту довольно удивило владелицу театра, также как и пропажа её сына... Хотя я полагаю, мальчик будет благополучно найден после представления.

— И какие же доказательства, указывающие на вас, Ремаш, я обнаружу?

— Никаких, Ваше Великолепие, но я буду вносить щедрые пожертвования Церкви в качестве извинения за испорченную каким-то ненормальным еретиком пьесу, которую я поддержал.

Селина поднялась.

— Передайте Великому Герцогу Маферату, что я, видимо, проиграла пари по поводу его грамотности.

Сэр Мишель открыл дверь, буравя Ремаша сердитым взглядом, и Селина покинула ложу, игнорируя шепот людей внизу.

Она сохраняла спокойствие ровно до тех пор, пока Мишель не закрыл за нею дверь. Оставшись лишь в компании защитника и слуг в тёмном коридоре, она опустила голову и медленно выдохнула.

Они знали. Будь они прокляты.

Оставался шанс, что это лишь метафора, отсылка к тому, что Селина дала эльфам доступ на рынки и в университет. Но она так не думала. Герцог Ремаш сказал "любовница-эльфийка" специально, а такие вещи, даже в виде театральной метафоры, в Игре не говорят, если не уверены в их истинности.

Бриала, единственное в жизни, что она держала подальше от чужих глаз в течение многих лет, была использована в качестве оружия против неё. Гаспар и его головорезы отнимут у неё и это, любимую женщину, чтобы получить свою проклятую войну.

— Вы слишком долго использовали своё положение, чтобы защищать науку и искусство, — донёсся из тени мягкий голос. — Со стороны Гаспара так жестоко оборачивать всё это против Вас.

Селина обернулась и увидела рыжеволосую представительницу Верховной Жрицы, так выделявшуюся своими ферелденскими чертами лица, на котором не было маски.

— Театры всегда переменчивы, Лелиана. И я не думаю, что против меня обернётся и университет, — она посмотрела на Мишеля. — Собери других слуг и узнай, что они слышали. Мы уходим.

— Величество, — кивнул Мишель и удалился, уведя за собой слуг, а Селина шагнула в тень, где стояла Лелиана.

Та достала туго скрученный свиток.

— Некоторых профессоров попросили написать доклады об эльфах. Один напишет, что большие уши эльфов делают их похожими на кроликов, что характеризует их как простых животных, полагающихся исключительно на базовые инстинкты, а следовательно, не заслуживающих доверия. Другой будет утверждать, что любой, кто ляжет с эльфом, оскорбит Создателя как тот, кто лег с животным.

Двадцать лет борьбы, чтобы привести империю из дикости к величию и культуре, которая нужна была, дабы сохранять статус величайшей страны мира, и вот её же люди, у которых она просила помощи, угрожают ей смертью и подливают масла в огонь её битвы с Гаспаром ради развлечения простолюдинов. Двадцать лет относительного мира, просвещения и безопасности для Орлея станут ничем, потому что драматурги и учёные свели всё это к дешевой нелепости про влюбленную девчонку, кувыркающуюся с эльфийкой.

Селина закрыла глаза.

— И что же обо всём этом думает Верховная Жрица?

Лелиана улыбнулась.

— Владычица никогда не была особо высокого мнения о театре, Ваше Великолепие, — Селина не ответила, и посланница вздохнула. — Эльфы — такие же дети Создателя, как и мы, и заслуживают Его благословения.

— Но Верховная Жрица так не считает, — догадалась Селина.

Лелиана отвела взгляд. Она была бардом, поэтому каждое её движение было обдуманным, но Селина решила, что неловкость, которую та испытывала, была искренней.

— Среди моих... боевых товарищей были эльфы. Я не позволю, чтобы им причинили вред. Но Вы не просили её поддержки в этом вопросе, — она снова посмотрела на Селину. — Вы просили её поддержки, чтобы успокоить храмовников и магов.

— Верно, — кивнула Селина. — Предоставит ли она свою помощь?

Лелиана выдохнула.

— Предоставит, — ответила она, медленно кивнув, — но взамен ей нужно подтверждение того, что ситуация с эльфами находится под контролем.

У Селины в груди остановилось сердце. Она знала, куда дальше поведёт их беседа. Она коротко вздохнула и затем ответила:

— Разумеется. Едва ли я могу обращаться за помощью к Верховной Жрице, если сама не способна помочь ей. Надеюсь, вам придётся по вкусу предстоящий бал в честь Джустинии. Боюсь, я не смогу присутствовать на нём лично.

— Верховная Жрица это понимает, — произнесла Лелиана и мягким, печальным голосом добавила: — Да благословит Вас Создатель.

— Величество!

Селина вскинула голову, постаралась успокоить дыхание и удержаться в вертикальном положении. Это был сэр Мишель вместе с её свитой, следующей за ним. Две служанки, которых она отправила на разведку ранее, выглядели потрёпанными. У одной макияж был размазан по губам и щеке, как будто её ударили по лицу. У второй из-под полумаски, на щеках, были видны потёки, как будто она плакала.

— Что вы узнали? — спросила она, бросив взгляд в тень. Лелиана исчезла.

— То же, что вы видели в пьесе, — ответил он, скривившись, — люди говорят, что вы слишком... снисходительны к эльфам, — Селина раздражённым жестом поторопила его, и он продолжил: — Они заявляют, что вы с них берёте меньше налогов, что освобождаете их от наших законов. Говорят, что вы их жалуете, а некоторые нагло врут, что вы заключили тайную сделку с долийцами, чтобы отобрать земли у дворян и вернуть эльфам Долю. Еще говорят о вашей Бриале, — Мишель уставился в стену. — Они говорят, она, ну, что вы...

— Это слово "любовницы", Мишель.

— Да, Ваше Величество. Так они и говорят, — Мишель сжал кулаки. — Если пожелаете, я буду счастлив вернуться в вестибюль и разъяснить, что подобная болтовня неприемлема.

Селина улыбнулась и выпрямилась. Нужно выглядеть сильной перед слугами.

— Нет. Это лишь заглушит один голос и поднимет на его место сотни шепотков. Если люди опасаются, что я слишком мягкосердечна с эльфами, придётся принять меры, чтобы разубедить их в этом.

Существовало бессчётное количество вариантов осуществления этого плана, но Селина сразу отбросила все, кроме нескольких. Новые торговые ограничения, отзыв запроса в университет о принятии эльфов в ученики... Все эти действия убедят лишь немногих и не распространятся на всю империю, не оставляя сомнений в силе Селины.

Поэтому оставалось лишь одно. Она уже знала это, беседуя с Лелианой, и мысленно заранее умоляла о прощении за ту боль, которую её действия причинят Бриале. Но другого пути не было.

— Собирай войска. Мы выступаем на Халамширал.

— Императрица?

— Я должна сокрушить восстание.

Глава 6

Трен многому научился у воров за несколько недель, прошедших с того дня, как ублюдок шемлен убил его друга Лемета.

Во-первых, он узнал, что множество законов, нарушить которые он так боялся, можно со смехотворной легкостью обойти. В Халамширале эльфам запрещалось иметь при себе оружие, длина которого превышала бы длину их собственной ладони, но добрая половина эльфов из гильдии воров носила свои клинки открыто прямо на бедре, тем самым будто бы бросая вызов стражникам, у которых едва ли хватит смелости начать бой.

Во-вторых, оказалось, что работа на кожевне ставит его в довольно выгодное положение. Из обрезков кожи, что он украл, можно было изготовить кое-какое снаряжение для мятежников, у которых не было даже этого. Воры сказали Трену, что, хотя стрелы и болты добыть нелегко, всё равно проклятые шемы не смогут остановить эльфов. Кроме того, когда мятежники навещали Трена, он показывал, как обработать принесённую ими кожу, чтобы сделать из неё броню и латы. Конечно, красотой они не блистали, зато могли спасти от меча или стрелы.

В-третьих, к своему собственному удивлению, он понял, что ему действительно понравилось убивать людей.

Едва солнце скрылось за горизонтом, на торговой площади показалась телега. Обычно площадь была занята ремесленниками и лавочниками, торговавшими продуктами. Не стоит даже и упоминать, что по своей красоте она значительно уступала торговой площади верхней части Халамширала, но все же была немного чище и опрятней, чем трущобы, в которых ютились эльфы. По всей площади стояли торговые палатки, укрытые простыми кусками ткани и ярко разрисованные фигурами драконов и шевалье. В самом сердце площади возвышалась платформа, на которой барды и прочие любители блеснуть мастерством могли заработать пару звонких монет.

Стражники, недовольно кряхтя, осмотрели телегу и велели погонщику побыстрее разгружать товар. Судя по их разговорам, мерзкие эльфы в последнее время воруют все подряд, поэтому даже в таких частях города не безопасно.

Трен прислушивался и следил за ними с крыши примыкающего к площади дома, затем подал сигнал гонцу, защищая которого погиб Лемет. Мальчишка ухмыльнулся в ответ и удрал прочь.

Досчитав до ста, Трен поднялся. Он вложил камень в пращу, раскрутил и отправил в полёт. Камень промчался через площадь и исчез из виду. Трен увидел, как стражник пошатнулся и схватился за кольчугу, до его ушей донесся звук лязгнувшего о металл камня.

И тут на площадь со всех сторон обрушился шквал камней. Торговцы разбежались, крича, а камни падали градом, грохоча, врезаясь то в булыжники, то в доспехи или живую плоть. Стражники заметались, взводя арбалеты и пытаясь разглядеть в сумерках цели. Лошади брыкались и ржали, погонщики изо всех сил пытались защитить их от ударов камней. Трен крутанул пращу, запустил ещё один снаряд и выругался. Он практиковался с пращей всего несколько недель, но уже точно мог определить, пролетит камень мимо или попадёт в цель.

Что-то резко просвистело рядом с ухом Трена, и он почувствовал движение воздуха от болта, пронёсшегося мимо его лица и вонзившегося в стену здания позади него. Пару недель назад Трен съёжился бы на земле от ужаса. Сегодня он по-звериному оскалился, а мгновением спустя стрелявший в него стражник упал на колени с залитым кровью лицом.

Площадь почти опустела. Стражники валялись на земле, если не убитые, то оглушённые, и было лишь несколько драгоценных минут, прежде чем придёт подкрепление. Один из воров прокричал команду, и Трен перегнулся через край крыши, спрыгнул вниз, неловко подвернув лодыжку при приземлении. Бранясь, он поднялся на ноги и присоединился к остальным.

Заткнув пращу за пояс и вытащив нож, он, как и другие воры, решительно направился в сторону площади.

— Пожалуйста! Пожалуйста, у меня семья! — торговец с окровавленной головой упал на колени и пополз прочь от приближающегося Трена. Трен ударил его по голове и, ухмыльнувшись одному из эльфов, пошёл дальше.

Стражник, пустивший в него болт, по-прежнему стоял на коленях и тряс головой. Подойдя сзади, Трен ухватил его за плечо, вонзил его же кинжал ему под челюсть и перерезал горло. Стражник упал, булькая и хватаясь за горло.

Когда он убивал своего первого стражника, его одолевали сомнения. Тот человек был вооружен, и Трен спасся только благодаря одному из опытнейших воров, который после глумился над своим собратом весь остаток вечера. Но во второй раз Треном двигала необузданная, неуправляемая энергия, та самая, с которой молодой человек впервые познаёт женское тело. Тогда он заколол служителя порядка прямо в шею. Бедолага умирал мучительно и долго, а Трен не смел вытащить свой кинжал, пока стражник не испустил последний вздох.

На третий раз все прошло без сучка и задоринки, и в течение следующих недель многие стражники присоединились к своим мёртвым сослуживцам. Всего одно плавное движение, не слишком быстрое и не слишком порывистое, требовалось для того, чтобы стражник, только-только так долго насмехавшийся над эльфами, стал валяющимся на земле трупом.

Тем временем эльфы уже избивали погонщика тележки, корчившегося на брусчатке. Трен не обратил на них внимания и вместе с другими принялся осматривать телегу.

— Одни продукты и кухонная утварь, — произнёс один из них, когда Трен приблизился. — И немного лампового масла.

Трен кивнул. Ламповое масло можно использовать для поджогов, а кастрюли пойдут на оружие.

— Так что возьмем? — спросил другой. — Нет времени утащить всё.

Трен глянул на тревожно ржавших лошадей и потянул их за сбрую.

— Берем всё. Кто умеет управляться с телегой?

Ответом была тишина. Нахмурившись, Трен повернулся к эльфам, избивавшим погонщика.

— Поднимите его!

Эльфы с неохотой последовали приказу и подняли человека с земли. У него был расквашен нос, и он стоял, скрючившись от боли, однако на вид серьезных повреждений у него не было.

— Ты хочешь жить, шем? — резко спросил Трен. — Поедешь, куда скажем, и тогда уйдёшь на своих двоих.

Откашлявшись и переведя дух, человек задал встречный вопрос:

— А что насчёт лошадей?

Трен рассмеялся. Получилось громче, чем он хотел бы — пыл сражения всё ещё давал о себе знать.

— Ты совсем не в том положении, чтобы торговаться, человек.

Вздыхнув, погонщик поморщился.

— Я это понимаю. Но вы ведь не убьёте лошадей, правда? Не убьёте?

Трен оглядел своих братьев, пожимающих плечами.

— Нет, мы не собираемся убивать их.

— Тогда ладно, — сказал погонщик и поковылял к повозке. Трен махнул остальным ворам, они похватили, что могли, и разбежались. Трен и ещё несколько эльфов присоединились к погонщику и велели человеку возвращаться в трущобы. Площадь позади них погрузилась в тишину, слышны были лишь стоны оставшихся в живых торговцев.

Повинуясь указаниям Трена, погонщик вёл лошадей. Наконец они достигли баррикады, которую эльфы соорудили вокруг клочка собственной земли в Халамширале. С громкими возгласами воры отодвинули столы и убрали доски, мешавшие телеге проехать.

Лошади тревожно ржали, косясь на торчащие из баррикад доски и горы мусора, служившие импровизированной стеной, возведённой для защиты от людей. Погонщик прикрикнул на животных и натянул вожжи, бросив виноватый взгляд на Трена. Эльф даже не посмотрел в его сторону.

За несколько последних недель эльфийские трущобы изменились. В каждом квартале было по одному, а то и по два обуглившихся после карательного визита стражников здания. Двери лавок были заколочены, и теперь вместо запаха лошадей и готовящейся еды в трущобах пахло дымом.

Однако Трен видел во всем этом и положительные моменты. Девочка-эльф погналась было за телегой, и один из воров бросил ей яблоко. С тех пор как люди стали решать, что и когда эльфам есть, эта девчушка, скорее всего, жила впроголодь. Затем люди прекратили поставки продуктов в качестве наказания, но эльфы боролись за каждую крошку... И стали питаться лучше.

Центром эльфийского восстания служила таверна, в которой Трен и Лемет выпивали в ту роковую ночь. Теперь же большинство столов было опрокинуто, а некоторые были разрублены и использовались в качестве деревянных щитов. Валявшиеся на полу опилки были залиты кровью раненных эльфов, лежавших на соломенных тюфяках там, где раньше располагался прилавок. На одной из стен углём была начерчена карта города, где отмечались предполагаемые цели, пути отхода и убежища. Трен спрыгнул с тележки, морщась от боли в вывихнутой в бою лодыжке, и оставил собратьев разгружать привезённое. Жанетт, все еще одетая в свой рабочий передник, помахала ему. Губы её дрожали от тревожного напряжения.

Как только Трен вошел, Жанетт, нервно вытирая руки о передник, сказала:

— Будь осторожен, они опасны.

Трен и сам это знал. Эльфийка, сидевшая у прилавка прямо перед ним, носила самые лучшие доспехи, которые ему только доводилось видеть. Они были сделаны из кожи, но блестели синевой, как волны Недремлющего Моря, вдобавок кожа была украшена серебряными заклёпками. Женщина двигалась так, будто доспехи весили не больше перышка. Лук, перекинутый через её плечо, был сделан из неизвестной ему породы дерева. Дуга была расписана витым узором, напоминавшим Трену листья, а висевшие на талии женщины клинки слепили голубовато-белым блеском сильверита. У этой эльфийки монет было больше, чем Трен мог бы заработать за всю свою жизнь.

Однако эльф, стоявший рядом с ней, выглядел еще более угрожающе. Он был одет в простой плащ, ничем не примечательную тунику и штаны. Ноги его были босы. Он мог бы сойти за попрошайку, если бы не его сияющий посох и причудливые татуировки на его лице. Посох ясно выдавал в нем мага, который вместо того, чтобы ради безопасности окружающих сидеть взаперти в Круге, стоял прямо здесь, на складе, где не было храмовников, а следовательно, он был волен делать всё, что хотел. Татуировки же говорили, что он и вовсе ожившая легенда.

— Хагрэн, — запинаясь, произнес Трен, вспоминая старинные слова, — старейшина. Ты пришел помочь нам в борьбе за свободу?

— Мы пришли, — ответила эльфийка, — чтобы не дать вам умереть.

* * *

Войска императрицы Селины двигались в направлении Халамширала в изматывающем темпе. Переплыв Недремлющее Море на кораблях, они продолжили путь через Лид. Это значило, что слуги герцога Ремаша могли отчитаться об увиденном зрелище перед своим господином, а посредством герцога и перед Гаспаром, но уже ничего не поделаешь.

В действительности она не хотела способствовать этому. Гаспар вынудил её так действовать, считая это умным ходом — заставить императрицу Орлея погасить восстание и доказать всем, что с ней шутки плохи. Пускай знает узрит, на что она способна в действии и пусть никто из них более не смеет путать нежелание вести войну с неспособностью сохранить империю.

Пока её войско — нескольких сотен всадников, в два раза больше пехоты, и два отряда шевалье, двигались вперёд, Селина, сидя в королевском экипаже, изучала доклады разведки и жалела о том, что не может поехать на лошади. Императрица была облачена в платье, подходящее для путешествий, а её маска, которую следовало носить, выходя из экипажа, покоилась на сидении рядом с Селиной.

Ехать верхом было бы, безусловно, не так удобно. И хотя Селина регулярно ездила верхом, небольшая конная прогулка в парке или же несколько часов охоты не могли сравниться с целым днём, проведенным в седле, и она это прекрасно понимала.

Но будь она в седле — это была бы просто скачка. Она не хотела проводить весь день, читая доклады разведки. Сколько трущобных кварталов оккупированы эльфами? Сколько стражников погибло? Какое количество знати изменило своё решение вследствие этой угрозы, нависшей над городом?

В экипаже ей ничего не оставалось, кроме как читать, отдавать приказы и ждать.

Сэр Мишель находился внутри вместе с ней, бесстрастно наблюдая, как она просматривает документы.

— Новости, Величество? — спросил он, когда она скомкала лист.

— Ничего нового, Мишель.

Эльфы захватили еще пару кварталов. Теперь они вторглись на улицы человеческой бедноты, и выгнали несчастных крестьян со всем скарбом, которые те смогли унести. Согласно докладам, эльфы из Лида бегут в Халамширал в поисках свободы, а мятежники в Халамширале требуют, чтобы им выдали лорда Мансерая для свершения правосудия. Стражники Халамширала просят подкрепление, так как им нечем сражаться там, где нарастает конфликт.

— Долго ещё?

Мишель искоса глянул в окно.

— Если мы продолжим двигаться в том же темпе и тратить минимум времени на отдых, то меньше дня. Однако в Халамширал войско войдёт уставшим.

— Мишель, это эльфы. Их броня собрана из кусков металлолома и обрезков кожи, они бросают камни в стражников. Это будет довольно лёгкий бой, при условии, если мы прибудем в ближайшее время.

Ни говоря ни слова, он кивнул. Селина заметила, как он нахмурился. Он выглядел скорее озадаченным, чем обеспокоенным, и это успокаивало. Она доверяла мнению Мишеля во всем, что касалось войны, и если бы его что-то волновало, стоило бы поволноваться и ей.

— Ты не согласен, Мишель?

— Согласен. Прошу прощения, Величество, — он покачал головой. — Меня удивляет их безрассудство. Улизнуть во время комендантского часа — это одно. Но убивать стражников и возводить баррикады... О чём они только думали?

— Они были голодны и напуганы, — Селина пожала плечами, — а кое-кто из знати жесток по отношению к беднякам без особой на то причины. Даже пёс начнёт кусаться, если его пнуть посильней.

— Вам будто бы жаль их, — Мишель приподнял бровь.

Она печально улыбнулась.

— Я надеялась решить этот конфликт другим способом, Мишель. Эльфы являются частью этой империи. Они занимают здесь определённое место, так же как ты или я, и мой долг перед Создателем обеспечить им руководство, безопасность и комфорт. То, что я делаю сейчас, я делаю с тяжёлым сердцем. А ты? — она с любопытством взглянула на него.

Выражение его лица не изменилось.

— Они поставили под угрозу ваше правление. Я скорее бы прирезал сотню остроухих, чем позволил Гаспару подвергать опасности жизни людей.

— Я никогда прежде не замечала в тебе такой злобы, Мишель.

Что-то в её груди сжималось от привязанности к Бриале — она знала, что разобьёт своей возлюбленной сердце действиями в Халамширале. Она вспомнила их последний разговор перед отъездом Бриалы и задумалась о страсти, звучащей в голосе эльфийки.

— Я думаю, это недостойно тебя. Эльфы не более чем крестьяне. Мы так же не можем оценить все радости и тяготы их жизни, как они не могут оценить наших. По их мнению, дни мы проводим, вкушая экзотические деликатесы, а ночами веселимся на роскошных балах.

Мишель усмехнулся услышанному.

— Похоже, что так и есть, Величество.

— Они не оскорбляли тебя, подняв это восстание. Тебе не стоит таить на них злобу.

— Я знаю, Величество. Но, как я уже говорил, они подняли восстание против вас. Я могу понять нарушение закона, даже если в конечном счёте они нарушают ваши законы. Но открыто выступать против вас... — он пожал плечами. — Я не могу понять крестьянина, эльфа или же человека, который добровольно идёт на такое. Я должен отреагировать на это. И если даже этого я сделать не могу, то какое я имею право быть вашим защитником?

Селина покачала головой.

— У тебя ещё будет возможность, Мишель. Я молюсь за нашу победу.

Они ехали молча, а Селина думала, что этой ночью она вновь будет спать одна. Зато Гаспар проведёт ночь в компании страха. Несмотря на то, что они мятежники, эльфы всё же остаются орлесианцами, и смерть их повлечёт за собой компенсацию.

И платить придётся Гаспару.

* * *

Дом лорда Мансерая в городе был чуть ли не дворцом — прекрасное поместье, укрывшееся за каменными стенами и зубчатыми железными воротами.

На небе показался полумесяц. Бриала наблюдала за поместьем из тени деревьев раскинувшегося неподалеку парка. В окнах не было света, а ворота были закрыты вот уже больше часа, все гости давно разошлись. Многочисленные дымоходы уже не выпускали клубы дыма, за исключением одного в дальнем крыле дома, который, по предположению Бриалы, выводил дым из кухонь.

Некоторые слуги всё ещё могли быть на ногах, работая в кухне или стирая бельё на завтра, но большая часть обитателей дома уже спала.

Фелассан прислонился к дереву возле неё, он был как всегда спокоен. Трен, лидер восстания, нервно расхаживал позади них.

— Ты уверена, что мы должны сделать именно так? — спросил он в третий раз.

— Это единственный способ, — ответила Бриала, стараясь, чтобы её голос звучал спокойно. — Ты думаешь, что можешь безнаказанно жечь дома и убивать стражников?

— Нет, но...

— Императрица пошлёт отряд шевалье в трущобы, они сожгут все ваши баррикады и сравняют всё с землей, — сообщил Фелассан, по-прежнему стоя у дерева. — По большому счёту, так делают все императрицы, когда кто-то возводит баррикады и объявляет бунт.

— Так что, если хочешь добиться справедливости, — продолжила Бриала, — и жаждешь смерти Мансерая, то это должно случиться именно сейчас, когда мятежники отвлекают всё внимание города на себя. Как только мы его прикончим, вам нужно залечь на дно. Завтра утром стражники должны увидеть, что эльфы ведут себя идеально. Больше никаких набегов, никакого метания камней, ничего, кроме вежливой улыбки и опущенных в пол глаз. Ты понял?

— Но... — в темноте Трен казался лишь движущимся серым пятном, но она чувствовала исходящий от него запах пота. — Неужели ты думаешь, что они обнаружат его тело и просто разведут руками? Что, если они вломятся в трущобы и начнут требовать ответы?

— Скорее всего, так они и поступят, — произнёс Фелассан.

— Но никто ничего не видел, — добавила Бриала.

Трен прекратил расхаживать туда-сюда и повернулся к ним.

— А что, если они в отместку станут убивать эльфов?

— Скорее всего, так они и поступят, — вновь сказал Фелассан.

— Но вы всё так же будете смотреть в пол и держать рот на замке, — снова добавила Бриала.

— Но... но... ты ведь долиец! — в отчаянии Трен обратился к Фелассану. — Твой народ мог бы снова провозгласить Халамширал домом эльфов!

— Да. Когда-нибудь, — Фелассан отошёл от дерева. — Но не сегодня. Сегодня ты убьёшь лорда, а потом будешь надеяться на то, что прочая знать сочтёт его ослом, за которого и мстить-то не стоит.

— Ты не понимаешь! — от злости Трен сорвался на крик. — Эльфы присоединяются к восстанию, потому что я рассказал им о смерти Лемета! Из-за меня! А теперь ты утверждаешь, что лучшее, на что нам стоит надеяться, это сожжение парочки домов и убийство нескольких эльфов?

— Я знаю, это совсем не то, что ты хотел услышать, — произнесла Бриала, и Трен развернулся к ней.

— Заткнись! Ходишь тут в своих разукрашенных доспехах, вся такая чистенькая, и ведёшь себя так, будто знаешь, через что нам пришлось пройти!

Он резко вздохнул и пошёл прочь.

Бриала не стала его останавливать. Как только он скрылся из виду, она медленно выдохнула, будто бы сбрасывая груз напряжения с плеч.

— Что ж, мне кажется, всё прошло хорошо. Как ты думаешь, дален? — спросил Фелассан, стоя позади.

— Он прав, — Бриала пожала плечами, глядя на луну, освещающую крыши. — Я выросла, служа Селине. И хотя со мной не всегда хорошо обходились, мне всё же было лучше, чем в эльфинаже. Дыхание Создателя, я живу во дворце в Вал Руайо.

— И для тебя это был один бесконечный праздник, верно? — рука Фелассана опустилась на её плечо. — Ах, нет, погоди, всё это время ты выведывала информацию для императрицы и призывала её помочь этим эльфам всеми мыслимыми способами, которых никто теперь и не заметит.

Не говоря ни слова, Бриала кивнула. Сказанное было правдой, однако её это ничуть не успокоило.

— Или же... — Фелассан усмехнулся. Его рука сжала плечо эльфийки, развернув к себе. В лунном свете его глаза казались двумя черными пропастями. — О, ты же не знаешь, что именно ты делаешь? Действительно ли ты делаешь это для того, чтобы помочь спасти жизни своих сородичей или ты поступаешь так, чтобы защитить свою императрицу?

— Одно связано с другим, — без колебания ответила Бриала. — Я знаю, что Гаспар будет жесток по отношению к эльфам и я не смогу на него повлиять, — она сняла свой лук и вышла из тени деревьев. Фелассан последовал за ней. — Это единственный выход.

Фелассан усмехнулся.

— Что ж, отлично. Тогда хватит ходить вокруг да около, пора убивать лорда.

Впереди, там, где заканчивалась лужайка, ждал Трен. Бриала взглянула на него, на этого эльфа-борца, мстящего за своего убитого друга, и спросила:

— Способны ли долийцы помочь этим эльфам?

Фелассан долго хранил молчание, а затем наконец ответил:

— Сомневаюсь, что мы когда-нибудь выясним это.

— Почему нет?

— Потому, — сказал Фелассан, — что долийцы никогда не увидят в этом смысл.

— Вы готовы? — выкрикнул Трен, опередив другие вопросы, возникшие у Бриалы.

— Если ты готов, — Бриала достала из колчана стрелу. — Пора вершить справедливость во имя твоего народа.

Ровным, даже неторопливым шагом Фелассан пересёк дорогу и остановился у каменной стены особняка лорда Мансерая. Стена высотой в двенадцать футов была увенчана железными зубцами, а дабы отвести возможного вора, сверху на стене были рассыпаны осколки битого стекла.

Положив руку на каменную стену и закрыв глаза, Фелассан протяжно вздохнул.

Глухая вибрация, зародившись где-то в животе Бриалы, достигла её ушей, и тут камни в стене лорда Мансерая задвигались. Послышался пронзительный скрип металлических зубцов, и камни начали падать из стены, в которой образовались огромные трещины. Стена рядом с Фелассаном осела, будто бы это была снежная крепость, тающая под лучами весеннего солнца, а его рука замерцала бледновато-зелёным светом.

Бриала вздрогнула, когда один из зубцов, искривлённый под воздействием разрушения стены, отломился и с лязгом упал на землю.

— Я думала, всё это случится немного тише.

— Ты думала, разрушение камня и металла может быть более тихим? Серьёзно? — Фелассан опустил руку. Услышав, как в округе начали лаять псы, он добавил: — Разделимся?

Стена просела в том месте, куда было направлено заклинание, и там образовался проход в несколько футов высотой. Со всех сторон от прохода камни были разбиты, а железные зубцы, закрученные под немыслимыми углами, напоминали зубы какого-нибудь огромного чудовища. Бриала осторожно вошла в проход, подняв лук.

За стеной её ждал аккуратно подстриженный газон и живая изгородь, выполненная в форме драконов, грифонов и прочих существ. За газоном виднелся тщательно отделанный особняк, белоснежные колонны которого освещались магическим светом так, чтобы было видно бронзовую статую императора Драккона, сражающегося с порождениями тьмы. Бриала спряталась в тени скульптуры величественного виверна. Затем

эльфийка стрелой промчалась через газон, чтобы укрыться под распростёртыми крыльями грифона. Трен и Фелассан последовали за ней.

— Кто здесь? — послышался окрик со стороны дома. Бриала увидела вышедшего из-за угла стражника, в недоумении смотрящего на стену. — Во имя Создателя, что это?

Её стрела поразила его прямо в горло, и он умер, не успев закричать. Из-за колонны показался второй стражник, увидел, как его собрат упал на землю, и завопил что есть силы.

Фелассан вскинул руку, и прямо из земли вырвался валун размером с колесо телеги, со свистом полетел в стражника и впечатал того в каменную колонну. Стражник осел с неестественно вывернутой шеей и больше не шевелился.

— Проклятье, — Бриала вышла из тени изгороди. — Через минуту они все будут тут.

— Ну, я не виноват. Делаю, что могу.

— Идём, сейчас же!

Она рывком бросилась к дому.

Она скользнула по газону, миновав прекрасный мраморный фонтан с веселящимися бронзовыми нимфами, и поднялась по лестнице, где лежали два мёртвых стражника. Как только она достигла верхней ступени, из-за угла выскочили четыре стражника с мечами и щитами наизготовку.

— За эльфов! — прозвучал крик Трена где-то позади Бриалы, а секунду спустя мимо неё пронёсся камень, угодивший одному из стражников прямо в нагрудник, заставив того отшатнуться.

Они были вооружены, закованы в броню и превосходили численностью небольшую группу эльфов — четверо против троих. Более того, Бриала понимала, что чем дольше они будут сражаться, тем больше внимания привлекут.

Дело нужно было сделать быстро.

Она метнулась вперёд, стреляя прямо на ходу. Стрелы одна за другой рассекали воздух и отскакивали от железной брони. Стрельба на бегу в полнатяга не могла пробить броню, но заставляла стражников спотыкаться и отшатываться, и пущенная в полную силу стрела застала их, когда они ещё возились со своими щитами. Она пронзила ногу стоящему впереди стражнику, пробив его доспех. Он закричал и упал на одно колено.

Другой стражник, заметив, что эльфийка не успела приготовить следующую стрелу, накинулся на неё, чужая легкую добычу. Однако она уклонилась от удара, выхватила кинжал из ножен и полоснула по его лицу одним плавным движением. Человек с воплем рухнул на землю, а Бриала уже двинулась дальше.

— Ох, несчастное дурачье, — Бриала услышала голос Фелассана за спиной и вздрогнула, увидев как молния поразила стражника, движущегося прямо на неё с другой стороны. Он вскрикнул и содрогнулся, парализованный спиралью магической энергии, а затем упал с дымящимся нагрудником. — Всегда набрасываетесь на тех, кто ближе к вам, совершенно забывая о тех, кто позади, но может вас поджечь.

Отбросив свой лук, Бриала достала второй кинжал и повернулась к стражнику, которого ранила стрелой. Он, гримасничая, замахнулся на эльфийку. Она отшагнула, а затем быстрым выпадом прикончила его, полоснув серебряными кинжалами по горлу. Бриала развернулась к последнему стражнику только для того, чтобы удостовериться, что с ним покончено. Трен рассёк его горло чем-то, напоминавшим ржавый мясницкий тесак. Он заметил её взгляд и кивнул с мрачным выражением лица.

Фелассан подошёл к ступеням, его посох потрескивал, окутанный волнами зелёной энергии.

— Идите, — сказал он. — Ваши соплеменники где-то там отвлекают внимание городской стражи, а я здесь буду отвлекать людей Мансерая.

Он, не останавливаясь, направил свой посох на стражника, ослеплённого Бриалой, и прикончил его копьём изумрудного света.

Подняв лук, Бриала перекинула его через плечо. Она сомневалась, что у неё будет много возможностей для стрельбы в тесных коридорах особняка. Кивнув Фелассану, она неслышно отворила огромную бронзовую дверь и прокралась внутрь, держа кинжалы наготове.

На ночь светильники были приглушены, и ей пришлось щуриться в сумраке. Её броня, сделанная из драконьей кожи специально для её стройной фигуры, позволяла ей двигаться так бесшумно, будто бы она носила мантию. Трен шёл с необычайной осторожностью эльфа, рождённого в трущобах.

Бриала побывала во многих знатных домах и знала, как они в общем выглядели внутри, поэтому она уверенно зашагала к лестнице. Трен следовал за ней. Темноту коридоров изредка прорезал лунный свет, отсвечивающий от картин на стенах.

Впереди Бриалы с едва уловимым скрипом старого металла открылась дверь, и в коридор вышла одетая в мантию служанка. Она повернулась, заметила их, и её рот округлился.

В течение показавшегося очень долгим мгновения никто из них не шевелился. Бриала смотрела на служанку — эльфийку по меньшей мере шестидесяти лет, облачённую в потрёпанную мантию, ходить в которой зимой было бы невозможно. Суставы её пальцев были распухшими и узловатыми, а седеющие волосы, выбившиеся из пучка, свисали вдоль её бледного лица.

Не говоря ни слова, женщина указала на дверь, располагавшуюся ниже. Затем она чуть заметно кивнула Бриале и вернулась в комнату, из которой вышла. Дверь осторожно закрылась, и Бриала услышала щелчок закрывающегося замка.

— И она ему служит, — прошептал Трен, качая головой. Бриала направилась к двери. Мягкие кожаные подошвы её сапог не издавали ни малейшего шума, когда она ступала по коврам.

Трен тихонько отворил дверь.

По его потрясённому взгляду Бриала догадалась, что комната, должно быть, шокировала Трена своим роскошным видом. Для Бриалы же она была лишь признаком наличия большого количества денег, достаточного, чтобы тратить их на различные изыски, — и отсутствия вкуса у их обладателя. Ферелденские меха висели по соседству с тевинтерскими статуями и андерфелскими скульптурами. На прикроватной тумбочке небрежно лежал наполовину вытасченный из ножен кинжал, украшенный драгоценными камнями. На стене висела картина, в тусклом лунном свете напоминавшая подлинную работу Калиастри, но висела она так, что за несколько лет солнце обесцветит все цвета.

Лорд Мансерай спал один на массивной кровати с балдахином, еле слышно похрапывая. Как оказалось, он предпочитал спать в обнажённом виде.

Трен смотрел на человека, убившего его друга.

— За преступления против эльфов и убийство Лемета, — начал было он, но замолчал, как только Бриала, даже не остановившись на входе, подошла к кровати, склонилась над спящим и перерезала горло Мансерая. — Что же ты... Я хотел, чтобы он знал!

Вытерев кинжал о простыни, она кинула взгляд на труп.

— Я думаю, он догадался. Пошли.

— Это был не твой бой, — Трен сверкнул на неё глазами.

— Именно поэтому я и была нужна тебе здесь, — ответила Бриала и вздохнула, заметив его озадаченный вид.
— Я понимаю твои чувства. Я прикончила аристократку, убившую моих родителей.

Этот факт заинтересовал Трена.

— Я думал, что ты шпионишь для какого-нибудь лорда.

— Нет, — Бриала выглянула из спальни, осматривая коридор. Она не заметила присутствия стражников в особняке, но лучше всегда знать наверняка. — Я шпионка императрицы, — и поскольку это было не совсем ложью, да и Трену нужно было объяснение, она добавила: — Императрица Селина не могла арестовать лорда Мансера, не вызвав при этом гнев других вельмож, но ей было угодно, чтобы правосудие восторжествовало.

Она проскользнула в коридор, Трен следовал за ней. Оба держали кинжалы наготове.

— То есть императрица отправляет тебя убивать тех, кто ей не по душе? — спросил Трен. У него хватило здравого смысла говорить шёпотом теперь, когда они покинули спальню.

— Да, — Бриала тратила куда больше времени наблюдая и слушая, чем убивая, но за те два десятка лет, что Селина правила Орлеем, Бриала пачкала свои руки кровью довольно часто.

— Таких, как та аристократка, погубившая твоих родителей?

— Нет.

Она остановилась, услышав глухой стук за углом, а затем с облегчением выдохнула, увидев, что это была всего лишь кошка, совершавшая ночную прогулку.

— Это было личное. Именно поэтому я была нужна тебе здесь. Когда я пошла на убийство той аристократки, моя жажда мести чуть не свела меня в могилу.

Они осторожно шагали вниз к переднему салону.

— Тогда, наверное, я рад, что ты была здесь, — произнес Трен за её спиной.

— Как и я, — улыбнулась Бриала.

Она сделала это.

Бриала не позволяла себе задумываться об этом раньше, когда только приехала в город вместе с Фелассаном и увидела бедолаг эльфов, вообразивших себя мятежниками. Они строили баррикады, через которые перескочил бы любой шевалье. Они носили плохо сделанные кожаные доспехи, которые топор или алебарда разрубили бы в два счёта, будто это был всего лишь атлас. Наивные, они говорили, что Халамширал вновь будет принадлежать эльфам. Грустно было смотреть на то, что они гордятся столь малым, не ведая, сколько бед навлекут, и не зная, что они лишь в шаге от смерти от рук солдат имперской армии.

Армия разбила бы их за считанные часы.

Если бы Селина их только видела, она бы мгновенно отменила свой приказ, и Бриала оказалась бы не в том положении, чтобы спорить.

Бриала задавалась вопросом, что именно Гаспар хотел получить в итоге с эльфийской проблемой. Его натура была слишком авантюрной и беспринципной, чтобы попросту от этого отказаться и поступить по-настоящему мудро. Если повезет, он скажет, что это была катастрофическая ситуация, требовавшая твёрдого решения, так что когда проблема по непонятным причинам исчезнет, он будет выглядеть ещё большим дураком.

Через всё ещё открытые бронзовые двери, видневшиеся впереди, двор выглядел безжизненным. Бриале было интересно, разобрался ли Фелассан со всеми стражниками Мансерая. Снаружи было светло. Может, он что-то поджжёт?

Выйдя наружу и щурясь от яркого пламени факелов, она увидела дюжину облачённых в доспехи людей на лошадях, окруживших её со всех сторон.

— Именем императрицы Селины, — прозвучал голос сэра Мишеля. — Вы арестованы за убийство лорда Мансерая.

На секунду ей показалось, что она ослышалась, но когда её глаза привыкли к яркому свету, она разглядела плащи окруживших её людей с золотым львом на пурпурном фоне.

Она увидела мрачное и решительное лицо сэра Мишеля. Он лишь кивнул в ответ на её изумленный взгляд.

Всё-таки она потерпела неудачу.

Фелассана нигде не было, хотя повсюду виднелись глыбы камня, вырванные из-под доселе нетронутого газона, некоторые мраморные колонны были опалены, а рядом с ними замерли скрюченные тела стражников Мансерая.

— Я сдаюсь, — сглотнув ком в горле, Бриала бросила кинжалы и подняла руки вверх, показывая, что в них ничего нет. Сильверитовые кинжалы упали на землю со звуком бьющегося стекла, хотя, конечно, на клинках не появилось ни царапины. Несколько шевалье кинули взгляд на землю, услышав этот звон. Они были удивлены тем, что эльфийка так хорошо вооружена. Вне всяких сомнений, они узнали этот звук, ведь все из них принадлежали к знати. Все, кроме Мишеля, мрачно улыбнулась про себя Бриала.

Селина подарила их Бриале, когда та вернулась к ней в Вал Руайо. Той ночью они впервые занимались любовью.

— Предательница! — закричал Трен, и Бриала не могла сказать ничего в свою защиту.

Трен поднял свой нож, нечленораздельно вопя, и его тут же поразила дюжина арбалетных болтов. Он умер прежде, чем его тело коснулось земли.

Сэр Мишель спешился и шагнул вперёд с кандалами наготове.

— Сэр Мишель, — сказала Бриала. — Мы всё время встречаемся в странных местах.

Он промолчал в ответ. Выражение его лица было угрюмо и неподвижно. Мгновение спустя Бриала поняла, чего он так боится.

— Нет, — еле слышно сказала она. — Я не позволю этому пропасть даром.

Даже если он и сдержит своё слово, они не выстоят в битве против одиннадцати шевалье.

Он вновь не сказал ни слова, но кивнул ей, и напряжённые мышцы его шеи расслабились. Это её удивило. Вряд ли кто-то из его братьев-шевалье поверит хоть слову, сказанному ей здесь, прямо перед домом, где её рукой был убит лорд. Так что волновался он оттого, что был готов сдержать своё слово. Он был куда более благородным человеком, чем большая часть знати.

Мишель развернул её, решительно, но не грубо, и застегнул кандалы за её спиной. Затем он повёл пленницу через двор покойного лорда Мансера. Другие шевалье, окружив Бриалу, ехали в тишине. Бриала не знала, было ли им приказано обращаться с ней не так грубо или же её явно дорогие доспехи говорили им о том, что она работает на какого-нибудь аристократа, следовательно, просто так избивать её они не должны. Она очень сомневалась в том, что кодекс чести обращения с заключёнными применяется и к эльфам-убийцам.

С каждым шагом в её голове рождались всё более странные мысли. Эти люди вторглись сюда и требуют, чтобы эльфы сдались. Дело заключалось не в том, чтобы остановить эльфов, но даже если и так, шевалье просто поубивали бы их на месте. Дело было в самой Бриале. Именно поэтому с ней так мягко обходились.

Могут ли они быть заодно с Гаспаром, идя против плана Селины? Маловероятно. Сэр Мишель никогда бы её не предал, и хотя Мельсендре удалось однажды шантажировать его, он слишком стыдился этого и не позволил бы одной и той же уловке сработать дважды. Селина сама отправила этих шевалье. Неужели Гаспар предпринял что-то, чтобы управлять императрицей? Что заставило её поменять своё решение?

Миновав факелы, Бриала увидела ночное небо, полыхающее красным.

Она почувствовала запах гари — это горели халамширалские трущобы.

После этого Бриала перестала думать.

* * *

Когда наступило утро, большая часть работы была уже сделана.

Императрица Селина ехала со своими войсками на своей белоснежной лошади. Она была блистательна в королевской броне, сияющей даже в тусклом, дымчатом свете восходящего солнца. Она знала, что должна чувствовать себя утомлённой. Но даже учитывая тот факт, что она сегодня легла спать поздно, волшебство зари пробуждало её разум, давало ей силы двигаться вперёд.

Заслышав лязг доспехов надвигающейся армии, эльфы попытались соорудить зубчатую стену при помощи палок, ножей и деревянных щитов, бывших некогда столами в тавернах. Орлесианская армия, в каждом ряду которой маршировало по четверо солдат, протискиваясь через узкие и извилистые улочки Халамширала, взяла эльфийские сооружения, даже не замедлив шаг. Как только солдаты добрались до площади, вперёд вырвались всадники, хлынув по бокам двумя потоками. Они убивали эльфов, пытавшихся сбежать, и вселяли ужас в тех, кто собирался дать отпор.

После этого Селина больше всего опасалась того, что войска позабудут о дисциплине и устроят празднество на всю ночь. Селина знала, что в этих трущобах жили эльфы, и в случае чего они могут быть крайне жестоки. Она ехала немного поодаль, находясь под защитой и отдавая приказы солдатам, когда они, казалось, были готовы броситься обыскивать дома в поисках лёгкой добычи.

Они прошли сквозь эльфийские трущобы с поистине военной точностью. Когда они возвращались, позади них полыхали трущобы, занятые мятежниками.

Лорды и леди Халамширала собралась на рыночной площади верхнего города за воротами, разделяющими знать и простолюдинов. В полной тишине они ждали возвращения императрицы и её войск. Знать вместе со своими телохранителями стояли впереди. Немного в стороне, держа наготове ведра, ожидали купцы, ремесленники и слуги. Эта была мудрая предусмотрительность. Жар позади Селины был подобен кипящей завесе, пытавшейся забрать воздух из её легких. Искры и угли свободно перелетали через каменные стены, защищавшие благородных.

Селина подумала, что эти каменные стены были возведены тогда же, когда эльфы построили Халамширал. Она спросила себя, могли ли эльфы когда-нибудь представить себе, что однажды эти стены будут защищать знатных людей от эльфов, гибнувших в огне с той стороны.

Сэр Мишель стоял среди собравшихся вельмож. И хотя в этот вечер он не был в бою, он выглядел усталым. Когда он посмотрел мимо императрицы на объятые огнём трущобы, в выражении его лица проскользнула печаль, которую он так отчаянно пытался скрыть тогда в экипаже.

Селина остановила лошадь во главе своих войск и сняла шлем, под которым не оказалось маски — поблажка для того, кто носит броню. Её бледное лицо не дрогнуло, когда она встретила взгляды толпы.

— Да здравствует Императрица Селина! — раздался крик Мишеля над тихой площадью.

В сером свете рассвета тысячи голосов выкрикнули её имя, и тысячи людей пали перед ней на колени.

Она продолжала сидеть в седле, наблюдая за происходящим. Это была одна из причин, почему она ездил в сопровождении войск, закованная в броню, которая никогда не была ей нужна. О ней непременно скажут, что она жестока. Её спросят, не выжила ли она из ума. Но теперь у нее есть тысячи живых свидетелей, которые точно знали, как Императрица Селина подавила восстание.

В такой момент необходимо было сказать речь, но слова, подготовленные ею, совсем не подходили к моменту, особенно сейчас, когда её волосы пропахли дымом горящих домов. Она обратилась к правителю Халамширала, графу Пьеру, которому она доверила командование войсками, сровнявшими с землей часть его города.

— Граф Пьер, — сказала она, и голос её донёсся до самых отдаленных уголков площади. — Мои солдаты проделали длинный путь без отдыха. И хотя эти действия были необходимы, нет ни капли радости в уничтожении даже такой крохотной части этого славного города.

Существовал лишь один приемлемый ответ, и Пьер это знал.

— Мы благодарим вас, Ваше Величество, за то, что вы вновь вернули безопасность нашему городу. И нам снова следует выразить наше сожаление касательно того, что в нашем великолепном Халамширале могло возникнуть такое восстание.

— Сегодня предстоит еще много работы, — сказала Селина. — И присутствие солдат её не ускорит. Я и мои войска уйдём и отдохнём в моем Зимнем Дворце за пределами вашего прекрасного города.

Расстояние до дворца, в котором члены её семьи по традиции проводили холодные зимние месяцы, было небольшое. После такой длинной ночи стоило его преодолеть. Её солдаты могли расположиться там с большими удобствами, чем в Халамширале... А Халамширал сможет начать хоронить своих погибших.

Сидя на лошади, Пьер поклонился.

— Ваше Величество, ваши солдаты настоящие герои, и есть они должны, как подобает героям. Как только вы отправитесь, я прослежу, чтобы в ваш дворец было послано продовольствие.

Селина кивнула, и граф Пьер медленно начал отъезжать, толпа расступалась перед ним. Сэр Мишель взобрался на лошадь и занял место рядом с Императрицей. Вместе она выехали из города.

— Вы справились, сэр Мишель? — спросила она, не глядя на него.

— Успешно, Императрица. Эльф-простолоудин, что был с ней, оказал сопротивление и был убит. Как вы и приказали, она была заключена под стражу без боя.

— Благодарю.

Светало. Городские флаги неспешно меняли цвет с серого на красный.

— В каком состоянии заключённая?

— Она... не очень хорошо восприняла пожар, Императрица.

— Ясно, — кивнула Селина. Никакие чувства не отразились на её лице, даже несмотря на то, что на ней не было полумаски и макияжа. Ведь люди могут смотреть из окон, ожидая увидеть малейшее проявление слабости.

Когда войска Селины прошли через городские ворота, солнце уже взошло. Массивные грубо сделанные ворота располагались на древней плите, которая, по словам многих, была заложена ещё в те времена, когда эльфы правили городом. Согласно истории, стены города были настолько прочны, что когда в ходе Великого Похода ворота были разбиты мощным ударом, завоеватели не смогли разрушить укрепления. Всё это

придавало городу неожиданную и необычную атмосферу. Сторожевые башни грациозно возвышались над городом, и древнее основание с новой застройкой вместе не слишком подходили друг к другу.

— Вот и всё, — сказала Селина, как только звук шагов её лошади сменился с цоканья по брусчатке на глухой перестук по грязной дороге. — Проклятый гамбит Гаспара провалился, — и это обошлось ей в тысячу эльфийских жизней и потерю Бриалы.

Впереди них виднелись первые торговые караваны, приближающиеся к городу.

— Но в этом вряд ли есть смысл, — произнес сзади сэр Мишель. — Я был так занят поисками Бриалы, что почти забыл о Гаспаре... Но он должен был понимать, что вы легко можете опровергнуть его лживые сплетни о вашей симпатии к остроухим.

— Неужели? — Селина пожала плечами, её роскошные доспехи слегка скрипнули. — Он знает, что я никогда не вела за собой войска в бой и думает, что у меня не хватит решимости сделать то, что должно.

Или же в Вал Руайо её будет ожидать ещё больше слухов и выпадов, и ей вновь придется сразиться с ним, чтобы погасить скандал, который он разжёт в очередной раз.

— Нет... — нахмурился Мишель. — При всём уважении, Императрица, несмотря на своё шутовство, Великий Герцог Гаспар — шевалье. Он изучал военную стратегию. Наверняка он это предвидел.

— Ты прав, — Селина потянула поводья, заставляя лошадь ехать медленнее. — Он предвидел.

Стражники торгового каравана впереди сбросили свои коричневые плащи, под которыми скрывалась броня шевалье. Из травы поднялись сотни лучников.

Когда Селина развернулась, чтобы предупредить свои войска, тусклое рассветное небо уже потемнело от стрел.

Глава 7

Лучники Гаспара открыли огонь, и он усмехнулся, невидимый за деревьями.

Рядом с ним спокойно стоял герцог Ремаш вместе со своей лошадью, закованный в великолепный полный пластинчатый доспех из отражающего свет сильверита, окрашенного в цвета его дома.

— Я удивлен, что кодекс шевалье позволяет тебе применять такую тактику.

— Нас учат сражаться с честью, Ремаш, а не по-идиотски, — ливень стрел обрушился на разрозненные шеренги армии Селины. Изнурённые долгим маршем и кровавой резнёй солдаты подняли щиты всего на один удар сердца позже, чем следовало, и над полем раздались крики умирающих. — Кодекс призван вести нас к славе, а не ограничивать наши тактические маневры. Понимаешь разницу?

— Не совсем, Великий Герцог, — Ремаш подтянулся и сел в седло, игнорируя слугу со скамеечкой. — Но я ведь не обучался вместе с шевалье.

Гаспар тоже вставил ногу в стремя. Его сильверитовая броня блестела так же, как доспехи Ремаша, однако герба на ней не было.

— Я не стану убивать Селину, — сказал он, садясь в седл, — не стану травить её ядом или отправлять каких-нибудь простолудинов с арбалетами пристрелить её издалека.

— Но поднимешь против неё восстание.

В небо поднялась вторая волна стрел. Несчастные солдаты Селины пытались собраться в оборонительный строй.

Гаспар помолчал, осматриваясь.

— Это положит конец всем раздорам, учитывая, что ты будешь на моей стороне, Ремаш.

— Повторяю, Великий Герцог, — сказал Ремаш. — Меня не особо интересует кодекс.

— Ты не очень жалуешь шевалье, не так ли? — спросил Гаспар. Ремаш не ответил, и Гаспар вздохнул. — Когда мне бросает прямой вызов шевалье, я отвечаю без промедления. Я не отступаю без приказа командира, и я не убиваю лорда или леди вне поля боя, если только это не законная казнь именем империи. И я не ношу символы своего дома, пока сражаюсь с Селиной.

— А я всё гадал, почему, — Ремаш указал на лишённый геральдических символов нагрудник Гаспара.

— Восстать против императрицы в фамильных цветах — значит посрамить Дом Шалон, — пояснил Гаспар.

— Если я проиграю, я не позволю империи считать мой дом ответственным за мои поступки. Я имею право на эту битву только как Великий Герцог и человек, в чьих жилах течёт императорская кровь. Какой бы титул ещё я ни носил, он будет заработан мною сегодня на поле брани.

— Сомневаюсь, что Селина примет во внимание цвет твоего доспеха, решая судьбу твоих родственников, если ты сегодня проиграешь, — с улыбкой произнес Ремаш.

Гаспар фыркнул от смеха.

— Верно. Но, к счастью, я не планирую проигрывать.

Он окинул взглядом отряды всадников, ожидающих за деревьями — шевалье, простые дворяне вроде Ремаша и хорошо вооружённые конники не дворянского происхождения в лёгкой броне.

— Кстати, об этом... Их войска продвигаются?

— Да, милорд! — донесся до них ответ разведчика с высоты деревьев.

— Отлично. Выходят защищать свою императрицу, — Гаспар протянул руку и принял поданное копьё.

— Они должны были отступить обратно в город, — Ремаш покачал головой и опустил забрало.

— Селина ехала впереди, — с широкой ухмылкой отметил Гаспар. — Ни один шевалье не позволит императрице погибнуть, пока сам отступает в безопасность. И это удерживает их на поле для нас, — он привстал в стременах. — Трубить наступление!

Клич прокатился по отрядам. Гаспар опустил забрало, устроился в седле поудобнее и прищпорил коня.

Производимый армией шум всегда удивлял его. Его восприятие мира сузилось до расположенного впереди противника и травяного моря между ними, и он лишь смутно осознавал присутствие сотен подстегивающих своих лошадей позади него солдат. Но стук копыт, звон доспехов прогремели над землей и потрясли его до самых костей, как и собственное затруднённое дыхание под шлемом. Приноровившись к ритму бега лошади, он прислушался к шуму битвы, почувствовал шаг коня, оценил дистанцию до неприятеля, рассчитал время и вступил в бой точно в момент столкновения с врагом.

Сильный удар отбросил неловко выставленный щит противника и пробил нагрудник. Смертельный удар, удовлетворённо отметил Гаспар. Если раненого не раздавят в бою, он будет стонать от боли в палатке, пока кровь не вспенится у него на губах и толковый лекарь не положит этому конец.

Мысль эта была краткой, как удар сердца, и Гаспар уже прорубался сквозь ряды противника. Копьё сломалось, он выхватил клинок, рубя короткими взмахами настолько сильно, насколько позволяла скорость его коня без риска лишиться меча. Отразив удар щитом, он поскакал дальше, второй удар скользнул по наплечнику, а в следующий момент он внезапно оказался вне боя.

Он резко осадил коня и заставил его развернуться. Войско Селины предпринимало жалкие попытки одновременно и построиться, и отступить. Ближайшие к Гаспару солдаты пробивались сквозь вражеские ряды, а люди по бокам резко остановились вместо того, чтобы по его приказу прорываться вперед.

В гуще сражения царил хаос, императрица была окружена.

Гаспар увидел, как Ремаш точным ударом зарубил солдата. Он был в хорошей форме. Мог бы стать шевалье, если бы не его возвышенные и странные представления о тактике.

С громким хохотом Гаспар пришпорил коня и бросился обратно в бой.

* * *

Рослый воин взмахнул огромным молотом, его удар пробил отчаянную оборону Селины и с сокрушительной мощью врезался в её броню.

Мир вокруг Селины закружился, когда она упала с лошади, и второй страшный удар выбил из её лёгких оставшийся воздух. Мир взорвался кричащими цветами, причиняющими своим сиянием боль, а вокруг сражались и умирали люди. Утреннее небо было затянуто дымом.

Сэр Мишель оказался отрезан от неё и теперь отчаянно жестикулировал в грохоте битвы, призывая её отступить под прикрытие деревьев. В окружении нескольких своих людей она почти добралась туда, пока основные силы пытались восстановить боевой порядок, но солдаты Гаспара перехватили её маленький отряд.

И тогда всё накрыли беспорядочный лязг металла и пронзительные крики боли.

Над ней стоял воин Гаспара — огромный мужчина в огромном доспехе. Если он и сказал что-то, его слова потонули в шуме битвы. Он не поприветствовал её взмахом своего молота и не протянул руки в традиционном жесте, требующем её капитуляции. Развернувшись, он раздробил череп её солдату — последнему, что оставался на ногах — и повернулся к ней, без колебаний занося молот.

В ту минуту Селина осознала, что действительно может погибнуть.

Она попыталась отползти от воина, но дыхание её ещё не восстановилось, а бок был сдавлен разбитой бронёй. И она понятия не имела, где обронила свой церемониальный клинок.

Она в панике вцепилась руками в землю, когда солдат Гаспара поднял оружие для последнего удара.

И тут из оглушительного рёва сражения показался сэр Мишель. Его боевой конь налетел на солдата, и могучий воин рухнул на землю. Секундой позже Мишель спешился, безупречный сильверитовый меч и щит наготове.

Солдат поднялся на ноги с грацией танцора, несмотря на массивный доспех, поднимая молот против Мишеля, но Мишель шагнул вперед, блокируя рукоять молота своим щитом, и поразил солдата ударом шлема в лицо.

Селина с трудом перекатилась на живот. Давление на грудь заставляло её бороться за каждый крошечный вдох, причину она поняла, посмотрев сквозь застилавший её глаза темный туман вниз. Как бы ни был крепок её нагрудник, удар молота сильно погнул его, и Селина словно оказалась закована в удушающий стальной корсет.

Пока Мишель сражался за её жизнь, Селина нащупала прячущийся в специальном потайном углублении её перчатки кинжал. Она высвободила его и, задыхаясь, начала перерезать ремни, удерживающие нагрудник.

Она слышала зловещий скрежет металла и лязг нашедшего свою цель молота, но заставила себя не смотреть на сражающихся и продолжала резать. Независимо от того, победил ли Мишель мерзавца или лежит на земле, истекая кровью, ей всё равно необходимо избавиться от нагрудника, поэтому она сосредоточилась на упорном перепиливании драконьей кожи. Дышать становилось всё тяжелее, в голове стучало, а перед глазами заплясали цветные пятна, но пряжка наконец поддалась, и часть нагрудника повисла под кривым углом. Она с

наслаждением сделала дрожащий вдох и поспешно принялась за другой ремень. И вот грудка бесполезного металла упала на землю за её спиной.

Селина отдала бы все Доли за одну-единственную минуту, чтобы посидеть спокойно и восстановить дыхание.

Но она всё ещё являлась Императрицей Орлея — и несмотря на то, что титул этот не остановил атаку Гаспара, не защитил её от удара молотом, осознание его послужило достаточной причиной для того, чтобы она поднялась на ноги. Когда она встала, кольцо на её правой руке наполнилось магией, и вдоль кинжала зазмеились языки пламени.

Мишель и солдат Гаспара зашли в тупик: щит Мишеля блокировал молот вражеского воина, и каждый из них двигался с одинаковой скоростью и упорством. Однако так не могло продолжаться вечно: пусть Мишель был ниже и устойчивее, но его противник был попросту настолько огромен, что рано или поздно сбил бы Мишеля с ног в любом случае.

Она приблизилась к воину сзади так тихо, как только могла в своих тяжелых поножах, и без промедления вонзила пылающий кинжал тому в подмышку.

Солдат Гаспара завопил, дёрнулся и открылся для удара Мишеля. Защитник императрицы мощным толчком отпихнул воина назад, и Селина посторонилась, на всякий случай подняв кинжал.

Мишель продолжил атаку размашистым ударом сверху вниз, который солдат Гаспара слабо блокировал, затем остановил щитом молот и вонзил меч глубоко в ногу противника. Тот упал на одно колено, выронив своё оружие на траву, и Мишель в завершающем ударе рассёк бронированный воротник и поразил горло врага.

— Величество, — Мишель тяжело дышал, а солдат Гаспара рухнул, содрогаясь, — здесь не безопасно.

— Благодарю тебя, мой защитник, — Селина закашлялась, всё ещё пытаясь выровнять дыхание. — Я догадывалась, — она перевела взгляд на могучего воина, который дёрнулся последний раз и наконец затих.

Селине уже приходилось убивать. Любая женщина, которую Леди Мантиллон учила искусству барда, способна не только перерезать какому-нибудь убийце глотку в спальне, но также обучена спустя две минуты после этого спокойно вернуться на праздничный вечер — с чистыми руками и идеальным макияжем — и завести там остроумную беседу. Даже в ходе подобных тестов Леди Мантиллон хвалила её за хладнокровие.

И всё же, это было давно.

— Примите мои извинения, — сказал Мишель. — Я подвёл вас.

— Тише, Мишель. Я всё ещё дышу, а это значит, ты не подвёл, — Селина оглянулась на оставшихся на поле боя солдат. Её люди были перебиты, больше не было никакого строя, лишь разрозненные группки людей, которых жестоко добивали воины Гаспара. Лишившиеся всадников кони метались по полю боя и ржали, а на последних солдат Селины до сих пор сыпались дождем стрелы. Люди в имперских плащах бежали в лес, бросив свои щиты.

А ведь она обещала им после изнурительного марша пусть безобразную, но краткую резню, зато потом — целую неделю отдыха в Зимнем Дворце.

— В город, как думаешь? — спросила она.

Мишель кивнул.

— Не вижу альтернативы, — он свистнул коню, ловко взобрался на него и подтянул Селину в седло позади себя.

Она открыла было рот, чтобы настоять на своей способности ехать самостоятельно, но вдруг увидела свою белоснежную кобылу, лежащую неподвижно в нескольких ярдах поодаль. Шея животного была искривлена, в

боку торчало несколько стрел. В тот момент Селина смогла подумать лишь о том дне, когда последний раз ездила на ней верхом: на охоте в лесах, и Гаспар тогда говорил ей, что всё случившееся будет на её совести.

Если бы она тогда знала, что произойдет, то убила бы его на месте и покончила с этим.

Они мчались во весь опор. Мишель взмахнул мечом по широкой дуге, прорываясь через пеших солдат и не позволяя подобраться ближе конным. Поначалу казалось, что они затерялись в хаосе битвы, ничем не отличаясь от других всадников, но затем раздалось заглушающее стук копыт крики, и вокруг них замелькало ещё больше стрел. Одна ударила по наголеннику, и Селина почувствовала, как по её незащищённой спине стекает капелька пота. Спустя мгновение Мишель резко вскинул свой щит, и об него на расстоянии ладони от лица Селины разбилась другая стрела.

— Благодарю, мой защитник, — её подбрасывало на лошади за его спиной, поэтому слова прозвучали с запинкой.

— Я глупец, Величество. Нужно было посадить вас спереди, — Мишель разрубил копьё вместе с державшим его копейщиком.

Вырвавшись из тисков битвы, они помчались вперёд под прикрытие городских стен. Сзади доносился металлический лязг, Селина оглянулась и увидела погоню: всадники Гаспара мчались за ними.

Через плечо Мишеля Селина видела, что ворота всё ещё открыты. Наружу из них высыпали солдаты — люди графа Пьера из Халамширала. Её сердце забило сильнее, она оглядела собственную армию. С этими солдатами у них, быть может, ещё был шанс побороться с Гаспаром.

Однако при взгляде на остатки собственных сил её вдруг сразила мысль, что она самолично сожгла четверть города Пьера, чтобы подавить восстание, с которым он сам якобы не мог справиться. Восстание, которое заманило её в ловушку Гаспара.

— Они на нашей стороне? — прокричала она Мишелю в ухо.

— Мы выясним это через минуту, Величество, — не оборачиваясь, ответил он.

Вперёд городской стражи к ним выехал граф Пьер в сопровождении своих шевалье. Его доспех был замаран пятнами сажи и покрывшего весь город пепла, а лицо выглядело уставшим и блестело от пота. У него так и не было времени надеть шлем после утреннего смотра.

— Ваше Великолепие, — прокричал он, когда они приблизились.

Сражение не приближалось непосредственно к Халамширалу, и Пьер и его люди пока не приняли ничью сторону. Вот сейчас и захлопнется ловушка, если, конечно, он является её частью. Его оружие было обнажено, будто так и было нужно. Он галопом мчался к ним. Селина почувствовала напряжение сидящего впереди Мишеля, готового нанести удар.

— В укрытие! — выкрикнул Пьер и проскакал мимо. — В город, или бегите в Джейдер, если придётся! Мы будем сдерживать их, сколько сможем!

Обернувшись, Селина увидела вражеских солдат, несущихся к ним сзади и справа. Из её собственных людей выживших осталось лишь несколько десятков, остановить солдат Гаспара и спасти её от окружения и плена было некому.

Граф Пьер с десятком своих шевалье пронесли мимо в сторону приближающейся шеренги врагов.

На них полился дождь из стрел. От лучников Гаспара они пока были достаточно далеко, поэтому те не опасались задеть своих. Пьер получил стрелу в плечо, но не остановился, закрывая собой и своими людьми пространство между императрицей и Гаспаром.

И всё же их было недостаточно, чтобы перекрыть путь всей вражеской линии.

— Кто-то из солдат Гаспара обязательно прорвётся! — подтвердил её опасения Мишель, словно услышав её мысли. Она не заметила, чтобы он оборачивался, и гадала, неужели он судит о ситуации лишь по стуку копыт.

— Сможешь добраться до города?

— Возможно, — неопределённый ответ Мишеля прозвучал так, будто он хотел сказать что-то ещё, но не хотел этого делать, увозя свою императрицу прочь от битвы.

— Мишель, добравшись до Халамширала, сможем ли мы удержать его?

— Городская стража уже изнурена восстанием, и я опасаясь, что Пьер взял с собой большую часть шевалье, — сказал Мишель. По его бронированному плечу стукнула и отскочила стрела. Впереди умирали под губительным чёрным дождем пехотинцы Пьера. — Большинство из них погибнет, как и наши солдаты. А имея в распоряжении лишь обычные городские отряды... У нас будет только шанс обсудить капитуляцию, но престол мы не сохраним.

Селина сглотнула. Пьер и его люди не погибнут напрасно. Её люди не погибнут напрасно.

— Зимний Дворец?

— Выстроен не для обороны, Величество.

Этого она и боялась, но хотела услышать подтверждение от своего защитника. Значит, Джейдер, — в нескольких днях езды на востоке, где Леди Серил, давний и абсолютно преданный союзник, приютит их.

— Поезжай к деревьям, Мишель, — решила она. — Отступаем к Джейдеру, свяжемся с Вал Руайо и вернёмся, чтобы разбить Гаспара всей мощью империи.

— Как прикажете, Величество, — ответил Мишель и повернул своего боевого коня налево, прочь от городских ворот и приближающихся солдат Гаспара.

Они уезжали, а позади них солдаты Орлея погибали, чтобы Селина могла спастись.

* * *

Бриала очнулась в подозрительно комфортной для тюремного возка карете, в голове шумела кровь.

Тут было намного удобнее, чем в обычной забранной прутьями повозке, где она ехала бы, сидя на голом дереве, предоставленная воле стихий и брошенным людьми-крестьянами камням. В карете оказалось подбитое мягкое сиденье, пусть подкладка и была тонкой. Зарешечённые окна по бокам были занавешены, и сквозь тонкую красную ткань просвечивали лучи утреннего солнца. Ручка на дверце отсутствовала, зато на крючке на стене висел небольшой ночной горшок. Если бы не кандалы, Бриала могла бы представить, что она, избранная служанка Селины, всё ещё едет в Халамширал, дабы тайно предотвратить страшную и ненужную трагедию.

А затем она ощутила смрад спалённых строений. Дым обжёт её не восстановившееся после криков прошлой ночью горло. На доспехе были следы от падения на колени, когда она пыталась выкрутиться из хватки шевалье. Мишель ударил её, смутно припомнилось ей. И этот удар был несильным. Она заметила на его освещённом пламенем лице беспокойство. Остальные шевалье наверняка бы приняли её визг и попытки вырваться за сопротивление и сделали бы с остроухой, которая забыла, где её место, то же, что и любой шевалье. Поэтому удар Мишеля был настоящим милосердием.

Она попыталась припомнить, не могли ли ещё какие-то действия Мишеля выдать его отношение к пожару, села прямо и отбросила попытки, когда её голова отреагировала на движение новым взрывом боли.

Судя по легким толчкам и подскокам, карета двигалась по главному тракту из Халамширала. Либо гамбит Гаспара прошёл настолько гладко и успешно, что уже успел завершиться, либо он ещё не начался.

Без сомнения, у Гаспара был план. Сама Селина выехала из Вал Руайо, считая себя достаточно умной, чтобы переиграть манёвр своего кузена. Ей бы никогда не пришло в голову, что в Халамширале с горсткой солдат, достаточной лишь для подавления эльфийского восстания, она станет уязвимой. Бриала бы предупредила её.

И ей думалось, что она всё ещё может это сделать.

Руки были скованы у неё за спиной и уже болели от неудобного положения. Обморок в тисках брони тоже не улучшал ситуацию. Она легла на сиденье, подняла ноги и ударила в раздвижную панель, отделявшую её от погонщика.

Спустя мгновение панель отъехала в сторону и седобородый мужчина в солдатском шлеме и кольчужной рубахе искоса посмотрел на неё.

— Чего тебе, кролик?

Бриала сглотнула.

— Пожалуйста, немного воды.

Он нахмурился, явно обдумывая эту необычную просьбу.

— Вообще-то пищу узнику не дают до полудня.

Она молча уставилась на него, и наконец он, хмыкнув, поднёс к окошку бурдюк. Со скованными за спиной запястьями эльфийка не могла его взять. Поэтому она подняла лицо повыше, настолько близко к окошку, насколько смогла, и открыла рот.

Мужчина откупорил бурдюк и дал ей напиться, пока она не отстранилась. Он не отпустил никакой пошлой шуточки, и она даже не заметила на его лице глупой ухмылки.

— Спасибо, — сказала она, когда закончила.

— Приказано обходиться с тобой помягче. Просто не создавай неприятностей, — не без тени сочувствия ответил он, — и мы с тобой тихо-мирно доедем обратно в Вал Руайо, — он закрыл панель.

Она смотрела на деревянную панель, а по подбородку стекала капля прохладной воды.

А может, она ошиблась. Гаспар ведь мог так удивиться неожиданному походу Селины на Халамширал, что попросту не успел подготовить засаду. Он мог надеяться выиграть себе лишний день дипломатией и политикой, ограничив количество пролитой крови эльфов Халамширала. Кроме того, ему могло банально не хватить наглости предательски открыто атаковать Селину.

Но Бриала знала о Гаспаре очень многое и уж точно не обвинила бы его в робости.

Угроза была реальной. Вопрос только в том, поднимать ли тревогу.

Это доказало бы её преданность, даже в свете всего произошедшего здесь... Но какая от этого польза? Её лояльность никогда не ставилась под сомнение, отчего и был отдан приказ не обращаться плохо с заключённой по пути в Вал Руайо.

Она любила Селину. И любит. И она точно знала, что эльфам Орлея будет жить лучше под управлением Селины, а не Гаспара.

Но она всё равно чувствовала запах дыма горящих трущоб.

Она сидела тихо, готовая вновь ударить в деревянную панель, но недвижимая, когда вдруг прозвучал сигнал тревоги.

Несколько минут спустя в воздухе засвистели сотни стрел, следом раздалась крики умирающих людей и лошадей. Призывы к защите императрицы потонули в грохоте копыт, а потом раздался лязг металла, и карета содрогнулась.

Шум стоял оглушительный, какофония лязга и треска вперемешку с криками и стонами, повсюду вокруг кто-то погибал. Бриала закрыла глаза, но это не помогло. Послышался стук вонзающихся в дерево кареты стрел, и потом прямо перед ней что-то треснуло.

Она распахнула глаза и увидела пролетевшую в занавески стрелу, вонзившуюся на целый палец вглубь сиденья всего в нескольких дюймах от её ноги.

После этого Бриала держала глаза открытыми.

Резкий толчок сотряс карету, от столкновения заржала лошадь. Бриала услышала возглас своего охранника, и карета снова пришла в движение. Бриала легла на сиденье, уперев плечи и ступни в противоположные стенки кареты, чтобы её не бросало во все стороны, как камешек в чашке.

Прямо рядом с каретой раздался стук копыт, ещё один крик со стороны водительского места был прерван звуком удара металла о металл. Спустя мгновение карета остановилась, да так внезапно, что Бриала свалилась с сиденья.

Она лежала на полу с колотящимся сердцем, вокруг неё вновь шумела битва: вопили и стонали люди, проносились мимо лошади, и карета Бриалы потонула в этом шуме.

Бриала не могла сказать, как долго это продолжалось. В сотрясающейся карете с врезающимися в стены стрелами и доносящимися снаружи отчаянными мольбами о милосердии Создателя думать было невозможно. Она сжалась в комок, зубы её стучали, пока наконец спустя неизвестный промежуток времени не поняла, что рёв битвы начал стихать. Когда карета перестала трястись, она заставила себя подняться на колени.

Это был ещё не конец, но когда она услышала чьи-то пробивающие сквозь боевые кличи приказы, то вернулась на сиденье.

Эти приказы отдавались таким привычным тоном, слово это кастелянша в Вал Руайо готовится к небольшому приему. Уберите отсюда раненых. Хватит возиться с ремнями, просто срежьте с него эту проклятую штуку, пока он не истек кровью. Пошлите людей с верёвками за убежавшими лошадьми. Одному лорду нужен врач — нога ранена. Не убивать несчастного убудка, он может оказаться одним из наших во всем этом бардаке.

— В повозке? Эльфийка Селины, милорд.

Бриала раскрыла глаза.

В следующее мгновение Великий Герцог Гаспар открыл дверь в её карету. На нём не было маски, шлем он снял, но его лицо было знакомо ей из личных встреч несколько лет назад, когда он и Селина были в более хороших отношениях. Его волосы слиплись от пота, лицо раскраснелось от утренней битвы, броня была покрыта вмятинами и царапинами, доказывающими, что он не отсиживался в стороне, посылая других сражаться за него.

— Вы убрали эмблему Шалонов, — кивнула она на его нагрудник без герба. — Я знала, что найдутся средства, чтобы оправдать всё это согласно кодексу шевалье.

— Я тебя помню, — сказал он, тщательно глядя в темноту кареты. — Ты её служанка. Уверен, что я уже видел тебя без маски. Но, конечно, не в броне.

— Конечно, — Бриала вежливо склонила голову.

Гаспар улыбнулся.

— Всегда есть способ оправдать что-либо, — сказал он. — Во имя чести или искоренения продажности, — он прислонился к повозке, взявшись одной рукой в бронированной перчатке за дверной косяк. Другая рука указала на Бриалу. Сильверит сверкнул голубым отблеском в туманном свете утра. — Или против безумной императрицы, которая заодно с эльфами.

— Так значит, вы солгали поддержавшим вас лордам...

— Солгал? — прервал её Гаспар и, всё ещё улыбаясь, покачал головой. — В том, что я говорю, правды более чем достаточно. Не скромничай, девочка. Благородные сыны и дочери Орлея, вышедшие из университета Селины, толкуют об улучшении положения в эльфажах, а профессора пишут, что их просят обучать эльфов, как людей. Налоги, кажется, обходят стороной неудачливых торговцев. Дыхание Создателя, сколько раз я просил организовать экспедицию в Доли, и меня вместо этого отправляли охотиться на порождений тьмы?

— Три, — тонко улыбнулась Бриала.

— Я впечатлён, — сказал Гаспар, вновь качая головой. — Орлесианская Императрица пляшет под дудку всего лишь одной маленькой эльфийки. Так что нет, единственная моя ложь — это то, что ты заставляешь нашу императрицу танцевать в опочивальне.

У Бриалы сбилось дыхание. Всего на мгновение, и она сразу же попыталась скрыть это под презрительной усмешкой, но Гаспар, следует отдать ему должное, был человеком наблюдательным.

— О, Создатель, так это правда? — он отшатнулся, как от выстрела, и расхохотался. — Тогда не удивительно, что она отказалась выйти за меня! — от смеха он даже ударил кулаком в стену кареты. Бриала почувствовала, что краснеет, но расправила плечи так широко, как могла со скованными за спиной запястьями, когда Гаспар вновь посмотрел на неё, вытирая выступившие слёзы. — Я считал её чрезмерно гордой, слишком идеалистичной, но оказывается, мой ключ просто не подходит к её замку. Это как если бы я отправился на порождений тьмы с мотыгой, — он усмехнулся, глядя на Бриалу. — Тогда как должен был бы взять сильверитовый меч.

— Говорите, я — сильверит? — спросила Бриала, выгнув бровь.

— Ты более симпатична, чем я, кролик.

— То есть вы распространили слухи, которые вынудили её разбить восстание, вместо того, чтобы позволить ему перегореть и мирно стихнуть... И устроили ловушку, зная, что она непременно придет.

Лёгкая усмешка Гаспара померкла.

— Не похоже, что ты лишь сейчас всё это поняла, — она молчала, и он кивнул. — Почему ты не предупредила их?

Бриала моргнула и уставилась на деревянную перегородку, через которую беседовала с возницей.

— Я не догадывалась, пока не стало слишком поздно.

— Действительно? — нахмурившись, спросил Гаспар. — Какая жалость. Одно краткое предостережение могло бы сберечь жизни многим шевалье.

— Я делала всё, что могла, чтобы спасти жизни, — Бриала дёрнула подбородком в направлении Халамширала. — Похоже, у меня не получилось.

— Вот что интересно, — задумчиво произнёс Гаспар, — ты сейчас говоришь мне, что знала о моей западне, и о том, что Селина должна будет прийти и разбить тех бунтовщиков. Но вместо того, чтобы винить меня за расставленные сети, ты винишь её — за то, что она попала в них.

— От вас я ничего хорошего и не ожидала, милорд.

— Но ожидала от неё, — Гаспар покачал головой. — Все эти годы ты мягко направляла её от имени своего народа и начала забывать, сколько в этом её собственной заслуги, а сколько твоей. Ты никогда не думала, что она сотворит нечто подобное. Но она — Императрица Орлея. Эльфы её не заботят. Она убьёт всех эльфов в империи, если понадобится.

Бриала сверкнула на него глазами.

— Вы лжёте, — треснувшим голосом сказала она.

— Похоже, лгу я ещё меньше, чем думал, — сказал Гаспар, обнажив в усмешке зубы. Он сделал шаг назад и закрыл дверь, затем прислонился к ней и заговорил через решетчатое окно: — А теперь слушай внимательно. Ты вернешься в Вал Руайо, и если правильно расскажешь о случившемся, окажешься при всех удобствах, и никто не причинит тебе вреда. Если поможешь мне любой информацией, которая сокрушит последние очаги сопротивления Селины или её союзников...

— Так вот зачем вы здесь, — прервала его Бриала и почувствовала удовлетворение, когда благородный господин замолк. Этот надлом в её голосе породил в нём ту слабость, что позволила ему сделать неверный шаг. — А я-то думала, с чего бы вам приходиться посмотреть на остроухую служанку так скоро после великой победы.

Гаспар усмехнулся.

— Я решил, что могу увидеть остроухую служанку, настолько важную для Селины...

— Которую вы ещё не получили, — закончила за него Бриала. — Вы сказали: Селина или её союзники. Хотите узнать, не говорила ли она со мной. Не знаю ли я, где она теперь. Потому что, несмотря на засаду, вы её не поймали. Ваш стремительный, уверенный бросок к власти над империей не сработает без капитуляции или трупа... А у вас нет ни того, ни другого.

Слова повисли в воздухе между ними.

— Ты опасна, — изрёк Гаспар, задумчиво поджав губы. Он отошёл от окна и его следующие слова предназначались человеку неподалеку. — Карету под охрану. Никому не разговаривать с заключённой.

Она слышала лязг и скрежет его доспеха, когда он зашагал прочь, и, спустя минуту, солдаты вернулись к работе по установке лагеря и помощи раненым.

Насколько ей было известно, Фелассана они не поймали. Селина свободна. Это означало, что у неё ещё были возможности.

Однако на самом деле, эти варианты почти ничего ей не давали. Если бы Селина погибла в бою, то тогда ряд возможных действий закрывал одни возможности и открывал другие. Но Селина была свободна, всё ещё во главе империи... И она была той женщиной, что сожгла эльфийских бунтовщиков. Женщиной, которую Бриала не смогла предупредить.

Всё было бы куда проще, если бы Селина погибла на том поле. Бриала бы оплакивала её и чувствовала бы свою вину, ведь эта женщина убила столь многих из её народа. Но что бы ни произошло после этого, всё было бы куда проще.

Но самым простым было ждать. Она будет ждать. Надеюсь, что Фелассан, где бы он ни был, сделает то же самое.

Закрыв глаза, Бриала выдернула спрятанную ей от Гаспара стрелу из сиденья позади себя и принялась за свои оковы.

* * *

Гаспар приказал поставить палатки так, чтобы стены Халамширала были на виду.

Он стоял, борясь с неудобством своего доспеха, пока слуга тщательно очищал нагрудник от следов битвы, полируя царапины и замазывая вмятины небольшим количеством пасты, которую можно было затем покрасить, чтобы она сливалась с сияющим бело-голубым металлом.

Эту монотонную работу лучше было бы проделывать со снятым доспехом, но Гаспар подозревал, что броня может вскоре понадобиться, а в свете грядущих событий ему необходимо было выглядеть благородным, а не потрепанным в бою. Поэтому он пошел на компромисс и застыл в своем шатре, пока суетливый слуга работал с нагрудником, который спас Гаспару жизнь.

Когда работа наконец была завершена, он отпустил человека и зашагал к шатру с пленниками в сверкающей в полуденных лучах броне. К тому времени дым трущоб Халамширала протянулся через небо мутным туманом, а с отмечавших поле утренней битвы погребальных костров поднимались десятки меньших по размеру маслянистых облачков. Обычные заключенные были согнаны вместе под надзор бдительной охраны, разоружены и лишены доспехов, а полевые лекари делали всё возможное, чтобы спасти как можно больше людей Гаспара.

— Битва при Халамширале, — сказал Гаспар, поднимая полог и входя в тюремный шатер. — Как вам, милорды?

— Должен признать, — проскрипел граф Пьер из Халамширала со скатки одеял, на которой лежал, возле него стоял на коленях хирург. — Что мне бы хотелось, чтобы название было другим.

С него сняли броню, плечо и живот были перевязаны пропитанными кровью повязками. Плечо заживет. Живот — нет.

Сидящий на столе и потягивающий из кружки разбавленное вино герцог Ремаш улыбнулся.

— Пожелание твоё вполне понятно, Пьер. Не хотел бы я, чтобы это случилось в Лиде, как и Великому Герцогу не принесла бы удовольствия битва при Вершиеле.

В отличие от Гаспара Ремаш снял свою броню. Гаспар решил, что следует быть благодарным, что он хотя бы надел кожаный костюм для верховой езды, а не придворные шелка.

Гаспар сделал знак, и лекарь безмолвно поклонился и вышел. Когда они остались одни, Гаспар вздохнул.

— Тебе следовало бы гордиться, Пьер. Вы были втянуты в сражение в меньшинстве, но себя не посрамили.

— Она сбежала, — Пьер сделал длинный прерывистый вдох и зашёлся в судорожном кашле.

— Так и есть, — сказал Гаспар и опустил на колени подле раненого. — Её эльфийка — та, что прикончила Мансерая — она понятия не имеет, где может быть Селина.

— Мансерай, — Пьер скривился, — будь он проклят. Он навлек это на мой город. Восстание, кровопролитное сражение... огонь, — он горько улыбнулся. — Мне бы поблагодарить эльфийку за избавление от этого ублюдка.

Гаспар покачал головой.

— Нет, друг мой. Боюсь, тебе некого винить, кроме самого себя.

Глаза Пьера расширились, он с трудом попытался принять сидячее положение.

— Вы оскорбляете меня, — тяжело дыша и преодолевая боль, произнес он. — Я требую извинений.

Гаспар склонил голову.

— Прошу меня простить, Пьер. В мои намерения не входило обидеть тебя, я лишь неправильно подобрал слова.

Пьер с усилием улегся обратно.

— Но эльфы взбунтовались, потому что ты не пресёк их действия. Тебе было их жаль, не так ли?

— Мансерай это заслужил, — снова сказал Пьер.

Гаспар вздохнул.

— Ты думал, они справедливо разозлились на Мансерая, и вместо того, чтобы отправить армию остановить бунтующих, ты всплеснул руками и послал лишь несколько дополнительных патрулей в надежде, что всё само собой со временем стихнет. Ты научил эльфов бороться, как плохой всадник учит своего коня брыкаться и кусаться, — он покачал головой. — Ты научил их атаковать стражников, когда оставил эти атаки безнаказанными. Ты научил их мечтать о жизни вне трущоб, коим они принадлежат. И если бы Селина не заковала свою любовницу в кандалы и не сожгла те трущобы, ты бы научил каждого проклятого остроухого в Орлее, как восстать против нас.

— Известно ли тебе, сколько вреда нанесено моему городу? — резко спросил Пьер. — Сколько денег я потеряю? Сколько семей будут голодать из-за того, что Селина не позволила эльфам излить свою ярость?

Гаспар улыбнулся.

— Пусть так. А теперь, милорд... Знаешь ли ты, куда скрылась Селина?

Пьер стиснул зубы.

— Нет, Гаспар. И тебе известно, что я не сказал бы, даже если бы знал.

Позади них поднялся на ноги Ремаш.

— Я знаю нескольких людей, которые, возможно, сумеют развязать ему язык.

Гаспар застыл, потом медленно обернулся на него через плечо.

— Граф Пьер из Халамширала — лорд Орлея, Ремаш. Более того, он мой пленник. Мой кодекс запрещает пытаться его.

Ремаш кивнул.

— Да, конечно. Может быть, желаете проверить нашу оборону, милорд? Если выделите несколько часов, чтобы убедиться в надежности всех приготовлений, я мог бы получить побольше информации...

— Ремаш. Довольно, — Гаспар поднялся и повернулся к лорду лицом, лязгнув доспехом. — Я понимаю, что тебя не особо заботит кодекс шевалье, но я отличаю дух закона от буквы. Я не стану мучить Пьера. И тебе не позволю. Если ты покусишься на моего пленника, я буду защищать его ценой собственной жизни. Или, что более вероятно, твоей.

Ремаш сглотнул.

— Конечно, милорд. Прошу прощения.

— Извинения приняты. Теперь собери людей в шатре командующего. Мне нужен план, как скорее и безопаснее всего сжечь Халамширал дотла.

— Я... да, милорд, — Ремаш поклонился и, ничего более не сказав, вышел прочь.

— Гаспар, — сказал позади Пьер.

— Селина может быть внутри, Пьер, — Гаспар не обернулся. — Мои люди говорят, что она ускакала в леса, но они могут ошибаться. А ты мог показать ей тайный проход. Создатель свидетель, Вал Руайо полон секретных туннелей. Чем же хуже Халамширал?

— Её там нет, Гаспар.

— Мне больше негде искать, друг мой, — Гаспар оглянулся на человека на скатках. Кожа Пьера посерела и стала восковой на вид. — Теперь отдыхай. Я пошлю за лекарем.

— Умоляю, — тихо произнёс Пьер, — не сжигай мой город.

— Ты уже позволил Селине сжечь его часть, — сказал Гаспар. — Почему бы мне не закончить начатое ею?

Пьер закрыл глаза и откинулся на спину, душевная мука исказила его черты.

— Джейдер, — наконец сказал он.

— Ты уверен в преданности Леди Серил Селине? — спросил Гаспар.

— Абсолютно. Мы обсудили это во всех подробностях, — Пьер не открывал глаз. — Я сказал Селине уходить в Джейдер в случае падения Халамширала. Если она не доберётся до города, то поедет на восток в Джейдер. Связные были отправлены, как только ты начал наступление.

Гаспар задумчиво кивнул. Он не был уверен насчёт Леди Серил, — эта женщина играла в Игру достаточно хорошо, чтобы заставить его теряться в догадках, — но страдания Пьера говорили об истинности его слов.

Он резко свистнул. Минуту спустя в шатёр вошла молодая женщина. На ней была изящная мантия из серого атласа и по кольцу на каждом пальце, за спиной — тонкий посох.

— Исцели его, — сказал Гаспар. — Сначала рану в животе.

— Конечно, милорд, — ответила женщина с лёгкой улыбкой, и Гаспар тоже невольно улыбнулся.

Она опустилась на колени подле Пьера, лорд открыл глаза в замешательстве, когда она прикоснулась к нему. Прохладный белый свет исходил от её ладоней, мягко распространяясь по ране лорда Пьера.

— Круг на твоей стороне? — спросил Пьер.

— Круг пока не высказался, — усмехнулся Гаспар. — Это дочь Монтсиммара.

— Лиенн де Монтсиммар, милорд, — представилась она с лёгким поклоном, не убирая рук от раны.

— Монтсиммар предвидел войну между храмовниками и магами много лет назад, — сказал Гаспар. Он заинтересованно наблюдал за исцеляющей магией. — А когда его дочурка начала заколдовывать слуг и исцелила сломанную ногу своей лошади, он решил, что не хочет видеть её замешанной в этом.

— Отступница, — Пьер посмотрел вниз на руки на своем торсе так, словно они распространяли яд. Затем снова взглянул на Гаспара, сузив глаза. — Так ты убьёшь меня, когда всё закончится? Ты не можешь оставить меня в живых — я видел то, за что храмовники могут тебя казнить.

— Пьер, друг мой, я позволил тебе встретиться с Лиенн по той же причине, по которой исцелил, — осторожно обойдя Лиенн, Гаспар опять опустился на колени. — Теперь ты принадлежишь мне.

Пьер сжал челюсти.

— Я рассказал тебе про Джейдер, чтобы спасти мой город, Гаспар.

— Да. И точно так же, как в тот миг, когда ты позволил тем эльфам прийти за твоими стражниками, ты научил меня кое-чему, — Гаспар обнажил зубы. — Ты показал мне, куда ударить, чтобы ты сдался. Если бы я послал за простым лекарем вместо этой очаровательной юной особы, ты был бы мёртв дня через три... И кто бы тогда возглавил Халамширал после тебя? Если бы я угрожал ему гибелью города, он мог фыркнуть и сказать мне сжечь грязных крестьян живьём, — Пьер побледнел, а Гаспар наклонился вперед. — Но ты любишь свой город. Сделаешь что угодно, чтобы сохранить его. И ты знаешь, что мне известна эта твоя черта, — он сел

обратно и, рассмеявшись, похлопал Пьера по ноге. — Так что, думаю, будет лучше и для тебя, и для меня, и даже для тех несчастных крестьян, если Лиенн позаботится о тебе.

— Милорд, — печально произнёс Пьер, вновь прикрыл глаза и кивнул.

— Именно так, — ответил Гаспар и поднялся.

Он покинул тюремную палатку и направился к огромному шатру, где Ремаш беседовал с его людьми.

— Джейдер, — сказал он, войдя внутрь.

Ремаш бросил на него удивлённый взгляд.

— Пьер выдал расположение Селины?

— Всё дело в том, как задаёшь вопросы, Ремаш, — Гаспар кивнул своим солдатам, которые уже начали отмечать на карте дорогу к Джейдеру. — Серил верна Селине. Если мы поймали не всех проклятых птичек, вылетевших из города...

— Не всех, милорд, — сказал сэр Болье.

Гаспар улыбнулся.

— А, ну что же. Всегда можно надеяться. Серил будет готова, и учитывая, что её город выстроен сдерживать при необходимости атаки половины собачьих лордов Ферелдена, битва будет жестокой.

— Блокада, милорд? — поинтересовался сэр Лагир. Гаспар ответил кивком.

— Через Имперский Тракт и сквозь леса... Здесь, — он указал на узкий проход. — Я хочу иметь возможность пройти от Недремлющего моря к Морозным горам, держа нож у её горла.

Сэр Болье усмехнулся.

— Не узковат ли проход для вас, милорд?

— Тогда, быть может, Ремаш, — предложил Гаспар, указывая на лорда. — Он стройнее. Такой же отряд пойдет на запад. Если она достаточно умна, чтобы солгать нашему Пьеру, то уже может быть на полпути к Вал Руайо.

Ремаш холодно улыбнулся.

— Мы отрезаем Селину от Леди Серил на востоке и удерживаем Халамширал и Лид. Она в ловушке.

Гаспар скривился.

— За двадцать лет правления империей она не только балы и банкеты устраивала, — заметил он, припомнив, что сказала его кузина на охоте несколько недель назад.

— Она будет в ловушке, когда предстанет передо мной, закованная в цепи.

Глава 8

Бриала пнула ногой перегородку тюремной кареты, отделявшую её камеру от передних сидений.

Не сразу, но стражник всё-таки отодвинул перегородку в сторону.

— Какого демона ты тут... Дыхание Создателя!

В броню Бриалы была всажена стрела.

— Попала через решётку... В самом конце боя... Передай Гаспару, я буду говорить. Мне бы только... воды... — прохрипела она сквозь кашель. Пока страж смотрел на неё, раскрыв от изумления рот, она кашлянула ещё раз и завалилась на спину.

Эльфийка не нашла ничего подходящего для имитации крови, но на её тёмной броне и так достаточно сложно было что-либо разглядеть, и она надеялась, что стражник слишком устал после дневного сражения, чтобы обратить на это внимание.

Вскоре она услышала бречание ключей за дверью кареты, и стражник ворвался внутрь.

Бриала открыла глаза, размахнулась и ударила его своими кандалами по лицу. Когда стражник отшатнулся, она приподнялась и вогнала стрелу ему под подбородок в горло.

Через мгновение он перестал содрогаться в агонии, и Бриала вышла наружу.

Лошадей не было, и она убила только одного стражника. Фургон находился внутри территории Гаспара, его командный шатёр был где-то левее. Кратчайший путь прочь от армии Гаспара был справа. Она взобралась на сиденье водителя и облегчённо вздохнула, отыскав там ящичек со своими вещами — кинжалом, луком и стрелами.

Пока никто её не видел.

Взрослея, эльфы учились одной важной вещи — как не привлекать к себе внимания. В доме Селины это не имело такого большого значения, как в эльфинаже, но её мать всё равно желала убедиться, что на Бриалу обратят внимание только тогда, когда она сама этого захочет.

Люди были охотниками, но и фермерами тоже. Когда убегает олень, человек обязан преследовать его. Когда кролик цепенеет от страха, человек обязан выпустить стрелу. Таков был их путь — доказать своё мастерство, продемонстрировать свои умения.

Но почти никто из людей не отслеживал передвижения скота. Праздная, довольная овца, блуждающая от одного пучка травы к другому не воспринималась ими как цель, достойная мастера.

Для Бриалы настало время превратиться в милую, ленивую овечку и среди бела дня прогуляться прочь из армии Гаспара.

Тонкий шерстяной плащ мёртвого охранника лежал на сиденье, где тот оставил его, когда дневная жара заставила его взмокнуть под кольчужной рубашкой. Она закуталась в плащ, пряча свой прекрасный доспех из драконьей кожи, и натянула поглубже капюшон, скрывая уши.

Бриала сунула лук под мышку, огляделась вокруг в поисках чего-либо полезного и заметила неподалёку ведро. Старое и грязное, вероятно, его использовали для того, о чём она и думать и не желала, однако сейчас оно ей было дороже золота.

Эльфийка в добротной броне и с луком из железной коры будет мгновенно узнана.

Но вот она повесила на руку ведро, прыгнула с фургона и неспешно направилась к границе лагеря ленивой шаркающей походкой. Теперь она была всего лишь ещё одной служанкой, которая слишком долго ходила за водой для своего хозяина, а тонкий плащ сохранял для неё тепло в осенней прохладе.

Она миновала ряд палаток, где отдыхающие солдаты Гаспара жарили пищу на углях. Они сняли доспехи, и их рубахи носили следы ржавчины, а то и крови. Другие слуги носились взад и вперёд с бинтами, продуктами и прочими вещами, необходимыми для обеспечения жизнедеятельности и передвижения армии. Некоторые из них были эльфами. Они бросали на неё удивлённые взгляды, но никто её не остановил.

Девушка едва не поддавалась искушению, проходя мимо ряда лошадей. Охрана была символической, рядом находились только несколько мальчишек и кузнецов, но она продолжила идти. Слуги с ведрами не ездят на лошадях.

Сигнал тревоги так и не прозвучал, и Бриала шла, медленно, небрежно, иногда останавливаясь, чтобы перевесить ведро на другую руку, когда часовые на границе впереди встретили разведчика.

Разведчик закончил разговор с часовым и направился к шатру командования. Бриала продолжила своё продвижение.

Секундой раньше, чем следовало.

Часовой ничего не заметил, он высматривал угрозу в противоположном направлении, но разведчик, обученный подмечать всё вокруг, бросил взгляд в её сторону. Всего один взгляд, но это был конец её путешествию с ведром.

Часовой носил кольчугу и имел при себе арбалет и короткий клинок для ближнего боя. Бриала отметила, что бурдюк для воды у него на поясе новенький и чистый, а клинок был закреплён чересчур высоко, его сложно будет быстро выхватить. Значит, новичок.

Разведчик выглядел более опасным. Он был вооружен длинным луком, что означало умение им пользоваться, и парой топоров. Судя по косолапой походке, он всё утро ехал верхом и очень устал, но всё же был достаточно внимателен, чтобы заметить нечто странное в эльфийке. Может, сверкнул её доспех, или под плащом угадываются очертания лука, а может, просто какое-то её движение привлекло вдруг его внимание.

Бриала продолжала идти. Как и разведчик, который по-прежнему шёл к шатру командования позади и правее неё.

Он скрылся из поля зрения, и она услышала, как темп его шагов изменился. Он мог бы сделать это не настолько очевидным, однако усталость взяла верх над инстинктами разведчика, поэтому шаги стали заметно тише. Он развернулся и отправился обратно к ней.

Не поднимая головы, Бриала взяла чуть правее. Разведчика она не видела, но он приближался, и она оказалась точно между ним и охранником на границе.

Нужно сделать всего пять шагов.

— Эй, ты, девица, — окликнул разведчик обыденным тоном, словно хотел попросить глоток воды.

Четыре. Три. Она крепче сжала ведро.

— Эй! — рявкнул он, и теперь маскировка не имела смысла. Любой слуга остановился бы и повернулся на зов. Часовой заколебался.

Два. Один.

— Стража! — крикнул разведчик, и она услышала, как он натянул лук, скрипнув доспехом.

Часовой развернулся и увидел эльфийку всего в нескольких футах от себя. Он разглядел её броню, глаза его расширились, и он сдёрнул со спины арбалет.

Бриала швырнула в него ведро и крутанулась волчком, уворачиваясь от выстрела.

Болт расколол хлипкую древесину так, что щепки полетели часовому в лицо, и свистнул возле её уха, сбросив капюшон её плаща.

Разведчик оставался позади. Он был достаточно натренирован, чтобы заметить выстрел — Бриала услышала, как он бросился наземь. От болта пострадало только ведро.

Но он устал от долгой езды и замешкался, когда пружинисто вскакивал на ноги. Этот момент промедления оказался критическим.

Бриала уже успела обрести устойчивость, тетива лука натянута, прицел взят. Когда разведчик увидел её, его сердце уже пронзила стрела.

Она развернулась к часовому, тот неуклюже пытался нащупать свой меч. Шаг вперёд, выхваченный кинжал полоснул его по горлу прежде, чем его собственный клинок покинул ножны.

Бриала продолжила своё продвижение. Она успела сделать ещё пять шагов прежде, чем за спиной раздались крики, и бросилась бежать.

До деревьев оставалось пятьдесят ярдов. С колотящимся сердцем Бриала бежала без оглядки. В дёрн перед ней с глухим звуком вонзился болт. Другой ударил её в спину — скользящим ударом, отражённым драконьей кожей, но его силы было достаточно, чтобы заставить её споткнуться. Завтра будет синяк.

Она добралась до деревьев и продолжила бежать. Низкорастущие ветви, огненно-красные и золотистые по осени, хлестали её по лицу и рвали плащ. Сокрушительная боль выбила воздух из её лёгких, когда болт вонзился ей в плечо, и эльфийка, споткнувшись о паучий корень, рухнула на землю, взметнув ворох побуревших листьев.

Бриала слышала топот копыт.

Ей очень хотелось верить, что деревья скроют её от погони, и стражники не станут забираться в лес ради единственной сбежавшей эльфийки. Но перекликающиеся голоса доказывали обратное.

Она с трудом поднялась на ноги, вглядываясь сквозь ветви, и увидела как минимум двадцать мужчин, прочёсывающих лес в поисках беглянки, и ещё несколько конных всадников. Лошади, конечно, не будут им подмогой среди деревьев, по крайней мере пока Бриала будет держаться самых густых зарослей, но пытаться сбить со следа столь многих...

Она вскинула лук. Не было никакой возможности скрыться от преследователей, и, раз уж быть бою, пусть он идёт на её условиях.

Как только эльфийка натянула тетиву, земля под её ногами вдруг вздыбилась.

На мгновение Бриале показалось, что её снова подстрелили. Она упала на колени, мир вокруг раскачивался, земля дробилась и волновалась, словно водная гладь после падения в неё камня.

Деревья качались и танцевали, листья шуршали и шелестели от тряски. Красно-золотым вихрем закружился перед Бриалой воздух, люди в поле исчезли из виду. Она только слышала их крики и испуганное ржание лошадей. Она вцепилась в неистово пляшущую под ней почву, стискивая зубы, чтобы не прикусить себе язык.

Наконец листья опустились на землю, и Бриала вновь увидела поле. Большинство людей упали на колени. Некоторые лошади сбросили седоков, одно животное пало и не шевелилось. Люди выхватили мечи и дико озирались по сторонам в поисках врага, но ведь сама земля обратилась против них.

— Анет ара, дален, — произнёс Фелассан, и Бриала подскочила. Она могла поклясться, что была одна, однако вот он, её наставник, стоит рядом с ней, в безупречно чистом плаще, как и всегда, и это его посох поднял силы природы против людей в поле.

— Так рад, что ты справилась.

— Ты ждал? — спросила Бриала, и её наставник улыбнулся.

— Я не собирался туда идти, — сказал эльф, содрогнувшись. — Это же армия! Но я подозревал, что ты всё крепко держишь в своих руках... Или, может быть, в ведре.

Посох вспыхнул зелёным бриллиантом, и высокое туманное полуденное небо утонуло во тьме. Молния распорол воздух, бело-голубая вспышка ослепила Бриалу, а грохот заставил её содрогнуться от головы до пят.

Лошади отчаянно заржали, когда молнии стали низвергаться с неба, одна за одной, так много, что Бриала сбилась со счёта.

— Ну вот, теперь я готов идти, когда скажешь, — сказал Фелассан с усталой улыбкой. Прищурившись, Бриала увидела сквозь озаряемую молниями тьму выгоревшие пятна на поле и недвижимые обугленные тела.

— Я думаю, нам пора, — ответила она и последовала за наставником глубже в лесную чашу.

* * *

Селина и Сэр Мишель встретили первый отряд спустя всего несколько часов после побега из засады Гаспара.

Они ускакали прочь от битвы на север в лес, где деревья пропускали достаточно света для верховой езды, но мешали разглядеть их издалека. Мишель гнал своего жеребца ещё несколько минут, затем позволил ему сбавить ход до рыси, а потом и вовсе перешел на шаг.

— Прошу прощения, Величество, — объяснил он прежде, чем она успела спросить. — В таком темпе мы загоним Кретьена до смерти, а нам нужно, чтобы он нёс нас ещё какое-то время.

Он похлопал коня по боку, и тот благодарно заржал.

— Я всецело доверяю твоему опыту, сэр Мишель, — ответила она. — Делай, что должен, чтобы мы выбрались отсюда живыми.

Так они и шли по старой охотничьей тропе несколько часов. Сэр Мишель, косясь на затуманенное солнце, старался держаться северо-восточнее в надежде обогнуть Халамширал и вернуться на Имперский тракт с противоположной стороны. Селина хранила молчание, игнорируя неудобства по прежнему надетого на неё церемониального доспеха — доспеха, который не предназначался для реального использования, при всей прелести филиграни, украшавшей нагрудник, ныне разбитый и брошенный позади.

Внезапно лес ожил.

Сэр Мишель насторожился. Вот и всё предупреждение для Селины перед тем, как мимо них просвистел арбалетный болт. Мишель наклонился вперед, и на мгновение Селине показалось, что его ранили. Однако Мишель, едва не выпав из седла, выхватил клинок. Она услышала глухой звон и увидела, как разлетелась в обе стороны натянутая поперёк тропы верёвка.

Если бы Мишель запаниковал и отправил Кретьена в галоп, они напоролись бы на эту верёвку и, вполне вероятно, переломали бы себе шеи. Вместо этого у них появился шанс сразиться, когда из-за деревьев выскочили люди в броне.

Нападающие были повсюду. Селина видела кольчуги и простое вооружение, но их было как минимум полдюжины, и ещё несколько человек расположились чуть поодаль с арбалетами. Численное превосходство создавало трудности даже для такого доблестного шевалье, как Мишель. А Селина будет только задерживать его, поэтому их шансы становились ещё меньше.

— Мы можем сбежать? — крикнула она Мишелю, который пришпорил жеребца и бесцеремонно стоптал ближайшего мужчину.

— Нет!

— Тогда убей их! — Селина нырнула вниз с седла и покатила по земле.

Она услышала, как её защитник выругался, а потом прямо перед ней возникли двое гаспаровых солдат.

Они насмешливо ухмылялись, небрежно держа мечи и опустив щиты. Должно быть, они часами искали её, в таком случае они были такими же уставшими, как и она сама.

— Сдавайся, Императрица, — сказал один из них, пока остальные окружали её.

— Ты беззащитна, и ты не воин. Быть может, Гаспар даже проявит немного милосердия.

Селина опустила руки, признавая поражение, плечи её поникли. Солдат за её спиной поднял меч. Вероятно, он рассчитывал сделать всё без лишнего шума.

Она отшагнула, развернувшись, принимая удар на наручи, хоть и декоративные, но всё-таки сделанные из серебра, и вонзила кинжал в глаз нападавшему. Магия из рубинового кольца высвободилась скользящим пламенем вдоль клинка. Из искажённого гримасой ужаса рта погибшего человека повалил дым, и он упал.

Селина обернулась к другому солдату. По нему были видны все его намерения, как если бы они были выписаны кистью умелого художника. Она чувствовала каждое незначительное перемещение, скрываемое им с целью провести неожиданную атаку, и это чувство направления сводило все его попытки на нет. По словам Леди Мантиллон, старинное кольцо, подаренное ею Селине, когда-то принадлежало легендарному благородному вору по кличке Чёрный Лис.

— Ты совершенно прав, — она вытянула второй кинжал. — Я не воин. Я — твоя императрица, и, поднимая на меня оружие, ты лишаешь себя права на жизнь так же, как и лишаешь его всех членов твоей семьи. Говори, какое грязное вьючное животное выродило тебя, способного на подобную измену?

Он смутился. Чего, конечно же, Селина и добивалась. Любой человек без надлежащей тренировки замешкается, если задать вопрос в таком тоне. Даже если не собирался отвечать, всё равно замешкается.

Она атаковала. Кольцо провело её память сквозь годы тренировок под наставничеством Леди Мантиллон. Обогнула щит, ускользнула от разящей руки, отразив удар по касательной, и дважды быстро ударила мужчину по горлу.

Солдат отшатнулся, его щит опустился.

Это всё, что было нужно Селине. Она упала на колено позади него и глубоко всадила кинжал в незащищённое бедро. Он закричал, удар её второго кинжала пришёлся ему в промежность.

Оба кинжала, конечно же, продолжали пылать, и она находила в этом толику удовлетворения.

Когда мужчина рухнул на колени, содрогаясь от рвотных позывов и пронзительно вопя, Селина поднялась в защитную стойку, затем инстинктивно крутанулась, уворачиваясь от просвистевшего мимо болта. Она отыскала взглядом стрелка, он как раз перезаряжал своё оружие. Не успел он закончить, как кинжалы, пробив кожаную броню, пригвоздили его к дереву.

Селина высвободила клинки и повернулась на звук ломающегося металла. Последний из людей Гаспара, вооружённый топором с длинной рукоятью, пытался выбить Мишеля из седла. Её защитник парировал удар, Кретьен попятился и ударил солдата Гаспара копытами. Спустя секунду клинок Мишеля рассёк броню и кость, и солдат с воплем упал, вцепившись в окровавленный обрубок ниже локтя.

— Величество, вы рисковали собой, — Мишель наклонился в седле и прикончил врага точным ударом в голову.

— Я вряд ли могла бы остаться сидеть у тебя за спиной и представлять что-то большее, чем дополнительная цель, Мишель.

Что-то проворчав, он спрыгнул с седла и быстро проверил, нет ли ран на крупе фыркающего Кретьена.

— Защищать вас — мой долг.

— А мой долг — править Орлеем, — ответила она. — Однако в настоящее время каждый из нас может столкнуться с необходимостью относиться к долгу с определённой долей гибкости.

— Действительно, — он усмехнулся и посмотрел на убитых ею людей. — Отличная работа!

Селина тоже оглядела на побоище.

— Вероятно, это не последняя наша битва. Мне кажется, что без столь тяжёлой брони я справилась бы лучше.

— Многие из этих людей в кольчугах, — Мишель покосился на кинжалы. — Впрочем, думаю, Вы предпочли бы выделанную кожу.

— Что-нибудь, в чём я смогу двигаться, Мишель.

Мишель указал на одного из людей, установивших канатную ловушку. На нём был охотничий кожаный доспех, который выглядел чистым и удобным.

— Этот сойдёт. Хотя я повредил его на руке и на ноге, и... Думаю, шлем тоже непригоден.

Она пригляделась, потом быстро отвела взгляд.

— Да, похоже, ты прав. Раздевай его.

Селина повернулась к заколотому ею мужчине, тому, что был с арбалетом. Его невидящие глаза были открыты. Обследуя его снаряжение, она рассеянно закрыла их.

— Вот этот цел, за исключением нагрудника, — сообщила она.

— Отлично. Я сейчас подойду. И... — он сделал паузу, Селина обернулась и приподняла бровь, когда он вывел из-за деревьев поджарого бурого мерина. — Полагаю, нам больше нет нужды ехать на одной лошади вдвоём.

Следующие несколько минут сэра Мишель снимал доспех с трупа и подгонял ремни под тоненькую фигуру Селины. Он работал оживлённо и эффективно, а Селина тем временем освободилась от остатков своей тяжёлой церемониальной брони и внимательно осмотрела украденную лошадь. Животное было жилистым и норовистым, но двигалось хорошо, и к тому времени, как Мишель был готов помочь Селине облачиться в новый доспех, у неё уже полностью контролировала лошадь.

На второй отряд они наткнулись спустя несколько часов, когда сэра Мишель привёл Селину на юг к Имперскому Тракту.

К северу от Халамширала леса были гуще, и Селине пришлось довериться Мишелю, который выбрал путь вниз по звериной тропе. С двумя лошадьми вместо одной Мишель вёл их рысью, так, что у Селины с непривычки ныли ноги и спина. Кожаный доспех сидел довольно неплохо, в бою защитит. Однако, он не был сделан для неё, поэтому она уже знала, в каких местах позже появятся волдыри.

Внезапно, без всякого предупреждения, четверо закованных в броню мужчин выступили на тропу с поднятыми мечами.

— Мы забираем лошадей, — заявил главарь.

Селина плавно вытянула кинжал, одной рукой сдерживая свою лошадь, не обученную для конного боя, в отличие от боевого коня сэра Мишеля. Четверо мужчин носили кольчуги под грязными плащами и были вооружены короткими мечами, какие обычно использовали в ближнем бою копейщики.

И тут, под грязью и кровавыми пятнами на их плащах, она увидела золотого льва на фиолетовом поле.

— Вы мои солдаты, — сказала она, почувствовав себя при этом полной дурой.

Они уставились на неё, и стоящий позади всех старый ветеран с густыми усами побледнел и шагнул назад.

— Императрица Селина!

Предводитель был моложе и агрессивнее, на его доспехах крови было намного больше.

— Не моя императрица, — фыркнул он.

— Если в ваших венах течёт кровь орлесианцев... — сэра Мишель обнажил меч.

— Разве это она, лишённая теперь своей роскошной брони? — продолжал предводитель, словно Мишеля там и вовсе не было. — И я не вижу сотен блистательных шевалье, готовых исполнять её указания. Может быть, потому, что большинство из них лежат мёртвыми в Халамширале... Пока вы уносите ноги.

Меч сэра Мишеля сверкнул на мгновение.

— Если в ваших венах течёт кровь орлесианцев, — повторил он, когда говоривший рухнул на землю, — и вы желаете оставаться в Орлее, то вы выкажете Императрице должное уважение.

Троица людей посмотрели на Мишеля, затем на Селину. И, наконец, нерешительно преклонили колени.

— Мы спасались бегством, потому что наш командир приказал отступить, Ваше Императорское Величество, — сообщил старый солдат. — Клянусь Создателем, до этого мы доблестно сражались.

Она кивнула.

— Мой защитник ведёт меня в Джейдер, там мы собираем наши силы.

Она собралась было приказать им присоединиться к ней — восстановить армию, которая сотрёт ублюдка Гаспара в порошок — но, увидев выражение лица старого солдата, остановилась.

— Ваше Великолепие, — неохотно произнёс он, — мы шли в сторону Джейдера, но люди Гаспара перекрыли дорогу.

— Видимо, Гаспар подозревает, что вы можете попытаться добраться туда, — добавил второй солдат. — У него там лучники и конные. Мы едва смогли вернуться обратно в лес.

— Что ж, тогда мы... — продолжила Селина после паузы, заметив лёгкий кивок сэра Мишеля, — ...найдем иной путь.

— А нам что делать? — спросил третий солдат, совсем ещё юный. До сих пор он молчал, и его голос дрожал от страха. — Они придут за нами в Халамширал после...

Он сбился и умолк.

— Мы должны попытаться вернуться в Вал Руайо, — сказал ветеран, и, глянув на Селину, поспешно добавил: — Конечно же, если Императрица не желает, чтобы мы поступили иначе.

— Что? — воскликнул самый молодой солдат, едва не зарыдав. — Мы не пройдем мимо гаспаровых людей! Мы же еле убрались оттуда! Мы не разведчики!

Мишель взглянул на Селину с едва заметным безмолвным вопросом во взгляде. Селина могла проигнорировать его, могла позволить ему взять ответственность на себя и остаться с чистой совестью... Но этот путь вёл к беде.

Кроме того, это было ниже императорского достоинства.

— Тогда как ты поступишь? — спросила она, и сталь в её голосе заставила всех замолчать. — Когда солдаты Гаспара найдут тебя, что ты станешь делать? Когда они спросят тебя, куда направилась твоя Императрица, когда они спросят, что тебе известно, где ты её видел, что ты скажешь им, чтобы спасти свою жизнь?

Молодой человек выглядел обречённым.

— Я... Я...

Селина скривилась. Она знала ответ так же хорошо, как знал его и этот парень. Это упрощало её задачу, впрочем, не делая её менее мрачной.

— Сделай это, — приказала она Мишелю.

Ветеран закрыл глаза, когда клинок Мишеля сразил юнца. Другой солдат поднял меч, но Мишель отбил его в сторону и срубил солдата. Всё произошло шокирующе быстро, тишина моментально наполнилась шумом боя и криками.

Ветеран не шевелился. Он открыл глаза, чтобы увидеть клинок на волоске от своего горла.

— Я не разведчик, — сказал он Селине. — Но я солдат, и я не знаю никаких других императриц, кроме Вас. Я пойду, куда прикажете. Я буду биться с людьми Гаспара до смерти. А если они возьмут меня живым, я не скажу им ничего.

— Даже теперь, после того, как мой защитник убил твоих друзей? — спросила Селина и посмотрела вниз на три тела, лежавшие поперёк тропы.

— Они были хорошими товарищами, — голос солдата дрогнул, но он по-прежнему пристально смотрел прямо на Селину. — Однако моя клятва принесена вам, Ваше Великолепие, а не им. Я умру за вас, а не за них. И если вы пожелаете, чтобы ни один человек не ведал о выбранном вами пути, я умру для вас прямо сейчас.

Селина перевела взгляд на Мишеля, глядевшего на старого солдата. Его меч сиял серебром в туманном полуденном свете.

— Иди, — сказала она. — И, если отыщешь путь в Вал Руайо, скажи своему командиру, что ты ушёл копейщиком, но вернулся личным разведчиком императрицы.

Клинок Мишеля вернулся в ножны. Он не смотрел на Селину, когда старый солдат, сглотнув, поклонился и поспешил скрыться среди деревьев.

— Знаю, — сказала она после его ухода. Она физически ощущала волны молчаливого протеста Мишеля на расстоянии ярдов.

Он покачал головой.

— Вряд ли я заслуживаю своего места, Величество.

Иной человек мог бы поставить долг выше личной привязанности и зарезать солдата прежде, чем Селина успела возразить, защитив её от её же желаний.

В ту минуту она ценила сэра Мишеля выше, чем когда-либо.

— Это абсолютно твоё место, пока я не прикажу иного, — Селина спрятала кинжал. До сих пор она даже не осознавала, что всё ещё держит его в руке. — Да. Было бы безопаснее не оставить в живых никого, кто мог бы выдать наше местоположение.

— Но он был предан вам, — сказал Мишель. — В отличие от этих трусов. Несмотря на то, что я всегда буду призывать вас к осторожности, я всё же понимаю, как ценна нынче верность отдельного человека.

Ноги Селины горели от верховой езды, спина тоже изнывала от боли. Она слезла с коня и потянулась, морщась. Пожалуй, это место с тремя мертвецами подойдет для короткого отдыха так же, как и любое другое.

В конце концов, ещё три погибших солдата не повлияют на баланс сил.

— Сколько людей умерло за меня сегодня утром, Мишель? На том поле, — спросила Селина. Она закончила разминку, потом выругалась, выхватила кинжал и вогнала его на два пальца в ствол дерева, поддавшись внезапному порыву ярости. — Или в эльфийских трущобах, когда я пыталась заглушить кривотолки кровью?

— Величество, вы знаете, что эльфы умерли не из-за вас, — Мишель спешился и принялся оттаскивать тела с тропы. — Они умерли за свои слепоту и эгоизм. Независимо от причин, они восстали, и ваши действия были полностью оправданы. А ваши солдаты погибли с честью, убиты предателем, который поплатится жизнью за свои преступления.

— И всё же, они мертвы, Мишель.

Селина, выдернув кинжал из дерева, вытерла его об рукав. Ей жгло глаза, и если бы не стыд, она бы заплакала. Голова пульсировала, как это происходило всегда, пока она выпьет свой полуденный чай.

— Не за честь и славу, не защищая Орлей от порождений тьмы или иноземных вторженцев, но просто как часть Игры. Они погибли, потому что Гаспар превзошёл меня.

Мишель не отрывался от работы.

— Вы сражались в невыгодных условиях, Величество.

— Мишель, я правлю империей.

— Именно, — он на мгновение поднял взгляд и расплылся в улыбке. — И вам известно, что это означает. Вы настоящая правительница, тогда как Гаспар всего лишь один из толпы, как какой-нибудь изнеженный придворный, который наблюдает за турниром и возвещает миру о том, как он всё сделал бы лучше, будь он в седле. И, кроме того... — он вернулся к оттаскиванию тел, — Он не победит вас, пока не будет коронован.

— Нет. Он побил меня.

Здесь, в лесу, она могла это признать. И это ранило её больше всего остального. Она никогда не совладеет с Гаспаром в поединке, никогда не обгонит его. Пока она льстила и очаровывала, Гаспар мог сам служить примером, вдохновляя тех, кто последует за ним. Рассудительность и остроумие Селины, её мастерство в Игре: вот оружие, которым она владела, уверенная, что в бою на этих условиях всегда будет одерживать победу.

До сего дня.

— Быть может, ему стоит забрать этот проклятый трон и поглядеть, какую радость он ему принесёт, — прошептала она.

Мишель с лязгом спихнул под куст последнее тело и посмотрел на неё.

— Прошу прощения, Величество, похоже, я не услышал ваши последние слова из-за шума. Так как Джейдер заблокирован, я бы рекомендовал поискать обратный путь в Вал Руайо.

Определённо, при всех политических разногласиях, какие могли возникнуть у них с Мишелем, Селина не могла пожелать себе в защитники лучшего человека.

Она прочистила горло.

— Лид предан Ремашу. Нельзя рисковать, идя через город.

— Вершиель? — спросил Мишель.

— Тоже рискованно, но мы не можем обойти всё Недремлющее Море, — нахмурилась Селина. — Если нас не будет слишком долго, Гаспар в моё отсутствие захватит Вал Руайо. У него для этого достаточно преданных аристократов.

— Согласен, — сказал Мишель. — Будь я Гаспаром, я бы ожидал, что вы пойдёте севернее Недремлющего Моря. Мои люди искали бы вас там.

— Юго-Запад? — спросила Селина. Она бы сейчас отдала половину Серединных земель за карту.

В этой части Долов травянистые равнины перемежались с небольшими участками леса, к которым, подобно бандитам, скрывались долиийские эльфы. В Долах находилось без счёту маленьких деревенок и огромные фермерские угодья, но ни то, ни другое сейчас ей не поможет.

— Минуем Лид, затем на север к Вершиелю?

— Прекрасно, Величество, — сказал Мишель, поднимаясь в седло. — Как только вы будете готовы.

Они пересекли Имперский тракт и быстро поехали обратно в лес, после того как Мишель уверил, что длинный отрезок древней дороги был чист на мили в оба направления. Морозные Горы выглядели крошечным пятнышком на восточном горизонте, а впереди, на западе, над Халамширалом всё ещё поднимался дым.

Выбрав курс, Селина теперь могла практически наслаждаться красотами южного Орлея. Вместо тряски в карете и разглядывания мелькающей дороги через окошко, она могла любоваться широко раскинувшимися лесами и вдыхать аромат сияющих золотом осенних листьев. Слегка улыбаясь про себя, она вспомнила, как не столь давно мечтала прокатиться верхом. В следующий раз она будет загадывать более конкретные желания.

Время от времени Мишель поднимал руку, и тогда они с Селиной спешивались и, придерживая лошадей, тихо пережидали, пока мимо проедут солдаты Гаспара. При всей тренированности Селины, здесь восприятие Мишеля было острее, чем у неё. Селина была способна уловить, где самую малость сфальшивила лира, но Мишель замечал перестук копыт намного раньше её.

Иногда они перебирались на узкие звериные тропы, но даже там им встретились группа гаспаровых солдат с клинками наголо. Всадники проехали достаточно близко, и Селина распознала родовой герб на их плащах. Люди Ремаша, подкрепления из Лида для Гаспара.

Подъехав к опушке леса, Мишель тихо выругался. Приблизившись, Селина сразу увидела причину. Перед ними возвышался пологий, покрытый травой, холм. Стоящим на его вершине солдатам Гаспара открывался чудесный вид на всю округу.

— Вернёмся? — шёпотом спросила Селина.

Мишель покачал головой.

— Куда? Они и позади рыщут. Я предлагаю отправляться напрямиком на юг, — он указал на русло высохшей реки возле опушки. — Если будем держаться низин и передвигаться очень тихо, возможно, проберёмся незамеченными.

Селина кивнула.

— В таком случае, мой рыцарь, по твоей готовности.

Он издал низкий смехок.

— Боюсь, если будем ждать моей готовности, нас поймают с первым снегом. Я бы предложил дожждаться наступления ночи, но не хочу рисковать лошадьми в темноте.

— Тогда вперёд.

Они пустили лошадей шагом и на первый взгляд казалось, что их предосторожности несколько преувеличены, но Селина, наблюдая за Мишелем, знала, насколько хорошо разносится звук для тех, кто умеет слушать. Всадники снова проехали мимо, на этот раз ближе. Она не слышала возгласов, ни единого признака, что всадники вообще догадывались о том, где она, но её сердце всё равно колотилось. Одно дело — знать, сколько солдат под командованием Гаспара, и совсем другое — красться мимо них.

Они оказались на опушке леса. Мишель подобрал поводья и с грацией, поразительной для человека, закованного в тяжёлую броню, повёл обеих лошадей вниз к пересохшему руслу. Селина, пригнувшись, следовала за ним через высокую траву. Её украденная лошадь нервозно приплясывала, пока Кретъен не

заржал, пихнув её вперёд. Она как будто чувствовала на себе чей-то взгляд. Зная, что это всего лишь следствие страха, она всё же не смела оглянуться на холм.

Наконец она присоединилась к Мишелю, уже сидевшему в седле. Селина взобралась на коня, оглянувшись, чтобы убедиться, что их не видно, и поехала.

И после всех предосторожностей прошло меньше минуты перед их третьей стычкой.

Они рысью огибали русло реки, и вдруг лицом к лицу столкнулись с парой эльфов, которые крались по руслу явно по той же причине, что и Селина с Мишелем.

Эльфы спрятались за стволом поваленного дерева, давшего им частичное укрытие. Один из них был долийским магом, судя по татуировкам, отмечавшим его лицо и испускающему зелёный свет посоху, который он держал наготове.

Второй была Бриала.

Лицо Бриалы покрывали пот и пыль, лоб отмечали царапины, вероятно были последствием бега сквозь густой кустарник. Она была одета в броню из драконьей кожи, подаренную ей Селиной, и дешёвый коричневый плащ поверх.

Её любимый лук был поднят, тетива натянута, а стрела направлена Селине в сердце.

Мгновение никто не шевелился.

Селине хотелось сказать сразу сотню вещей. Она подумала о притороченных к предплечьям кинжалах в ножнах, и о яде, наверняка красующемся на наконечнике стрелы. Думала о решётке тюремной кареты и о боли в ногах от езды. У неё зачесалась шея, и она чуть не рассмеялась над своим стремлением её почесать.

Бриала опустила лук.

— Селина.

Селина испустила долгий вздох.

— Что ты тут делаешь?

— Ищем клан, к которому мы могли бы прибиться, — ответил долиец. — А ты что тут делаешь?

— Гаспар заблокировал Джейдер, — без колебаний ответила Селина, — также он контролирует Лид, мы надеялись обойти его.

Бриала кивнула, признавая разумность плана.

— Тогда желаем вам удачи в вашем путешествии.

Её долийский спутник приподнял бровь.

— Как, ты не присоединишься к нам? — спросил сэра Мишель с недоверчивой улыбкой.

Бриала взглянула прямо на него.

— Прошлой ночью Селина арестовала меня, как ты, должно быть, помнишь. Как раз перед тем, как сожгла Халамширал.

— Как раз перед тем, как я подавила восстание, да, — Селина в седле расправила плечи. — Так как я была вынуждена сделать это, иначе Гаспар разнёс бы слухи о моём мягком обращении с эльфами.

— И бросить меня в тюрьму? — спросила Бриала. Её голос был спокойным, но огромные темные глаза сверкали яростью и болью.

Селина фыркнула.

— Будь ты там, ты бы предложила себя, чтобы защитить мою репутацию от Гаспара и себя от сторонников, которые могли бы счесть тебя неудобством.

Бриала ничего не ответила, но долиец вскинул голову, заинтересовавшись.

— Вы никак не доберётесь до Вал Руайо одни, — сказал он. — Этот ваш Гаспар очень желает найти вас.

— Представляю, — улыбнулась Селина. — Но даже если это не так, он повернёт на Вал Руайо и заявит свои права на город в моё отсутствие, и с этого момента ты потеряешь шанс заслужить моё покровительство.

Долиец усмехнулся.

— На тебе украденный доспех и ты сидишь на украденной лошади, шемлен. Сейчас у тебя нет империи, и твоё лучшее предложение — это твоё покровительство? — он повернулся к Бриале. — Она мне нравится!

— Доспех и конь принадлежали орлесианскому солдату, так что, по сути, они всегда были моими. А что касается власти... — она деликатно улыбнулась. — Если меня поддержат долиицы — измотают армию Гаспара, заманят его в сражение прямо здесь, а потом доставят меня в Вал Руайо до того, как он успеет предъявить права на трон — вы увидите, насколько я великодушна.

— Всё это до ужаса туманно, — сказал эльф. — Когда эльфы в последний раз пошли на такой уговор, они получили Долю. По крайней мере до тех пор, пока твой народ не решил провозгласить Священный поход и забрать их обратно.

— Гаспар утопит Долю в крови, чтобы навсегда избавиться от вас.

Селина бросила взгляд на небо на западе, где до сих пор вился дым Халамширала.

— А если и нет, то вам повезёт, если вы выживете в безумии, что устроят храмовники и маги, оказавшиеся без твёрдой руки, способной удержать их в узде.

— Что ты готова предложить? — спросил эльф.

— Возможность для вашего лидера убедить меня в том, что долиицы стоят истерик, которые закатят дворяне, если я позволю эльфам помочь, — ровно произнесла Селина, — Всё остальное предназначено для ушей вашего Хранителя.

Долийский эльф молчал, глядя на неё, словно взвешивая её слова.

Наконец, Бриала кивнула.

— Пора выдвигаться. У Гаспара есть разведчики, а вы так наследили, что вас отыщет даже слепой гном. Нужно избегать деревень и больших ферм тоже — у него могут быть свои люди повсюду. Фелассан, могут они оставить лошадей?

— Если они не привыкли к ходьбе, то лошади им нужны.

Долиец посмотрел на сэра Мишеля.

— Рад видеть тебя вновь, Мишель.

Он и Бриала покинули прогалину, направившись на юг, Мишель с Селиной двинулись следом, и лошади их на каждом шагу хрустели сухими листьями.

— Я думал, она уйдёт, — тихо сказал Мишель.

— И всё же твой меч не покидал ножен всё это время.

Мишель улыбнулся.

— Вы уже удивляли меня ранее, Величество. И я рад, что оказался не прав.

— Как и я, — сказала Селина, не сводя глаз со своей любовницы, шедшей впереди по тропе. — Как и я.

Глава 9

Бриала шла на юг к долийскому клану Фелассана.

Она грезила о них в детстве — мифические эльфы, живущие одни, без господства людей. Это звучало так же фантастично и невозможно, как рассказы о Тени. В дни, когда Селина была жестока, она воображала, как, живя принцессой среди эльфов, будет заставлять Селину стирать её одежду. А в дни, когда Селина была добра, она воображала себя вместе с ней за игрой на поляне, где чистоту наводили духи, и никто не был слугой.

Взрослея, Бриала, как и большинство эльфов, время от времени предавалась мыслям о побеге и поиске долийцев. Каждый утверждал, что у него есть некий друг, у которого был кузен, покинувший эльфинаж или господский дом, который нашел легенду Долов и возвращался потом лишь изредка, хорошо одетый и с лицом, украшенным мистическими татуировками. Но Бриала, будучи служанкой в фамильном доме Селины, слышала и другие истории — о набегах, о тайных торговых путях, о разбойниках, и о планах уничтожить отступников-эльфов в лесах на юге. И однажды она поняла, что долийцы были лишь еще одной группой эльфов. Не было никаких волшебных королевств духов. Не было никаких принцесс.

Затем настал тот день в библиотеке, и её бегство в Долю. И Фелассан.

Бриала посмотрела на него. Они путешествовали уже больше недели, добавляя к провианту в свёртке сэра Мишеля нехитрую пищу, которую эльфам удавалось собрать в лесу, и до сих пор наставник Бриалы не выказал никаких признаков усталости. Лицо Селины позади них было искажено болью после долгих дней в седле, и даже сэр Мишель явно начинал испытывать дискомфорт, хотя и скрывал это за выдержкой шеваляе.

— Что они подумают о нас? — спросила Бриала Фелассана. Он оглянулся назад, приподнимая бровь, и она пояснила: — Твой народ.

— Долийцы.

Фелассан медленно выдохнул, раздумывая над ответом.

— Нам придется завоёвывать их доверие, клан за кланом. Они не особо общаются друг с другом. Не хотят рисковать в случае атаки шемленов, подвергать опасности более чем один клан. Разумеется, преднамеренно оставаясь разделёнными, кланы накапливают всё больше и больше различий, теряют свою общность. Я думаю, это метафора... Чему-то, — Фелассан улыбнулся. — Будет интересно на это посмотреть.

— Интересно, — Бриала оглянулась на Селину и Мишеля, следующих на расстоянии слышимости, и понизила голос. — Это преуменьшение.

— Зато точное, — Фелассан улыбнулся листочку, закружившемуся у него перед лицом. — Гроза интересна. Пожар интересен. Я стоял в центре того и другого и наблюдал, как меняется мир.

— Ты не думаешь, что твой народ поможет Селине?

— С чего вдруг долийцы станут помогать шемлену?

— С того, что она помогла им, — Бриала осознала, что её рука сжалась в кулак и с усилием расслабила пальцы. — Насколько лучше эльфам в Орлее под её рукой?

— Ты сделала две ошибки, дален, — вздохнул Фелассан.

— Я прошу прощения, хагрэн. Каковы мои ошибки?

— Ты говоришь, она помогла эльфам Орлея, — пояснил Фелассан. — Но это неправда. Всё, что они получили, было сделано благодаря твоим усилиям, а не её.

— При всём уважении...

— Ой, перестань, — его голос был терпелив, но твёрд, и он не смотрел в её сторону. — Без тебя у твоей императрицы не было бы ни одного друга среди эльфов. Даже её противник Гаспар это знает.

Бриала опустила голову.

— Имеет ли значение причина, раз их жизнь улучшилась?

— В справедливом Арлатане жил один молодой аристократ, — сказал Фелассан. — И так случилось, что король эльфов потерял одну из своих дочерей из-за змеиного укуса.

На церемонии в честь её памяти юный аристократ увидел эльфийскую деву, настолько чистую и совершенную, что сердце его разбилось — но закон древнего Арлатана запрещал ему говорить с ней во время церемонии, и он не знал, кто эта дева, поэтому не мог даже попросить у её семьи дозволения ухаживать за ней. Молодой аристократ молился богам, чтобы они позволили ему ещё раз увидеть эльфийскую красавицу. И наконец, он обратился к Фен'Харелу... И Ужасный Волк единственный внял его мольбам. Той ночью он поведал молодому аристократу во сне, что ему надлежит сделать, чтобы увидеть свою возлюбленную вновь. Знаешь, что он сказал?

— "Убей вторую дочь короля", — подумав, опечаленно ответила Бриала.

— Ты начинаешь думать, как Фен'Харел, — усмехнулся Фелассан.

— Это было логично, — возразила Бриала. — Тогда была бы другая церемония, и...

— Дален, это был комплимент, — Фелассан покачал головой. — Причина имеет значение. Чтобы понять истинную суть происшествия, необходимо знать, как и почему оно произошло. Эльфам в Орлее лучше благодаря тебе, а не ей.

— Но им лучше, — Бриала вздохнула, перешагнула скрученный корень. — Ты сказал, я сделала две ошибки. Какова вторая?

Фелассан окинул её взглядом и его лицо под линиями валлаплина омрачилось выражением глубочайшей печали.

— Ты думаешь об эльфах, как шемлен. Кровные и не кровные. Остроухие и плоскоухие. Ты сказала, что им лучше под правлением Селины. Им — это кому? Эльфам из эльфинажей? Долийцам? — он улыбнулся. — И почему долийцев должна заботить судьба городских эльфов?

После этого они продолжили путь в молчании.

* * *

Селина с мрачной решимостью претерпевала тяготы верховой езды.

На ней были её собственные ботинки и бельё, сделанные специально для неё и прекрасно сидящие на ней. А вот украденная броня раздражала, поэтому после первой же ночи она подложила подкладку под неподогнанные элементы, используя навык ухода за одеждой, полученный на балах в юности.

Однако, она ничего не могла поделать с ноющими мышцами, поэтому терпела боль в ногах, бёдрах и спине. Когда ей хотелось попросить сделать привал и отдохнуть, она начинала думать о Гаспаре и делала упражнения, которым научила её леди Мантильон. Эти упражнения позволяют барышням оставаться прекрасными и держать голову высоко поднятой, стоя на всеобщем обозрении перед толпой конкуренток, которые принимают любое неосторожное движение за признак слабости.

Вечером, когда Мишель и долиец Бриалы позволили им отдохнуть, Селина растянула затёкшие мышцы и занялась тренировкой с кинжалами. На её запястьях, пальцах и горле было больше магии, чем кто-либо за пределами Круга мог увидеть за всю жизнь, включая кольцо, подаренное ей Леди Мантильон и кольцо, окутывающее пламенем оружие в её руках. Эта магия наделяла её силой и умениями достаточными, чтобы убить нескольких ничего не подозревающих солдат.

Однако, чтобы сразиться с Гаспаром и его шевалье, Селине нужно стать лучше. Насколько она знала, ей ещё придется столкнуться с ним лицом к лицу прежде, чем всё это закончится.

Спустя четырнадцать дней Селина на краю поляны выполняла серию упражнений, которую Леди Мантиллон называла "Бабочка", пока Фелассан и Мишель составляли план путешествия на завтра, когда Бриала у нее за спиной произнесла:

— Ты сбилась на втором ударе.

Селина остановилась и оглянулась на неё через плечо, пряча за сдержанной улыбкой свою удручающе скорую усталость от тренировки. Бриала уже сняла доспех и выглядела уставшей, грязной... И всё равно прекрасной, особенно в золотистых отблесках костра.

Впервые за всё это время Бриала сказала ей что-то кроме простых логистических выкладок вроде того, какой тропой пойти или когда снять кролика с огня. Селина предоставила возлюбленной личное пространство, ожидая сигнала.

— Не думаю, — спокойно и уверенно сказала Селина. — Ведущая рука парирует выпад, затем вторая рука пересекает предплечье, чтобы остановить контратаку, затем движение вперёд и приставить оба клинка к глотке.

Она продемонстрировала атаку, кинжалы блеснули отражёнными огнями костра и скользнули вперед к воображаемому противнику. Настоящего огня на клинках не было — она сняла все магические предметы, чтобы получить более чёткое представление о том, насколько далеко отошла от практик.

— Нет.

Бриала выхватила свои кинжалы с присущей ей грацией и рубанула воздух.

— Первое движение не просто парирующее. Это хлесткий удар по запястью противника. Второй удар должен быть направлен не на его атакующую руку. Цель — его горло.

Её выпад пришелся выше, чем у Селины, лёгкое и быстрое движение руки, грация и дезориентирующая красота которого и дали "Бабочке" имя.

— Это гарантирует, что ты достаточно близко, чтобы добраться до глотки следующим движением.

— Ты уверена? Ты же всегда предпочитала уроки стрельбы Леди Мантильон бою на ножах.

— Но использовала я и то, и другое, — сказала Бриала. — И это точно глотка.

— Если ты уже перерезала врагу горло, то последующий контроль его кажется необязательным, — улыбнулась Селина.

— Броня? — спросила Бриала. — Или магический щит? Или если ты сражаешься с порождением тьмы с его толстой шкурой, или с созданием из Тени? Или если используешь крестьянский поясной нож вместо серебряного клинка, потому что потеряла свой трон?

Она подошла ближе и её лицо исказила ярость, прочертив линии на красивой коже.

— Вещи в реальной жизни далеко не всегда так же совершенны, как во дворце Вал Руайо.

— Бриа... — вздохнула Селина.

— Проклятье, Селина.

Большие прекрасные глаза Бриалы наполнились слезами. Отражая свет от костра, они мерцали в темноте, словно кошачьи, когда Бриала шагнула ещё ближе. На её шее быстро пульсировала жилка, но двигалась эльфийка так же грациозно, как и всегда.

— Не надо объяснять. Я знаю, почему. Я только хотела, чтобы тебя это беспокоило немного больше.

— Это было бы заперто во дворце ещё несколько лет, не более того! — Селина понизила голос, обеспокоенная, что Мишель и Фелассан прекратили планирование и теперь смотрели на них. — Для нас ничего не изменилось.

— Твои волосы ещё смердят дымом от сожжённых тобой людей, — сказала Бриала. — Вот что изменилось.

Селина шагнула вперед, под её ногой хрустнули сухие листья.

— Сколько войн сможет пережить наша империя за такой короткий срок? Я хочу, чтобы моим наследием стал университет, красота и культура, которым позавидует весь мир. Вместо этого я могу стать известна, как императрица, при которой пал Орлей. Считаю роскошью свою возможность скорбеть по эльфам Халамширала и держать в заложниках моё сердце. Сидя на троне, я вижу каждый город империи. Если я должна сжечь один из них, чтобы спасти остальные, я буду горько рыдать, но зажгу факел!

Бриала сглотнула.

— Я не вижу, чтобы ты рыдала. И я не вижу, чтобы ты сидела на своём троне, — она пошла прочь, двигаясь быстро и порывисто. — С вашего позволения, Ваше Великолепие, пойду наслаждаться своей роскошью.

Селина осталась смотреть, как её возлюбленная гордой поступью вернулась к костру.

Бриала была права, поэтому Селина вернулась к тренировке и её второй удар был нацелен выше.

Следующим утром они покинули багряно-золотые леса и двинулись вдоль границ фермерских полей, уже лишённых растительности в ожидании осенних холодов. После нескольких дней в лесу метания от одного открытого участка к другому подальше от глаз гаспаровых солдат дали Селине передышку.

Она посмотрела в небо, на высокие облака, обещающие прохладный день.

— Безопасно ли двигаться без укрытия? — спросила она Мишеля.

— Боюсь, выбор у нас небольшой, Величество, — Мишель осмотрел равнины, вглядываясь в далёкий горизонт. — Оставшись в лесах, мы будем вынуждены сделать слишком большой крюк на восток. Это заставит Гаспара долго нас искать. Фермы и равнины достаточно безопасны и далеки от тех мест, где Гаспар ожидает найти нас. Впереди, возле озера, есть маленькая деревенька, отдаленная от оживленных дорог. Там мы сможем разжиться припасами и информацией, если верить словам остроухого Бриалы.

Он скривился, упоминая Фелассана и бегло глянул на эльфов впереди.

— Ты ему не доверяешь?

Мишель нахмурился.

— Он не сказал ничего, что вызвало бы недоверие... Но он долиец. Он такой же враг вам, как Гаспар и его люди, — он усмехнулся. — По крайней мере, он настолько любезен, что сообщил нам об этом своими дурацкими татуировками.

Селина прочла не один трактат о долийцах. Университет не считал долийцев достойными отдельного изучения, но они освещались в курсе истории, охватывающем весь Тедаас. Она припомнила, что упомянутые Мишелем татуировки были символом уважения к тому или иному древнему богу. Долийская культура всегда казалась ей удивительной, экзотической и бесконечно печальной. Сколько же знаний было утеряно в

переводах филологов из-за того, что долийцы отказались признать падение своей империи? Как долго собираются они скрываться в глухомани прежде, чем признают, что мир изменился?

— То есть, насколько тебе известно, мы в безопасности? — спросила Селина.

— Да, — Мишель по-прежнему вглядывался в отдалённый горизонт. — Фелассан говорит, если бы солдаты Гаспара патрулировали местность, то птицы взмыли бы в небеса и парили бы сейчас там.

— Как это по-эльфийски, — улыбнулась Селина. — В таком случае, если мы свободны, почему бы не воспользоваться преимуществом наших скакунов? Мы можем дождаться Бриалу и Фелассана в деревне.

Не дожидаясь ответа, она ударила мерина каблуками и тот, после мига замешательства, пустился галопом. Она с грохотом пронеслась мимо эльфов, Бриала одарила её изумленным взглядом, затем Селина осталась на равнине одна.

Мерин изначально был пугливым и склонным удирать прочь. Как только он понял, что нет ни паники, ни боя, но есть шанс пробежаться, он воспользовался этим в полной мере. Селина чувствовала его ровный шаг, как перекатываются под гладкой шкурой коня крепкие мышцы, как трава хлещет её по ногам. Она вцепилась в поводья, наклонившись вперед, навстречу холодному ветру и запаху мокрой лошади, свободная от всего, кроме скачки.

Позже Селина почувствовала, что конь начинает уставать, и замедлила его бег до быстрой рыси. Такой темп он сможет поддерживать ещё несколько часов, хотя ноги Селины об этом ещё сильно пожалеют. Вдалеке она увидела серебряный отблеск водной глади небольшого озера, вокруг которого ютилось несколько строений. Полоса почвы среди травы на северо-западе отмечала узкую дорогу из Халамширала.

Она услышала за спиной перестук копыт и, спустя мгновение, Мишель сбавил ход до рыси, похлопав Кретьена по крупу. Селина почти ожидала выволочки от защитника за галоп без предупреждения, но он лишь слегка улыбнулся ей и покачал головой. Она почувствовала себя почти разочарованной. Споры о праве императрицы совершать легкомысленные поступки могли прекрасно помочь скоротать время.

Мишель нахмурился, рассматривая отдаленную деревню.

— Что-то не так, — наконец сообщил он.

— Что такое?

Он прищурился.

— На севере и на западе есть поля, но урожай с них не собран. Посевы погибнут, если не будут убраны в ближайшее время. А если в озере есть рыба, то сейчас на воде должно быть полно рыбацких лодок.

— Сэр Мишель, ты подмечаешь такие вещи с легкостью какого-нибудь неотесанного крестьянина, — усмехнулась Селина. — Можно подумать, ты сам вырос в деревне.

Мишель покраснел.

— Мой долг — подмечать, Величество. Я могу ошибаться.

— Сомневаюсь, мой рыцарь. Подождём Бриалу и Фелассана?

Мишель скривился от такого предложения.

— Эльфы в деревне вроде этой... Могут принести вреда больше, чем пользы. Может быть, местные торгуют с долийцами, но они так же могут напасть на наших эльфов как на долийских грабителей.

Селина кивнула и оглянулась на два пятнышка вдалеке, которые были Бриалой и Фелассаном.

— Тогда продолжим путь самостоятельно, с осторожностью.

Легкой рысью выехав на дорогу, они направились в деревню с северо-запада. Миновав низенький частокол, служивший защитой деревни, Селина и сама поняла её ненормальность.

В воздухе над затихшей деревней витал запах пепла. Деревянные строения, простые, но крепкие, со свежими соломенными крышами, подготовленными к зиме, стояли целые и неповрежденные, но, выехав на грязный пятачок земли, служивший деревенской площадью, Селина не заметила ни души.

— Погребальные костры, — указал Мишель, и Селина увидела кучи черных обугленных поленьев в центре площади. Их было слишком много, не счесть, некоторые большие, как для группы людей, а некоторые поменьше и окруженные камнями, чтобы отметить место церковного сожжения крестьян.

— Тех, кого любили, сожгли в огне Церкви, а нападающие сожжены группами, — кивнул Мишель, потом громко позвал: — Эй, жители деревни! Есть кто живой?

Последовали долгие минуты тишины, нарушаемой лишь хлопающими на ветру ставнями.

Селина качнула головой.

— Кто-то же сжёт тела.

Краем глаза она заметила копье и развернулась, но копейщик все равно промахнулся на несколько ярдов. Атаковали из одного из магазинов позади них, но она не могла точно сказать, из которого.

— Я с вами не ссорился, — крикнул Мишель, — но я поклялся защищать эту леди. Будете угрожать ей и я, как шевалье, клянусь, что сожгу вашу деревню дотла.

Он извлёк из ножен клинок и медленно направился к строениям.

— Выходите, и я обещаю не причинять вам вреда.

И они вышли.

Простолюдины. Крестьяне. Старик в фартуке мясника. Почтенная женщина с неряшливо перевязанной рукой. Детишки выглянули из-за дверей и из окон. Селина окинула взглядом их всех, запоминая. Одежда их была грязной. Глаза затуманены усталостью и страхом.

Она проследит, чтобы Гаспар умер за это.

— Они пришли перед началом сбора урожая, — сказал мясник. — Прискакали и забрали всё, что захотели. Мы не причиняли им никакого беспокойства, милорд.

— Они сказали, почему? — спросил Мишель. Меч он спрятал.

— Сперва нет, — ответила почтенная женщина. По остаткам муки на её одежде Селина догадалась, что она пекарь. — Но когда они напились, то сказали, что ждут неприятностей из Джейдера.

— Джейдер, — мясник сплюнул. — Два дня назад приехали люди Леди Серил и вырезали каждого мужчину и каждую женщину, работавших в полях. Убили наших стражников, убили всех на деревенской площади. Когда закончили убивать других солдат, начали стрелять в воду, перебили почти всех наших ребят на лодках. Потом забрали всю еду, какую смогли найти. Они переночевали тут, — все крестьяне вздрогнули. — Сказали, что мы помогаем врагам трона, что это был урок каждому, кто поможет людям Гаспара.

Его голос надломился.

— Милорд, мы ведь даже не знаем, кто такой этот Гаспар.

Селина осмотрела площадь. Она видела крошечные подпалины, пятна, где кровь не до конца впиталась в землю. Люди из Джейдера. Преданные ей, сражающиеся за её трон. Она сглотнула.

— Вам нужно собрать урожай, — сказала она. Мишель повернулся к ней, слегка приподняв бровь.

— Я понимаю, что вы напуганы. Знать сражается в битвах, которые уже навредили вам, — она перевела взгляд на погребальные костры. — Но вы должны собрать урожай. Вы должны вернуться к озеру и добыть рыбу. Иначе вы не переживете зиму.

— Половина деревни мертва, миледи, — проговорил мясник, его кулаки сжались, лицо побагровело, он упорно смотрел в землю.

— Значит, вам потребуется меньше пищи, — ответила Селина. — Но тем не менее, вам необходимо вернуться к работе, если вы не хотите потерять всю деревню.

— А если они вернутся? — спросила булочница, почесывая перевязанную руку.

— Встретьте их с распростертыми объятиями, — без колебаний ответила Селина. — Всех, независимо от того, какому дворянину они служат. Дайте им еду, какую попросят, и спрячьте от них столько, сколько вам хватит для выживания, даже если они как следует поживятся.

Она посмотрела на женщину.

— А если они останутся на ночь, устройте им пиршество, поставьте крепкое вино, и перережьте им глотки, когда они уснут.

Булочница посмотрела на неё удивленно, затем кивнула.

— А вы, милорд и миледи? — спросил мясник. Он потел, несмотря на холодный утренний воздух. — Чего вы потребуете от нас?

Селина твёрдо встретила его нервный взгляд.

— Только то, без чего вы сможете обойтись.

Немного отъехав от деревни они встретили на дороге Бриалу и Фелассана.

— Ты в порядке? — спросила Селину Бриала, и та вздрогнула. Очевидно, она слишком долго скрывалась за маской, раз её собственное лицо так легко выдало её чувства.

— Мы в порядке, — отрезал Мишель. — Деревня разграблена. Нам надо ехать дальше.

Кивнув, Селина последовала за ним в объезд деревни и дальше на юг. Она не отрывала от деревни взгляда, проезжая мимо, и потом оглядывалась каждые несколько минут, пока она не превратилась в далекое пятнышко рядом с едва уловимо мерцавшим озером.

И только когда деревня совсем исчезла из виду, она отвернулась и глубоко вздохнула.

— Вы произнесли хорошую речь, Величество, — сказал Мишель, не глядя на неё.

— Я даже не узнала названия той деревни.

— Это не важно, — скривился он. — Их история — одна из многих. Каждый солдат, бывавший в битве, видел подобное время от времени.

— Гаспар знал, — Селина почувствовала, что её челюсти сжимаются и постаралась отпустить напряжение. При дворе над её несдержанностью уже бы вовсю посмеивались. Но сейчас они так далеки от двора. — Он так желает трон, что готов положить за него без счета жизни.

— Не знаю, приходило ли это ему на ум когда-либо, Величество.

— Мы положим этому конец, — Селина сжала поводья с такой силой, что побелели костяшки пальцев. — Мои люди заслуживают лучшего.

Мишель ничего не ответил, но мрачно кивнул, и этого было достаточно.

* * *

Гаспар сидел в своём лагере юго-восточнее Халамширала на добротном складном стуле, потягивал подогретое вино с пряностями и просматривал отчеты от своих разведчиков.

— Кто бы мог подумать, что Леди Серил такое задумает? — обратился он к Ремашу. — Разрушить собственную деревню, чтобы выкурить оттуда нас. Впечатляющая женщина.

— Безусловно, — хмуро ответил Ремаш. — Насчет отчёта из той деревни... Что там было? Вы говорили, разведчик видел следы копыт?

Разведчик уважительно кивнул.

— Серебряное озеро, милорд. Деревенские настаивают, что никого не видели, но мои люди нашли отпечатки копыт, принадлежавшие, по их словам, хорошо подкованному боевому коню и старому фермерскому мерину.

— Так, — сказал Гаспар, кивая, — это уже что-то. Первый во всех городах и деревнях проклятый намёк на её присутствие.

Им нужна была отправная точка для дальнейшего продвижения, и это будет не прислужница Селины, которая дерзнула уделать нескольких стражников и сбежать.

Ремаш втянул носом воздух и поправил неудобный воротник своего кожаного костюма для верхней езды.

— Милорд, вы можете командовать из Вал Руайо. Вы уверены, что вам приличествует самому выследивать Селину?

Они лишь наскоро объехали местность, обыскав места, где вероятнее всего могла попытаться скрыться Селина. Это нельзя было назвать форсированным маршем. И всё равно Ремаш вёл себя так, словно Гаспар его через Глубинные тропы тащит.

Гаспар кивком отпустил командира разведчиков и тот, поклонившись, отступил из зоны слышимости.

— Сидя в Вал Руайо, я буду осажден дворянами Селины, пытающимися уверить меня, что её всё ещё можно найти и что я не имею права на трон. А мои дворяне в это время потребуют сообщить, что им с этого будет, — сказал он и глотнул вина, — и будут туманно намекать мне, что случится, если я не сделаю так, как они хотят. Мы можем позволить себе ещё несколько дней поиска. Если я вернусь с головой Селины, ни один человек в Империи не встанет у меня на пути.

— Да, но сейчас, — указал Ремаш, — на вашем пути Леди Серил. Вы чудом взяли Халамширал, но в вашем распоряжении не все силы. Сомневаюсь, что вам удастся захватить Джейдер, если Леди Серил подготовлена, а мы встречаем всё больше и больше её разведчиков каждый день.

— У тебя есть предложения, Ремаш? — спросил Гаспар. — Или ты просто решил помочиться в моё вино?

Ремаш поджал губы.

— Пустите слух, что Селина мертва. Вернитесь в Халамширал, соберите силы и отправляйтесь маршем на Вал Руайо в сияющих доспехах. Если она появится, чтобы оспорить ваше право, убейте её. Если же нет... — он неопределённо помахал рукой. — Пока вы на престоле, пусть она жалуется из своего изгнания, как брешущая псина, сколько угодно.

Гаспар проворчал:

— Я не заявлю о её смерти, пока сам об этом не узнаю.

— Вы говорили, что она спала со своей эльфийской служанкой, — приподняв бровь, заметил Ремаш.

— Я предположил, что это возможно. И, в любом случае, то была Игра, — ответил Гаспар, отмечая его слова безразличным жестом. — Это честная битва. Существуют границы, которые шевалье не переступит.

— Гаспар, — резко бросил Ремаш, и Гаспар повернулся, удивленный его тоном, — аристократы примкнули к вам, чтобы помочь завоевать престол, а не убить императрицу. Вы желаете оправдать свои притязания? Идите в Вал Руайо и докажите им, что вы — достойный правитель.

Прежде, чем Гаспар успел ответить, его окликнули, и он сел обратно, когда один из разведчиков вышел в свет костра.

— Милорд! Мы обнаружили вражеского солдата в лесу и взяли его живым. Судя по форме, он из людей императрицы, не из Джейдера.

— Отлично. Приведи его сюда.

Разведчик поклонился и убежал, а Гаспар одарил Ремаша ухмылкой.

— Или, возможно, к нам повернется удача.

Ремаш вздернул бровь.

— Скорее всего, он простой дезертир, а не солдат её когорты, Гаспар.

— Вот мы его и спросим.

Раздался звон брони, и к костру притащили пленника. Двое мужчин держали его с обеих сторон. Солдат был поседевшим старым воякой в стёганом мундире, заляпанном засохшей и свежей кровью, значит, без боя он не сдался.

— Поближе его подведи. К свету.

Солдаты повиновались. Гаспар Гаспар поставил свою чашу к огню, встал, и, прищурившись, внимательно присмотрелся к пленнику.

— Как они тебя нашли? — наконец спросил он.

Солдат уронил голову.

— Я был голоден. Поймал рыбу в реке. Не хотел есть сырую, милорд, поэтому рискнул развести костерок. Так твои ребята и нашли меня.

— Можно годами тренироваться, с честью сражаться в войнах, и так никогда и не узнать, как развести костер, который не будет видно за милю, — улыбнулся Гаспар. — Итак. Как ты оказался здесь, в неделе пути от Халамширала?

Солдат не поднимал головы, но Гаспар заметил, как на мгновение сжались его челюсти.

— Я сбежал после сражения. Я надеялся добраться до Джейдера.

Ремаш сделал едва заметный знак и Гаспар кивнул.

— А я так не думаю. Рядовые, где вы его нашли?

— У маленькой речушки на севере.

— В поисках лодки, наверное, — Гаспар шагнул ближе. — Один человек, даже пеший, был бы ближе к Джейдеру, чем ты. Если только ты не убежал от солдат, заблокировавших дорогу.

— Да! — судорожно закивал солдат. — Я бежал от блокады, милорд. Я повернул назад, когда увидел на подходе ваши силы, и подумал, что смогу найти деревню с лодками и бежать к Недремлющему Морю.

Он не мог встретить взгляд Гаспара, и бормотал скороговоркой, как заученную историю на случай захвата в плен.

Ремаш кашлянул, и Гаспар метнул в него раздражённый взгляд.

— Я в курсе, что он лжёт, — он повернулся обратно к пленнику. — Неплохая история, солдат, но ты отвратительно её рассказываешь. А в твоём положении... Я теряюсь в догадках, для чего ты утруждаешь себя враньём.

Он подошёл ещё ближе, пока солдату наконец не пришлось поднять на него взгляд; под уставшими и наполненными страхом глазами у него были мешки.

— Я мог бы ожидать, что ты сдашься сам и попросишь принять тебя на нашу сторону. В конце концов, ты ветеран, выживший. Ты знаешь, когда битва проиграна. Знаешь, как примкнуть к правильному лорду.

Солдата передернуло от таких слов, и Гаспар это увидел.

— Но ты не сделаешь этого, не так ли? Потому что видел её, — он вдохнул. — В этих лесах. Ты её видел. Ты знаешь, что она всё ещё жива, и ты знаешь, куда она направилась.

— Я не знаю! — выпалил солдат, и это была правда доведенного до отчаяния.

— Но ты можешь рассказать мне то, что знаешь, — сказал Гаспар, — и давай посмотрим, спасет ли полезная информация твою жизнь.

— Могу, милорд.

Теперь, когда с ложью было покончено, солдат выпрямился и твердо встретил взгляд Гаспара.

— Но, несмотря на то, что я не лорд и не шевалье, я сохранил свою честь, — он расправил квадратные плечи. — Распоряжением Императрицы Селины, я — её личный разведчик и таковым умру.

Гаспар выдержал его взгляд, медленно кивнул и посмотрел на своих людей, стоявших в ожидании. Потом снова на солдата.

— Я уважаю твоё решение. Быстро и безболезненно или в бою?

Солдат испустил долгий дрожащий вздох, затем вновь расправил плечи.

— В бою, милорд.

— Молодец.

Гаспар подал знак своим, и они отступили. На нём был только кожаный доспех для верховой езды, поэтому не нужно было беспокоиться насчет брони для солдата Селины, чтобы обеспечить равные условия сходки.

— Мечи!

— Вы, должно быть, шутите, — выпалил Ремаш.

— Ты отличный лорд, когда дело касается Игры, Ремаш, и твоя помощь пригодится мне, чтобы сохранить трон. Но ты никогда не поймешь мужчин, которые живут и умирают за свои клинки, — он, не глядя, протянул руку и взял поданный ему меч. Затем воззвал: — Клянусь своей честью как шевалье, если личный разведчик Селины победит меня в бою один на один, он уйдет отсюда свободным со своей броней, оружием и трёхдневным запасом пищи.

Его солдаты выразили своё согласие одобрительным рёвом и грохотом мечей о щиты. Разведчик Селины взял клинок и сдержанно отсалютовал. Гаспар вернул приветствие, солдат солдату.

Затем они начали.

Они сделали несколько осторожных шагов, и Гаспар заметил, что человек Селины хорошо двигается и чувствует дистанцию. У него была точная хватка, как будто он привык к оружию, которое необходимо держать твердо и которым тяжело размахнуться. А его оборонительная стойка предполагала тренировку с коротким клинком. Гаспар догадался, что перед ним копейщик, использующий в ближнем бою короткие мечи.

Гаспар быстро завершил схватку.

Финт, который солдат безуспешно пытался парировать слишком далеко (годы практики с копьем сработали против него), превратился в выпад, задевший бицепс мужчины, затем перешел в нисходящий косой удар по ноге, после чего клинок без промедления ударил пленного снизу под ребра.

— Молодец, — снова сказал Гаспар, придерживая солдата, пока в его глазах угасала жизнь.

Ремаш не двигался со своего места возле костра. Он иронично усмехнулся, когда подошедший Гаспар отправил слуг почистить клинки и убрать тело.

— Я счастлив видеть вас пережившим эту совершенно необязательную дуэль, милорд.

— Это была не дуэль, — Гаспар сел. — Это была казнь. Но он умер с достоинством, сразился в личном поединке с человеком, напавшим на его императрицу.

— Да, он, похоже, в восторге, — сказал Ремаш, бросив взгляд на тело. — Мы могли бы под пыткой выбить из него намного больше информации, — Ремаш вздохнул под взглядом Гаспара. — Гаспар, он не был дворянином. Ваш кодекс тут неприменим.

— Он не знал ничего стоящего, — Гаспар отправил за разведчиком и понизил голос: — Подумай, Ремаш. Если бы он знал, куда отправилась Селина, он был бы либо с ней, если она ему доверяет, либо мёртв, если нет.

Ремаш насупился и медленно кивнул.

— Итак, всё, что мы знаем — он её определенно встретил. Он боялся раскрытия чего-то, что произошло на той равнине.

— В точку.

В круг света вошёл, поклонившись, разведчик.

— Милорд?

— Вернись туда, где нашёл его, — приказал Гаспар, — найди его след и иди по нему. Туда, где он встретил Селину.

— Вас понял, милорд, — разведчик вновь поклонился и убежал.

— Он действительно способен на такое? — спросил Ремаш. — Идти по следу на протяжении дней и найти место, где он пересечется со следом Селины?

— Проклятье, если б я знал, Ремаш, — Гаспар взял свою чашку, заглянул в неё и отшвырнул прочь. — Но я верю, что это лучше, чем пытаться захватить Джейдер.

Глава 10

Сэр Мишель рос сначала в трущобах Монфора, а затем — в имении аристократа. Годы тренировок с шевалье научили его, как выжить в лесу самому и сбересть при этом свою лошадь, но сам лес он так и не полюбил.

Более того, лес он на дух не переносил. И теперь, когда императрица Селина следовала за Бриалой и Фелассаном в земли долищев, они покидали равнины и возвращались в лес, путешествие обещало быть нелёгким.

Мишель знал, что на открытой местности их отряд был уязвим, видимый на много миль вокруг. Он понимал, что проклятые долильцы выбрали своим домом дикие земли, такие как леса и холмы. Но никакое осознание не помогло, когда они покинули открытое пространство и нырнули в мир искривлённых ветвей и мёртвых листьев, и его омыло мерзкой волной страха.

Фелассан сказал, что они приближались к месту назначения, и Мишель, пусть и не был мастером-следопытом, видел тому подтверждение. Тропы, по которым они ехали, были слишком широкими, чтобы их протоптали звери, а на прогалинах, где они останавливались для отдыха, ковёр опавших листьев скрывал пепел кострищ. Лес вокруг них был словно живой, трещал и, казалось, наблюдал за ними.

В ту ночь они остановились на одной из полян. Бриала подстрелила некрупного оленя, и Фелассан быстро и споро его освежевал. Селина, к большому удивлению Мишеля, развела костёр и нарвала трав где-то неподалеку, чтобы приправить оленину. Он бы серьёзно поспорил, что когда-нибудь увидит, как императрица Орлея разводит огонь, но, казалось, она знала что делает.

Сам Мишель возился с лошадьми. Его жеребец, Кретьен, держался хорошо, хоть и потерял немного в весе. Мерин Селины был всё ещё слегка напуган, и его шерсть нуждалась в уходе. Мишель обтер его как мог, учитывая, что круг доступных ему средств был ограничен. Ему не приходилось заботиться о коне со времен своего обучения — слуги каждую ночь ухаживали за лошадьми, и обо всех щётках и крючках приходилось думать им.

— Извини, — сказал он, используя запасной ремешок, чтобы вытереть пот с боков Кретьена, — это лучшее, что у нас есть сейчас.

Кретьен всхрапнул, затем фыркнул и поднял ногу, чтобы Мишель привёл в порядок его копыто.

Мишель усмехнулся.

— Посмотрим, что можно сделать, — он порылся в маленькой сумке, в которой хранились средства по уходу за доспехами. Из небольшого железного долота вполне мог бы получиться крючок.

— Сегодня ночью коней нужно привязать крепко, — Мишель моргнул и, обернувшись, увидел, что за ним пристально наблюдает Фелассан. Игривое золотое пламя костра то и дело бросало на него свои отблески. В руках у эльфа была длинная колючая ветка, и Фелассан внимательно её разглядывал. В свете костра татуировки эльфа как будто извивались и двигались, словно обладали собственной волей. Бриалы и Селины видно не было. Наверное, пошли вглубь леса, чтобы попрактиковаться с кинжалами.

— Я знаю, как управляться с лошадьми, — Мишель отвернулся. — Вы, остроухие, даже не ездите на них верхом.

— Как и крестьяне, шевалье, — рассмеялся Фелассан позади него.

Мишель резко повернулся, зная, что эльф его провоцирует, но нахлынувший холодной волной страх отрицать было невозможно; у Мишеля сжалось горло и застучало в висках.

— Прикуси язык.

— Почему? Я не обещал, что никому не скажу, — оскалился Фелассан.

Большим усилием воли Мишель разжал кулак. Лошади нервно ржали.

— Что ты от меня хочешь?

— Для начала — ответ. Почему ты остался с ней? — спросил Фелассан. — Твоя императрица в отчаянном положении. Один раз ты уже изменил свою жизнь. Ты сможешь сделать это снова, стать наёмником в каком-нибудь городке, где никто не будет знать, что ты был защитником Селины.

— Я принёс клятву, — вздохнул Мишель. — Не думаю, что ты поймешь.

— Честь и долг? Конечно, нет. Я эльф, а честь и долг — понятия, известные исключительно тяжело вооруженным всадникам вашего народа.

Мишель почувствовал, как покраснели его щёки.

— Ты ничего не знаешь о трущобах. Моя жизнь там... Академия дала мне мою честь и покой от осознания того, что пока верен ей, я могу умереть с лёгким сердцем...

— Пока не раскроют твой секрет. Как ужасно должно быть провести всю свою жизнь тем, кем ты себя не считаешь, — теперь в голосе Фелассана не было насмешки. Он говорил с тихой грустью, которая больше подходила старому воину. — Все эти героические сражения, служанки, следующие за тобой в твою постель, и ты никогда не мог этим по-настоящему насладиться.

Мишель проверил, крепко ли привязаны кони, потом подошёл и тяжело сел возле костра.

— Мне хватало и того, что есть.

— Хватало? Или какой-то части тебя постоянно приходилось сдерживаться? — спросил Фелассан, вертя колючую ветку. — Контролировать каждое слово, произнесённое при свечах, чтобы не проскользнуло ничего из языка простолюдинов? Чуть чаще бросаться такими насмешками, как "остроухий", чтобы никто не смог обвинить тебя в том, что у тебя есть что-то общее с эльфами?

— Тебе-то должно быть вообще легко, — парировал Мишель, — ходить с лицом, на котором татуировками расписана вся твоя жизнь.

Фелассан откинулся назад и поднял голову вверх. Сквозь облака проникал тусклый свет полумесяца.

— Когда-то мой народ ходил по этим землям, подобно богам. Мы творили магию, которая ослепила бы тебя своей красотой. Теперь же мы ютимся в тёмных лесах и готовимся к следующему разу, когда вы, шемлены, сотворите ещё что-нибудь, что нарушит равновесие этого мира. Знаешь, кем я был в своё время, мальчишка?

— Юным долийцем, что бегал по лесам и слушал сказки? — Мишель бросил взгляд на Фелассана.

Фелассан вздрогнул, потом рассмеялся против воли.

— Хорошо сказано, шевалье.

Помедлив немного, он посмотрел на пламя костра и тихо выдохнул.

— Мы ездили на галлах. Они мчались так красиво, с такой грацией, что ваши лошади показались бы ферелденскими псами на их фоне. И они были умнее, — он усмехнулся. — Что часто делало их непослушными.

Мать Мишеля рассказывала ему истории о больших белых оленях, на которых странствовали долийцы. Тогда он был мал, лет пять или шесть от роду, и в памяти его остался страх. Он видел всадников только раз — когда они пришли в трущобы убивать горожан.

Мишель перевёл взгляд на Кретьена. Он уже давно не вспоминал об этом разговоре со своей матерью. Он не скучал по нему.

— Я не слышу ни Селины, ни Бриалы, — сказал он, меняя тему.

— Может, они заняты чем-то другим, — ответил Фелассан и пошевелил бровями.

Мишель зло посмотрел на него.

— Это отвратительно.

— Любовь не отвратительна. Возможно, она странная, обречённая, или несвоевременная, но не отвратительная.

— Если ты думаешь, что твоя подопечная может соблазнить императрицу...

— Своими эльфийскими кознями? Шевалье, — спокойно сказал Фелассан, — неужели ты думаешь, что Селину можно соблазнить без её на то желания?

Мишель посмотрел в темноту.

— И как она могла этого пожелать?

— Не знаю, — признался Фелассан. — Если подумать, то она сомневалась, после того, как твоя императрица сожгла трущобы в Халамширале...

— Я имел в виду то, что Селина, императрица Орлея, спит с эльфийкой!

— Ты просто хотел прокричать на весь мир "остроухая", чтобы все знали, на чьей ты стороне, — резко ответил Фелассан. — И у тебя на руках достаточно крови, чтобы считаться человеком. Так будь им.

— Ты ничего не знаешь об Орлее, — Мишель обвёл руками окружавшие их искривлённые деревья. — Возможно, здесь можно лечь с кем хочешь и когда захочешь. В светском же обществе... Одно дело — интрижка императрицы на один раз, мимолётное увлечение кем-то, кто ей приглянулся. Но сделать служанку постоянной любовницей... Любовники императора или императрицы сами по себе политически сильные фигуры. Бриала — уши императрицы.

— Как видно, не только уши, — оскалился Фелассан.

Это было слишком. Эльф насмеялся над Селиной, как над какой-нибудь девкой из таверны. Мишель поднялся на ноги. Он был без доспехов, но руки потянулись к мечу.

— Ты оскорбляешь меня и мою императрицу.

— Как раз наоборот, — плавным движением Фелассан встал на ноги и одной рукой вытянул свой посох, который засветился зелёным. В другой его руке всё ещё была ветка, и Мишель был готов поклясться, что она извивалась и дрожала в руках эльфа. — Я нуждаюсь в тебе. Как и твоя императрица. Она затеяла опасное дело, и ей нужен защитник, знающий, кто он, — эльф подошел ближе. — Долийцы увидят величайшего из шемленских воинов, и несмышлёная молодежь попытается состязаться с тобой. Тебе нужно обуздать свой нрав и не дать им такую возможность.

— Я буду поступать, как я... — Мишель замолчал, когда в лесу раздались треск и затем грохот. Спустя мгновение листья на деревьях сотряслись от низкого гулкого рёва, и Мишеля обдало ветром, несущим запах застойного воздуха, словно вырвавшегося из трещины в земле.

— Что это было? — спросил он, поворачиваясь в ту сторону, откуда, как ему показалось, это пришло. Сзади раздался ещё один громкий треск, сопровождаемый звуком, похожим на звук рвущейся ткани, и Мишель пристально взгляделся в деревья, ища хоть какой-то знак, какое-нибудь движение на границе света костра, но не было ничего, кроме страшного неестественного шума.

— Причина, по которой я предложил привязать коней покрепче, — ответил Фелассан и поднял колючую ветку, которую сжимал в руках. — Это феландарис.

Очень ядовитое растение, хоть и растёт только там, где истончилась Завеса.

— И что это значит?

— Это значит, есть маленькая вероятность того, что нечто прорвалось через Завесу, — Фелассан бросил ветку в огонь. Она зашипела и разломилась, а потом с треском превратилась в пепел, оставив после себя пучок зеленого дыма.

— И ты решил мне об этом не рассказывать?

— Не хотел, чтобы ты волновался. Вероятность того, что нечто действительно прорвется, была очень низкой.

Из темноты за пределами поляны снова донесся треск рвущейся ткани и рык, и Фелассан поморщился.

— Хотя сейчас это куда более вероятно.

Мишель обнажил меч.

— Надо найти остальных.

* * *

Селина сделала ложный выпад, резанула поверху и перекадилась в сторону, когда Бриала обрушила на неё шквал быстрых ударов. Она резко полоснула клинком в правой руке, и на броне Бриалы, прямо над бедром, осталась крохотная царапина.

— Ты вспомнила, как надо двигаться, — тяжело дыша, заметила Бриала.

Словно танцуя, они двигались вперёд и назад, сверкая своими клинками. Селине едва хватало света неполной луны, проникавшего сквозь деревья, чтобы видеть. Бриала казалась ей силуэтом, неутомимой и плавной чёрной тенью на фоне темного серо-пурпурного леса. И когда Бриала оказалась лицом к далекому костру, Селина уловила отблески теплого света на её доспехах и клинках.

Селина снова пошла в атаку, вращая кинжалами. Бриала рванулась вперёд, но Селина, перехватив удар, развернула её и шагнула ближе. Один клинок остановился у горла Бриалы, а второй уткнулся в спину эльфийке, не давая той никаких шансов на побег.

Бриала медленно выдохнула.

— Хорошо, — сказала она ровным голосом. — Думаю, ты восстановила утраченные навыки.

Селина отступила назад и убрала кинжалы в ножны.

— Раньше тебе нравилось быть в моих руках.

— Но не на острие кинжала, — клинки Бриалы блеснули в лунном свете и исчезли в ножнах. Эльфийка развернулась, чтобы идти.

— Бриа, прошу.

Тогда она остановилась: силуэт на фоне костра, свет которого обрамлял её растрепанные волосы и длинные изящные уши.

— Каких слов ты ждёшь от меня? — спросила Селина, делая к ней шаг. — Что мне жаль? Тебе известно, что мне жаль, и мы обе знаем, что это ничего не меняет.

— Может, мне станет легче, если ты скажешь, что тебе хоть чуть-чуть, но не всё равно.

— Ты слушала уроки леди Мантильон не хуже, чем я, — возразила Селина. — Если я признаю, что сожалею, ты мгновенно зацепишься за мою слабость, чтобы напомнить мне, что мёртвым мое сожаление не поможет. Тогда я спрошу, что сможет помочь, и ты скажешь, что не поможет ничего. Я не стану корчиться в агонии лишь потому, что ты винишь меня в их смерти.

— Виню тебя? Ты убила их, Селина.

— Убила, — Селина думала, что говорит спокойно, и дрожь в собственном голосе удивила её. — Когда Гаспар распространил слухи, мне нужно было либо подавить восстание, либо казнить тебя, чтобы опровергнуть его слова и сохранить трон.

При этих словах Бриала развернулась.

— И ты выбрала меня? Мне должно стать от этого легче? Ты убила сотни простых эльфов, чтобы спасти мою жизнь?

— Я убила сотни простых эльфов, потому что они восстали против моего правления и поставили империю под угрозу, — сказала Селина тихим умоляющим голосом. — Что ещё я должна была сделать? Представь, что смерти стражников и заграждения на улицах — дело рук аристократов или торговой гильдии и скажи мне, что я должна была сделать?

— Ты могла бы найти другой способ!

— Ты действительно злишься на меня, Бриа? Или ты злишься на себя, зная, что я сделала то, что должно?

Селина сделала ещё один шаг вперед. Теперь она стояла к Бриале так близко, что могла коснуться её.

— Клянусь, если бы была возможность не трогать этих эльфов, я бы так и поступила, — она медленно и осторожно коснулась плеча Бриалы. — Сколько мы были вместе, Бриа? Ты думаешь, я не замечала твоих хитростей, целью которых было, чтобы я относилась к эльфам милосерднее? Я знаю, как они важны для тебя... И я согласна с тобой. Создатель, я знаю, как ты умна. Как много эльфов пропадают в эльфинажах, когда они могли бы стать чем-то большим? Сколько великих умов и преданных слуг я сожгла в тех трущобах, потому что не было другого выхода?

Её голос сорвался.

Бриала по-прежнему была лишь силуэтом в темноте.

— Я не поэтому осталась с тобой, Селина.

Селина заставила себя улыбнуться и покачала головой.

— Я знаю. Но если ты решила покончить с нами, знай, что эльфы из-за этого не пострадают.

Её рука все ещё покоилась на плече Бриалы. Бриала вздохнула, и спустя мгновение её ладонь накрыла ладонь Селины. Эльфийка наклонилась к женщине так близко, что Селина почувствовала её дыхание, когда Бриала сказала:

— Я не...

Раздался оглушительный треск, и рядом с Селиной и Бриалой рухнуло дерево.

Обе женщины отпрыгнули в сторону, и Селина больше услышала, чем увидела, удар, когда одна из веток упала именно на то место, где они стояли. Она поморгала и всмотрелась в темноту, а земля прямо перед ней родила ужасный звук.

Бриала вытащила кинжалы.

— Создатель! Дерево!

И Бриала без предупреждения прыгнула на Селину, повалив ту на землю.

Селина быстро встала на ноги, а вокруг неё падало все больше и больше веток. Моргая, чтобы привыкнуть к темноте после света костра, она узрела картину, от которой сердце её заколотилось.

Деревья ожили.

Все деревья вокруг них преображались — ветви с золотой листвой превращались в скрюченные шипастые руки, а стволы с треском делились надвое, становясь узловатыми ногами. Ближе к кроне на верхних ветвях возникли уродливые выступы, искривившиеся наросты, образуя грубую пародию на лица. Тела великанов скрипели и трещали, и в воздухе запахло свежей древесиной. Глаза Селины слезились от каждого движения, а разум пытался охватить происходящее, кажушееся невозможным.

Селина разглядела три огромных древесных чудовища, хотя, судя по шуму, таких здесь было намного больше.

Один из трех великанов поднял Бриалу в воздух, схватив эльфийку за горло.

Селина похолодела, почувствовав, как мороз пробежал по телу. Но годы тренировок помогли ей сохранить ясность ума, и пальцы проворно открывали дорожные сумки, надевали кольца и застегивали оберег вокруг шеи, пусть сама она и была в ужасе.

То дерево, что схватило Бриалу, выступило вперед. Когда оно подняло ногу, его корни оторвались от земли с треском рвущейся ткани. Чудовище простерло свободную руку над Селиной.

— Подери тебя Создатель, дух, — прошипела Селина и обнажила кинжалы. — Она моя.

Когда чудовище протянуло руку вниз, чтобы схватить и её, она ушла в сторону, а затем ловко прыгнула на рухнувшую на землю ветку. В два шага она добралась до толстого скрюченного ствола, пробежала по нему и прыгнула. Оба кинжала, по лезвию которых струилось пламя, вонзились в ветку, державшую Бриалу.

Раздался рёв, хотя у дерева-монстра и не было рта. Гул шёл от его коры, и от этого звука у Селины внутри всё задрожало. Дерево завертелось, меча в воздух искры загоревшейся веткой, и отпустило Бриалу. Когда другая ветвь резко протянулась к Селине, та оттолкнулась от ствола чудовища и прыгнула на землю.

— Бриа? Бриа, вставай!

Селина приготовила кинжалы к бою. Дерево снова заревело, и у Селины застучали зубы от его громкого вопля, когда крошечные язычки пламени заплясали по длине его руки. Другие два дерева бросились вперед, с треском вырывая из земли свои корни.

— Стою, — Бриала заставила себя подняться, хоть ей и тяжело было дышать.

— Хорошо, — Селина пригнулась. — Я не потеряю тебя вновь.

Теперь к ним с рёвом приближались все три монстра. Селина уклонилась от одной из метнувшихся к ней веток, оставив длинную горящую полосу по всей её длине, и ловко проскочила между двумя деревьями. Пусть чудовища и были медлительны, но одного их удара было бы достаточно.

— Ну что, получается? — крикнула Бриала. Селина рискнула взглянуть в её сторону и увидела, что Бриала кинулась в атаку, молниеносно оставляя десятки порезов на атаковавшем её стволе. Чудовище истекало омерзительной чёрной жидкостью, но, казалось, это не причинило ему вреда, и оно занесло свои руки-ветки для новой атаки.

— Ну, они же деревья. Может... Огнём? — донеслось сзади, и над их головами с шипением пронёсся огненный шар, врезался в одно из чудовищ и взорвался яркой вспышкой. Дерево заревело от боли, когда огонь распространился по его веткам, и те, треща, начали ломаться.

Окружённый зелёным светом своего посоха, Фелассан подошел к Бриале.

— Остальное может и не помочь. Помимо магии и огня, сельванов мало что может испугать.

— Им же хуже, — сэр Мишель встал возле Селины и отрубил руку одного из монстров.

Существо — сильван, как назвал их Фелассан — зарокотало от боли и замахнулось на Мишеля другой рукой. Мишель отбил атаку, прорезав древесину серебряным мечом, и Селина рванулась вперёд, раз за разом нанося удары по стволу сильвана горящими кинжалами.

Сзади пролетел ещё один огненный шар, отшвырнув назад другого сильвана, и тот захлопал по себе ветками, когда его листья стали рассыпаться в пепел. Селина увидела, как третье чудовище занесло над Фелассаном ветвь для удара, но сама земля стеной встала между ними, защищая эльфа от атаки. Бриала отступила назад и вытащила свой лук. Выпущенные ею стрелы раскалывали кору и всаживались глубоко в деревья, но те, казалось, их не замечали.

— Будут ещё! — предупредил Фелассан. — Так что, как только вы будете готовы идти... — он поднял посох и метнул очередной огненный шар в уже горящего сильвана. Тот ответил рёвом, попятился назад, и, наконец, упал, поедаемый пламенем изнутри. При свете пламени стало видно, что Фелассан весь покрылся потом и тяжело дышал.

Мишель споткнулся о корень и, пятась назад, щитом блокировал удар огромной похожей на дубину руки.

— Величество?

— Уходим! — Селина двинулась вперёд, атакуя сильвана, напавшего на Мишеля, затем прошмыгнула мимо другой огромной ветки и стала отступать. — В лагерь!

Остальные последовали за ней. Сквозь резкие скрипучие звуки, издаваемые их преследователями, она слышала постуль спутников и их частое, как и её собственное, дыхание.

— Фелассан, долго они будут гнаться за нами?

— Это духи гнева и ярости, — тяжело дыша, ответил бежавший неподалёку Фелассан. — Вот сколько обычно злишься ты?

Селина достигла лагеря. Сильваны всё ещё гнались за ними, но отставали.

— Бриа, хватай, что можешь. Мишель, приготовь лошадей. Фелассан, приготовь еще огня, на случай...

Внезапно впереди раздались сдавленный визг и ржание, услышав которые, Селина чуть не подпрыгнула. С дальнего конца лагеря, оттуда, где были привязаны лошади, донеслись треск деревьев и скрип ломающихся веток.

Спустя мгновение на поляну упал Кретъен, красивый жеребец Мишеля. По его бокам текла кровь, ноги были скручены и выгнуты, словно сломанные ветки. Казалось, только кожа удерживала его кости вместе. Он громко ржал от боли.

Раздался нечленораздельный и яростный рев Мишеля. Шевалье пронёсся через весь лагерь, сжимая меч в руке, предназначенной для щита, и выхватил из костра горящее полено. Не останавливаясь, он запустил его в сильвана на дальнем конце поляны.

Когда чудовище взвыло от боли и отбросило полено, Мишель стремительно атаковал. Тяжёлые удары врезались в дерево и свистели в воздухе. Шевалье наносил удар за ударом, продолжая кричать без слов, пока в сильвана не врезался ещё один огненный шар и, взорвавшись, швырнул Мишеля назад.

Сильван упал на землю, Мишель развернулся и посмотрел на остальных с пылающим от ярости лицом.

— Да, да. Честь требовала, чтобы ты победил его в одиночку. Прости, пожалуйста, — Фелассан опирался на посох и тяжело дышал. — Окажи своему коню последнюю милость, шевалье. Он её заслужил. А потом мы должны бежать.

Селина увидела, что её собственный конь, поджарый жеребец, лежал на земле и не двигался, его шея была свернута под неестественным углом. Бриала стала быстро собирать свои вещи, а Фелассан стоял, держа посох наготове, и смотрел в темноту за границей света от костра.

Сэр Мишель подошел к своему коню. Животное все ещё громко ржало, но когда конь заметил Мишеля, ржание превратилось в череду негромких жалобных стонов.

Мишель открыл рот, будто бы Кретъен задал вопрос, на который он хотел ответить, и затем сглотнул. Потом он встал на одно колено и вытащил свой кинжал.

— Прости, — сказал шевалье и окончил страдания животного одним быстрым точным ударом.

Он поднялся и повернулся к Селине.

— Я пойду за своими доспехами.

Она кивнула.

Теперь скрип и шум, издаваемые сильванами, шли со всех сторон, и Фелассан медленно обходил лагерь, прислушиваясь.

— Сколько таких огненных шаров ты сможешь сотворить, прежде чем окончательно выдохнешься? — спросила Селина.

Эльф устало улыбнулся.

— Пусть это останется в сфере догадок. Шевалье, ты готов?

Мишель перебросил свой огромный мешок за спину, кряхтя под его весом.

— Готов.

Селина прислушалась к треску вокруг. Он был всё ближе и ближе, и ветви на деревьях по краям поляны начинали оживать.

— В какой стороне юг? — спросила она.

Фелассан указал направление.

— Тогда освещай дорогу, — приказала Селина и приготовила кинжалы.

* * *

Бриала не могла сказать точно, сколько времени они бежали.

Лунный свет не проникал сквозь деревья в густом лесу, и дорогу им освещал только посох Фелассана. Его зеленый свет преображал всё вокруг, и даже безобидные деревья, казалось, тянули к беглецам свои ветви.

Прячущиеся под ковром мёртвых листьев корни цеплялись за лодыжки Бриалы, а голые ветки царапали ей лицо. Доспехи натирали плечи и колени в тех местах, где пот просочился сквозь одежду.

Лицо бежавшего подле неё Фелассана было похоже на разрисованную татуировками маску усталости и боли. Он опирался на посох, чтобы выровнять свой бег. Селина прятала усталость под решительным взглядом, но её выдавало раскрасневшееся лицо. Только сэр Мишель, казалось, ничего не испытывал, — он дышал ровно и легко, пусть за его плечом в холщовой сумке громыхали доспехи, — но лицо его покрылось пятнами и было красным от слёз. Шевалье, который мог без содрогания расправиться с крестьянами, оплакивал своего коня.

Позади них деревья с треском вырывали из земли свои корни, весь лес ожил и пустился в погоню за отрядом. Бриала не знала, призвали те сильваны себе союзников, или весь лес был полон ими с самого начала, и теперь они просыпались после того, как их сородичи подняли тревогу. Спрашивать Фелассана она не стала.

— Долго еще? — задыхаясь, спросила Бриала, чуть не врезавшись и оттолкнувшись в последний момент от попавшегося ей на пути дерева.

— Этого не узнать, — ответил Фелассан, едва не споткнувшись о корень, за который зацепился его посох. — Когда они потеряют интерес. Они... — он умолк, чтобы отдышаться, и со стоном перешагнул через низкий кустарник, — ...злятся из-за проявленных эмоций. Завидуют из-за них.

Эмоции. Они с Селиной поссорились. А потом Селина держала её в своих руках.

— Мы быстрее, чем они, — сказал Мишель, отводя в сторону ветки и придерживая их для Селины. — Если продолжим идти, они в конце концов будут вынуждены сдать.

Бриала поймала взгляд Селины. Императрица всё ещё смотрела твердо и решительно, но в тусклом зелёном свете её лицо выглядело болезненно бледным.

— Не знаю, сколько ещё мы продержимся.

— Нет, — Селина споткнулась и остановилась. — Я не для того зашла так далеко, — она выпуталась и догнала остальных, — чтобы быть убитой каким-то деревом.

— Чудно сказано.

Свободной рукой Фелассан указал вперёд.

— Там вода. Она их замедлит.

Бриала заставила свои трясущиеся ноги бежать дальше. Она подняла голову, сделала глубокий вдох полной, жаждущей глотка свежего воздуха грудью, и не заметила спрятавшийся под листьями камень. Он выскользнул из-под её ноги, и она тяжело рухнула на землю.

Тёплые ладони поймали её за руку. Бриала кашлянула. Листья у её ног были испещрены крохотными капельками света. Она позволила себя поднять.

— Ты выдержишь? — спросил сэр Мишель, прямо-таки образцовый галантный шевалье. Позади него стояла бледная Селина, опершись руками о колени, и тяжело дышала. Она с беспокойством смотрела на Бриалу.

Бриала всегда считала, что она в отличной форме. Пока Селина развлекала художников, Бриала практиковала свои навыки обращения с кинжалами в старой кладовке, пока пот не начинал капать на изъеденный молью ферелденский коврик. Она посмеивалась над императрицей, уставшей от дня, проведенного верхом.

Теперь же, к её стыду, у Бриалы банально не хватало дыхания, чтобы ответить. Она быстро кивнула, и спотыкаясь, двинулась следом за Фелассаном, Селина и Мишель следовали за ней. А где-то сзади раздавались грохот и треск разгневанных деревьев.

Вода, которую увидел Фелассан — или почувствовал с помощью своей магии, или просто знал о ней, потому что жил здесь, Бриала не знала точно — оказалась устьем реки. Весной река здесь была полноводной и бурлила белыми водами. Теперь же, сухой осенью после длинного лета, вода опустилась намного ниже береговой линии. Фелассан без колебаний прыгнул со склона, опираясь для равновесия на посох, и пересёк реку по колено в воде.

Бриала двинулась следом. Сухая грязь под её ногами скользила и рассыпалась, и она наполовину проскользила последние несколько пядей, едва не упав в воду. Она продолжала идти, скользя по камням и грязи, и уже почти добралась до противоположного берега, когда что-то заставило её остановиться и повернуться.

Это был не звук, а его отсутствие. Позади Бриалы не было видно ни Селины, ни Мишеля.

— Фелассан! — от сухости в горле крик Бриалы получился хриплым и срывающимся.

Эльф уже взобрался на другой берег и стоял там на коленях, держась за посох обеими руками. Тяжело переводя дыхание, он посмотрел на Бриалу.

— Быстрее!

— Где они? — Бриала тщетно пыталась разглядеть тени на берегу, с которого она только что соскользнула. Уже не доносилось бряцание доспехов из мешка, лишь скрежет и рёв разозленного леса. В темноте ей казалось, что деревья раскачивались.

— Идем, дален! — позвал сверху Фелассан. — Сильваны скоро будут здесь!

Он сказал, что сильванов влекли эмоции.

Бриала всё ещё злилась, по-прежнему страдая от боли и была опустошена предательством, хотя правда в словах Селины и явная мука на её не спрятанным во тьме под маской лице боролись с чувствами эльфийки..

Но, несмотря на всё это, при мысли, что она никогда не увидит Селину снова, внутри Бриалы возникала гадкая пустота.

Бриала сглотнула и сделала глубокий вдох. Потом она поплелась обратно через поток, вцепилась дрожащими пальцами в скользкую землю и вскарабкалась обратно на берег.

По эту сторону реки почти ничего не было видно. Свет от посоха Фелассана очерчивал тени. Когда Бриала добралась до выступа берега, то увидела, как впереди неё с оглушительным шумом сломались и упали деревья, и перед её взором возник огромный сильван, листья которого рассыпались по сторонам от каждого его свирепого движения. Сильван замахнулся на что-то или кого-то возле него.

Это был сэр Мишель. У него за плечами по-прежнему мотался мешок с доспехами, а в руках он нёс свою императрицу. Даже в темноте Бриала могла разглядеть бледное лицо Селины и кровь, струящуюся по её виску.

Удар сильвана пришелся по мешку с броней на плече Мишеля, и защитник покатился в сторону от деревьев. Упав, шевалье бережно положил Селину на землю, потом поднялся на ноги и теперь уже свободными руками вытащил меч и приготовил щит.

Когда Бриала добралась до них, Мишель взглянул на неё с замешательством.

— Ты не убежала.

— Как видишь, нет, — Бриала коснулась Селины и проверила пульс на её шее. Женщина была жива и дышала. — Мы можем отступить?

Мишель широко размахнулся мечом, срубая мешанину ветвей с руки сильвана.

— Они уничтожат нас до того, как мы доберемся до устья, — он с рыком отбил удар монстра. — Можешь унести её в безопасность?

— Не думаю.

Одно из колец Селины наделяло огнем любое оружие, которым та сражалась. Бриала стала ощупывать руки Селины, дрожа от изнеможения и неестественно громкого шума вокруг.

— Величество! — прокричал Мишель, уворачиваясь от очередного сокрушительного удара и срубая массивные куски со ствола сильвана. — Величество, вы должны очнуться!

В темноте Бриала никак не могла найти нужное кольцо. Она сняла оба и надела их на свои пальцы.

Поднявшись, Бриала подняла лук, вытащила стрелу и натянула тетиву. Она едва не вскрикнула, когда рубиновое кольцо вспыхнуло на её руке, и пламя пробежало по стреле.

— Можешь унести её в безопасное место? — спросила она и послала ещё одну горящую стрелу в ствол дерева. Чудовище попятилось от огня, взревев от боли.

Мишель обернулся, застыв в тупом онемении, а Бриала вытащила следующую стрелу и выстрелила, а потом ещё, поливая огнем листья и ветки чудовища.

— Я... Да. Могу.

Деревья перед ними с треском разошлись, и к своему объётому пламенем сородичу присоединился еще один сильван.

Бриала пустила в него полыхающую стрелу и позволила себе на мгновение взглянуть на красивое бледное лицо Селины.

— Тогда иди, — сказала она Мишелю. — Я...

Её прервал вид пары пронесшихся мимо сверкающих красноватым пламенем стрел; озарив ночное небо, они обрушились огнём на сильванов.

Бриала в шоке обернулась и увидела линию огней на другом конце устья. Они на мгновение заплясали и снова расцветили небо, пролетев над её головой огненными стрелами, и поразили сильванов.

Пылая огнем и громко воя от боли, сильваны выдирали свои корни из земли и бросались обратно в лес, разнося в щепки деревья на своем пути. Бриала слушала, как они отступают, не осознавая, что упала на колени, пока не почувствовала холод в ногах.

Мишель стоял рядом с ней и Селиной.

— Нам повезло, — сказал он, хотя это было больше похоже на вопрос, чем на утверждение.

Бриала посмотрела на лучников на другом берегу устья. Она не могла ничего разглядеть, только то, что один из багровых огоньков горел ярче остальных. Рядом с ним мерцал другой огонёк — зелёный, который, она знала, принадлежал Фелассану.

Потом несколько лучников грациозно взобрались наверх с низины устья реки. Их доспехи были выполнены просто, но изящно, и по всей длине клинков из железной коры бежали струйки красноватого пламени, заставляя плясать татуировки на их лицах.

Бриала глядела на первых долийцев, которых она видела в своей жизни, за исключением Фелассана.

— Ма сераннас, — произнесла она с запинкой. — Я обязана вам своей жизнью и...

— Всё как он сказал! — крикнул один из долийцев в другой конец устья. — Плоскоухая и два шемлена.

— Свяжите их! — раздался голос кого-то постарше, и эльф стоявший перед ней кивнул. — Убейте, если будут сопротивляться.

Мишель, стоявший возле неё, посмотрел на Селину, потом на эльфов. С тихим смешком он бросил меч наземь.

— Вот, Бриала, ты и нашла свой народ.

Глава 11

— Во имя Ужасного Волка, зачем ты их сюда притащил?

Тален, Хранитель долийцев, был эльфом средних лет. На его спине висел посох со светящимся красным наконечником, с помощью которого прошлой ночью он поджег стрелы своих людей. Лицо под татуировками было бледным от усталости и покрыто сетью морщин, а волосы поседели. Бриала, сидевшая со связанными руками возле одной из гигантских повозок, могла бы назвать его добрым, если бы не видела утром, как он, багровый от ярости, орал на Фелассана посреди долийского лагеря.

Фелассан усмехнулся.

— Тебе нужно было встретить новых людей.

Долийский Хранитель раздражённо взмахнул рукой.

— Я потратил годы, чтобы найти правильное место и приготовить заклинания. Чтобы получить нужные ингредиенты, мне пришлось рисковать, торгуя с шемленами.

— Вот видишь, ты уже вступил с шемленами в контакт. Одним шемленом больше, одним шемленом меньше.

— А теперь, — продолжил Тален, как будто не услышав Фелассана, — когда я так близок к тому, к чему мы стремились, ты приводишь сюда какую-то человеческую аристократку и её защитника?

Его лицо исказила гримаса отвращения.

— Клан Вирнен уже и так запятнан, твои глупые идеи нам ни к чему! Так же как и она! — он повернулся к Бриале.

Она выпрямилась и встретила его яростный взгляд.

— Абелас, хагрэн. Я не хотела тебя оскорбить.

— Замолчи, дитя, — её слова, похоже, немного умилили гнев Талена, и он со вздохом повернулся к Фелассану. — Ты хочешь, чтобы я начал подбирать дворняг? Если она так важна, почему ты не отправил её в свой клан? Она хотя бы маг?

После этих слов улыбка исчезла с лица Фелассана.

— Ты получал от меня информацию на протяжении многих лет, Тален. Эту информацию предоставляла она — в дар народу, который она считала своим.

— Всё это очаровательно, — Тален устало провёл рукой по лицу. — Но что она делает здесь?

Бриала поднялась на ноги.

— Эльфы Орлея страдают, Хранитель. Если Великий Герцог Гаспар придет к власти, их страдания умножатся. Если вы поможете императрице Селине вернуться на трон, вы спасёте многих ваших людей в эльфинажах Орлея.

Тален закрыл глаза и отвернулся от неё.

— Абелас, дален, — сказал он тихо, — но в эльфинажах Орлея у меня нет людей.

После этого Бриала тихо присела и стала разглядывать лагерь, молча прислушиваясь к спору. Огромные фургоны, называемые аравелами, стояли кругом, словно здания маленького города.

Предназначение некоторых из них она могла угадать. В одном хранились луки и инструменты для их изготовления; неподалеку от фургона долийские дети упражнялись, посылая стрелы в раскрашенные под людей деревянные мишени. Рядом с другим аравелем стояли ящики, наполненные овощами, и висели полоски копченого мяса. Возле третьего долийские воины били деревянными мечами тренировочные манекены. Наблюдая за ними, Бриала поняла, что их движения ничем не отличаются от тех, которые она видела сотню раз в поместье семьи Селины или в Вал Руайо.

Это был не её народ.

Эти слова должны были причинить ей боль, но Бриала почувствовала только пустоту. Она смотрела на эльфийских детей, которые играли и смеялись, на охотников, отвешивающих шутки по поводу своего мастерства, на эльфийских поварих, поющих старые песни, пока их ученицы отмывали оставшуюся после завтрака посуду. Сквозь открытые двери одного из фургонов она рассмотрела престарелых супругов, которые дремали, тихо похрапывая. Здесь не было никаких принцесс, никаких духов из Тени, снующих меж фургонов-прачечных, но это всё равно было лучше всего, о чем она когда-либо мечтала. Никто из них не пригибал голов и не оглядывался, с опаской высматривая людей. Никто из них не боялся, что в лагерь забредет человек и принесет с собой беду.

И они позволяли эльфинажам гореть, потому что не считали городских эльфов своим народом.

Она вновь прислушалась к спору между Фелассаном и Таленом. Долийский Хранитель прекратил кричать. Он выглядел уставшим. Фелассан, как всегда спокойный, слабо улыбался.

— Хорошо, — сказал Тален в конце концов. — Твоя... ученица... может ходить по лагерю, но ты ручаешься за её поведение. И я не отвечаю за её жизнь, если она приблизится к эльгар'арла. Воин-шемлен останется в путях, а аристократку будут охранять, пока она не проснётся. Я поговорю со старейшинами клана и посмотрю, готовы ли они выслушать её слова.

Он раздраженно взмахнул рукой, и молодая женщина с изящным посохом в руках подошла к Бриале, чтобы развязать её путы. Ей не исполнилось и двадцати, татуировки на её лице выглядели свежими и чёткими, им вряд ли было больше года. У неё были ловкие огрубевшие от работы пальцы. Ткань отделанной мехом и кристаллами туники была явно выторгована у людей, но сам крой туники Бриала не узнала.

Бриала попыталась прочесть взгляд молодой женщины. В нем не было отвращения, но не было и дружелюбия.

Тален и молодая эльфийка ушли, а Фелассан помог Бриале подняться на ноги.

— Ты никогда мне не говорил, — произнесла она.

— О, Бриала, кстати, народ, который ты идеализировала большую часть своей жизни, на самом деле напыщенные идиоты, — Фелассан покачал головой. — Стала бы ты меня слушать?

— Да.

— Но услышала бы? — выражение его лица не изменилось, и он направился прочь, двигаясь между аравелями.

Бриала последовала за ним.

— Им всё равно.

— Да, всё равно. Они заботятся только об одной вещи — о прошлом, — Фелассан показал на одну из поварих, поющую на эльфийском. Она смешивала тесто в жестяном тазу, расписанном изображениями Силейз, Хранительницы Очага. — На самом деле они ужасно им озабочены. Тратят всю жизнь, разыскивая маленькие кусочки прошлого, чтобы сохранить и передать потомкам. Старый язык, старую империю, старые секреты. Но настоящее? — он пожал плечами. — Настоящее, похоже, совсем неинтересно.

— То есть пока мы боремся и умираем в огне, они копаются в старых руинах в поисках эльфийского слова, означающего "бриллиант"? — Бриала понизила голос, оглядывая лагерь.

— Ми'дурген.

— Я помогала им, — на этот раз её голос дрогнул. — Не только городским эльфам, которых они не считают частью своего народа. Я помогала им той информацией, которую передавала тебе в течение этих лет.

— Я знаю, дален. И Тален тоже, хоть он этого и не признает, — Фелассан посмотрел в сторону, и Бриала заметила, что эльфы-охотники наблюдают за ними. Они вышли из лагеря и направились в сторону леса. — Поэтому ты и твои друзья до сих пор живы.

— Что нам делать? — спросила она, устало глядя на деревья. Сейчас, ясным утром, они были всего лишь деревьями. Мёртвые коричневые листья еще висели на ветвях. Никто не собирался ожить и раздавить их. — Быть может, мы сможем найти другой клан? Возможно, твой?

— А, нет. Мой клан далеко отсюда, — Фелассан поморщился. — Несмотря на своё название, долиийские кланы давно сбежали из Долов. Разделились, чтобы их нельзя было уничтожить одной атакой. Если твоей императрице нужна помощь, чтобы попасть в Вал Руайо прежде Гаспара... — он пожал плечами. — Нам придётся дожидаться, пока её разбудят целители. Ты говорила, что она может быть очень убедительной. Прошлой ночью она сдвинула деревья, — он рассеяно улыбнулся. — Возможно, сегодня она сдвинет горы.

* * *

— Шемлен, — презрительно сказал предводитель эльфийских воинов, стоявший над Мишелем, а потом с усмешкой повернулся к своим людям.

Мишель был привязан к одному из фургонов. Селина лежала рядом на расстеленном одеяле, а молодая эльфийка — судя по посоху, ученица мага — занималась её ранами. Она выглядела лучше, чем прошлой ночью, по крайней мере так ему показалось. Они зашили рану, которую она получила, упав и ударившись головой, а эльфийка с помощью магии снимала воспаление. Целительница не говорила с Мишелем, просто стояла, наклонившись над Селиной и протянув к ней руку, светящуюся прохладным белым светом, от которого по спине Мишеля бежали мурашки.

Эльфы-воины обращались к нему, конечно, но их лексикон был не слишком разнообразен.

— Шемлен, — снова сказал их лидер. Он был высок и широкоплеч. Мускулы на его руках говорили о жизни, проведенной с мечом в руках, и он был самым старшим из воинов, стоявших над Мишелем. — Знаешь, что мы делаем с такими, как ты? Ну, — эльф притворился, что задумался, — по правде говоря, это зависит от того, сколько у нас времени. Если мы торопимся, то просто убиваем вас из луков, как волков с водяной болезнью. Но если у нас есть в запасе пара дней, есть одна игра — Зубы Фен'Харела.

Несколько воинов рассмеялись. Но как минимум один из них, самый молодой, остановился и неловко отвернулся к деревьям.

— Мы снимаем с вас одежду и связываем вам руки, — сказал эльфийский предводитель, — и надеваем вам краги из твёрдой кожи, сквозь которую пропущены маленькие шипы, так, чтобы с каждым шагом они впивались глубже. Потом мы даем вам фору, считаем до ста и проверяем, как далеко вы смогли убежать, когда каждый шаг...

— Наверное, тебя ужасно гложет, что ты не можешь меня тронуть, — сказал Мишель, не меняя выражение лица.

Предводитель моргнул, но потом взял себя в руки.

— Когда Тален получит то, чего хочет, мы не просто тронем тебя, шемлен.

Каждый раз, сказав "шемлен", он на мгновение замирал и смотрел на Мишеля, проверяя, задело ли это его. Мишель подозревал, что эльф делает такую же паузу после удара мечом, и решил на всякий случай запомнить это.

В любом случае, эльфа не ждало ничего, кроме разочарования. Каждый раз, когда он пытался оскорбить Мишеля, тот лишь улыбался шире.

— А до тех пор ты так и будешь красоваться перед связанным пленником? — спросил Мишель. — Если только я не стану слишком опасен, в случае чего ты, наверное, пойдешь пугать детей или кричать на деревья.

Предводитель пронзил его злым взглядом.

— Фелассан назвал тебя шевалье. Он сказал, что ты — величайший из шемленских воинов. Может быть, я покажу тебе, на что способен настоящий мастер клинка.

— Такой, как вон те дети, играющие палками рядом с твоим фургоном? — Мишель указал подбородком на тренирующихся поблизости воинов. — Их наставник медлит, когда делает шаг в сторону. Я бы отрубил ему ногу за три удара сердца, — предводитель бросил невольный взгляд на тренирующего, как и его воины. — Вам стоит тратить больше времени на обучение своих людей... Или ты сам не заметил эту проблему?

— Ты оскорбляешь мой клан, — предводитель занёс кулак.

Мишель фыркнул.

— Ты сам оскорбляешь свой клан тем, что не можешь обуздать злобу, чтобы выполнить приказ твоих предводителей. Я не нанёс оскорбления ни твоим сородичам, ни вашей истории, ни вашему образу жизни. Только личное оскорбление дворяне, которой стоит поучиться манерам.

— Тем не менее.

Кулак предводителя врезался в лицо Мишеля, а когда туман в его глазах рассеялся, эльф снова улыбался.

— Знай свое место, шемлен, — он повернулся к своим воинам. — Присматривайте за ним. Если сделает что-то подозрительное, убейте.

Предводитель направился к своему фургону, оставив остальных на страже.

Мишель устроился поудобнее и принялся ждать. Через некоторое время он занял себя упражнениями, чтобы не дать рукам и ногам затечь. Один из воинов это заметил, — самый молодой, тот, которому было неприятно наблюдать за развернувшейся ранее сценой, — но ничего не сказал.

Сидя без дела и цели, Мишель расслабился, так, как будто медитировал в Церкви. Он позволил своему вниманию гулять, впитывая быт лагеря. Поварахи готовили дневную трапезу, похлебку из диких кроликов, овощей и приправ, которую подавали, насколько он мог судить с тридцати ярдов, с крестьянским хлебом. Его делали почти в равных долях из пшеницы, соли и сала, и во время голодных зим крестьянам часто было больше нечем насытиться.

Последний раз Мишель ел его много лет назад. Теперь, глядя, как старая эльфийка поливает свой кусок мёдом, он вспомнил, как его мать посыпала его кусочек хлеба сахаром. Сахаром, который она украдала в таверне, где прислуживала. Рот Мишеля наполнился слюной, и он отвернулся.

Молодые воины закончили упражнения с мечом и взяли в руки луки. Охотники возвращались в лагерь с кроликами или оленями. Через несколько часов Мишель был вынужден признать, что стоянка хорошо организована и похожа скорее на военный лагерь, чем на пещеру остроухих бандитов, какой он ее представлял. Каждый эльф был занят, каждое движение служило определенной цели, но, в отличие от военных лагерей, здесь к выполняющим работу слуг относились с таким же уважением, как к охотникам и стражам. Они радостно общались друг с другом, обменивались приветствиями или шутками, словно члены семьи.

Мишель не был уверен, когда начал покачиваться в такт музыке, но он чувствовал, как тихий покой вливается в него успокаивающим ритмом, пока он сидит и наблюдает за лагерем. У музыки не было ни источника, ни мелодии. Это был даже не звук. Просто приятное, убаюкивающее ощущение, словно он был ребенком, которому, покачивая, пели колыбельную. Часть его сознания в замешательстве наблюдала за тем, как весь

лагерь начал двигаться в такт этому невидимому ритму, но в основном его разум оставался спокойным и счастливым.

Мишель даже не удивился, когда один из воинов наклонился и перерезал его узы.

Пустые глаза воина умиротворенно взирали на что-то, видимое только ему. Другой воин улыбался, рассеяно покачиваясь из стороны в сторону под медленный ритм.

Мишель, не медля и не испытывая страха, поднялся. Целительница продолжала заниматься Селиной. Она перемешивала травы в ступке, что-то тихо напевая. Воины хлопали себя по бедрам в такт мелодии. Никто не обратил внимания на то, что шевалье, которого они охраняли, встал на ноги, и Мишель сам не придал этому значения. Тихий голос на границе его сознания что-то предостерегающе кричал, требовал взяться за оружие, но Мишель проигнорировал его и спокойно направился прочь от фургона, к которому был привязан.

Без страха повернувшись к стражам спиной, он шагал в такт мелодии, которую напевала целительница. Эльфийские разведчики на краю лагеря не обратили на него ни малейшего внимания. Одна разведчица насвистывала ту же самую мелодию.

Из лагеря в лес вела извилистая тропинка.

Мишель не торопился, позволяя мелодии вести себя по ней вниз, к небольшой поляне посреди леса.

Всю поляну занимал кратер примерно ста ярдов в диаметре, — словно Создатель зачерпнул рукой горсть земли. В центре кратера стоял круг из камней, каждый из которых был расписан слабо светящимися рунами. В центре круга стоял человек в темном плаще. Он был невысок, лысоват, с жидкой черной бородкой и маленькими поблескивающими глазами.

Он насвистывал, щелкая пальцами и притоптывая в такт мелодии.

Когда Мишель приблизился к кругу камней, руны на ближайшем из них полыхнули.

Музыка исчезла, разорванная подобно паутине, и Мишель, вздрогнув, упал на колени. Он словно проснулся посреди разговора. Все выглядело слишком ярким и резким. Трава под его руками была холодной и скользкой, а земля под ней, казалось, шевелилась.

— Рассказать анекдот? — спросил человек в круге. У него был слабый акцент, такой же, как у не самых знатных аристократов при дворе Селины.

Мишель дрожал всем телом, его зубы стучали друг о друга. Он напряг мышцы, прибегнув к серии упражнений, которые шевалье использовали, чтобы побороть эффект дурмана или чар.

— Что... Что...

— Сэр Мишель де Шевин заходит в таверну, — сказал человек в круге. — Хозяин смотрит на него и говорит: "В моей таверне только люди". Сэр Мишель отвечает: "Я не против. На эльфах все равно мало мяса", — Человек громко расхохотался.

— Что ты со мной сделал? — Мишель с трудом поднялся и застыл в боевой стойке, решив не рисковать попыткой выпрямиться. Земля под его ногами по прежнему раскачивалась, но упражнения помогли. Он ровно и медленно дышал, не обращая внимания на холодный пот, покрывший всё его тело.

— Отвлек стражей и освободил тебя из плена этих проклятых остроухих, — с удовольствием сказал человек в круге, — исключительно по доброте душевной, — он наклонил голову. — А, ты об этом? Небольшой трюк из Тени, заставляет людей тебя не замечать. Полезно, когда хочешь улизнуть из неприятной ситуации или подсмотреть за раздевающимися дамами. Хотя я, конечно, — добавил он, — так бы никогда не поступил. Потому что это неправильно.

Мишель посмотрел на человека, а потом на круг камней.

— Ты демон.

— Дух, — сказал человек, широко улыбаясь. — Пожалуйста, зови меня Имшаэль.

— Зачем?

Имшаэль — если это на самом деле было его имя — улыбнулся.

— Ну, надо же тебе как-то меня называть.

Мишель пронзил его взглядом.

— Зачем ты меня сюда привел?

— Потому что у тебя и у меня похожая проблема, — Имшаэль подошел к камням и остановился с натянутой улыбкой. — Мы оба хотим быть где-то ещё, кем-то ещё, но не можем.

От шагов демона на траве не оставалось следов. Его чёрный плащ был превосходно сшит, а пряжки на чёрных сапогах блестели.

— Я слышал о тварях вроде тебя, — сказал Мишель, пытаясь вспомнить старые предания. — Ты — демон желания.

— Выбора. Дух, — улыбка прилипла к лицу Имшаэля. — Я что, похож на демона желания? Тебе хочется, чтобы я разделся и натянул что-то воздушное и прозрачное? — вздохнул демон. — Существует множество разных духов, мальчик. Духи любви, чести, доблести, справедливости... — он махнул рукой и, развернувшись, зашагал вдоль камней. — И — да, гнева, голода, гордыни. Чтобы проникнуть сквозь Завесу, у нас у всех должна быть какая-то связь с этим миром.

Мишель двинулся за ним следом по внешней стороне круга. Его тело почти пришло в себя после того, что сделал с ним демон, но он до сих пор чувствовал в мышцах дрожь, как будто только что закончил хорошую тренировку. Пожелтевшая по осени трава ломалась под его ногами.

— И какая связь привела тебя?

— На этот раз — никакая. Эти проклятые эльфы призвали меня в этот круг, — Имшаэль постучал пальцами по одному из камней и поморщился, когда искра энергии ужалила его руку. — Заперли меня в нем. Я не могу уйти, и не могу вернуться в Тень. Я даже не могу использовать свои силы.

Мишель вспомнил песню, которая повлияла на сознание всех вокруг него.

— Ты использовал свою силу на всем лагере.

— Этот трюк? — Имшаэль усмехнулся. — Нет. Мои силы более... Масштабны.

Мишель несколько мгновений молчал, а потом, не выдержав, задал вопрос:

— Зачем они тебя призвали?

— Они хотят, чтобы я помог им вернуть частичку их истории. Ты знаешь историю, Мишель?

— Не очень, демон, — Мишель продолжал идти.

— Понимаешь, в вашем представлении Халамширал — старая столица эльфов, но раньше, ещё до того, как мальчишки из Тевинтера как следует повеселились, у эльфов был дом побольше.

— Арлатан.

Имшаэль улыбнулся.

— Значит, ты все-таки не пропускал мимо ушей истории, которые тебе рассказывала в трущобах твоя эльфийская мать! — сказал он, а затем поднял руки, извиняясь. — Прости, прости. Вы, смертные, всегда такие недотроги, когда дело касается мыслей, текущих у вас из голов. Да, Арлатан. Но он был всего лишь столицей древней империи. Все это — Орлей, Ферелден, те кусочки на западе — когда-то было частью Элвенана. Теперь, если копнуть достаточно глубоко в Орлее, можно найти древние гробницы эльфийской знати, — глаза Имшаэля сузились. — И большинство этих гробниц, оказывается, связывают элувианы.

Мишель остановился и повернулся к демону.

— Под Орлеем спрятаны тайные ходы?

Имшаэль фыркнул.

— Тайные ходы? Нет, мальчик, ты думаешь о гномах. Эльфы не очень любили ходить. Элувианы — это волшебные зеркала. Заходишь в одно, двигаешься по некоему срединному месту, и выходишь из другого в нескольких днях пути, — демон снова стукнул по одному из камней и поморщился, когда искрящаяся энергия уколола его пальцы. — Старая эльфийская магия. Старую эльфийскую магию нельзя не уважать.

— И их можно использовать для путешествий, — Мишель пригляделся к демону. Это была ловушка. Демоны всегда строили козни. В каждой сказке о юноше, заключившем сделку с демоном, демон пытался подстроить ему ловушку.

Но иногда юноше удавалось поймать самого демона в эту ловушку и одержать победу.

— Да, их использовали для путешествий. Молодец, что слушал. Если бы ты захотел, то мог бы добраться из Джейдера до Вал Руайо, ни разу не увидев дневного света, — Имшаэль остановился и бросил на Мишеля взгляд. — Не спеши пускать слюни, шевалье. Там только старая, опасная магия и книги, которые ты, наверное, тут же бы сжег. Никаких волшебных мечей ты там не найдешь, — он снова зашагал вперед, как и прежде, не оставляя следов. — В любом случае, элувианы спят с тех пор, как вы захватили Халамширал. Наш друг-Хранитель пытается заставить меня их разбудить.

Мишель поспешил догнать его.

— Так почему ты его не слушаешь?

— Глубоко озабочен моим благополучием, да? Я тронут, — Имшаэль улыбнулся, но спустя мгновение его улыбка превратилась в оскал. — Он не может дать мне того, что мне нужно. Демон гнева питается яростью. Демон гордыни живет на глупостях, которые люди воображают, глядя на себя в зеркало по утрам. А мне нужен выбор. Тален хочет, чтобы элувианы пробудились, но за этим ничего не кроется. Он не заботится о последствиях своих поступков. Понимаешь?

— Нет.

Имшаэль рассмеялся.

— Честный малый. Ну, по большей части. А что, если я скажу тебе, что если ты найдешь смертного и заставишь его положить кровотокающую ладонь на один из этих проклятых камней, я сделаю историю Мишеля де Шевина правдой?

Мишель моргнул.

— Как?

— Эффективнее, чем это сделал твой покровитель, граф Бревин, купив поддельные бумаги, — Имшаэль усмехнулся, и его маленькие глазки сверкнули в паутине морщинок от смеха. — Несколько духов прошепчут нужные слова в нескольких снах. Несколько человек подделают документы и тут же об этом забудут. В следующий раз, когда бард Гаспара копнёт твоё прошлое, она обнаружит, что Мишель де Шевин — именно

тот, за кого он себя выдает, и живые люди поклянутся печально отсутствующим Создателем, что помнят, как росли с благородным, чистокровным человеком сэром Мишелем.

— А что взамен?

— Я выберусь из этого проклятого круга и поселюсь в теле того человека, который прольет на камни свою кровь, — Имшаэль глубоко, счастливо вздохнул. — Я давно не гулял по миру. Хотелось бы на него посмотреть.

Мишель остановился, яростно сжав зубы.

— Ты хочешь, чтобы я отдал тебе во власть какого-то несчастного?

— Да, — Имшаэль повернулся к нему, и, хотя на его лице была улыбка, в глазах демона горел огонь. — Приятного мало, не правда ли? Потому-то это и называется выбор.

Мишель отвернулся от него и зашагал вперед. Увидев перед собой на траве следы, он понял, что сделал круг.

— Мне стоило бы тебя уничтожить.

— Для этого нужно всего лишь уничтожить пару рун, — сказал Имшаэль, не сбиваясь с шага. — Конечно же, тогда ты проведешь остаток жизни, опасаясь, как бы кто-то не узнал, кто ты такой.

— Я знаю, кто я такой, — сказал Мишель и покинул поляну с демоном.

Часовые на краю лагеря подпрыгнули, увидев его. Их луки взлетели вверх со скоростью, достойной восхищения, и они подняли тревогу, глядя с удивлением и страхом назад, в сторону лагеря, где ему было положено находиться в путях.

Мишель поднял руки.

— Я сдаюсь, — сказал он. — Отведите меня обратно к моей императрице.

На мгновение ему показалось, что эльфы просто его пристрелят, но потом, переглянувшись, они приблизились. Один эльф держался поодаль, натянув лук, в то время как остальные схватили Мишеля и повалили на землю.

Не жалуясь, он вытерпел крики, удары руками и ногами. Если это вернёт его к Селине, оно того стоит.

Теперь он знал, как она вернёт себе Орлей.

* * *

Эльфийская целительница разбудила Селину в полдень и сообщила, что остальные члены её отряда находятся где-то в лагере долийцев. Всё ещё чувствуя головокружение, Селина села, заметила стражей, стоящих рядом с оружием наголо, и попросила позволения поговорить с их Хранителем. Она ожидала, что Мишель и, возможно, Бриала, тоже связаны. Но так как долийцы держали в узах только её, она заключила, что они понимают её ценность как потенциального заложника. Пусть это и не обнадеживало, но для начала было неплохо.

И теперь, с раскалывающейся головой и стоящими над ней эльфийскими стражами, она пыталась убедить Хранителя и старейшин долийского клана сохранить ей жизнь. Она понятия не имела, где находятся Бриала и Мишель, и не собиралась показывать слабость, спрашивая об этом.

— Когда Гаспар перестанет быть угрозой, — пообещала она, — я добьюсь того, чтобы к долийцам в Орлее относились с большим уважением. Мы ждём возможности припасть к вашей мудрости. В наших университетах уже учатся эльфы, и для нас было бы честью, если бы ваш народ их посещал.

— У тебя нет сил, чтобы сражаться с этим Гаспаром, — сказала древняя хранительница очага, и её скрипучий голос прозвучал скептически, — и ты хочешь предложить помощь нам?

— Власть накапливается, — уверено ответила Селина, — как снежный шар, катящийся вниз по склону. Мне не нужно, чтобы вы сражались против Гаспара за меня. Мне только нужно с вашей помощью добраться до Вал Руайо прежде него. Как только я окажусь там, у Гаспара не останется ни единого шанса. Я погашу его восстание и прикончу его.

— После чего сможешь безнаказанно нарушить обещания, — сказал предводитель воинов, — как и все люди до тебя.

Хранитель заставил его замолчать взмахом руки.

— Ты хочешь, чтобы я провёл тебя мимо солдат твоего противника, рискуя жизнью своего клана, а в обмен обещаешь что? Шанс посетить ваши здания?

Селине хотелось пить, но если она напомнит им, что находится в их власти, её позиция в разговоре ослабнет.

— Я не знаю, чего вы хотите, Хранитель. Если у вас есть встречное предложение, я могу...

— Вы уничтожили величайшую империю в истории этого мира! — лидер воинов сделал шаг вперед, замахнувшись на неё. — А когда наш народ объединился с Андрасте, чтобы освободиться из-под власти Тевинтера, вы предали нас снова!

Она спокойно переждала вспышку его гнева и повернулась с Хранителю.

— Этот разговор навряд ли изменит прошлое, — сказала она. — Если вам что-то нужно, говорите.

— Ты не понимаешь, — сказал Хранитель. Он снова махнул рукой, и предводитель отступил. — Ты просишь нас мыслить разумно, но на протяжении всей нашей истории твой народ предавал и унижали наш. Вы забрали нашу землю, нашу культуру, даже наше бессмертие.

— А вы, похоже, не понимаете, какая возможность свалилась на вас с неба, — Селина посмотрела сначала на предводителя, а потом на Хранителя. — Настало время перемен. Вы хотите, чтобы эльфы в наших городах жили лучше? Могли беспрепятственно уходить в долиньские кланы? — не увидев отклика на лицах, она решила рискнуть. — Безвозмездное владение Халамширалом и окружающими землями?

Она ошиблась. Она сразу поняла это, увидев, как их плечи напряглись, а татуировки на лице изогнулись в гримасе отвращения, но не могла понять, почему.

— Безвозмездное владение, — ухмыльнулся предводитель.

— Твоя натура омерзительна, — медленно проговорил Хранитель. — Несчастные существа в ваших эльфинажах, которых вы считаете эльфами, всего лишь дальние родственники, навсегда потерянные для нас. Некоторые кланы принимают их, чтобы укрепить свои ряды, иногда даже из ложной жалости, но они — не часть нашего народа. Ты понимаешь это, императрица шемленов? Ты предлагаешь нам сотрудничество, право осесть в Халамширале, вести переговоры с вашими шемленскими торговцами и плоскоухими крестьянами, забывшими все о древнем Элвенане, и кланяться твоему трону в Вал Руайо, — он покачал головой. — Если вы с Гаспаром прикончите друг друга, а война убьёт всех людей в Орлее до единого, если все эльфинажи сгорят дотла... Тогда мы задумаемся о том, чтобы вернуться в Халамширал.

Это потрясло её, хоть она и сохранила спокойствие на лице.

— Тогда зачем этот разговор, Хранитель?

— Потому что этот идиот Фелассан привел тебя сюда, шемленская императрица, — поморщился Хранитель. — И теперь нам нужно решить, каким из Путей Трёх Древ пойти. Мы можем оказать тебе символическую помощь и надеяться, что в будущем ты ответишь тем же. Мы можем отдать тебя Гаспару с той же целью. Или

просто убить тебя, сжечь твое тело и надеяться, что в смерти ты принесешь клану Вирнен меньше проблем, чем при жизни.

Мгновение спустя тишину нарушил крик с края лагеря. Хранитель и старейшины обернулись, в то время как Селина старалась выглядеть настолько спокойной, насколько могла, одновременно пытаясь размышлять. Боль в её голове была притупленной, но постоянной, и Селина соображала медленнее, чем обычно.

Она была императрицей Орлея. У неё не было ни её платья, ни украшений, ни армий, но это не имело никакого значения. Она вела Игру и побеждала в ней уже двадцать лет... Но эти эльфы играли по другим правилам. И если она быстро их не выучит, они с легкостью закончат то, что начал Гаспар.

Она не позволит этому произойти.

— Что происходит? — прокричал предводитель.

— Как он освободился?

Селина посмотрела в сторону и увидела сэра Мишеля, избитого и покрытого кровью, которого тащили в лагерь несколько разведчиков.

— Он освободился?

Селина предполагала, что его и Бриалу держат в другой части лагеря, либо для допроса, либо с целью уменьшить риск сговора и побега.

Предводитель с презрением посмотрел на неё.

— Ты думала, что мы позволим шемленскому воину свободно расхаживать по лагерю? Плохо уже то, что дворняжка Фелассана не на привязи. Этот был привязан рядом с тобой, пока... — он запнулся, замолчал, потом потряс головой, растеряно глядя на землю рядом с Селиной.

— Когда я проснулась, его уже не было, — Селина посмотрела на охрану поблизости. — Быть может, расспросите их, кто дал связанному узнику сбежать и почему его отсутствие не замечали на протяжении нескольких часов?

— Я не пытался сбежать! — крикнул Мишель хрипло, когда разведчики подтащили его поближе. Они с ним не церемонились. — Я бы не бросил свою императрицу.

Предводитель подошел к Мишелю и поднял его голову вверх, схватив за волосы.

— Тогда как?

— Моим разумом завладела магия, — Мишель спокойно посмотрел в глаза воину. — Как и разумом охранников. Они разрезали мои путы, и я пришел в себя рядом с каменным кругом и демоном, стоящим внутри.

Хранитель побелел на глазах Селины. Татуировки на его лице резко выделялись на мертвенно-бледной коже. Страх — поняла она. В чём бы ни была причина — даже если ей был, упаси Создатель, демон — на страхе можно было сыграть так же, как в Вал Руайо.

— Возникло какое-то недоразумение? — спросила она с невинной улыбкой.

— Свяжите его! — рявкнул Хранитель. Разведчики бросили Мишеля на землю, а охранники быстро связали его по рукам и ногам. — Мирис! Идём. Нужно проверить защитные чары!

Хранитель ушёл, не сказав больше ни слова, а молодая целительница, вылечившая рану на голове Селины, побежала следом за ним.

Одним меньше.

Оставшиеся долильцы уставились на Селину и Мишеля с разной степенью отвращения и страха. На мгновение Селине показалось, что она снова ошиблась, и они прямо сейчас убьют её.

— Я требую, чтобы мне объяснили, что происходит, — сказала она. Она посмотрела на Мишеля, и тот едва заметно ей кивнул. — Вы обращались с нами непозволительно, и отказываясь объясниться...

— Довольно! — предводитель повернулся к старейшинам клана. — Я с ними разберусь.

Они кивнули, глядя на Селину и Мишеля со страхом и гневом на татуированных лицах, и покинули их. Теперь оставался только один, пускай и тот, кто был с самого начала готов на неё напасть.

— Ты подверг опасности мой клан своей грязной магией, шемлен, — сказал предводитель Мишелю. Его кулаки сжались, лицо покраснело от гнева, а татуировки на лице, казалось, пульсировали, когда он говорил. — Я убью тебя.

— Сначала дай разведчикам еще несколько часов меня поизбивать, — сказал Мишель, сплевывая кровь. — Тогда у тебя, может быть, будет шанс.

Селина бросила ему предостерегающий взгляд, но Мишель встретил его, не дрогнув, и через мгновение она поняла. Эльф расценит любой знак подчинения как слабость, а сейчас слабость могла их убить.

— Когда вы будете сражаться с ним, сэра Мишель, позвольте ему позвать на подмогу союзника, — сказала она. — Чтобы уравнивать силы.

Пронзив её взглядом, воин развернулся и зашагал прочь, а стражи, нервно глядя на Мишеля и Селину, отошли на несколько шагов. Они остановились на достаточном расстоянии, чтобы наблюдать за Селиной, но при этом иметь возможность говорить так, чтобы она их не услышала. Она увидела, как они украдкой быстро жестикулируют, переминаются с ноги на ногу. Их бы со смехом выгнали из гостиной леди Мантильон за такое очевидное проявление страха.

— Прошу прощения, что взял на себя инициативу в этом разговоре, — тихо сказал Мишель.

— Спокойно, Мишель. Ты был прав и знаешь это.

— Это не оправдывает отклонения мнения императрицы, — сказал Мишель с улыбкой, которая заставила его кровоточащую губу треснуть.

— Они почти наверняка убьют нас, — прошептала Селина. — То, что ты нашёл, стоит наших жизней.

— Может быть, Величество, но оно также может спасти их.

Селина удивленно уставилась на него.

— Магия?

— Да, — он заговорил еще тише. — Эльфы призвали демона. Они хотят открыть древние магические зеркала, которые позволяли эльфам незаметно путешествовать по Орлею. Защищенные магией, сокрытые в веках.

Селина замерла.

— Я могла бы безопасно вернуться в Вал Руайо.

— Более того, вы могли бы передвигать разведчиков и небольшие отряды тайно, — добавил Мишель, — чтобы напасть на Гаспара без предупреждения и сокрушить его без пощады.

Селина медленно улыбнулась.

— Теперь главное — не дать им убить нас.

Похоже, визит к долильцем все же обернулся удачей.

С мягким перестуком на землю упали первые капли осеннего дождя.

* * *

Бриала рассталась с Фелассаном в лесу.

Её наставник упомянул о располагающемся неподалеку озере, где она могла бы помыться. Он также мягко намекнул, что в данный момент ей будет безопаснее держаться от лагеря долийцев подальше. Время, сказал он, откроет им путь.

Она поверила ему на слово, более чем готовая оставить долийцев в покое.

Она с легкостью нашла озеро. Оно было маленьким и спокойным. Его питала речка, спускавшаяся с восточных склонов Морозных гор. Кувшинки плавали на поверхности воды, а стрекозы танцевали в воздухе над ними, используя последний шанс найти себе пару.

Темно-серые облака, бегущие с севера, принесли с собой холодный ветер, но Бриала все равно сняла свою броню и одежду. Она прополоскала и выжала ее, а потом положила сушиться и вошла в воду сама.

Вода была ужасно холодной, но она продолжила двигаться, сначала войдя в неё по щиколотки, потом по колени, а потом с последним шагом нырнула и задержала дыхание. Тогда, на секунду, ледяная боль превратилась в онемение, и она не чувствовала ничего, кроме ряби волн, качающей её туда-сюда.

Она вспомнила.

Вынырнув из воды, десятилетняя Бриала помотала головой.

— Бриала, ты все забрызгаешь! — смеясь, пожурила ее мать. — Теперь помоем твои волосы. Нужно, чтобы ты была чистенькая и опрятная, когда будешь завтра ждать мисс Селину.

Бриала закрыла волосами лицо.

— Селина не хочет, чтобы леди Мантильон приходила. Она говорит, что леди Мантильон страшная.

Мать Бриалы улыбнулась, бросив быстрый взгляд в сторону двери.

— Мисс Селине нечего бояться, леди Мантильон очень её любит, — она принялась распутывать волосы Бриалы. — Ты должна хорошо выглядеть.

— Почему? — спросила Бриала, скребя мочалкой свои ноги. — Леди Мантильон на нас даже не смотрит.

— Она посмотрит, если ты будешь грязной, — с уверенностью сказала ее мать, дергая волосы Бриалы.

— А можно сделать так, чтобы волосы прятали мои уши?

Руки матери замерли.

— Мама?

— Нет, дитя. Никогда не прячь свои уши, — голос ее матери дрогнул.

— Почему? — Бриала отстранилась, потом развернулась и посмотрела на нее. — Меня за это накажут?

— Возможно, — её мать снова улыбнулась, хотя её щёки порозовели. — Но важнее то, что ты моя дочь, Бриала. Мы служим принцу, и ты служишь мисс Селине. Ни один долийский эльф не может этим похвастаться. Ты должна собой гордиться.

Под водой Бриала вытянула ноги, чтобы найти дно.

Вынырнув из воды, двадцатилетняя Бриала увидела, как кучер упал на землю с дротиком в горле. Вода скатывалась с её пропитанных маслом одежды, и она беззвучно забралась на низкий мост. В темноте безлунной ночи она была всего лишь одной из теней.

Лошади беспокойно всхрапывали, и она похлопала их по бокам, чтобы успокоить, а потом открыла ящик, которым перегородила мост и вынудила кучера остановиться.

Она достала лук и колчан из ящика, обошла карету сбоку и выпустила стрелу прямо сквозь дверь.

Спустя мгновение она приоткрыла дверь и заглянула внутрь.

Стрела попала леди Мантильон в живот. На тёмно-бордовом платье кровь была почти незаметна, но лицо аристократки смертельно побледнело.

— Прошу прощения за столь безвкусное появление, — сказала Бриала, — но я опасалась, что вы чем-нибудь предвосхитите мою атаку, если бы я просто открыла дверь.

Со слабой улыбкой леди Мантильон указала на крохотный инкрустированный жемчужинами стилет, который лежал на полу. Немногим больше вязальной спицы, он был покрыт маслянистой черной жидкостью.

— Твои страхи были оправданы, Бриала.

Бриала вздрогнула, но потом взяла себя в руки.

— Так значит, вы меня помните, — с волос, завязанных в косу, чтобы не лезли в глаза даже мокрыми, на спину ей падали холодные капли, — а я думала, что мы для вас все на одно лицо.

— Я помню необычайно красивую эльфийскую служанку Селины, которая так внимательно за всем наблюдала, — голос леди Мантильон был едва слышен, и Бриала наклонилась ближе, чтобы различить слова.

— Я гадала, не обучала ли Селина её искусству барда, как саму Селину обучала я.

— Обучала, — Бриала улыбнулась и вынула из ножен кинжал. — А я использовала эти знания, чтобы отомстить за своих родителей.

— Ах, — леди Мантильон кивнула. — И что ты сделаешь после того, как я умру, Бриала?

Бриала наклонилась ближе.

— Я вернусь к Селине, — сказала она, — и сделаю её величайшей императрицей в истории Орлея. И если кто-то попытается использовать её, если кто-то попробует превратить её во что-то, похожее на вас, я позабочусь о том, чтобы они умерли в неизвестности.

Она ожидала, что её слова ранят, но вместо этого леди Мантильон, казалось, расслабилась. Пожилая женщина медленно выдохнула и откинулась на спинку сидения, поморщившись и судорожно вздохнув. Когда она заговорила снова, её голос звучал громче.

— Я сожалею о смерти твоей семьи, Бриала, — она посмотрела Бриале в глаза и спокойно спросила: — Что-нибудь еще?

— Нет, — Бриала вонзила кинжал выше ребер, как её учили, и леди Мантильон вздрогнула, кивнула, а потом замерла.

Когда её тело обмякло, второй крошечный стилет упал из её руки на пол кареты. Бриала уставилась на него, не веря своим глазам.

Леди Мантильон, вне всякого сомнения, могла нанести удар. Бриала сама наклонилась к ней, чтобы лучше слышать шёпот. И всё же леди Мантильон её пощадила.

Глупая аристократка.

Бриала вышла из кареты, перерезала сбрую лошадей и хлопнула их по бокам. Они убежали в ночь, а она развернулась и направилась в противоположную сторону.

В лесу, далеко от дороги, она нашла Фелассана, который неподвижно лежал у костра. Она завернулась в одеяла, лежавшие у весело потрескивающего огня, вбирая в себя тепло. Её наставник лежал неподвижно, едва дыша. Он оставил для неё котелок с горячей похлебкой, а дым всё ещё пах травами, которые он жёг, чтобы попасть в мир снов.

Когда она достаточно согрелась, чтобы попробовать суп, Фелассан открыл глаза и сел, его дыхание ускорилося, когда он сбросил с себя магический сон.

— Как все прошло?

— Мои родители отомщены, — Бриала кивнула и погрузила ложку в похлебку. Ложка дрожала в её руках, и как бы она не пыталась, она не могла остановить эту дрожь. Похлёбка вытекла из ложки, и она подумала о красном следе, оставшемся в библиотеке, и закрыла глаза. Дело было сделано. Она была свободна.

— Хорошо, — улыбнулся он. — Знать Орлея. Не бессмертные, как наши предки, но убить их всё же очень непросто. Хорошая работа.

— Спасибо, — Бриала поднесла ложку ко рту и поняла, что умирает от голода. Она заставила себя жевать и позволила теплу растекаться по телу с каждым глотком.

— Ты уверена, что готова вернуться? — спросил Фелассан через некоторое время. — Ты абсолютно уверена, что Селина вновь примет тебя в свой дом?

Бриала вспомнила поцелуй Селины и покраснела.

— Да. Она меня примет.

— Тогда ты сделаешь много хорошего для эльфов во дворце Вал Руайо, — сказал Фелассан и посмотрел на нее. — Не сомневайся в этом, дален.

— Жаль, что я не увидела долийцев.

Она поскребла ложкой дно котелка и отложила его в сторону.

— Я знаю, — Фелассан улыбнулся, — но ты нужна в Вал Руайо. Долийцы помогут так, как они могут. Ты — так, как можешь ты. Татуировки на лице не сделают тебя настоящим эльфом, — добавил он, когда она не ответила. — Ты должна собой гордиться.

Вынырнув из воды, Бриала глубоко вдохнула.

К тому времени, когда он соскребла с себя грязь и вымыла запах дыма из волос, её тело приятно онемело. Она плавала, ни о чём не думая, и когда на её лицо упали первые капли, посмотрела вверх. Серые облака разразились тяжёлым дождём.

Он быстро перерос в ливень, пока она плыла обратно к берегу и выходила из воды. Дождь промочил её одежду, и она, дрожа, оделась. Она натянула сапоги, но не стала облачаться в броню.

Она провела при дворе Селины слишком много времени.

Слишком много лет ее называли "кроликом", слишком много лет она пригибала голову и трудилась в тени. Слишком много лет гордилась тем, кто она есть, и это было чувство, за которое она могла уцепиться, как за бревно в быстрой реке. Оно поддерживало её на плаву, но никогда не позволяло самой выбрать, в каком направлении плыть.

Она будет сражаться за свой народ, потому что больше никто этого не сделает, и пусть Фен'Харел пожрет любого, кто встанет у неё на пути.

Глава 12

Промокшая до нитки Селина наблюдала за шедшей под дождем по лагерю долийцев Бриалой. Бриала тоже была мокрой, но по виду её волос Селина предположила, что она искупалась где-то поблизости.

Стражи не предложили им одеяла, хотя сами спрятались от дождя под навесом. Несмотря на то, что большинство долийцев укрылось в фургонах или под возведенными над их имуществом навесами, Селину и сэра Мишеля бросили на милость стихии.

Лагерь затих ещё до того, как начался дождь. Возвращение Мишеля и известие, что лагерь был покорён магией призванного Хранителем демона, омрачили долийцев. Песни и болтовня стихли.

Упражнения воинов стали механическими и небрежными. И в этой тягостной тишине Селина узнала о долийцах больше, чем ожидала.

Их было меньше пятидесяти, поняла она, и, если только где-нибудь в лесу не носились дети и подростки, клану не суждено было вырасти в ближайшие годы. Да, это был лишь один из множества кланов, но судя по тому, что знала Селина, в целях безопасности встречи кланов происходили редко.

Во всем Орлее могла набраться всего лишь горстка долийских кланов.

Они и были армией повстанцев, которой боялся Гаспар, той тайной надеждой эльфов-трусобников. Подобная ноша — смесь надежды и страха — была слишком тяжела для столь малочисленного народа.

Дождь проник сквозь одежду Селины. Она свернулась рядом с сэром Мишелем, пытаясь сохранить столько тепла, сколько могла. Уже темнело, хотя из-за тумана определить точное время суток было сложно.

Бриала шла по лагерю так, словно ничего не чувствовала, шагая с грацией аристократки. Она даже не взглянула на стражей, пока они не преградили ей путь. Небрежно и высокомерно отмахнувшись от их вопросов и вызвав этим улыбку у Селины, эльфийка подошла к ней. Стражи, похоже, были не уверены, она гость или ещё один пленник. Они попереминались с ноги на ногу и вернулись под навес, откуда могли присматривать за ними, оставаясь сухими.

— Они не дали вам укрытия? — растерянно спросила Бриала.

— У них сейчас другие заботы, — сказал сэр Мишель.

Его слова были слегка неразборчивы из-за треснувшей губы и распухшей щеки, и Бриала вздрогнула, увидев, что случилось с его лицом.

Селина понизила голос и быстро рассказала о том, что Мишель узнал об элувианах. Она хорошо

обучила Бриалу. Когда Селина закончила с рассказом, Бриала кивала, сузив в темноте свои большие прекрасные глаза.

— Быстрое перемещение по Орлею. Засады там, где пожелаешь. Линии обеспечения, которые невозможно заметить, не то что разрушить. Демон сказал, что они заперты? — тихо говорила она, повернувшись лицом к Селине и спиной к стражам, на случай, если они попробуют прочитать её слова по губам.

— Не уверен, — ответил Мишель. — Он лишь сказал, что их нужно пробудить.

— Какими бы ни были детали, — заметила Селина, — что-то мешает долийцам воспользоваться ими.

— Демон может открыть элувианы, — сказал Мишель, — но долийцы не могут дать ему того, что он хочет.

Точнее, того, что оно хочет.

Его голос был твёрд, но Селина ощутила страх, скрывающийся за этой твердостью. Её защитник никогда не испугался бы противника из плоти и крови, но чудовище из-за Завесы было другое дело.

Его гордость была бы уязвлена, покажи она, что заметила его страх, поэтому Селина промолчала.

— А мы можем дать ему то, что оно хочет? — спросила Бриала.

Мишель молча кивнул, и Бриала, нахмурившись, задумалась. Капли дождя стекали по её лицу, словно слезы.

— Это может дать нам преимущество в глазах долийцев. Вместе с ними мы...

— Бриа, — мягко, без своей обычной властности, произнесла Селина, — долийцы никогда не согласятся сотрудничать с нами. Сегодня я поняла это с ясностью. Прямо сейчас они решают, отдать ли нас

Гаспару... или просто убить.

— Но они не... — голос Бриалы затих, и вместе с ним — пылкий аргумент в защиту долийцев, каким бы он ни был.

Селина догадалась, что Бриала провела с долийцами некоторое время и сама получила горький урок о том, как мало на самом деле они заботятся о её народе.

— Я разговаривала с Хранителем днём, — сказала Селина. — Я предложила помочь эльфам в эльфинажах. Он ответил, что предпочёл бы, чтобы мы все просто умерли.

На мгновение ей показалось, что Бриала возразит, но та сдержалась и молча кивнула.

— Мишель, — сказала Селина, — оставь нас на минуту.

Кивнув, он отполз к дальнему краю фургона, так далеко, как позволяли ему узы. Селина мгновенно почувствовала, как с той стороны, где он сидел, её окутал холод, и вопреки стараниям начала дрожать.

Бриала подвинулась ближе и обняла Селину.

— Селина, — прошептала она.

Её мокрые волосы прилипли к лицу, а туника и бриджи промокли и стали серыми. С торчащих кончиков острых ушей капала вода.

Она была самым прекрасным созданием, которое Селина когда-либо видела.

— Я знаю тебя, Бриа. Все то время, что мы были вместе, ты сражалась за свой народ. Ты отвернулась от меня из-за того, что я совершила в Халамширале, и, клянусь Создателем, я не могу тебя в этом винить, потому что и сама не горжусь тем, что принесла твоих людей в жертву моему конфликту с Гаспаром, — дрожа под холодным дождем, Селина посмотрела на фургоны. — Но это — не твой народ.

Бриала сжала её сильнее.

— Я знаю.

— Они не беспокоятся об эльфах в эльфинажах так, как ты. Как им следовало бы.

Селина почувствовала, как Бриала взрогнула.

— Я знаю. И если Мишель сможет убедить демона открыть элувианы, возможно, они, возможно, помогут нам, не смотря ни на что. Демон не станет помогать им.

Они нуждаются в нас.

— А мы в них?

Селина почувствовала, как Бриала замерла, а потом отстранилась. Она, не дрогнув, заглянула в глубину глаз Бриалы.

— Ты хочешь, чтобы мы предали их? — спросила эльфийка.

Селина ничего не смогла прочитать в её голосе.

— Предательство предполагает нарушение доверия. Они пленили нас, угрожали нам смертью и бросили здесь под дождем, — Селина позволила дрожи от холода пробраться в свой голос и увидела, как

Бриала отшатнулась от её слов. — Скажи мне, что они приняли тебя с распростертыми объятиями, словно давно потерянную сестру, и я ничего больше не скажу.

Бриала закрыла глаза.

— Скажи мне это, и я буду счастлива, зная, что моя возлюбленная нашла свой народ, пусть даже каждое мгновение без тебя моё сердце будет страдать от боли.

— И мое тоже, — прошептала Бриала.

— Тогда останься со мной, — Селина протянула свои связанные руки, коснулась изящной линии подбородка Бриалы, и глаза эльфийки распахнулись. — Помоги мне вернуться в Вал Руайо, и я отменю все законы, которые ограничивают свободу твоего народа, и дам тебе титул, — Селина улыбнулась. — Графиня Эльфов.

Бриала судорожно вдохнула.

— Ты не можешь этого сделать. Лорды...

— Лорды погрязли в своих склоках, распрях и играх на верность, я разделяюсь с теми, кто считают, что я должна заслужить их верность, но сами не предлагают ничего взамен. Твой народ заслуживает лучшего, — Селина посмотрела в глаза Бриале. — В Долах нет тех, кто мог бы сражаться за них, как того боятся наши лорды. Они — не эльфы Арлатана. Они орлесианцы. Они мои, — она обхватила плечо

Бриалы и мягко притянула её к себе.

— И ты — моя.

Их поцелуй был медленным, но неистовым, его силы хватило, чтобы разбудить чувства в губах, давно посиневших от холода. Селина почувствовала, как между ними разгорается пламя, когда руки Бриалы скользнули по её талии и накрыли её лицо, теперь теплое, несмотря на капли дождя, стекающие по щекам.

Она отстранилась и увидела, что Бриала тоже покраснелась.

— Я найду Фелассана, — сказала эльфийка. — Когда мы отвлечем их, вы сможете освободиться и добраться до демона.

— Фелассану можно доверять?

— Думаю, что да, — сказала Бриала. — Я его уговорю.

Потом она поднялась и повернулась к стражам.

— Я должна поговорить с Фелассаном. Принесите им одеяло, глупцы, если не хотите, чтобы они умерли до того, как Хранитель с ними закончит!

Селина спрятала улыбку при виде того, с какой уверенностью Бриала отправилась прочь. С той самой уверенностью, которой эльфийка научилась в Вал Руайо.

Когда Бриала скрылась из виду, Селина повернулась к Мишелю:

— Ты слышал?

— Я думал, вы попросили оставить вас наедине, — ответил Мишель, уклоняясь от ответа, и вопросительно на неё посмотрел.

— Как ты себя чувствуешь?

Он вымученно улыбнулся.

— Я готов сражаться в любой понадобившийся вам момент, Величество.

— Сражаться и победить?

Он медленно повел плечами и немного поморщился.

— Было бы проще, если бы вы не приказали мне позволить их лидеру позвать на помощь союзника, — сказал он мрачно, — но я справлюсь.

Как в случае с демоном, её защитник нуждался в сохранении своей гордости. Она улыбнулась, позволяя ему это.

— Я могу отменить этот приказ, мой рыцарь.

— Нет-нет. Эльфы всем разболтают. А нам нужно поддерживать репутацию, — Мишель усмехнулся, потом посмотрел на стражей и понизил голос. — Когда начинаем?

Селина посмотрела на пелену дождя.

— Скорее всего, когда они начнут умирать.

* * *

Бриала покинула лагерь прежде, чем стражи решились бы задержать её. Её руки дрожали, а сердце стучало, словно у бегущего зайца.

Она пыталась не думать о эльфах, свободно и радостно гуляющих по рынку, о том, как шевалье прекращают свои карательные избиения тех, кто посмел проявить недовольство, как Церковь начинает посвящать в сан эльфиек. Однажды во время охоты Фелассан сказал ей, что мысли о еде мешают целиться. Она освободила свой разум и сосредоточилась на нынешней задаче.

За пределами лагеря Бриала подобрала свою броню из драконьей кожи и снова надела её, не обращая внимания на промокшую одежду и броню, впивающуюся в кожу в тех местах, где холод и дождь испортили ранее идеальную подгонку. Затем, готовая ко всему, она начала охоту.

Бриала нашла Фелассана, возвращающегося в лагерь из леса. Он использовал какую-то хитрую магию и лишь слегка промок, несмотря на дождь, который сейчас, в сумерках, лил как из ведра.

На мгновение она засомневалась, но потом подумала обо всём, что он сказал ещё до её разговора с Селиной, а память её никогда раньше не подводила. Если она ошибалась, её колчан был пуст, а сейчас ей отчаянно была нужна стрела. Ради неё самой и ради её императрицы.

Мысли о еде мешают целиться. Она подняла руку, и когда Фелассан, заметив её, кивнул, сказала:

— Мишеля похитил из лагеря демон, призванный Таленом. Весь клан Вирнен в ужасе.

Фелассан рассмеялся.

— Оптимизм клана Вирнен относительно силы охранных чар их Хранителя не может не восхищать.

— Они поступают неправильно.

— Вовсе нет, — пожал плечами Фелассан. — В отличие от магов Круга, долильцы не считают демонов злом, скорее — дикими животными, опасными при неосторожном обращении. Вот если бы ты сказала, что они поступают глупо...

— Они собираются убить Мишеля и Селину.

Фелассан наклонился и сорвал маленькое растение, листья которого поникли под дождем.

— В этой части леса растет маленький цветок. Если позволить ему расцвести и умереть своей смертью, он останется маленьким и непримечательным, но если его вырвать, на его месте вырастут десятки других, — он растер листья между пальцами. — Всегда любил теорию о том, что жизнь произрастает из насилия.

Бриала выгнула бровь.

— Это — тот цветок?

— Нет, это... — Фелассан присмотрелся, — чесоточная трава, вообще-то, — он уронил растение и потер руки о бриджи. — Тут нет никаких захватывающих метафор.

Бриала не была уверена, что поняла слова Фелассана. Долильцы — тот цветок, а Селина и Мишель — чесоточная трава, или наоборот? Капли дождя охладили её руки, с волос текло, и эльфийка решила, что ей всё равно. Ей надоело быть хорошей городской эльфийкой, которая терпеливо всё переносила, пытаясь научиться мудрости у старейшин.

Она видела своих старейшин. Они вызывали демонов и бросали её народ умирать.

— Я собираюсь вызволить Селину и Мишеля из плена долильцев, — сказала она, и Фелассан издал смешок. — И мне нужна твоя помощь.

— Я не удивлен, дален. Ты заметила мои милые валласлин? — он указал на своё лицо, которое по-прежнему оставалось почти сухим, несмотря на дождь.

— Однажды ты сказал мне, что татуировки на моем лице не сделают меня настоящим эльфом.

Он кашлялнул.

— Я старался быть вежливым.

— Ой, прекрати, — фыркнула она. — Уже темнеет, и в отличии от тебя меня от дождя магия не защищает. Мы оба знаем, что ты мне поможешь.

Фелассан часто был эксцентричен, иногда глубокомыслен, но пугал он Бриалу очень редко.

Однако в тишине, последовавшей за её словами, Бриала ощутила в воздухе странную тяжесть, и, хотя Фелассан вежливо улыбался, татуировки вокруг его глаз не искривились от улыбки, как должны были бы, а руки замерли, одна — под плащом, где он носил свой посох. Он всё ещё опирался о дерево, но теперь сместил центр тяжести на другую ногу, едва заметным движением, которое позволило бы ему оттолкнуться от дерева для быстрого прыжка.

Только тот, кто провёл всю жизнь, учась наблюдать за людьми, кто знал характер и язык тела Фелассана после многих лет тренировок, понял бы, что эльф был готов убить, если это потребуется.

— И откуда, дален, в тебе такая уверенность? — спросил он таким же непринужденным и дружелюбным голосом.

— Потому что они — не твой клан, — сказала она. — И ты с десяток раз проговорился, что тебе на них наплевать, что ты совсем на них не похож.

Продолжая улыбаться, Фелассан медленно и непринужденно оттолкнулся от дерева, и, наклонив голову, с интересом посмотрел на Бриалу, начав обходить её со стороны.

— Продолжай.

Бриала не стала поворачиваться вслед за ним. Спина чесалась между лопатками, но она не показала страха. Он сам научил её этому. Вместо этого она согнула руку и подняла один палец.

— Во-первых, ты впадаешь в транс, чтобы проникнуть в мир снов. Я думала, что все долильцы так делают, но я видела спящих эльфов в лагере.

— Только сомниари впадают в транс, — сказал Фелассан из-за её спины. — И только маги являются сомниари. Не все долильцы — маги.

— Да, — на секунду Бриале показалось, что дождь остановился.

Потом она поняла, что он прекратился только вокруг неё. Фелассан был достаточно близко, чтобы окружающая его магия, коснулась и её.

— Во-вторых, ты не смотришь на статуи в честь эльфийских богов, когда проходишь мимо них.

Большинство членов клана кланяются или кивают, но они все смотрят на них, когда проходят мимо...

Все, кроме тебя.

— Ты не убедила меня, дален, — дыхание Фелассана коснулось её уха.

— Мне и не нужно тебя убеждать. Ополчится ли на тебя клан Вирнен, если я расскажу им о своих подозрениях? Как долильцы поступают со шпионами?

— Насколько я помню, — сказал он, — они тратят несколько лет на споры, а потом...

— В-третьих, — она подняла ещё один палец, — ты только что назвал долильцев "они", а не "мы". И такое случается часто.

На мгновение все звуки вокруг неё стихли, ни дождя, ни шелеста деревьев, ни звука её собственного сердцебиения.

Потом Фелассан покачал головой и рассмеялся.

— Проклятие, действительно назвал, не так ли? — сказал он, встав перед ней.

Дождь обрушился на Бриалу, шокирующе холодный, но долгожданный.

— Не вини меня, хагрэн, — сказала она, улыбаясь. — Ты сам меня научил. Когда обжигает пальцы в огне, который сам же и разжег, кроме себя винить некого.

— Я его не разжигал, — сказал Фелассан, отмахнувшись от её слов. — Я увидел огонь, который уже ярко пылал... И выгорел бы, если за ним не следили. Я просто предложил свои услуги.

Бриала поняла, что он попался, но была вынуждена давить дальше.

— Твой клан знает больше, чем этот?

Фелассан вздохнул.

— Грустно, не правда ли?

— Грустно, и весьма неправдоподобно, — Бриала наклонила голову, специально подражая языку тела Фелассана. — Да долилец ли ты вообще?

Фелассан снова шагнул вперед, так, что его лицо оказалось в нескольких дюймах от неё, и весь её мир уменьшился до его глаз и татуировок вокруг них.

— Чего ты хочешь, дален — ответа на этот вопрос... Или моей помощи?

На неё всё ещё капал дождь, и Бриала думала, что поэтому она в безопасности, что Фелассан не готовит заклинание, чтобы убить её, если она даст неправильный ответ. Но потом она поняла, что если и есть кто-то достаточно искусный, достаточно хладнокровный, чтобы ничем не выдать себя, замышляя убийство — то это её учитель.

И словно услышав её мысли, он тихо сказал:

— Это был не риторический вопрос.

Она сглотнула.

— Я хочу твоей помощи, хагрэн.

— Хорошо.

И, сказав это, он обнял её.

— И так как я знаю, что ты гадаешь, тот цветок — это ты. А теперь... — Он шагнул назад, и на его лице появилась хищная, но знакомая и безопасная для Бриалы улыбка, — ... Давай-ка выкорчем немного чесоточной травы.

* * *

Солнце давно зашло, но дождь продолжался. Лагерь долийцев погрузился в сырость и тени. Сами долийцы по большей части скрылись в своих фургонах, а те, что остались снаружи, занимались своими делами с неохотой и проклинали дождь, шагая в патруле или отправляясь за едой в другой фургон.

Сэр Мишель наблюдал за всем этим — за стражами, огнями в фургонах, за всем.

Стражи дали Мишелю и Селине одеяла. Тонкая ткань промокла за считанные минуты, заключив Мишеля в холодные объятия. Селина попыталась соорудить из своего небольшой тент, чтобы укрыться от дождя.

Мишель закутался в своё. Связывая его, стражи были удивлены и рассержены, и это сделало их неаккуратными. Под одеялом он методично работал над узлами и ждал возможности отвлечь их внимание.

Он не стал придумывать план, потому что слабо представлял, что намерены сделать Бриала и Фелассан, а планы, основанные на такой неполной информации, могли только помешать делу. Шевалье знал, когда стоит предугадывать, а когда просто реагировать, полагаться на инстинкты, отточенные годами тренировок.

Сумка с его доспехами и украденная кожаная броня Селины лежали возле фургона предводителя долийских воинов под полотняным тентом, который защищал их от дождя. Там же находилось и его оружие.

Он видел трех стражей, и все они могли добраться до Мишеля раньше, чем он — до своего меча. Он вывернул руку и дёрнул кисть из петли, скользкая от дождя кожа отозвалась болью, а потом он освободился и приготовился к любой выходке Фелассана.

Ливень, казалось, на мгновение неуверенно приостановился. Это было единственным предупреждением, прежде чем на окраину лагеря с небес обрушилась грандиозная молния и взорвала тишину. Один заряд расколол дерево на краю лагеря, Мишель даже не успел услышать треск падающего дерева, как от грома так трягнуло повозки, что у него лязгнули зубы.

— Мишель? — спросила Селина, когда долийцы закричали и куда-то побежали. Мишель увидел, как на другой стороне лагеря Хранитель выпрыгнул из фургона и побежал к лесу, а его посох горел в темноте, как красный уголь.

Еще одна молния рухнула с неба, и один из огромных фургонов вспыхнул.

Кто-то внутри закричал.

— Одну секунду, Величество.

Три стража, а у Мишеля ни доспеха, ни оружия, не считая разве что одеяла.

Он поднялся, держа одеяло перед собой, и зашагал в их сторону.

Стражи смотрели на пылающий фургон и не замечали его, пока он не подошёл вплотную. Потом первый страж обернулся, увидел его и повернулся, чтобы поднять тревогу.

Мишель швырнул ему мокрое одеяло в лицо, пнул в колено, перекинул одеяло ему на затылок и ударил стража коленом в закрытое лицо.

Оставалось двое, и пусть он и двигался быстро, долильцы были хорошо обучены, и они уже оборачивались, выхватывая мечи.

Мишель позволил первому стражу упасть, и выставил перед собой одеяло как щит.

Шевалье предпочитают сражаться в броне. Владение броней было знаком богатства и благородного происхождения, и, несмотря на шутки бардов, тренированный воин мог передвигаться в тяжелом доспехе быстро и изящно, если, конечно, доспех был хорошо подогнан.

Однако любая группа, которая желала сохранить репутацию величайших воинов в Тедасе, должна была быть готова встретиться с противниками, предпочитающими другие стили.

Такими, как, например, дуэлянты Антивы и Ривейна, которые сражались легкими клинками и часто не использовали никакой брони, кроме своих плащей.

Страж справа сделал в его сторону выпад. Мишель крутанул одеяло, поймал им клинок, ударил локтем в лицо стража, перехватил его меч и перерезал эльфу горло, шагнув в сторону.

Страж слева побледнел, а потом закричал и атаковал, рубанув сверху. Мишель пригнулся, махнул одеялом так, чтобы он промелькнуло перед лицом стража, а потом ударил сквозь него, пробив броню из железной коры и пришил стража к фургону.

Мишель высвободил меч из плоти, брони и одеяла, а потом отбросил одеяло в сторону. Он взял меч мертвого стража в левую руку, подошёл к Селине и разрезал её путы.

— Императрица, если вы направитесь к тропинке, я догоню вас через минуту, — он указал на фургон предводителя. — Мне нужно вернуть наше снаряжение.

— Иди с Создателем, сэр Мишель, — сказала Селина, поднимаясь.

Мишель кивнул и направился к фургону сквозь ливень и грохочущие молнии, мимо дымящих и гаснувших от дождя костров, к тому месту, где ждало его снаряжение. Его запястья горели из-за ссадин, которые он получил, разрывая путы, а губа и рёбра все еще были покрыты синяками из-за побоев долильцев, но он был более чем готов.

Он был вежлив. Он сдержал оскорбления, как и просил его Фелассан. В ответ долильцы напали на него, оскорбили его и подвергли отвратительной демонической магии.

Сэр Мишель де Шевин был готов показать долильцам, на что способен орлесианский шевалье.

Когда он приблизился к фургону, из-за него выступил воин, темный силуэт на фоне бьющего изнутри света свечей, и Мишель без колебаний пронзил эльфа насквозь. Когда он упал, из фургона раздался крик другого эльфа. Выпрыгивая наружу, тот успел сделать две быстрых выпада, но Мишель их парировал.

Это был тот воин, который тренировал детей. Несмотря на то, что в пелене дождя он был просто темной фигурой, Мишель узнал его по манере движения. Эльф атаковал умело, нанося сильные быстрые удары, которые Мишель в сумерках едва мог разглядеть.

Потом эльфийский воин нанес удар, и Мишель шагнул в сторону. Воин шагнул следом за ним, и его нога заскользила по грязи, как и в тот раз, когда Мишель видел его утром.

Быстро прыгнув вперёд, Мишель врезался в воина и блокируя клинки. Эльф пошатнулся, теряя равновесие, и Мишель рубанул левым клинком понизу, рассекая мышцы и кость. Быстрым, коротким тычком Мишель ударил рукоятью своего правого меча в лицо воина, задушив крик эльфа, а потом шагнул назад и милосердно прикончил его, перерубив горло чистым ударом.

Мишель подождал, но из повозки больше никто не появился, а эльфы в лагере беспорядочно бегали, пытаясь потушить пожар. Никто ещё его не заметил.

На всякий случай он проверил, в порядке ли его щит и меч, а потом, не обращая внимания на мокрую одежду, быстро и не тратя лишнего времени облачился в доспехи. Закончив, он схватил броню и оружие Селины и двинулся сквозь долиньский лагерь.

Мишель миновал последний фургон и уже почти добрался до тропы, когда слева ударила вспышка синего света. Едва заметив её, Мишель нырнул в сторону, но все же получил удар в рёбра - парализующий холод, который жалил даже сквозь доспех. Он уронил броню Селины и повернулся назад, туда, откуда явилась вспышка.

Ученица Хранителя, эльфийская девушка, помогавшая Селине, стояла, направив на него свой светящийся посох, и капли дождя, превращаясь в градины, со стуком падали на землю вокруг нее.

Освещенное мерцающим белым сиянием посоха, её лицо было искаженно гримасой страха и ярости.

Закричав, Мишель поднял щит и меч и бросился на неё. Она вздрогнула, посмотрела вниз, на свой посох, а потом снова на него, и швырнула еще один шар потрескивающей холодной энергии. На этот раз Мишель поймал его щитом, и металл заскрежетал, протестуя против неестественного мороза.

Мишель почти добрался до неё, когда с тропы, справа, раздался крик, и он еле успел развернуться, чтобы отразить мощный удар. Он поймал клинок щитом, но не успел контратаковать, так как облачённая в броню фигура врезалась в него и отшвырнула назад.

— Хорошо, — сказал предводитель воинов, пока Мишель восстанавливал равновесие. — Ты надел свои доспехи. Я хочу увидеть шемленского шевалье в его зените.

— Он снова атаковал, и Мишель, приняв удар на щит, отшатнулся назад, когда эльф пнул его в колено.

— За оскорбление, которое ты нанес моей императрице, — сказал Мишель, — я приговариваю тебя к смерти.

Он сделал выпад, и эльф отбил его щитом. На этот раз Мишель предугадал пинок и с силой опустил щит вниз, ударив предводителя в ногу металлической кромкой.

Тот сделал высокий выпад, воспользовавшись тем, что Мишель опустил меч, и рыцарю пришлось парировать. Потом, когда щит эльфа ударил его в бок, он крутанулся.

— А как насчет оскорбления, которое я нанес тебе, шемлен?

Мишель начал было отвечать, но целительница швырнула в него очередной шар морозного воздуха, который проскользнул мимо его щита, и холод вонзился шипами в его бок, выбив из груди дыхание. Он отшатнулся, задыхаясь.

— Мирис, побереги силы, — крикнул ей воин. — Я с ним разберусь.

Он шагнул вперёд, отбил в сторону щит Мишеля и атаковал. Меч скользнул по броне Мишеля, потом зацепился и скользнул чуть ниже его ребер.

И на ничтожно краткий миг, как и предполагал Мишель, эльф остановился, чтобы полюбоваться своим ударом.

— Нет, не разберешься.

Клинок Мишеля рассек правую руку воина с внутренней стороны. Задохнувшись от боли, тот выронил меч, и Мишель ударил эльфа щитом в лицо, отбросил его щит в сторону и нанёс жестокий рубящий удар, который пробил броню и сломал эльфу ключицу. Мужчина упал на землю в агонии.

— Ты ничем не оскорбил меня, когда назвал шемленом, остроухий, — последний удар Мишеля пробил броню эльфа из железной коры и точно пронзил его сердце. — И я позволил тебе участвовать в бою с союзником, как и приказала мне моя императрица.

Мишель продолжал двигаться, не обращая внимания на жгучую боль под рёбрами, пока эльф умирал в судорогах. Он изучил разные типы боли во время тренировок. Эта могла убить его всего несколько дней назад, но сейчас он не собирался позволить ей замедлить его.

Развернувшись, он ударил щитом в посох целительницы, и залп, который она готовила, улетел в деревья, оставив после себя след из градин. Меч Мишеля опустился и выбил посох из её рук.

— Пожалуйста, — взмолилась девушка, пятясь назад, — пожалуйста, не надо.

— Ты бы меня убила, — Мишель поднял меч.

Она закрыла глаза.

— Там, в лагере, ты убил мужчину, которого я любила.

— Одного из стражей? — Мишель подумал, не был ли им самый юный, тот, чей меч он взял после того, как перерезал горло владельцу. — Он бы тоже меня убил. И ты — отступница. Маг, не подчиняющийся Кругу.

Девушка открыла глаза. По ее лицу текли капли дождя. Мишель не мог понять, плачет ли она.

— Я беззащитна, шемлен. Где твоя честь шевалье?

— Вот она, — сказал Мишель и опустил меч.

Он проверил свой бок. Броню можно было починить, однако до тех пор сильный выпад мог за неё зацепиться. Раны болели. Его наставники посоветовали бы ему снять броню и обработать раны, но они также сказали бы ему, что долг превыше всего. Он был нужен его императрице.

Мишель пошел на компромисс, выполнив несколько упражнений Проверки Лезвия — серии растяжек, которые опытный боец мог использовать, чтобы найти порванные мышцы или поврежденные сухожилия, от которых его болевая переносимость уже отмахнулась, посчитав незначительными. Закончив, он решил, что бок подождет. Рана будет кровоточить, но предводитель не задел никаких важных органов своим предсмертным ударом.

Он нашёл императрицу на тропе, ведущей к кругу демона. Селина вышла из тени под деревьями, и только её бледная кожа остановила его руку, готовую отразить очередную атаку.

— Императрица, — с облегчением сказал он. — Ваши броня и оружие.

— Спасибо, Мишель, — Селина вытянула руки, и Мишель быстро облачил её в броню и застегнул пряжки.

Он почти закончил, когда из-за деревьев вышли Бриала и Фелассан. Фелассан тяжело опирался на свой посох, а Бриала держала в руках лук.

— Проблемы? — спросила она.

— Ничего неожиданного, — Мишель закончил одевать Селину в броню и встал. — А у вас?

— Мы скрылись от нескольких разведчиков, — сказала Бриала, — а Фелассан усложнил жизнь их Хранителю.

— Тогда поспешим, — сказала Селина.

Мишель повёл отряд вниз по склону холма. Он шёл в темноте, почти не видя тропы из-за дождя и мрака, но ноги будто сами знали дорогу.

В маленькой впадине у подножия холма камни сияли от переполнявшей их магии. Свет был настолько ярким, что Мишелю пришлось прищуриться. А внутри каменного круга, где как на сцене, стоял демон в своем чёрном плаще, на землю не падало ни одной капли дождя.

— Сэр Мишель, — сказал он, с ухмылкой глядя, как шевалье спускается во впадину. — Да к тому же с друзьями. Кто-то из них для нашего... — он помолчал, а потом деликатно закончил: — ... соглашения?

— Имшаэль, — произнес Фелассан.

Его голос прозвучал так, как будто маг был впечатлен.

— Привет, Медленная Стрела, — улыбнулся демон. — Давно не виделись. Как поживаешь?

— Так и этак.

— Я хочу, чтобы ты пробудил элувианы, — сказал Мишель.

Имшаэль моргнул.

— Это не то, что я...

— Пробуди элувианы, — сказал Мишель и поднял меч, — или я разобью руны на камне. Утром ты выдал, что это повредит тебе.

— Ну, есть вред, а есть... — Имшаэль замолк. — Зачем тебе элувианы?

— Я бы посоветовала тебе делать, что он говорит, демон, — сказала Селина из-за спины Мишеля.

— Дух! — раздраженно воскликнул Имшаэль. — Сколько раз мне говорить, что... Ладно, ладно! Ты хочешь элувианы, — он с любопытством посмотрел на Мишеля. — А, это для твоей императрицы, чтобы она могла тайком рассылать убийц по всей империи и перерезать сухожилия ничего не подозревающему

Гаспару. И ты дашь мне то, что я хочу?

Не колеблясь, Мишель поднял руку, все еще красную от крови из-за раны, которую он получил, сражаясь с эльфом.

— Я сделаю то, что должен.

Имшаэль прищурился, а потом улыбнулся.

— Пойдёт. Договорились.

Он прижал ладони друг к другу, и меж его пальцев зажглись красные кольца. Когда он развел ладони, между ними оказался рубин размером с детский кулак.

— Ключ-камень, — сказал он. — Он пробудит ближайшее к тебе зеркало.

Когда пройдешь сквозь него, держись дороги, и найдешь путь к перекрестку. Оттуда ключ-камень поведет тебя. Он укажет дорогу к залу, где находится пьедестал, которому не хватает подобного камня. Помести на него камень, скажи что угодно, и все элувианы проснутся, готовые к использованию, — он улыбнулся. — Но использовать их смогут только те, кто произнесет ту же самую фразу. Старая магия. Пропускает благородных стражей, не дает пройти грабителям могил.

— И это всё? — спросила Селина.

Имшаэль улыбнулся.

— Всё. О, вы, возможно, встретите небольшие проблемы на пути к центральному залу, но я уверен, что для Императрицы Орлея они не преграда.

Он крутанул рубин меж пальцев, потом положил его на землю, сделал шаг назад и приглашающе махнул рукой.

— Итак, он ваш... Как только я получу то, чего хочу.

— По рукам, — сказал Мишель.

Рыкнув, он ударил рукоятью меча в сияющие руны на ближайшем камне.

— Эй! — метнувшись к рубину, закричал Имшаэль. — Мы заключили сделку! Ты сделал выбор!

Мишель снова ударил рукоятью, вложив в удар все свои силы, и руна мигнула, замерцала и погасла.

По всему кругу камни взорвались и разлетелись околками, словно битое стекло.

Он издал чудовищный вопль и рухнул на колени, схватившись за грудь. Воздух вокруг него трещал и светился красным, тело Имшаэля перекручивалось и дробилось, словно отражение в пруду, искаженное рябью от брошенного в воду камня.

— Ты закончил? — спросил Фелассан, закатывая глаза.

С тихим раскатом грома красный свет погас, а Имшаэль поднялся на ноги.

От его колен на траве остались следы.

— Спасибо, да, думаю, что закончил, — сказал Имшаэль и вышел из круга.

Мишель почувствовал, как по его шеё пробежали мурашки, и сжал зубы.

— Ты должен был умереть.

Имшаэль окинул взглядом самого себя, а потом посмотрел на Мишеля.

— Ты, должно быть, сильно разочарован.

— На самом деле, елгар'арла, ловушка духов, связывала его, — сказал Фелассан. — Для сведения, это те камни, которые ты сломал.

Мишель повернулся к Фелассану с дрожащими руками.

— Ты знал?

— И позволил ему вырваться на свободу? — спросила Бриала.

— Ну, подумайте об альтернативе, — сказал Имшаэль, шагая к ним.

Воздух вокруг Мишеля как будто замер, и он рухнул на колени, задышавшись. Бриала и Селина упали рядом с ним, и только Фелассан остался стоять.

— Если бы ты выполнил условия сделки, я бы забрал твоё тело. Селина потеряла бы своего защитника, и ваша маленькая весёлая компания, возможно, не смогла бы пережить путешествие по элувианам. А так все получили то, что хотели.

Мишель с трудом поднялся на ноги.

— Но ты сказал...

Имшаэль приподнял бровь.

— Да, я сказал, что тебе стоит забыть про элувианы, и ты мог думать только о них. Я сказал, что тебе стоит выполнить условия сделки и не трогать камни, и ты вернулся и уничтожил их, — он улыбнулся и подошёл ближе. — Ты сделал в точности противоположное тому, что я просил, сэр Мишель де Шевин. И теперь своими абсолютно предсказуемыми выборами ты отпустил де... духа... разгуливать по твоей империи.

Мишель поднял меч, но Имшаэль бросил на него один лишь взгляд. Воздух вокруг Мишеля снова загустел, и меч выпал из его ослабевших пальцев.

— Ближайший элувиан? — спросил Фелассан.

— В нескольких сотнях ярдов в ту сторону, между тремя квадратными камнями, — указал Имшаэль. — Не пропустите. Не забудьте ключ-камень.

— Благодарю, — кивнул Фелассан. — Развлекайся.

— Так и сделаю, — Имшаэль поправил плащ и направился к лагерю долийцев.

С минуту все четверо на поляне молчали. Воздух снова наполнил лёгкие Мишеля, и он, несколько раз судорожно вдохнув, поднялся на ноги.

Демон был вежлив, болтал, шутил, но все же он был демоном. И Мишель выпустил его в мир. Он закашлялся, пытаясь прогнать из головы память о удушающей хватке, сжавшей его лёгкие.

— Можем ли мы что-нибудь сделать? — спросила Селина, всё ещё стоя на коленях.

— Конечно, — Фелассан указал в направлении, куда ушел Имшаэль. — Иди и догони его. И посмотри, чем это обернется.

Селина посмотрела на эльфа, и тот вздохнул.

— Пока что он думает только о долийцах. Если мы помешаем ему, он проверит, кто из нас будет кричать громче всех, когда с нас станут сдирать кожу.

— Мы это заслужили, — Мишель посмотрел вниз, чувствуя боль в пальцах, сжимающих меч. — Мы должны убить его, отправить обратно в Тень или...

— Или вернуть Орлей, — закончила Бриала.

Селина, пошатываясь, поднялась на ноги и направилась к кругу камней. Кашляя, она подняла рубин и выпрямилась, словно камень в руках наполнил её силой. Когда Мишель встретил её взгляд, ему показалось, что лицо Селины высечено из мрамора.

— Мы вернем Орлей, — сказала она. — Идем. Пусть долильцы сами разбираются с демоном, которого призвали.

Они покинули поляну и вернулись в темноту и дождь.

Глава 13

Селина смотрела на три мокрых от дождя прямоугольных валуна, смутные очертания которых отсвечивали зеленым в свете посоха Фелассана.

Валуны стояли в форме круга, и, когда она подошла, земля в центре этого круга разверзлась, образуя провал.

Ей было холодно, она промокла, и у неё всё ещё болела голова в том месте, где она ударилась во время бегства от сильванов. И всё же, вглядываясь в открывшееся пространство, она поняла, что улыбается.

— Пройти сквозь элувианы, — Фелассан покачал головой. В зеленом свете посоха он внезапно показался совсем молодым.

— Хотя скорее через те немногие, что остались.

— Это безопасно? — спросила Бриала, встав рядом с Селиной. Её ладонь проскользнула в ладонь Селины, и женщина почувствовала тепло эльфийки даже сквозь мягкие кожаные перчатки.

— Вовсе нет, — улыбаясь, ответил Фелассан.

— Объясни, — потребовала Селина, когда наставник Бриалы не продолжил.

— Элувианы были запечатаны многие века назад, — сказал Фелассан, указав наверх посохом в сторону провала. Когда по сторонам разлился зелёный свет, Селина увидела, что на глубине примерно фута скрываются каменные стены — такие же гладкие, как в её дворце в Вал Руайо — на них были нанесены руны, вспыхивавшие, когда их касался свет. — Они соединяют весь Орлей и не только.

Изначально их создавали во многих местах, но подозреваю, что из тех, что были на эльфийских торжищах или во дворцах, мало что уцелело. Те элувианы, что ещё действуют, скорее всего находятся в гробницах великих вождей эльфийской империи. Правителей, воинов... Магов.

— Значит, ловушки, — вставил Мишель. Защитник Селины всё ещё держал меч в руках, и, произнеся эти слова, он огляделся вокруг в поисках врагов с таким выражением лица, что казалось, он сам и стены прохода внизу сделаны из одного и того же камня.

— Чтобы отпугнуть воров.

Фелассан кивнул, и Селина повернулась к Бриале.

— Посмотри, может сможешь найти что-нибудь?

Бриала криво улыбнулась.

— Вряд ли древние эльфы использовали те же ловушки, что и мы, — ответила она, но отпустила руку Селины и спустилась в провал. — Фелассан?

— Конечно, дален, — он закрыл глаза и напрягся. Спустя мгновение его посох вспыхнул светом, и тёмная ночь вокруг них превратилась в светлый день.

Селина моргнула — глаза её заслезились от резкого света, но когда они по привычке, женщине пришлось сделать усилие, чтобы не скривить лицо. Возле провала стояла на коленях потрёпанная и грязная Бриала. Доспехи и щит сэра Мишеля были покрыты вмятинами и царапинами, лицо её защитника было бледным, и по нему текла кровь. Даже Фелассан, с татуировками, покрывавшими все его лицо, выглядел обессиленным, хотя дождь его каким-то образом не коснулся. Как выглядела она сама — немая, израненная, в доспехах, украденных у двух мертвецов — Селина могла только представить.

— Нажимная плита, — тихо сказала Бриала и спустилась в провал ногами вперёд. Когда она скрылась из виду, Селина почувствовала, как её сердце на мгновение заколотилось. Затем Бриала высунула голову, уставшая, но улыбающаяся. — Разобралась. Думаю, они делали их почти так же, как мы сейчас.

— Больше их быть не должно, — сказал Фелассан. — Хотя лучше бы проверять время от времени, — он выдохнул, и сияние, исходившее от его посоха, уменьшилось до обычного. Цепляясь за руку Бриалы, эльф без колебаний спустился в провал.

Мишель кивнул Селине, и она последовала за Фелассаном, вновь моргая, теперь уже из-за внезапной темноты; в дождливой темени вырисовывались смутные очертания.

Когда глаза Селины привыкли, она увидела под собой лестницу, первая ступенька которой находилась в четырех футах внизу. Она стала спускаться и поморщилась, когда её внезапно накрыла волна головокружения. Встав ногами на землю, она почувствовала, как Бриала поддерживает её за плечо.

— Спасибо, — улыбнулась Селина, и Бриала слегка улыбнулась ей в ответ.

Она последовала за Бриалой и Фелассаном вниз по лестнице, Мишель шел позади, бряцая доспехами на ходу. В считанные мгновения ночное небо над их головами сменилось каменным потолком.

Чем ниже они спускались, тем шире становились ступени лестницы, и вскоре они могли свободно уместиться на одной ступени все четверо. Сами ступени были чуть длиннее обычного. Для того чтобы спуститься на следующую ступень, шагнуть нужно было лишь чуть длиннее, чем обычно, но не в два раза, и Селина поймала себя на том, что идет в странном ритме, делая два коротких шага и один длинный. Это напомнило ей о танцах в три такта, и ей пришлось сдерживать себя, чтобы не напевать.

— Странно сделаны эти лестницы, — заметила Бриала впереди неё.

— Возможно, раньше мы были повыше, — усмехнулся Фелассан. Селина не поняла, смеялся он, или говорил серьезно.

— Теперь, пока у нас есть время, — на ходу сказала Селина Фелассану, — объясни, как это должно сработать.

— Магия, — сразу ответил Фелассан.

Селина бросила на него быстрый взгляд.

— Мы проходим сквозь одно из этих волшебных зеркал, как сквозь дверной проход, и их магия перенесет нас в Вал Руайо?

— А. Нет, — Фелассан пожевал губу, рассеянно водя рукой по рунам на стене. — Элувианы — зеркала перенесут нас в другие земли. В древние времена существовали тропы, которые вели эльфов через эти земли, от элувиана к элувиану. Надеюсь, эти тропы остались.

— Надеешься? — спросил Мишель, сверля его взглядом.

— Прошло много времени.

— Значит, любое место, где есть элувиан, — медленно произнесла Бриала, — похоже на городской район. Те другие земли с тропами — это улицы, и нам нужно найти главную площадь города, откуда мы сможем отправиться куда пожелаем.

— Примерно, — улыбнулся Фелассан. — Но не совсем. Сначала мы должны найти центральную комнату, о которой упомянул демон. Это позволит нам пробудить любой элувиан, который мы захотим, без помощи рубина демона. Затем, надеюсь, мы найдем элувиан где-нибудь возле столицы вашей империи, вы там выйдете и вернете себе трон.

Селина кивнула. Хоть она его и не поняла, или поняла меньше, чем хотела бы, у Фелассана, кажется, был план.

Ей показалось, что прошло около часа, прежде чем лестница закончилась и они оказались в комнате размером с небольшой зал для гостей. Когда они спустились вниз, Фелассан остановился и кивнул

Бриале. Эльфийка вышла вперед и стала исследовать основание лестницы.

— Что это за место? — спросила Селина, осматривая комнату сверху. На стенах вдоль линией выстроились каменные полки, тут и там уставленные небольшими склянками и флаконами, напоминавшими сосуды для ароматов. В пол были встроены огромные железные ванны, расписанные теми же рунами, что и стены, а рядом располагались каменные плиты, каждая из которых по размеру подошла бы для алтаря.

Комната резко заканчивалась на стене неправильной формы, и Селина через мгновение поняла, что смотрит на мусор. Бутылки и ванны были опрокинуты, а пол на той стороне комнаты был наполовину покрыт разломанными каменными плитами.

— Вход в пещеру? — спросил Мишель.

— Вряд ли так было задумано, шевалье, — ответил Фелассан. — К счастью, время не стёрло того, что мы ищем, — он взмахнул посохом, и тот засветился достаточно ярко, чтобы можно было разглядеть дальний конец комнаты.

Сначала Селине показалось, что она смотрит на дверной проход, так изысканно и богато он был украшен. По обеим сторонам возвышались огромные каменные статуи эльфийских воинов, которых выдавали заостренные уши. Они были высечены в доспехах, достойных шевалье. Между ними располагалась огромная плита из серо-голубого стекла в форме вытянутой кверху арки. По сторонам зеркала вились и переплетались каменные узоры, настолько сложные, что у Селины заслезились глаза от боли, когда она попыталась рассмотреть их получше.

— Наверное, это была погребальная камера, — нарушил тишину Фелассан. — Они приносили сюда мертвых, со всеми положенными почестями. Кровати с атласными простынями, мягкие подушки, и тому подобное. Потом мертвых омывали, и маги сжигали внутренности, — улыбаясь, он смотрел куда-то вдаль. — Вошедших в утнеру, вечный сон, тоже омывали, слуги ухаживали за ними, чтобы никакая скрытая боль не вернула бы их обратно в этот мир, а потом купали в маслах, чтобы они могли унести с собой искорку мудрости в своё путешествие.

Бриала поднялась.

— Еще одна плита. Очень древняя, очень чувствительная, но, по-моему, я ее обезопасила.

— Хорошо, — Фелассан вошёл в усыпальню. — Предлагаю всем немного поспать перед тем как мы отправимся в путешествие в другой мир через древнее волшебное зеркало.

Сомневаюсь, что здесь нас побеспокоят.

Селина и Бриала последовали за ним, Мишель спустился в комнату последним. Селина увидела, как

Фелассан ходит от полки к полке, протягивая руку к склянкам, но не трогая их. Бриала исследовала одну из купелей, когда Селина подошла к ней и осторожно коснулась ее плеч.

Это не было настоящее прикосновение, учитывая, что Бриала была в доспехах, но на секунду Селина смогла представить, что она вернулась в свои покои в Вал Руайо и Бриала пришла к ней через потайную дверь, бледный и прекрасный призрак в лунном свете.

— Когда вернёмся домой, — прошептала Селина на ухо эльфийке, — примем вместе долгую и горячую ванну.

Бриала подавила смехок и прижалась спиной к Селине.

— Я бы с удовольствием вновь... Стала чистой, — от эльфийки пахло потом и кожей, но это не умаляло желания Селины. — Хотя Фелассан сказал, что это церемониальные ванны. Это было бы так неподобающе.

Селина взглянула на одну из купален, и ей показалось, будто что-то в той было не так. Может, то были руны, выбитые в металле, или жесткие углы и края, но нечто в форме ванны говорило Селине, что та предназначалась не для неё.

— Да, — согласилась она. — Лучше держаться от них подальше.

— Однако жаль, — тихо произнесла Бриала. — Они прекрасны. Не думаю, что когда-либо видела что-то подобное, — Она развернулась, так, что их носы соприкоснулись, и прошептала: — И когданибудь, Ваше Величество, когда эльфы будут свободны, они снова будут наши.

Селина закрыла глаза, прогоняя всю комнату и ощущение неправильности, исходящее от ванны.

— Когда-нибудь, — ответила она эльфийке и притянула её для поцелуя.

* * *

— Как это понимать, — терпеливо спросил Гаспар, хотя спокойствие его уже покинуло, — "деревья атакуют"?

Он загнал своих разведчиков, идя по следу отряда на юг, мимо небольшой крестьянской деревеньки по дороге к Долам. Каждый вечер он кормил их сытным ужином и лстивыми речами, а днем, гаркая, отдавал приказы и рычал, когда кто-то задерживался. Гаспар вёл так себя со всеми — с собаками, лошадьми и людьми, и всегда получал результат.

По словам разведчиков, они выследили и нагнали Селину. Гаспар знал, что после ночного ливня проследить её путь будет сложнее.

А теперь, в сером утреннем свете, один из разведчиков стоял перед ним, явно напуганный, с царапинами на лице и руках, и рассказывал, что всё было ещё хуже, чем Гаспар того ожидал.

— Они ожили, милорд, — сообщил разведчик. К его чести, голос мужчины был твёрдым. — Какая-то магия. Мы шли по следу, нашли признаки сражения с каким-то зверем. Потом деревья ожили. Все, кто шёл передо мной, погибли.

Гаспар поворчал, затем развернулся в седле лицом к своим людям.

— Привести Лиенн!

Вместо неё подъехал Ремаш, жеребец которого приветственно заржал, поравнявшись с конем Гаспара.

— Проблема?

Гаспар посмотрел на разведчика и увидел, как по лицу мужчины струится узкая полоска крови.

— Пусть тебя кто-нибудь подлатает, — приказал он, и разведчик, поклонившись, скрылся из виду. Гаспар повернулся к Ремашу. — Говорит, что на его отряд напали деревья.

Ремаш поджал губы.

— Интересно.

— Я думал, ты фыркнешь что-нибудь про солдатские байки, — приподнял бровь Гаспар.

Ремаш улыбнулся.

— Конечно, такое возможно, милорд, но не забывайте, что мы недалеко от Лида. Доносились вести, что крестьяне просили моих шевалье помочь им разобраться с тварями в лесу. Не редкость в тех местах, где прошло сражение, где мертвые никак не могут найти покоя.

— Мертвые, — вставила подъехавшая Лиенн де Монтсиммар, — здесь ни при чем.

Она была верхом на черной кобыле, которая ступала так тихо, что Гаспар даже не заметил её приближения по мокрой траве.

— А истории о трупах, восстающих из мертвых и нападающих на живых? — задал вопрос Ремаш.

— Духи, — чуть отклонившись в седле, Лиенн указала на расположившийся впереди лес. — Когда-то на всей территории Долов гремели битвы. Представьте, сколько гнева, сколько смертей. Представьте то чувство, когда разрубаешь противников, милорд. Когда чувствуешь, как их жизнь проливается на траву, потому что ты оказался сильнее.

Гаспар кивнул.

— Да, Лиенн, и что дальше?

Она улыбнулась.

— Духов тянет на эти эмоции, как мотыльков на свет фонаря. Они собираются вокруг них, стараются рассмотреть поближе, пока Завеса между этим миром и Тенью не истончается. Там, где возникает разрыв, духи пробираются в наш мир, ведомые желанием ощутить вкус того, что для нас обыденно, — её взгляд затуманился. — Духи послабее овладевают тем, что не способно сопротивляться, трупами, например... И когда эти духи заново переживают битвы, уже виденные этими телами, подражая тому, что по их мнению и есть жизнь, мы, смертные, видим лишь нападающего восставшего мертвеца.

— А деревья? — спросил Гаспар, кивая подбородком на лес впереди них. — Разведчики доложили, что деревья ожили и напали.

— Сильваны, — кивнула Лиенн. — По сути, напоминают трупов, но вместо человеческих тел духи овладевают деревьями, — она слезла со своей кобылы, нахмурившись, посмотрела на лес и приготовила свой посох. — Я могу помочь, но вам понадобится огонь.

Недовольно морщась при виде мокрых леса и травы, Гаспар тоже спешился.

— С огнем будет туговато.

— Тогда, полагаю, вы предпочитаете заплатить кровью, — пожала плечами Лиенн и двинулась вперед. — Пара десятков убитых, не больше. Иначе оставшиеся потеряются... Или их найдут.

Гаспар твёрдо посмотрел на Ремаша, который всё ещё был в седле.

— Пусть лучники приготовят огненные стрелы. Скажите шевалье, что пойдём пешком. Возьмите два десятка и тех, и других, добровольцев.

— Милорд, — Ремаш поклонился и прищпорил коня.

Несколько часов спустя Гаспар, Ремаш и два десятка воинов встретили первого сильвана возле раздавленного тела одного из людей Гаспара и, должно быть, лошади из отряда Селины. Как только дерево начало с треском расшатываться и оживать, превращаясь в грубое подобие человека, Лиенн начертила на земле светящуюся руну, и та вспыхнула ярким белым светом, отчего сильван попятился назад, вырывая корни из земли и рыча от ярости. Лучники Гаспара осыпали его горящими стрелами, которые словно жалили чудовище, а Лиенн непрерывно бросалась белыми сгустками магии, рвущими кору дерева, пока наконец обуглившийся сильван не рухнул на землю поверженным.

Лиенн, улыбаясь, повернулась к Гаспару.

— Будут ещё.

— Тогда я рад, что ты с нами, моя дорогая, — Гаспар вернул улыбку и приказал разведчикам двигаться дальше.

Когда Лиенн и разведчик отъехали на расстояние, Ремаш поравнялся с Гаспаром.

— Милорд.

Гаспар повернулся.

— В чем дело, Ремаш?

— Эта ваша отступница, — Ремаш поморщился. — Она обладает большой силой, и я бы никогда не отозвался дурно об отпрыске из рода Монтсиммар...

— Пугает, не правда ли? — улыбнулся Гаспар. — Мы принадлежим этому миру, Ремаш. Дай нам проблему, которую можно решить по-светски или на поле боя, и мы знаем что делать. Но когда речь заходит о Тени и духах...

Ремаш покачал головой.

— Вы видели её лицо? Эти духи говорят с ней, или она хочет, чтобы они говорили с ней. И она никогда не проходила Истязания.

— Не проходила, — признал Гаспар. — Но неужели ты предпочел бы столкнуться с этим дерево-чем-то без её магии? — получив нужную реакцию от Ремаша, он продолжил: — Вот и я о том же. Поэтому пока мы должны

признать, что в этом мире есть страшные создания вне нашего разумения, посланные нам Создателем, и Лиенн Монтсиммар может быть одной из них.

— А если она станет опаснее, чем деревья? — спросил Ремаш.

— Я не храмовник, — сухо заметил Гаспар, — но клинок в сердце обычно решает такие проблемы.

Ремаш безмолвно кивнул и стал раздавать указания свои людям.

В этот день они встретили ещё несколько сильванов, и люди Гаспара научились, как справляться с деревьями-великанами. Каждый раз магия Лиенн держала существ на расстоянии, а стрелки Гаспара усыпали их горящими стрелами. Люди нервничали, недовольно ворчали, что им приходится сражаться с неестественным, но когда они увидели, как сильваны падают замертво, даже не добравшись до них, воины сомкнули ряды с той дисциплиной, которую желал видеть Гаспар.

Затем, в полдень, лес пришел за ними.

Один из разведчиков Гаспара позвал остальных, когда нашел что-то — кусочек разодранной тряпки на ветке — а потом ветка зашевелилась, обмотав голову мужчины. Никто даже не успел поднять тревогу, как ветка скрутилась и резко дёрнула. Разведчика подкинуло вверх, и его тело и оторванная от плеч голова несколько раз перекувырнулись в воздухе, разбрызгивая вокруг кровь.

— Лучники! — заорал Гаспар. — Огонь! Лиенн!

— Огня нет, милорд! — прокричал в ответ старший в отряде стрелков, и Гаспар выругался.

— Ну, так просто стреляйте, какой бы прок от этого ни был!

Лиенн начертила перед собой руну, та вспыхнула и засветилась, и сильван с рёвом попятился назад, но стрелы, ударявшие в его ствол, казалось, не наносили особого вреда.

— Сзади заходят еще, милорд!

— Шевалье, в атаку! — позвал Ремаш, обнажая свой меч. Сильван откинутый назад магией Лиенн снова шёл вперёд, не обращая никакого внимания на стрелы и размахивая своими ветками, напоминающими огромные дубинки.

Лучники стали отступать, и Гаспар, рубя направо и налево, встал в один ряд со своими шевалье. Огромные ветки разбили его щит, и каждым ударом сбивали его с ног. Гаспар заметил, как рядом с ним упал один из его людей, и кинулся к нему, чтобы поднять щит упавшего и отразить удар, который прикончил бы шевалье. Гаспар ударил и отломил ветвь, которая отлетела, оставляя за собой в воздухе капли черной жидкости.

И внезапно, несмотря на вес меча в руках, он почувствовал прилив сил и энергии, каких не было со дней его безбашенной юности, а солдаты со всех сторон издали боевой клич. Гаспар оглянулся и увидел, что окружен светящимся магическим куполом.

Дело рук Лиенн, значит. Гаспар принял её дар, что бы он из себя ни представлял. Он вскочил на ноги и, размахивая мечом, словно тот был деревянный, нанёс несколько ударов, пронзая кору и проникая лезвием глубоко в ствол сильвана. Возле него кричали его люди, нападая на сильвана, который взревел, попятился назад и рухнул, дымясь, на землю, где уже покоилась целая груда безжизненной древесины.

Все ещё чувствуя прилив сил от магии Лиенн, Гаспар повернулся. Где-то в стороне Ремаш защищал упавшего шевалье, храбро принимая на себя удар за ударом сильвана, рядом с которым все предыдущие побежденные ими казались карликами.

Этот сильван был огромен, на его стволе образовались наросты и шишки от времени, а его ветки были похожи не на загребущие когтистые лапы, а на огромные дубинки из дерева. Ремаш ростом едва доходил до бедра чудища, и со следующим ударом мужчина упал на одно колено, продолжая защищать упавшего солдата.

— Лиенн! — Гаспар обернулся через плечо, и увидел, что она, вся в поту, стояла позади. По её лицу пробегали искорки той же магии, что пульсировала в его венах. — Ты нужна мне!

Женщина решительно вдохнула.

— Оно не тронет вас, милорд.

Гаспар кивнул.

— За мной! — прокричал он, и кинулся на гигантского сильвана.

Чудовище это видело, и, в отличие от простых тварей, которых они убили до этого, оно обладало некоторым интеллектом. Гаспар увидел, как сильван изменил положение, чтобы встретить его атаку, поднял свою ветку-дубинку и другой веткой поманил Великого Герцога, словно бросая вызов.

И затем по дереву прошлась волна омерзительной черной энергии, и гигант-сильван дрогнул и попятился назад.

— Ты древнее дерево, и когда-то в прошлом тебя ранило пламя, — раздался голос Лиенн из-за спины Гаспара. Она говорила не громко, но в её словах звучала магия, и они прорезали воздух и ударили по чудовищу не хуже огненных стрел. — Вспомни.

По дереву-великану прошла дрожь, и оно завопило. Гаспар кинулся вперед и рубанул по нему. Вокруг него затрещала магия, и он почувствовал, как клинок в его латных рукавицах слегка сместился, чуть-чуть изменил угол наклона. Когда меч вошел в сильвана, этот крохотный сдвиг направил меч в рубец, который Гаспар даже не видел, и черная жидкость захлестала фонтаном. Солдаты вокруг великого герцога стремительно развернулись, и каждый удар, нанесенный по дереву, был глубоким, приходясь по скрытым уязвимым местам, а чудовище продолжало вопить и рычать.

Тогда сильван обернулся, но он был слишком слаб и неповоротлив, и Гаспар ушел от удара, который взрыхлил землю возле Великого Герцога. Он нанёс ответный удар, стремительно и наискось, так, что срезал кору и обнажил бледную древесину, под которой виднелась чёрная жидкость. Не останавливаясь ни на секунду, он поменял хват, и воткнул свой меч в сильвана.

Гигантский сильван замер, и Гаспар почувствовал, как по лесу пронёсся внезапный холодный ветер, который проникал даже сквозь доспехи и пронизывал до самых костей. Сильван словно вздохнул, расслабился, и снова стал обычным деревом, а чёрная жидкость с шипением рассеялась в дым и улетучилась с ветром, которого Гаспар уже не чувствовал.

— Всё кончено, — слабо произнесла стоящая позади Лиенн, и Гаспар развернулся вовремя, чтобы увидеть, как она падает.

Гаспар попятился — сила, наполнявшая его, ушла столь же внезапно, как и пришла. Воины вокруг него также падали на колени и пытались прийти в себя.

— Позаботьтесь о ней, — приказал Гаспар, и лучники аккуратно подняли женщину и унесли в безопасное место.

— Глухая девчонка, — тяжело дыша, Ремаш опирался на свой меч.

— Все ещё хочешь, чтобы я проткнул её мечом? — спросил у него Великий Герцог, и Ремаш рассмеялся, потом посерьёзней и стал проверять упавшего солдата, которого он защищал. — Он жив?

— Искренне надеюсь, что да, — ответил Ремаш, щупая пульс. — Я бы сильно расстроился, если б узнал, что так глупо рисковал жизнью из-за мёртвого.

Гаспар хлопнул мужчину по плечу.

— Я ошибался в тебе, Ремаш.

— Нет, милорд, — Ремаш поднял голову и обратился к остальным. — Нужно, чтобы кто-то позаботился о его ранах!

— Ошибался. Честь есть не только у шевалье, и я не сразу это понял. Прими мои извинения.

— Великий Герцог Орлея просит извинений, — казалось, Ремаш задумался над этим, пока за раненым шевалье ухаживал лучник, разбирающийся в травах. — Впечатляет... Хотя не так сильно, как извинение от императора.

— Тогда, надеюсь, я оправдаю твои надежды, — улыбнулся Гаспар и с усилием вытащил меч из тела сильвана. Затем оба мужчины отправились посмотреть, как обстояли дела у Лиенн.

Больше в этот день сильванов они не встречали, но солдаты с опаской поглядывали на деревья. Осторожно, но уверенно держась в седле, Лиенн, ехавшая позади Гаспара с Ремашем, объяснила, что, по-видимому, огромный сильван, которого они победили, держал под контролем и остальных духов, и теперь, когда его больше не было, те должны были сбежать туда, откуда явились.

Гаспар зажег погребальные костры для четырех солдат, ещё десятеро были ранены слишком тяжело, чтобы продолжать сражаться. Он послал их назад, дав им в защиту нескольких крепких, способных драться солдат. Пусть и затратно, но его разведчики были твёрдо уверены, что с Селиной было всего три-четыре человека, и здравый смысл подсказывал герцогу, что два десятка человек, половина из которых шевалье, смогут справиться с императрицей.

И хоть Гаспар и не признавал этого вслух, он испытывал неожиданное и абсолютно нежеланное чувство вины. Одно дело просить солдат идти в бой против людей. Вести их в бой против тварей неестественных было совсем другим.

Но ради безопасности Орлея Селину требовалось поймать.

Ближе к вечеру, они перешли вброд реку, переполненную от дождя. Вскоре после этого разведчики обнаружили тела.

Гаспар услышал крики, и подумал было, что снова напали деревья. Потом его разум, уставший от сражения и долгого путешествия верхом, осознал, что то был возглас о находке, а не о тревоге. Он поскакал вдоль тропы отставленной следами животных, которая неуклонно становилась шире и лучше, пока не превратилась скорее в дорогу, чем в обыкновенную тропу. Впереди, на поляне, один из его разведчиков стоял на одном колене, изучая чьё-то тело.

— Что там?

— Эльф, милорд. Долиец, если судить по железной коре, — разведчик перевернул тело, и Гаспар резко выдохнул. Похоже было, что эльф сгорел изнутри, и от тела осталась лишь обугленная шелуха.

— Лиенн? — позвал Гаспар. — Подойди сюда, пожалуйста.

Держа посох наготове, отступница медленно подъехала и посмотрела на тело.

— Его сожгли.

— Да, дорогая. Мы тоже это поняли. Что могло сотворить такое?

Она пожала плечами.

— Полагаю, мы это выясним.

Гаспар вздохнул и напомнил себе, что не так давно Лиенн спасла им всем жизнь. Он обратился к разведчику:

— Дальше поведу я. Смотри за тылом и передай всем, чтобы сохраняли дистанцию, если увидят какое-то движение, — будь он проклят, если сегодня потеряет ещё больше людей из-за магии.

Гаспар возглавил отряд вместе с Лиенн и, к его удивлению, Ремашем. Через несколько минут они нашли ещё одного эльфа, прямо посреди дороги. Этот был разорван пополам. Третий висел на дереве, пришпиленный к стволу полным набором стрел. Люди Гаспара двигались с оружием наготове — разведчики приготовили свои стрелы, а шевалье — мечи. Великий Герцог не отдавал такого приказа, но винить за это своих солдат он не мог.

Наконец они въехали в долиньский лагерь.

Клан обитал в этой части леса уже много лет, они даже успели проложить дороги, расчистить землю от деревьев и кустарников под стойбища и, похоже, тайком торговали с ближайшей деревней.

Но больше они здесь не жили.

Поляна в центре лагеря была усыпана телами. Старые и молодые, мужчины и женщины, воины и кухарки — все лежали мёртвые, как сломанные игрушки. Гаспару довелось видеть немало мест сражений, и несколько раз он видел утро в деревне после гуляний шевалье. Но картина, представшая перед ним, заставила всё остальное померкнуть.

— Создатель, Ремаш, — тихо произнес Гаспар, придерживая поводья, от чего его скакун, приученный неустрашимо скакать в бой, фыркнул и топнул ногой по земле. — Что здесь произошло?

О ходе битвы воин и стратег мог узнать по состоянию поля сражения. Здесь прошла одна группа, принимая на себя огонь вражеских лучников.

Там оборонительная линия была прорвана, расколота надвое. Но здешняя картина говорила лишь о хаосе.

— Думаю, вам нужно спросить у Лиенн, милорд, не у меня, — покачал головой Ремаш. — Это дело рук не обычных смертных.

— Не понимаю, — Лиенн повернулась в седле, сжимая поводья так, что костяшки её пальцев побелели. — Должно быть, это была магия, какой-то дух, что-то, но... Смотрите. Вон там лежит эльф с содранной кожей, вероятно, он ещё был жив, пока ее сдирали. А там другой, сваренный, если эти ожоги...

— Что ты хочешь сказать, Лиенн? — спросил Гаспар. Он не отводил взгляда. Император Орлея не отвел бы. Но даже эльфы не заслуживали такого.

— Демоны прежде всего просты, — дрожащим голосом ответила отступница. — Они убивают огнем, если такое им по душе. Или когтями, клинками, магией, которая настигает вас во сне. Но всегда они убивают чем-то, что им нравится, и не изменяют выбранному один раз способу. Им не хватает для этого мозгов.

— Значит, это не демон, — подытожил Гаспар, перебивая её, чтоб не дать ей продолжить. На сегодня его людям и так хватило потрясений, а от её слов похолодел даже он. — И что бы это ни было, оно не имеет

значения, если только нам не придется убить его. Нам важна Селина, не обращайтесь внимания на это побоище, — обратился он к разведчикам. — Это мёртвые эльфы. Все мы видим такое не впервые. Отыщите следы.

Разведчики медленно слезли с лошадей, переводя взгляд с Гаспара друг на друга.

— Начали! — приказал Гаспар, и они бросились врассыпную, хотя их луки и стрелы всё ещё были наготове, и они едва смотрели под ноги, направляясь в лес.

— Думаете, они найдут что-либо в этом хаосе? — тихо спросил подле него Ремаш.

— Лучше так, чем смотреть на это.

— Верно, — ответил Ремаш. — Не ожидал, что когда-нибудь наступит день, когда я пожалею эльфов за... — он запнулся. — Мой лорд, там. Вы видите?

Гаспар посмотрел, куда указывал Ремаш — на повозку, где лежали несколько мёртвых воинов.

— Нет.

Ремаш слез с коня и отправился осматривать тела, Гаспар последовал его примеру.

— Шея сломана, — тихо, голосом профессионала, заметил Ремаш. — Перерезано горло. Этого проткнули мечом, — он посмотрел на Гаспара. — Как-то простовато по сравнению с тем, что случилось с остальными.

— Защитник Селины, — кивнул Гаспар и улыбнулся Ремашу. — Если Лид тебе не по душе, у тебя есть задатки для того, чтобы стать первоклассным разведчиком.

Ремаш встал и, улыбаясь, отряхнул траву с колен.

— Буду иметь это в виду, милорд.

— Разведчики, сюда! — позвал Гаспар. — Селина, или по крайней мере её защитник, были здесь. Начинайте отсюда и узнайте, куда ведут следы... Пока лорд Ремаш и в этом вас не опередил.

— Я могу вам сказать, куда они направились, милорд, — произнёс юный девичий голос.

Гаспар в мгновение ока развернулся с клинком наготове. Ремаш тоже обнажил свой меч.

Это была эльфийка, ещё подросток, симпатичная, но на любителя, с долийскими татуировками по всему бледному лицу. В руках она спокойно держала посох, мерцающий тёмно-красным сиянием, а её одежда была запачкана грязью и кровью.

— И кто же ты такая? — спросил Гаспар, сохраняя голос спокойным и уверенным. Вокруг них тихо собрались разведчики, ожидая его приказа.

— Я была Мирис, Первой клана Вирнен, — ответила девушка. Гаспар кивнул, будто бы это имело для него смысл. — Вы ищете женщину, утверждавшую, что она императрица?

— Да, — ответил Гаспар. При взгляде Ремаша он добавил: — А ещё мы бы хотели знать, что случилось с твоим кланом.

— Воин, прислужник императрицы, убил охрану и освободил её, — Мирис кивнула на повозку, не глядя на неё. — Потом он отправился в священное место и освободил тварь, перебившую мой клан.

Гаспар почувствовал холод, и увидел, что его люди нервно переглянулись.

— Но она не убила тебя, — раздался голос Лиенн. Когда все посмотрели на женщину, Гаспар не стал отводить взгляда с Мирис, и увидел вспыхнувшие гнев и стыд, перед тем как лицо эльфийки снова приняло безразличное выражение.

— Не убила, — кивнула Мирис. — Видите ли, тот воин не стал убивать меня, хоть и мог, — свободной рукой она откинула волосы, открывая уродливый след от удара на щеке. — Это... Заинтересовало тварь, перебившую моих людей, и она сказала, что воин оскорбил её, поэтому она не тронет меня — чтобы я могла провести вас к элувианам... И отомстить за свой клан человеку, убившему моих сородичей, — она протянула руку, и Гаспар увидел огромный мерцающий рубин на её ладони. — Она даже показала мне, как помочь вам выследить их.

— А что насчет тебя, Первая клана Вирнен? — спросил Гаспар. Для него это всё ещё не имело значения, но он всегда хорошо запоминал имена. — Ты хочешь, чтобы мы пошли за Селиной и убили сэра Мишеля. Это я понимаю. Но что ты хочешь взамен? Я должен позволить эльфийке-отступнице свободно уйти в обмен на её услуги?

Сигнала не было, и его люди не стали готовить оружие. Он задал вопрос, чтобы узнать её ответ. И не был разочарован.

Эльфийка подняла голову и посмотрела ему в глаза.

— Нет, — ответила она. — Ты должен позволить мне пойти с вами и дать мне самой убить сэра Мишеля. Вот чего я хочу.

Глава 14

Бриала не знала, как долго они спали, но когда Фелассан все-таки растолкал её, эльфийке показалось, что смертельная усталость от тяжелого сражения и недостатка сна наконец покинула её.

Лёжа на жестких одеялах, добытых Фелассаном, она на мгновение притянула Селину поближе.

Проснувшись, Селина сначала напряглась, но потом вновь расслабилась.

Бриале это казалось странным. В Вал Руайо, когда Селина и Бриала спали вместе, эльфийка, просыпаясь, обычно обнаруживала, что её императрица уже сосредоточенно смотрит через окно на свою империю, просчитывая в уме все, что предстояло сделать в тот день. Может быть, Селина проспала всю ночь из-за полного истощения? Или, может, здесь, в этих древних эльфийских погребальных палатах, у Селины попросту не было империи, о которой нужно волноваться?

Бриала поцеловала Селину в шею, не обращая внимания на привкус застарелого пота.

— Хотела бы я приготовить тебе чай.

— Когда это закончится, — ответила Селина, перевернувшись лицом к Бриале и протирая заспанные глаза. — У меня будет новая кровать, рядом с которой старая покажется позорной. Шелковые простыни будут тоньше паутины, одеяла — сотканы лучшими мастерами Антивы, а перины и подушки будут набиты перьями, вырванными у демонов желания.

Бриала улыбнулась.

— Не уверена, что всё это будет удобным. Разве у демонов желания есть перья?

— Я пошлю за тем, у которого есть, — Селина поцеловала её, и, пусть короткий и лёгкий, но поцелуй не прошел бесследно — щеки Бриалы зарделись, а тело сладостно затрепетало.

Селина снова была с ней. Если бы не отсутствие чая и маленького ритуала с маской и побегом из комнаты, это было бы самое обычное утро. И, быть может, поэтому погребальная палата и казалась ей лучше дворца — сегодня их никто не увидит, кроме Мишеля и Фелассана, и Бриале не нужно было уходить тайком.

Ей всё ещё было больно при мысли о случившемся в Халамширале, но ведь те эльфы восстали. Селина поступила как должно. Будь Бриала там, ей, может, удалось бы убедить Селину принять иное решение, но ведь это она сама была той, кто ушёл.

В том, что Селина была вынуждена сделать то, что сделала, не было её вины, как и вины Бриалы в том, что она оставила Селину без нужных подсказок. Гаспар — вот кто был виноват. Он это сделал. Его надо винить.

Бриала заглушила сомнения в глубине сознания, напомнив себе, что ненависть к Селине будет как раз тем, чего добивается Гаспар. Она знала, что всегда будет нести в себе эту боль, боль от того, что не смогла тихо потушить восстание, не смогла спасти дураков, навлекших на себя императорское правосудие. Но она сможет простить Селину. Сможет.

И она больше никогда не оставит императрицу.

Эльфы по всему Орлею будут свободны. С помощью Селины Бриала могла этого достичь. Её императрица дарует её народу давным-давно заслуженную свободу.

Она застегнула свой доспех из драконьей кожи, морщась, когда доспехи задевали больные места.

— Что теперь, хагрэн?

— Теперь — путешествие в другой мир, — сказал Фелассан. — И оно будет очень интересным, если мы, конечно, выживем.

— Твои слова не придают уверенности, — пробурчал Мишель, всё ещё облачаясь в броню.

Фелассан проигнорировал его.

— Эти зеркала бездействовали столетиями. Чтобы пробудить одно, потребуется очень могущественная магия. Я могу это сделать, но тогда вам придется тащить меня на себе весь день. Но вам, Императрица, должно быть проще.

Селина кивнула и вытащила на свет рубин из мешочка на груди. Она направилась к элувиану.

— Что я должна сделать, Фелассан?

— Понятия не имею.

— Не думаю, что нужно что-то делать, — сказала Бриала, всматриваясь в зеркало. — Это уже началось.

Когда Селина приблизилась к элувиану, серо-голубая стеклянная гладь пришла в движение. Поначалу казалось, что оно, как обычное зеркало, лишь поймало отблеск света, часть отражения Селины, но затем его поверхность за клубилась, стала вздыматься, словно грозовые тучи под сильным ветром.

Потом сжатый в руке Селины рубин резко вспыхнул, и элувиан откликнулся. Ожившая поверхность сначала засияла, а потом, словно облака скрыли пылающий закат, покрылась багровыми и пурпурными волнами.

— Любопытно, — Фелассан обошел Селину и ткнул пальцем в зеркальную гладь. От его прикосновения по зеркалу разбежались мерцающие лиловые круги, и он кивнул. — Что ж, палец всё ещё при мне. Это действительно может работать.

Не раздумывая, он шагнул через зеркало и пропал. Со стороны казалось, что он прошёл сквозь сплошную завесу водопада. Бриала подскочила.

— Стой!

— Мы что, просто последуем за ним? — поинтересовался затянувший последний ремень своего доспеха Мишель, пристально посмотрев на остальных.

— По-видимому, — ответила Селина, сосредоточенно глядя на рубин в своей руке. — Бриа, ты и Мишель идете первыми. Вдруг когда я пройду, магия зеркала рассеется, и вы застрянете тут.

Бриала кивнула и слегка улыбнулась Селине.

— Тогда увидимся по ту сторону, — сказала она и шагнула вперед.

Несмотря на все усилия, подойдя к зеркалу, она напряглась. Затем, ободрённая присутствием Селины и Мишеля, эльфийка выпрямила спину и двинулась вперёд, наполовину уверенная, что сейчас попросту врежется в стекло и почувствует себя дурой. Она не врезалась в стекло.

По ощущениям это тоже напоминало проход сквозь брызги водопада, но как если бы водопад был создан из света. На мгновение на неё словно надавило холодом, а потом она как будто выскочила из мыльного пузыря и завершила начатый на той стороне шаг, щурясь на ослепительный свет.

— Мы не умерли! — объявил Фелассан и, помедлив, добавил: — Кажется.

Когда зрение прояснилось, Бриала обнаружила, что они стоят на тропе, камни которой были изрезаны теми же рунами, что украшали стены туннеля. Однако в отличие от туннельных рун, эти испускали мерцающее сияние. Свет казался белым, но стоило Бриале отвести взгляд, и он замерцал на краю зрения всеми цветами радуги. Тропа тянулась далеко вперёд. Позади эльфийки тропа заканчивалась возле элувиана, который здесь выглядел так же, как в погребальных покоях, разве что не был так диковинно украшен.

Кроме тропы разобрать окружение было сложно. Вроде бы земля была покрыта травой, но та была серой и тусклой, несмотря на исходящий от камней свет. Бриале показалось, что вдалеке она видит деревья, но они выглядели лишь размытыми очертаниями на горизонте.

— Что это за место? — спросила она Фелассана, который раскачивался на пятках.

— Знаешь, да'лен, я понятия не имею. Честно, — он наклонился и потрогал камень. — Это не Тень. Руны эльфийские... Я бы сказал, нашим предкам и впрямь удалось создать нечто вроде крошечного мирка между элувианами.

— Такое возможно?

— Похоже на то, — Фелассан сошёл с тропы и потянулся вниз к траве.

— Демон советовал этого не делать.

— Демоны много чего говорят, — Фелассан сосредоточил взгляд, и серая трава под его рукой наполнилась цветом, одинокий пышный пучок зелени посреди странно дымчатой поляны. — А мы, похоже, понравились этому маленькому миру.

Бриала собралась было попросить его пояснить свои слова, когда из элувиана показался сэр Мишель и ступил на тропу.

— Дыхание Создателя! — выругался он, трясая головой и спотыкаясь. Бриала протянула руку и поймала его под закованный в броню локоть, чтобы поддержать. Мгновением позже появилась Селина. Женщина застыла, затем схватилась за голову и с глухим стоном опустилась на колено.

— Фелассан, что не так? — им, похоже, пришлось намного хуже, чем ей. Селина вздрогнула, поморщилась, и при помощи Бриалы медленно поднялась на ноги.

— Полагаю, эти земли созданы для эльфов, — сказал Фелассан, пока Мишель скованно и неловко вставал, щурясь от яркого света. — А они не эльфы.

— Ваше Величество? — окликнул Мишель. — С вами всё в порядке?

Селина сделала глубокий вдох, прикрывая глаза от света.

— Переживу, — она задумчиво оглядела Бриалу. — Похоже, тебе здесь уютнее, Бриа.

— Похоже на то, — Бриала опустила глаза на сияющие руны. — Странно, но это так. Ты как, Мишель?

— Всё это кажется неправильным, — Мишель был напряжен, его рука дернулась, словно он хотел выхватить клинок. — Слышится какой-то шум, а свет от тех камней, кажется, начинает всё искажать, когда смотришь на него, — он потряс головой. — Я бы очень не хотел сражаться в таких условиях.

— И на этой радостной ноте давайте закончим, — сказал Фелассан. — Если люди готовы?

Селина кивнула, и они отправились в путь, пропустив Фелассана и Бриалу вперед. Тропа тянулась вперед, светлая и неизменная, сворачивая то в одну сторону, то в другую так незаметно, что им казалось, будто они всё время идут прямо.

— Потрясающе, — поделилась Бриала, стараясь поспевать за Фелассаном. — Никогда не думала, что увижу нечто подобное, предназначенное для нашего народа.

— Немного сложно принять это, — ответил Фелассан, — особенно когда почти каждый увиденный эльф — это слуга в одежде с чужого плеча или нищий из трущоб, — он покачал головой. — У нас была империя. Это было... Всё, что представляешь, слыша это слово. Понимаешь? Возьми самый богатый район Вал Руайо. Таким был наш народ.

Бриала улыбнулась этой мысли.

— Должно быть, было очень красиво, раз у них была сила сотворить мир между элувианами.

— Да, судя по тем крохам, что сохранились у долищев, — Фелассан вздохнул. — Возьми богатейший район Вал Руайо, плюс магию, которая была ежедневной частью нашей жизни. Каждая фонтанная скульптура могла говорить с помощью рта, через который лилась вода. Каждая колонна сияла рунами, которые глупцы из Тевинтера срисовали, словно дети, копирующие буквы. Когда опускалась ночь, улицы освещались камнями вроде этих, достаточно яркими, чтобы видеть, куда ступаешь, но не такими, чтобы затмить свет звезд.

— Могу только представить.

— Правда? — Фелассан бросил на неё острый взгляд. — Правда, можешь? Тогда скажи мне, дален, кто в то время мыл полы?

Она моргнула.

— Ну... Если камни были заколдованы, тогда... Возможно, они очищались сами. Или у нашего народа были големы, как у гномов...

— Это была империя, — повторил Фелассан, и она вдруг услышала злость в его голосе. — Не Золотой Город. Не мирная загробная жизнь этого выдуманного людьми Создателем. Возьми богатейший район Вал Руайо и скажи мне, сколько дураков крысят друг на друга на каждом балу? Сколько слуг было выпорото за неправильную сервировку столового серебра?

— Мы были аристократами.

Осознание этого поразило Бриалу. Она вспомнила поместье, где прошло детство Селины, личную библиотеку и тоненькую струйку крови, текущую по полу прямо туда, где она спряталась, когда её родители погибли по приказу Леди Мантильон.

— Были только мы. Не было людей, гномов, никакой другой расы, только эльфы. Каждое злодеяние, за которое ты ищешь возмездия для своих страдающих в эльфинажах сородичей, совершали эльфийские аристократы над эльфийскими слугами.

Бриала сглотнула.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Твоя императрица, — сказал он. — Ты доверяешь ей. Ты веришь, что она освободит твой народ.

— Да, — без колебаний ответила Бриала.

— Тогда кто же будет чистить полы? — поинтересовался Фелассан и улыбнулся.

— Ты ей не доверяешь, потому что она человек.

— Нет, — Фелассан сделал паузу. — Ну ладно, да, но более того, я не доверяю ей, потому что она успешно правит империей. Такие не уступают власть. Даже если они мудры. Даже если это к лучшему в долгосрочной перспективе. Даже если отказ от этого в конечном итоге уничтожит всё.

Эти слова были слишком созвучны с голосом на задворках разума Бриалы. Она заглушила вновь возникшие опасения и посмотрела на Фелассана.

— Селина не такая.

— Разумеется, не такая, — сказал Фелассан и остановился.

Бриала тоже остановилась. Воздух вокруг неё всё ещё искрился успокаивающим радужным светом рун на тропе, и каждый вдох был чистым и свежим.

Она оглянулась и увидела, как оставшиеся далеко позади Селина и Мишель с трудом переставляют ноги и щурятся от света, который для них был слепящим.

Бриала не чувствовала усталости, несмотря на изматывающую нагрузку в последние несколько дней. Она и Фелассан шли неспешно, прогулочным шагом. Она могла в этом поклясться.

— К нам тропа более благосклонна, чем к ним.

— Действительно. Но даже с их скоростью мы за считанные часы покроем расстояние, на которое в обычном мире потребовались бы дни пути. Однако здешняя магия влияет на нас по-особому, так, как никогда не повлияет на них, — Фелассан понизил голос. — И если ты хочешь чего-то большего, чем просто мыть полы, тебе понадобится именно она, а не добрая воля твоей императрицы.

— Увидим, — сказала Бриала и улыбнулась Селине.

* * *

Мишель видел, как Бриала повернулась и улыбнулась Селине. Женщина рядом с ним вернула улыбку.

Императрица Мишеля выглядела уставшей, но улыбка её казалась искренней, несмотря на круги под глазами и всё ещё заживающий синяк на лбу. Она выглядела счастливой, невзирая на неудобства этого странного мира, по которому они с Мишелем шли вместе. Она была влюблена.

Он не осознавал, что Селина заметила его взгляд, пока женщина не сказала:

— Ты не одобряешь меня.

Бриала и Фелассан вновь ушли вперед. Казалось, они шагали не быстрее Селины и Мишеля, но каждый раз, когда Мишель поднимал на них взгляд, эльфы оказывались все дальше, превращаясь в тени на фоне пурпурного сияния камней. Он моргнул, посмотрел вверх и в сторону, стараясь избавиться от морока обманчивого света. Всё было не так плохо, если не смотреть на камни. Стоило ему посмотреть на них, и весь мир начинало качать, как корабль во время шторма.

— У меня нет права одобрять или не одобрять, Величество.

— Погоди, Мишель, — Селина ускорила шаг, так как эльфы успели отойти далеко, и Мишель поспешил нагнать её. — Ты можешь не опасаться кары за свое мнение. Вообще-то, это даже может отвлечь меня от этого проклятого света.

— У вас болит голова?

— Ужасно.

Мишель кивнул.

— Сознаюсь, я немного рад, что я в этом не один, хоть это и недостойно.

Они пошли дальше, и Мишель задумался.

Бриала и её лук, и её очевидно сделанная на заказ броня, и её сильверитовые кинжалы. Целая часть жизни императрицы, о которой он никогда не знал. Проводили ли они вместе каждую ночь? Тогда стражники её опочивальни разнесли бы слухи. Слуги никогда не умели хранить секреты.

Кроме этой Бриалы.

— Бриала показала себя способной, — сказал Мишель после короткой паузы.

— Она была моими глазами и ушами на протяжении большей части моего правления, — ответила Селина, и Мишель снова увидел тень нежной улыбки. — Она всегда была рядом, когда это было нужно.

— И вы пообещали освободить её народ, — добавил Мишель.

На этот раз Селина промолчала. Мишель поднял взгляд и увидел, что Бриала и Фелассан ждут их, тени, окруженные изменчивым светом, от которого болели его глаза.

— Она была нужна нам, — сказала Селина, слегка замедлив шаг. — А ей нужно было знать, что я забочусь об эльфах.

— После Халамширала.

— Да.

Селина ответила без промедления, но голос её был тих.

— Это было необходимо, Величество. Дворяне стали опасаться, что вы чрезмерно опекаете эльфов.

Селина вздохнула.

— Она была нужна нам, — повторила она. — Нужна мне, Мишель. Без её помощи мы бы погибли в том долийском лагере.

— Они отвлекли нескольких охранников, — сказал Мишель, глядя на свои сапоги. — Я бы и без них освободил вас, Величество.

— Тогда, возможно, мне нужно её доверие, мой защитник, — Селина потёрла глаза и скривилась. — У меня полно подлиз-ухажеров и интриганов, но она служит мне с самого детства. Она нужна мне.

— И когда вы вернетесь в Вал Руайо и соберете всю силу, чтобы разбить Гаспара...

— У нас будет элемент неожиданности, благодаря элувианам, — закончила Селина. — И мы получим эльфов-крестьян, которые будут знать, благодаря Бриале, что сражаются за свою свободу.

— И потеряете господ, которые правили ими, — без обиняков сказал Мишель. — Я буду сражаться за вас, пока не вытечет из моих вен последняя капля крови, Ваше Величество, но сколько лордов перейдут на сторону Гаспара, чтобы сохранить власть над эльфами?

— Несколько, — Селина, не ускоряя шаг, наклонилась к Мишелю поближе. — Возможно, эльфы получают свободу, как только мы разберемся с Гаспаром. Можно распространить эту информацию среди эльфов — шёпотом. Дворянам не обязательно слышать об этом.

— Вы думаете, она согласится на это?

— Почему бы и нет, Мишель?

— Величество... — он помолчал. — Это...

— Говори свободно.

— Вы сказали, что Бриала нужна вам. Я могу лишь догадываться, чувствует ли она то же самое, — он хотел было указать на вероятность того, что Бриала использует Селину, но это почти наверняка ничего не изменит и только разгневет императрицу. — Поэтому, хоть вам и нужна она сама, вам стоит ублажать её обещаниями и намеками, как если бы она была одной из аристократов, которых вы стремитесь держать довольными.

Селина вздохнула. На мгновение из императрицы она превратилась в обычную с трудом шагающую рядом с ним женщину, пытающуюся отыскать свой путь во тьме.

— Мне всегда приходится делать этот выбор, защитник.

— В этом скверном месте мои глаза горят от боли, Величество, но для неё это — воплотившаяся в жизнь мечта об эльфийском величии. Неужели вы ожидаете, что, покинув эти земли, она вновь наденет маску служанки?

— Да, — Селина говорила уверенно, но всё равно прищурилась, вглядываясь в идущих далеко впереди Бриалу и Фелассана. — Бриала помогала мне в Игре на протяжении многих лет, Мишель. Я сомневаюсь, что заколдованная тропа сможет изменить это.

Мишель вспомнил одного мальчика из трущоб Монфора. После смерти матери Мишеля они сбежали вместе с несколькими ребятами. Это была жалкая банда, но он и тот мальчик боролись изо всех сил, чтобы обезопасить своих людей.

В день, когда его нашёл Граф Бревин, Мишель обнаружил своего друга побитым другой бандой. Вооружившись одной лишь палкой, Мишель бросился на старших мальчишек, чтобы спасти друга.

Граф Бревин заметил это и впечатлился. Он подозвал Мишеля из своей кареты и бросил ему мешочек, набитый монетами, чтобы убедить в своих добрых намерениях.

Мишель забрался в карету.

Его товарищ, едва поднявшийся на ноги, непонимающе уставился на него, но Мишель небрежно отмахнулся от него.

Больше он своего друга не видел. Теперь Мишель даже не помнил его имени.

— Величество, когда люди получают шанс на новую жизнь, новую власть... — Мишель снова опустил глаза на свои сапоги, спасаясь от режущего глаза света камней. — Они делают всё, чтобы сохранить его.

— Селина! Мишель! — Мишель поднял взгляд на взволнованный крик Бриалы. Она и Фелассан стояли неподалёку. Мишель был готов поклясться Создателем, что еще недавно тропа была пуста на мили вперед, но теперь она упиралась в ещё одно волшебное зеркало.

Эльфы ждали, когда Селина и Мишель нагонят их. Мишеля раздражал их расслабленный и спокойный вид, как будто они оба наслаждались приятной прогулкой в парке, а не торчали в неприятном мире, который уже наградил его головной болью от морочащих глаза огней и неприятным звоном в ушах.

Когда они приблизились, поверхность зеркала вспыхнула, так же как и в первой комнате, и алый свет прочертил линии сквозь тучи на его поверхности.

— Жду не дождусь, когда мы наконец выберемся отсюда, — пробурчала Селина, и Мишель усмехнулся помимо воли.

Он шагнул через зеркало без колебания, обойдя Бриалу и Фелассана. Странная покалывающая энергия прокатилась по его коже, потом пропала, и вместе с ней исчезла вся боль. Воздух был холодным, а комната — темной, пахло камнем и пылью, но это было нормально, никакой непонятной магии, мучившей его на эльфийской тропе.

Единственный свет в комнате исходил от элувиана, откуда вышли Бриала и Фелассан, когда Мишель обернулся. Спустя мгновение за ними последовала Селина.

— О, обыденность, — сказал Фелассан и поднял свой посох. Вспыхнул свет, и их взорам открылась оставшаяся часть комнаты.

Это было большое круглое помещение, сопоставимое по размерам с тронным залом в Вал Руайо, заполненное выставленными ряд за рядом саркофагами. Потолочные руны поймали свет посоха Фелассана и мягко засияли, не причиняя при этом никакой боли, в отличие от тех, что остались на тропе.

А вдоль стен огромной круглой комнаты располагалось множество элувианов.

— Это центральная палата? — спросил Мишель. Если один из этих элувианов ведёт в Вал Руайо, они могли добраться до дворца ещё до заката... Хотя это означало ещё одну прогулку по проклятой тропе.

А ещё это значило, что его императрица должна будет решить, как поступить с Бриалой, но это её личное дело.

— Не совсем, — ответил Фелассан. — Хотя теперь у нас, по крайней мере, есть выбор. Каждый элувиан связан с другим тропой, и один из них может вести к палате, где возможно пробудить все элувианы.

Селина построила рожицу.

— Но с этим камнем, который дал нам демон, мы и так можем пробудить любой, что нам нужен. Разве мы не можем просто использовать его, чтобы добраться до Вал Руайо?

— Конечно, — Фелассан широким жестом обвёл всю комнату. — Который из этих отправит тебя туда?

Селина вздохнула, а Фелассан улыбнулся:

— А, вот видишь. Имшаэль сказал, что рубин приведет к центральной комнате. Без него придется вслепую бродить по этим тропам довольно долго, и хорошо, если не окажешься где-нибудь в сердце Тевинтера.

Селина раздраженно кивнула.

— Я знаю. Для некоторых из нас тропы довольно неприятны. Прости мне минутное желание сократить количество переходов, — женщина достала камень из мешочка на груди и сжала его в руке. — Думаю, нам нужно пройти через... Вон тот, — указала она, указав на одно из зеркал в дальней стене комнаты. — Только сперва немного отдохнем, — добавила она и улыбнулась Мишелю.

— Я не возражаю против нескольких минут покоя, прежде чем мы снова вернёмся в тот мир, Величество, — он покачал головой, и нечто тусклое и неясное на полу привлекло его внимание. — Похоже, кому-то на тропе пришлось ещё хуже.

Остальные проследили за его взглядом и увидели древние останки лежащего на полу скелета в тонких шелках, которые время превратило в лохмотья. Некоторые тела покоились рядом с другими, старые кости перемешались, как будто эльфы сжимали друг друга в объятиях перед смертью, пытаясь согреться. Другие лежали отдельно, свернувшись, словно дети.

— Никакого оружия, — отметил он через минуту, с любопытством наклонившись над одним из тел.

— Будь осторожен, — сказала Бриала. Она присела, тщательно вглядываясь в землю и осторожно проводя пальцами по камням, и Мишель понял, что она ищет ловушки.

Спокойно сидящий на краю саркофага Фелассан ответил Мишелю:

— Это слуги, а не стражи. Когда элувианы погрузились в сон, они оказались заперты здесь. Обрати внимание, из этой комнаты нет обычного выхода.

— Это... — Бриала, спохватившись, вернулась к осмотру пола. — ...Трагично, — закончила она спустя мгновение и воткнула нож в щель между двух камней. — Думаю, я нашла главную точку ловушки этой комнаты.

— Мне интересно, как они здесь оказались, — сказал Фелассан. — Может, элувианы не засыпали все разом? И эти несчастные убегали, надеясь попасть в комнату с выходом наружу, только чтобы закончить... Вот так.

Что-то в странном тоне эльфа было не так. Мишель быстро глянул на него. Глаза Фелассана смотрели в никуда через комнату, а пальцы выстукивали на саркофаге неровный ритм. Мишель вспомнил то чувство, когда долиийские эльфы входили в свой транс, когда они освободили его и забыли про него, когда он ушел.

— Фелассан...

— Можете представить? — спросила Бриала, её пальцы двигались, пока нож был воткнут в щель между камнями. — Застрявшие здесь, сознающие, что осуждены на смерть... Ради чего? — её голос тоже звучал неестественно. — Ради гордости и чести дворян, которые запечатали их здесь?

— Уверена, дворянам на поверхности пришлось тоже не сладко, — осторожно произнесла Селина.

— Величество, погодите, — Мишель почувствовал, как по шее побежали мурашки.

Казалось, Бриала не слышит никого из них. Её голос стал резким.

— Они играли в свои игры, пока слуги истекали кровью и умирали за них. Спрятавшиеся здесь, ждущие, что будут найдены, окруженные трупами, которые одеты лучше, чем они!

— Их последние минуты, — тихо продолжил Фелассан. — Были наполнены голодом и гневом.

Кости на полу начали двигаться, подергиваясь и подпрыгивая.

— Величество, трупы, — Мишель вышел вперёд и резко ударил Фелассана ладонью по лицу. Когда эльф заморгал и затряс головой, Мишель повернулся и ударил по щеке Бриалу.

— Вижу их, мой рыцарь, — Селина достала кинжалы. — Предложения?

В Академии в основном учили сражаться с противниками из плоти и крови, облаченными в броню, но шевалье не были бы так знамениты, если бы не были подготовлены к схватке и с необычными противниками. Мишель изучал техники борьбы с магами, принятые у храмовников, и тактику сражения с порождениями тьмы Серых Стражей.

А во время суровых испытаний в покинутых подземельях дрожащий под своей бронёй Мишель научился драться с мертвецами.

Их были десятки. Казалось, все несчастные погибшие эльфийские слуги собрались в этом зале. Они волочили ноги, древние кости скрипели и сталкивались со стуком, изодранные лохмотья расплзались. Пустые глазницы их черепов светились холодным светом.

— Хотя бы не вооружены, — сказала Селина, медленно поворачиваясь по кругу. Они были окружены.

— Нет, — Голос Бриалы срывался, но она снова была собой. — Взгляните на их руки, на зубы.

Кости вытягивались и деформировались, руки заканчивались изогнутыми грубыми когтями, а рты скалились кривыми клыками.

— Фелассан! — позвал Мишель, приготовив меч и поднимая щит. — Можешь воспользоваться магией?

Фелассан вскочил на один из саркофагов и поднял посох, но не как магический инструмент, а как простое оружие ближнего боя.

— Конечно, — ответил он. — Но это непременно ослабит Завесу, и в этой комнате появится ещё больше таких тварей.

— Тогда держись подальше.

Трупы, наконец поднявшиеся на ноги, потащились вперёд с когтями наготове. Хотя у них не осталось глоток, из клыкастых ртов всё же доносилось зловещее хищное шипение. Мишель оценил расположение врагов и союзников и пришёл в движение.

— Бриала, забирайся к нему повыше. Поливай стрелами задние ряды. Ваше Величество, прикрывайте фланг.

Не дожидаясь их реакции, Мишель поднял щит и бросился вперёд.

Воин мог заслужить уважение, расправившись с бандитами, победив другого воина в официальном поединке, и даже поймав огромное животное. Все эти противники живые, и битва с ними — это сражение с их отчаянным стремлением выжить.

Но битва с трупами и порождениями тьмы была бойней. В ней не было ни чести, ни славы, только мрачная гордость от осознания того, что в мире стало на одного монстра меньше.

Мишель отшвырнул одного мертвеца щитом, мечом разбил череп другому, врезался плечом в третьего, который попытался уклониться. Он подступил, поднял щит, чтобы отразить атаку острых, словно кинжалы, когтей, и расколочил плечо трупа.

Враги не отступали, даже когда он сразил третьего, затем четвёртого. Это было просто, так же просто, как пробежка от рассвета до заката в полной броне. Если ему хватит выдержки и силы, чтобы не дать им задавить его числом, он сотрёт их всех в порошок. Но стоит споткнуться от усталости или страха, и он погибнет.

Блок, шаг, удар, шаг. Дыхание в груди спёрло. Повсюду вокруг него шипели и рычали трупы. Когти цеплялись за края его щита. Клинок становился тяжелее, и появилось искушение позволить мертвецам навалиться на щит, чтобы потом обратить их силу против них самих.

Мишель как-то раз видел, как его приятель, тоже проходивший обучение, поддался такому искушению — подумал, что резкий толчок компенсирует его секундную передышку. Трупы разорвали ему горло мгновение спустя.

Он рывком высвободил свой щит из их хватки, отбросил трупы назад и раздробил ещё один череп всё тем же проклятым Создателем ударом. Блок, шаг, удар, шаг.

Краем глаза он видел, как Селина рубила орду кинжалами. Железо или сталь ничего не могли бы сделать с костяным врагом, но серебряные клинки Селины срезали когти трупов, оставляя следы пламени, заставляющие бледно-жёлтые кости чернеть. Пока она уничтожила лишь нескольких, но этого было достаточно для прикрытия фланга Мишеля.

Позади них черепа раскалывались, словно глиняные вазы, когда Бриала выпускала стрелу за стрелой. Как и простые действия Мишеля, это было не более чем тренировкой.

Блок, шаг, удар, шаг. Мишель споткнулся о сломанную кость руки, вернул равновесие и широко взмахнул клинком, так, что отшвырнул ближайших мертвецов назад прежде, чем они успели схватить его. Небрежно, слишком небрежно. Его старые учителя сняли бы с него шкуру за подобное. Усталость, ленивые, замедленные шаги ведут к ошибке. Длинный меч, благородный клинок из сияющего серебряного, казался тяжелее каменного молота, и на задворках разума, как и всегда во время продолжительных тренировок, появился тихий шепот.

Просто вложи больше в каждый удар, и отдыхай, пока клинок вонзается в плоть.

Отбрось щит и перехвати меч обеими руками. С двумя руками будет намного легче.

Или ещё лучше — просто беги. Беги до тех пор, пока не совершишь ошибку, которая тебя погубит. Пока не сорвёшься и не докажешь им, что ты всего лишь подделка. Обычный мальчишка из трущоб.

— Я, — прорычал он сквозь стиснутые зубы, — сэра Мишель де Шевин.

Блок, шаг, удар, шаг.

— Я — сэра Мишель де Шевин.

Расколось очередной череп. Три скелета заскрежетали когтями по его броне, и он раздробил их руки в пыль ударом щита, отпихнул их назад, а сам встал в правильную стойку, несмотря на то, что ноги у него горели и нещадно болела спина.

— Я — сэра Мишель де Шевин!

Мимо его лица просвистела стрела и воткнулась в череп трупа, и он поставил блок, сделал шаг, ударил и шагнул к следующей цели, а затем вдруг обнаружил, что огромная погребальная комната перед ним завалена раскиданными конечностями и разбитыми костями.

Он сделал судорожный глубокий вдох и, неожиданно для себя самого, расхохотался, прислонившись к саркофагу. Он не знал, сколько всего трупов поднялось и пало, но мрачный голос у него в голове ошибался. Его старые учителя могли бы им гордиться.

И тут позади раздался голос.

— Ты, без сомнения, сэра Мишель де Шевин, — сказал Великий Герцог Гаспар, — А я жду не дождусь отмщения за гибель моего барда.

* * *

Селина похолодела, когда обернулась и увидела Великого Герцога

Гаспар вышел из того же элувиана, что и они. Зеркало всё ещё мерцало и переливалось, и Селина не могла понять, был ли виной тому её рубин или Гаспар каким-то образом заключил собственную сделку с демоном.

Он стоял у стены, вместе с Лордом Ремашем и молодой женщиной в одеянии из серого атласа, которая сжимала в руке мягко светящийся белым посох. За их спинами из элувиана выходили солдаты.

Противники явно имели большое численное преимущество. Мишель, несмотря на то, что старался держаться гордо и прямо, был измотан.

Действовать нужно было немедленно. Если войдут все солдаты Гаспара, шансов не останется вовсе.

Она открыла было рот, чтобы приказать вступить в бой, но её внимание привлекло едва уловимое движение Бриалы, которая чуть заметно покачала головой

— Великий Герцог Гаспар, — спокойно произнесла Селина, — вы продолжаете меня удивлять. Хотя вы могли бы прибыть на несколько минут раньше и предложить нам свою помощь.

— С мертвецами? — ухмыльнулся Гаспар. — Я был бы обязан помочь, если бы вы попросили меня об этом. Так что хорошо, что я опоздал.

Селина отступила назад, простое предусмотрительное действие; теперь между ней и Гаспаром располагался саркофаг, а Бриала попадала в поле зрения. Эльфийка наложила стрелу на лук, подняла оружие, но тетивы не натянула. Когда Селина взглянула на неё, Бриала ударила по луку мизинцем. Не обученный искусству барда принял бы это за обычный нервный жест неопытного бойца.

Для бардов движение Бриалы означало: "Заставь их приблизиться".

Селина не знала, каковы намерения Бриалы, но этот жест, подразумевающий наличие плана, — всё, что у неё было.

— Неужели ты не проявишь благоразумие, Гаспар? Сколько жизней ты выбросил в этой нелепой борьбе за власть? Сколько ещё погибнет из-за твоего отказа продолжать Игру?

— Игра, — ответил Гаспар, — не моя. А насчет того, сколько ещё... — он пожал плечами, улыбаясь. Достаточно. Но моих людей погибнет меньше.

Он был слишком самоуверен. Необходимо выбить его из колеи.

— А если я приму твоё предложение женитьбы?

Улыбка Гаспара увяла.

— Я предлагал от чистого сердца, Селина. Ты же сейчас пытаешься вовлечь меня в одну из своих игр. Я не смогу одолеть тебя в словесных баталиях. Никогда не мог, — за ним собиралось всё больше солдат, и он шагнул ближе.

Селина бросила взгляд на Бриалу, и та просигналила "пока рано"

— Если ты такого невысокого мнения о своем красноречии, — заметила она, — то, возможно, найдешь престол Орлея не таким комфортным, как думаешь. Ты сам себя дуришь. Только грубые вояки думают, что империю можно сохранить, лишь размахивая мечом, — она перевела взгляд на человека рядом с Гаспаром. — Герцог Ремаш, видящий себя следующим Великим Герцогом, несмотря на то, что никогда не был шевалье. И... Юная леди Лиенн де Монсиммар, — догадалась она по фамильным символам на одежде девушки, — которая верит, что Гаспар защитит отступницу, когда Круг станет служить ему. Будущая элита империи, — Селина холодно улыбнулась, — съёжилась у дверей, пока императрица и её защитник сражались с мертвецами.

— Да, Селина, это называется тактикой, — вздохнул Гаспар. Селина отметила, что Ремаш был задет её колкостью, тогда как Лиенн лишь равнодушно пожала плечами. — Это то, чему меня учили шевалье, пока ты угождала Церкви и обменивалась намёками с придворными. Кстати, получилось? Помешала храмовникам и магам втянуть нашу славную империю в войну?

— Ты сделал этот вопрос несколько неактуальным, когда сам втянул нашу славную империю в войну, — Селина покачала головой и во время этого движения увидела, как Бриала чуть заметно сдвинула одну ногу. Она указывала на свой кинжал, по-прежнему воткнутый в пластину на полу, которая приводила в действие древние ловушки в комнате. Теперь Селина поняла.

— А когда ещё больше наших земель отойдет Ферелдену или Неварре, — добавила она, — ты, без сомнения, будешь клясться, что это не твоя вина, свирепствуя из-за поражения в битвах, которые тебе не стоило было начинать.

Гаспар сверкнул глазами.

— Но эту битву я выиграю, Селина, — заявил он и снова сделал шаг вперёд, пока в комнате становилось все больше прошедших сквозь зеркало солдат. — Лучники, приготовиться. Если ваша бывшая императрица пожелает принести мне клятву верности, пусть живёт, — через зеркало перешагнула последняя фигура. К удивлению Селины, это была молодая эльфийская целительница из долийского лагеря. — Зеркало?

— Закрылось за нами, — ответила эльфийка и одарила Селину неприветливым взглядом. — Но если ты получишь камень, который сейчас у неё, я смогу активировать любой элувиан, который нам нужен.

— Через минуту он будет твой. Селина? — он улыбнулся, она промолчала, тогда Гаспар, не отводя от неё глаз, сказал: — Солдаты, если она и её люди настолько глупы, что собираются драться, убейте их на месте, — затем он перевёл взгляд на Бриалу. — По крайней мере, ты будешь погребена вместе со своим народом.

— Помнишь, что ты сказал мне, когда я сидела в тюремном возке, Гаспар? — спросила Бриала, медленно спускаясь с саркофага.

Гаспар выгнул бровь.

— Что ты симпатичнее меня?

Спрыгнув, Бриала выдернула свой кинжал.

— Нет. Ты сказал, что я опасна.

Перекатившись за саркофаг, пока мимо свистели стрелы, Бриала сделала один-единственный выстрел.

Это был слабый выстрел из полунатянутого лука, который никогда бы не пробил броню или кость.

Однако его было достаточно, чтобы надавить на напольную плиту возле Гаспара.

Воздух взорвался ослепительным и оглушающим пламенем. Селину швырнуло на землю, в ушах у неё зазвенело, а пламя дугой охватило пятачок, где она стояла. Ошеломленно пытаясь восстановить дыхание, она поняла, что это не взрыв заставил её упасть. Это Мишель защищал её собственным телом. Он перекатился в сторону, спокойно поднимаясь на ноги, но Селина заметила, что его броня дымится.

Там, где стояли Гаспар и его люди, пол почернел, и большинство солдат превратились в обуглившиеся тела, новые трупы в компанию к старым. Сам Гаспар в обожженной и дымящейся, как и у Мишеля, броне был уже на ногах, лицо мрачнее тучи. Ремаш стоял на коленях в нескольких ярдах поодаль и откашливался, Лиенн лежала без движения на полу, а целительница, защищённая ореолом потрескивающей магической энергии, с любопытством смотрела на неё.

Элувиан, через который они пришли, был исчерчен паутиной сетью трещин, а поверхность его была туманно-серой и безжизненной.

— За императрицу! — вскричал Мишель и бросился на Гаспара. Гаспар поднял свой щит. Два шевалье столкнулись, загремев сталью, Мишель навалился, оттесняя Гаспара назад, пока тот неистово защищался от яростного нападения.

Видимо, время для разговоров прошло, и Селина со своей стороны была готова убивать.

Один из людей Гаспара с трудом поднимался на ноги, и Селина, не долго думая, рванулась вперед, пнула его под колено и перерезала ему горло. Другой воин, сильно обожжённый, но в сознании, вытащил свой меч, но ему в глотку вонзилась стрела, и он безмолвно рухнул.

— Как сказал сэр Мишель, за императрицу, — Бриала накладывала вторую стрелу, и Селина быстро улыбнулась ей.

Затем она повернулась к Ремашу, тот уже поднимался на ноги.

— А, Герцог Ремаш, — Селина сделала выпад, уклонилась от его неуклюжего удара и раскроила ему скулу. — Вам стоит подумать о карьере драматурга.

— Мишель.

Холодная ненависть в прозвучавшем голосе заставила Селину обернуться, и она увидела эльфийскую целительницу, поднимающую свой посох.

Вокруг девушки заплясала энергия, завихрились огни, и Селина, чувствуя подкатившую тошноту, увидела, как к близлежащим телам мертвецов потянулись усики света. От трупов донеслось шипение магии, а эльфийская целительница словно засветилась изнутри.

— Бриала, эльфийка! — Селина нырнула прочь от Ремаша и бросилась было на целительницу, но Ремаш встал между ними. Кровь заливала его щеку, он ощерился и широко замахнулся на Селину, заставив её отойти назад.

Ударив своим щитом по щиту Мишеля, Гаспар оттолкнул своего противника и занес меч сверху. С невероятной скоростью Мишель отбил атаку и ответил ударом снизу, который задел ногу Гаспара, и тот споткнулся. Гаспар успел закрыться щитом от последовавшего сверху удара мечом, но пошатнулся и вскрикнул, когда щит Мишеля врезался в его щит.

— Мишель, — снова произнесла эльфийская целительница голосом, отразившимся от стен комнаты, и на этот раз Мишель услышал её. — Надо было меня убить.

Она подняла руки вверх, словно собирала воздух в чашу.

В воздухе что-то завибрировало, и вокруг защитника Селины замерцала магия. Шевалье начал было отбиваться, когда, словно искрящийся дым, она окутала его, но попытки Мишеля были тщетны. Он попытался бороться с мощью магии, и Селина услышала ноющий скрип сминающейся брони.

Ремаш оцепенело уставился на сокрушающую Мишеля силу, словно зачарованный. Селина стрелой пронеслась мимо него.

— Бриала! — завопила она и кинулась на эльфийскую целительницу, по-прежнему окружённую мерцающим воплощением силы, которую она вытягивала из мёртвых тел в комнате.

Кинжалы Селины ударились о мерцающий барьер колдовской силы на расстоянии ладони от горла эльфийской волшебницы. Мгновением позже о тот же барьер разбилась стрела Бриалы.

Эльфийка не удостоила их и взглядом. Её глаза были устремлены только на Мишеля, который уже упал на одно колено, напрягая все силы, чтобы противостоять разрушительной мощи её магии.

— Ты убил мой народ! — прокричала она, и Мишель застонал. — Ты убил всех, кого я любила!

— О, прелестно, теперь мы демонстрируем наши тайные магические таланты, — воскликнул Фелассан, принимая вертикальное положение. Плащ эльфа еще дымился. — Можно, я буду следующим?

Его посох завибрировал от наполнившей его силы, когда эльф быстро повернулся кругом, и волна магии, от которой зарябил воздух, взрывом пронеслась через комнату.

Волна окатила Селину, и палата погрузилась во тьму.

На одно ужасающее мгновение она решила, что ослепла, но затем разглядела элувианы, мерцающие вдоль стен, за исключением того, который треснул. Она также увидела бледное сияние вокруг коленопреклоненного Мишеля — призрачный свет колеблющейся и распадающейся пустоты, словно рисунок мелом под дождём.

Селина поняла, что именно сделал Фелассан. Он рассеял всю магию вокруг себя.

Эльфийская целительница закричала, и Селина увидела, как она корчится от боли, окруженная собственными усиками магии. Всё её колдовство, защитный барьер и вся сила, которую она вытянула из ближайших трупов, шипели на её коже. Посох упал на пол, его цвет сменился на тускло-красный.

Посох Фелассана полыхнул и исторг ещё один сноп света, заливший комнату тем же мягким сиянием, как и прежде. Эльфийская целительница лежала на земле, дрожа, все остальные на мгновение остолбенели. Ремаш прижимал ладонь к окровавленному лицу. Бриала взирала на Фелассана с благоговейным ужасом, и даже Гаспар выглядел неуверенным в своих дальнейших действиях, он сделал несколько шагов назад и с поднятым щитом переводил взгляд с одного присутствующего на другого. Мишель всё ещё стоял на коленях, бледный и мокрый от пота, его броня была повреждена и помята призрачной силой, едва не выбившей из него дух.

К удивлению Селины, сам Фелассан выглядел скорее обеспокоенным, нежели ликующим.

— Рассеивание может оказать довольно неприятный эффект на того, кто окружает себя чрезмерно мощной магией, — произнес он в наступившей тишине. — Могу я попросить всех присутствующих здесь магов воздержаться от использования своих эффектных заклинаний в комнате, где Завеса так тонка? Вдруг что-нибудь решит через неё прорваться.

Словно в ответ, раздался глухой скрежет камней — это открылись крышки трех самых больших саркофагов в комнате.

Глава 15

Никогда в жизни сэр Мишель не испытывал такой боли. Ни когда он ребёнком дрался в трущобах, ни во время суровых тренировок в Академии.

Что бы ни использовал Фелассан для разрушения заклинания эльфийской девчонки, это помогло и Мишелю. Остатки магии направляли успокаивающее тепло в его конечности, облегчая горящую боль в рёбрах, которые наверняка треснули от напора. Однако момент мимолетного преимущества над Гаспаром был упущен. Мишель знал, что теперь Великий Герцог без труда одолеет его, и тем не менее он приложил все усилия, чтобы подняться на ноги, и сейчас пытался унять дрожь в коленях.

Но Гаспар не атаковал. Он вообще не смотрел на Мишеля. Вместо этого он устоял в дальнюю часть комнаты с поднятыми в стойке гарпунщика щитом и мечом. Это была оборонительная позиция, используемая для восстановления сил, и многие шевалье потешались, когда кто-то избирал её в качестве защитной в противостоянии с явно превосходящим противником. Моргнув, Мишель проследил за пристальным взглядом Гаспара и увидел причину.

Три громадных саркофага были открыты, и из них поднимались мертвецы. Но, в отличие от простых когтистых ужасов, которых Мишель рубил десятками несколько минут назад, эти создания явно не входили в программу его тренировок.

Двое из них были простыми скелетами, но, когда они встали, вокруг них закружилась магическая мерцание, и вскоре они оказались одеты в усеянную шипами, массивную и страшно неудобную на вид броню. Каждый из них сжимал двуручный меч длиной в рост Мишеля, а в пустых глазницах под шипастыми шлемами горело холодное пламя. Мишелю доводилось слышать легенды о таких созданиях: воители, восставшие из мёртвых, убивающие любое живое существо, какое смогут найти.

Для третьей фигуры Мишель не мог подобрать подходящего слова. Существо поднялось в воздух, и его золотистым вихрем окутал мощный поток магии, превратившийся в роскошное алое с золотом одеяние. По когтистым костяным пальцам пробежали искорки магии, его единственного оружия. На голове существа

образовался золотой венец, а лицо обтянулось серой кожей, напоминая деформированную маску со злобно горящими угольками глаз.

— Ан эра'харел, — прошипел Фелассан, и Мишель с удивлением услышал в голосе эльфа неприкрытую ярость и страх. — Это не что иное, как демон-чародей. Только на деле ещё хуже, чем это звучит.

Мишель оглянулся на остальных. Бриала и Селина были на ногах, как и Ремаш. Фелассан выглядел истощенным от использованного им заклинания. Маги Гаспара выглядели ещё хуже. Эльфийская целительница, содрогаясь, все ещё лежала на земле, а молодая аристократка была без сознания.

Среди солдат Гаспара выживших не было. Все они либо погибли при взрыве, либо ещё хуже — навечно сгнули на той Создателем проклятой тропе между зеркалами, когда раскололся элувиан.

— Гаспар! — резко окликнула его Селина. — По-моему, у нас появилась общая цель.

Великий Герцог оглянулся на неё, потом снова перевел взгляд на ужасы, восстающие из гробниц.

— Согласен, — он посмотрел на Мишеля, и его губы сложились в тонкую усмешку. — Давай, брат. Покажем этим тварям, как они ошиблись, решившись выйти против орлесианских шевалье.

Гаспар должен был понимать, что Мишель едва держится на ногах. Была ли это попытка воодушевления или оскорбление, но её оказалось достаточно, чтобы Мишель выпрямился. Он покрепче ухватил свой щит, поднял меч в стойке гарпунщика и мрачно кивнул Гаспару.

— Согласен.

Мишель неуклюже двинулся вперёд, морщась при каждом шаге от боли из-за впивающейся в плечи и бока помятой брони. Гаспар шел наравне с ним — Великий Герцог не стал бросаться вперед, ведь только идиот будет кидаться на неизвестных могущественных созданий, но ускорился, чтобы вложить в свой первый удар вес брони.

— Сначала убейте демона-чародея! — закричал позади Фелассан. — Дален, прикрой!

Стрела молнией пробилась броню мертвеца справа, а в левого впечатался валун. Со свистом выпустив воздух из лёгких, Мишель пробежал мимо них к мертвецу-магу, которого Фелассан окрестил эра'харелом.

Он почти добрался до твари, когда та подняла руку. Обрушившаяся сверху энергия заставила Мишеля упасть на колени. Комната закружилась, и только благодаря многолетним тренировкам он удержал меч в одеревеневших пальцах.

Было бы так просто позволить всему закончиться. Он перебил полную комнату мертвецов. Никто не обвинил бы его в неисполнении своего долга. Даже у шевалье есть пределы, а восставший из мёртвых труп древнего эльфийского мага был более чем достойным противником. Словно издалека до него донеслись рёв пламени и сухой треск молний высвобожденной силы Фелассана.

Потом земля под Мишелем снова зашаталась, и с рывком, от которого всё его нутро свернулось, он вдруг оказался не перед восставшим магом, а перед одним из мёртвых воинов. Тот держал свой меч свободно, словно десяток впившихся в нагрудник и наручи стрел несколько его не беспокоили.

Мишель едва успел вовремя подставить щит под первый обрушившийся на него удар. Ни один смертный человек не смог бы атаковать с такой скоростью, и сила удара чуть не выбила щит из рук Мишеля. Он отступил, но клинок вернулся с невероятной скоростью, сокрушил защиту Мишеля и ударом развернул его назад.

Мишель тяжело ударился о саркофаг, и сотрясения от этого удара было достаточно, чтобы разогнать туман в его голове. Он пришёл в себя как раз вовремя, чтобы увидеть опускающийся на него громадный клинок. Оглушенный и упирающийся в камень спиной Мишель был беззащитен.

Щит Гаспара принял удар.

Сам же Великий Герцог был низвергнут на колени силой удара, что он принял на себя. Мишель запоздало осознал, что он остановил удар, который, несомненно, оказался бы для Мишеля смертельным. Даже восставший из мёртвых казался застигнутым врасплох, на мгновение он отступил.

Гаспар мог здесь погибнуть, понял Мишель, и если бы это случилось, то он погиб бы, защищая другого шевалье, который был слишком напуган и слаб, чтобы сражаться самому.

Сэр Мишель де Шевин, рыцарь-защитник Императрицы Орлея Селины, не позволит этому стать его наследием.

С рёвом Мишель вскочил и рубанул восставшего по предплечью, пробивая магические доспехи и древнюю кость чуть ниже локтя. Однако рука, вместо того, чтобы упасть, просто повисла, и Мишель увидел, как из отрубленной конечности выползают усики магии, притягивая конечность обратно. Рыча, Мишель всадил в рану край щита, разрушая магическую связь. Мертвец яростно зашипел, а Мишель наклонился вперёд и изо всех сил ударил в лицо твари рукоятью своего меча.

Скелет захрипел, размахивая рукой в попытке освободиться от щита Мишеля и использовать свой устрашающий меч, затем поднял другую облаченную в защитную перчатку руку, и его пальцы обратились в когти.

С диким хохотом Гаспар отрубил вторую руку восставшего возле запястья. Великий герцог встретил взгляд Мишеля и слегка кивнул. Затем двое мужчин высвободились от восставшего, одновременно развернулись и с силой ударили по древнему воину с обеих сторон.

Удар Мишеля рассек торс. Удар Гаспара разорвал плечо. Чудовищная тварь завалилась на спину и, словно кровь, из неё потекли сгустки магии. Возле уха Мишеля просвистела стрела, вонзилась твари под шлем и вышла, разорвав заднюю часть черепа.

Древний скелет, изломанный и разбитый, упал наземь голым и безоружным.

Мишель выпрямился, зная, что боевая ярость, удерживавшая его на ногах, может исчезнуть в любой момент. Второй восставший мертвец стоял над поверженным телом герцога Ремаша, но, замороженный льдом, от которого, трескаясь, шипела и скрипела даже призрачная броня, был близок к тому, чтобы рухнуть. В его нагрудник вонзилась стрела, а потом через комнату пронёсся ревущий сгусток пламени и, когда дым рассеялся, не было больше ни доспехов, ни меча - остался лишь обугленный скелет, который упал на землю и рассыпался в прах.

Демон-маг выплыл вперед с воздетыми руками, между которыми потрескивала энергия.

Мишель бросился на него, остервенело размахивая мечом в попытке сорвать готовящееся заклинание, но тут из тени саркофага выступила Селина и всадила свои кинжалы глубоко в спину создания.

Оно содрогнулось, прерывая уже готовое сорваться ужасающее заклинание. Этого мгновения Мишелю было достаточно.

Он ударил быстро и чётко, разрубая твари шею. Почти в тот же момент появился Великий Герцог Гаспар, развалив мага-мертвеца от плеча до промежности.

Мерзкий демон, овладевший трупом, сгинул, поверженный, и ещё один древний скелет повалился на землю.

Селина, Гаспар и Мишель стояли над тварью, которая едва не прикончила их. Сейчас она выглядела жалко - голый скелет в обрывках тряпья, когда-то бывших мантией. Многие его кости были жестоко изломаны, и было сложно определить точно, но скелет выглядел небольшим. Мишель гадал, достал бы при жизни эльфийский маг ему хотя бы до плеча.

Он вознёс краткую молитву Создателю. Каким бы языческим божкам ни поклонялся этот маг при жизни, он всё же заслуживал большего, чем превратиться в захваченный демоном мешок костей.

Потом он посмотрел на Селину. Она тоже разглядывала скелет, но с расчётливым вниманием, а значит, она напряженно размышляла. Она перехватила поудобнее кинжалы, продолжая смотреть на скелет, а не на Гаспара, даже когда тот издал довольный смешок, в обычной ситуации привлёкший бы её внимание.

Она не хотела спугнуть его.

Мишель видел, о чём она думает. Видел, как она слегка перенесла вес, чтобы её клинок легко прошёлся по глотке Гаспара, положив конец войне и возвращая ей престол ценой лишь одного нарушенного перемирия.

Никто бы не узнал, кроме Мишеля. Ему даже не придется атаковать, нужно лишь молча постоять в сторонке, когда Селина застанет Гаспара врасплох. Мишель может и не одобрять этого, но ведь Селина не шевалье, она не ограничена кодексом чести, в отличие от Мишеля с Гаспаром.

Однако Мишель — шевалье.

— Гаспар, — сказал Мишель, отступая назад и опуская клинок. — Наше перемирие закончено или ты желаешь продолжить переговоры?

Он притворился, что не увидел разочарования, промелькнувшего в глазах Селины.

* * *

Бриала наблюдала за сценой с верхушки саркофага, стоя рядом с Фелассаном. Её лук был поднят, в свободной руке приготовлена стрела, готовая ко всему, что бы ни случилось дальше.

Как оказалось, дальше случился разговор.

Бриала опустила лук, скривившись от человеческой глупости.

— Кровь Создателя. Она же могла прикончить его прямо здесь и сейчас.

— Люди, — пожал плечами Фелассан.

Бриала смотрела на беседующих людей. Вся поза Гаспара кричала о чести и достоинстве, будто благородство на поле боя могло как-то оправдать предательство и попытку узурпировать трон. Селина немного сменила стойку — один лишь крошечный шаг, и она стала казаться чуть меньше, чуть смиреннее. Прежде чем стать императрицей, Селина использовала этот ход, чтобы заставлять мальчишек делать ради неё всякие глупости. Полумёртвый Мишель держался на ногах одной только силой воли.

— Могло и не получиться, — сказала она. Большинство её стрел было использовано в битве, и собрать сколько-нибудь с поля боя не было возможности.

— Согласен, — Фелассан спрыгнул вниз, Бриала последовала за ним. — Это была только первая опасность. Будут ещё. Что ни говори о людях, но им хватает ума, чтобы сжигать своих мертвецов.

Бриала согласно кивнула.

— Так значит, вместо того, чтобы перебить друга друга здесь, а потом погибнуть от рук неизвестно каких стражей элувианов, мы объединимся с Гаспаром, доберемся до центральной комнаты, и там решим свои вопросы?

— Звучит разумно.

— Да, — Бриала снова посмотрела на людей. Селина слишком долго прожила в маске. По её еле заметной улыбке было понятно, что она получит то, чего хочет. — Но это не та причина, по которой они так поступают.

— Может и нет, — Фелассан оглядел союзников Гаспара. — Скажи мне, что ты видишь в Мирис.

Бриала моргнула от резкой смены темы, но всё же посмотрела на Первую клана Вирнен. Та оправилась от магической атаки Фелассана, хотя и стояла пока на коленях, в десяти ярдах поодаль, рядом с бессознательной человеческой волшебницей. Её посох лежал на земле неподалеку.

— Её посох светится красным, хотя до этого был белым, — она прищурилась. — Посох тот же самый. Это нормально?

— Нет. Хотя, полагаю, она могла стащить какую-нибудь магическую безделушку из своего погибшего клана, — Фелассан задумчиво пожевал нижнюю губу. — Это объясняет, почему ученица Телена вдруг начала бросаться столь впечатляющими заклятиями.

С которыми, заметила про себя Бриала, Фелассан не так уж хорошо справился.

— До сих пор я видела только, как ты контролируешь стихии. Я понятия не имела, что ты такое умеешь.

— Серьёзно? — поднял голову Фелассан. — Просто мы не так часто встречались с магами, пока были вместе. Это заклинание только для таких целей и годится, — Фелассан покачал головой, улыбаясь, но его мысли были далеко. — Когда живёшь так долго, у тебя есть время изучить заклятия, которые могут пригодиться лишь раз или два. Большинство людей довольствуются тем, что умеют швыряться огнём или молниями.

Бриала готова была ответить, когда Мирис покашляла и подняла на них взгляд.

— Мишель, — произнесла она.

Селина и Гаспар были в дальнем конце комнаты. Значит, разобраться с этим предстояло ей.

С дюжины ярдов Бриала попала бы магичке в глаз в девяти случаях из десяти, но та была среди саркофагов. Один пережат — и Мирис будет в укрытии, успеет сплести заклятие, которое погубит их всех.

Бриала подняла лук, наложила стрелу и приготовилась.

— Селина и Гаспар заключили временное перемирие, Мирис. Дотронься до посоха, и я буду считать, что ты его нарушила.

Мирис свирепо взглянула на неё.

— Я и не ждала, что ты поймешь, плоскоухая. Мой клан мёртв из-за Мишеля.

— Конечно, — сказала Бриала, не опуская лук. — Что может знать плоскоухая городская эльфийка о шевалье, которые убивают тех, кого она любит?

— Как это Мишель убил твой клан? — спросил Фелассан. — Шторм и молнии были мои. Не то, чтобы я хотел, чтобы твоя месть обязательно была направлена на меня...

— Имшаэль, — сплюнула Мирис имя. — Мишель освободил Имшаэля, а потом Имшаэль уничтожил мой клан.

— Твой клан заточил древнего демона, — заметил Фелассан. — Тебе бы нацелиться на Телена за то, что он такой идиот.

Мирис горько улыбнулась и продолжила, словно Фелассан ничего не говорил:

— Я живу только потому, что Имшаэль посчитал забавным то, что Мишель решил не убивать меня... И потому, что ему понравилось моё решение убить Мишеля в отместку.

Она взглянула на Мишеля, и её пальцы дернулись к посоху.

— Можешь попытаться, — сказала Бриала, — но мне нужен Мишель. Ты получишь стрелу в сердце прежде, чем успеешь дотянуться до посоха.

Фелассан с интересом смотрел на Мирис.

— Хотя у тебя всё же есть шанс. Можешь надеяться пережить выстрел Бриалы, может быть, получится использовать магию духа, чтобы вытянуть ещё чуточку энергии из этих трупов и исцелить себя. Учитывая продемонстрированную силу, ты, пожалуй, сможешь протянуть достаточно долго и увидеть смерть Мишеля до того, как я убью тебя.

Бриала мельком взглянула на Фелассана.

— У тебя есть какая-то особенная причина, по которой ты её подбадриваешь?

— Есть, — после учтвого жеста Фелассан приготовил свой посох, — Мирис?

Они взирали на него с абсолютной ненавистью, её взгляд метался между посохом, Мишелем, Бриалой и готовой сорваться в полёт стрелой.

— Бриала, Фелассан, стоять! — крикнула Селина с другого конца комнаты.

— Мирис, — добавил Гаспар, — я заключил перемирие. Мы отправимся с ними и встанем как союзники против всего, что этот проклятый Создателем склеп бросит на нас.

— Когда доберемся до центральной палаты, решим наш спор в честной схватке, — сказала Селина. — Победитель получит контроль над элувианами.

— Ты сказал, я смогу убить его, — Мирис указала на Мишеля.

— Ну а теперь я говорю тебе обождать! — рявкнул Гаспар. — Или, клянусь честью шевалье, я отрежу тебе голову и свалю тело к тому, что осталось от твоего клана.

Мирис сжала и вновь разомкнула челюсти.

— Мне не следовало доверять тебе, — она медленно и осторожно подобрала посох и закрепила его за спиной специальным ремнём. — Вы, шемлены, нарушаете любые сделки кроме тех, которые заключаете друг с другом.

— Умница, — сказал Гаспар. — А теперь, будь добра, позаботься о Лиенн и Ремаше.

Бриала переглянулась с Фелассаном, тот пожал плечами. Это было перемирие, как она и ожидала. И в этом был смысл, как справедливо заметил Фелассан.

Но Бриала не была полностью несогласна с Мирис.

* * *

Путешествуя между мирами, Селина совсем потеряла счёт времени.

Темп казался изнурительным, по крайней мере, для людей. Фелассан, Бриала и Мирис всегда каким-то образом оказывались впереди, хотя шли не быстрее Селины или Мишеля, и им приходилось ждать в руинах, лежащих на дальнем конце элувиана, пока подойдёт Селина с рубином, указывающим им путь, и пробудит элувиан, который ведёт к следующему проходу.

Ремаш был ранен в бою с мертвыми воителями и всё ещё страдал от боли несмотря на то, что Лиенн сделала всё, что могла. Сама Лиенн ещё не окончательно оправилась после взрыва, лишившего её сознания. Кроме того, казалось, она совершенно не привыкла к физическим нагрузкам. Тем не менее, они оба изо всех сил старались держаться вместе с остальными, волками посмотрев на Селину, когда та предложила сбавить скорость.

Всякий раз, когда они добирались до очередного элувиана и входили в древнюю гробницу на несколько часов драгоценного отдыха и восстановления сил после утомительного пути, Ремаш с Лиенн уединялись и перешёптывались друг с другом, бросая одинаково ненавидящие взгляды на Селину и Гаспара. В случае Ремаша, ненавидящий взгляд вполне мог быть обусловлен любезностью кинжала Селины — свежим тонким шрамом, украшавшим его лицо.

Селина догадывалась, что ни один из них не сдастся на её милость, если Гаспар проиграет Мишель дуэль. Либо Селина, либо они дневной свет больше не увидят.

Было так легко иметь простых врагов. С ними не нужно было притворства, не нужно было беспокоиться об их чувствах или пытаться угадать их мотивы. Она убьёт их раньше, чем они её, вот и всё.

Тем временем Гаспар шагал по потусторонним тропам с военной четкостью и вел учтивую беседу по пути.

— Просто потрясающе, что сделали эти эльфы, — отметил он, указывая на ослепляющие огни троп. — Правда, глазам больно. Интересно, как эльфы справляются с этим.

— Эльфы видят иначе, — не то чтобы Селине хотелось болтать с ним, но он усиленно старался быть вежливым в честь их союза. Кроме того, всегда был шанс, что он сболтнёт что-нибудь в непринуждённой беседе.

А ещё сболтнуть что-нибудь могла и она, но Селина была готова пойти на риск. Как признавал сам Гаспар, он никогда не мог побить её в словесной баталии.

— Есть идеи, почему? — спросил Гаспар. — Большие глаза? Или какое-то заклинание?

— Скорее всего, последнее, — пожала плечами Селина. — Поразительно. Твоя магесса сказала, что мы движемся быстрее, чем кажется. Только подумай. Быстрее, чем если бы мы ехали верхом, и на поверхности никто об этом не знает. О, что мог бы сотворить с этим военный ум. Хотя спать здесь было бы ужасно.

Гаспар усмехнулся.

— Сэр Мишель, куда бы ты отправил свои силы?

Мишель настороженно посмотрел на Селину, и та кивнула.

— Сперва в Вал Руайо, вероятно, как и вы, милорд.

Гаспар вскинул бровь.

— Ну, для меня-то это логично. Это был бы превосходный удар в самое сердце власти Селины. Но с твоей-то стороны не слишком ли осторожно?

— Я присягнувший защитник императрицы, милорд, — вежливо ответил Мишель, — и настоящая мощь элувианов — в передвижении быстрее лошади или корабля. Мы могли бы поначалу занять оборонительную позицию, хотя это нужно было бы сделать быстро, развеять любые слухи и собрать достаточно сил для атак на ваши крепости.

— А, я понял, — сказал Гаспар и повернулся к Селине. — Ты выбрала себе отличного рыцаря.

Селина улыбнулась.

— Ты также должен помнить, что это мои силы, хотя я и согласна с выкладкой моего защитника. Хочешь узнать, куда ещё я отправила бы войска?

Бледный и обливающийся потом герцог Ремаш фыркнул:

— Как будто ты нам честно скажешь. Дурацкая игра.

— Едва ли, Ремаш, — возразила Селина, изящно бросив на него косой взгляд, который при дворе означал бы его полное поражение. — Эта беседа — наиболее приятный способ отвлечь разум от неблагоприятных условий проходов. И, кроме того, когда мы доберёмся до центральной комнаты и ключ-камня, мы уладим наше дело. Кто бы ни проиграл — он не выживет. Я ничего не теряю, раскрывая ему свои планы, и мысль эта произрастает не из благородных традиций шевалье. Для этого достаточно даже крупницы моего опыта, который я приобрела за двадцать лет правления крупнейшей империей в известном нам мире.

Гаспар расплылся в широкой ухмылке.

— Отлично сказано, кузина. Итак, куда же ты ударишь? Наверное, по моему дому в Вершиэле?

Селина отрицательно покачала головой.

— Лид.

Ремаш негодуяще забормотал, а Гаспар откинул голову и расхохотался.

— Дыхание Создателя, Селина, я и забыл уже, насколько хорошо ты играешь в Игру.

— Тебе будет нечего терять, если разрушить Вершиэль...

— Да, да, теперь я понимаю. Поэтому ты разрушишь дома Ремаша и других лордов, принявших мою сторону. Запугаешь их, покажешь, что случится с теми, кто пойдет против трона, — Гаспар кивнул. — И вместо храброго героя, ищущего расплаты за разрушение родного дома, я превращусь в угрозу для любого лорда, решившего присоединиться ко мне. С таким же успехом я мог бы разгуливать с чумой.

— Я рад, что вы способны оценить всю мудрость плана Селины по уничтожению Лида, — холодно заметил Ремаш. — Крайне прискорбно, что я не могу так же здравомысляще и с уважением отнестись к уничтожению моего города.

— Признай, это хороший план, — упрекнул его Гаспар, — кроме того, Ремаш, я не собираюсь проигрывать.

— И всё равно, — добавила Селина, — это не полное использование всего потенциала элувианов. Взгляните на них, — Она указала вперед, где виднелись в искаженном фиолетовом сиянии отдаленные силуэты эльфов. Как бы она ни старалась не терять их из виду, огни заставили её отвести взгляд, и когда она снова посмотрела туда, эльфы уже исчезли, — они движутся ещё быстрее нас.

Теперь Гаспар нахмурился.

— Армия эльфов, Селина?

— Как минимум, какая-то сила, — сказала Селина, — разведчики, стрелки, способные оказаться в любом месте империи быстро и незаметно, — она улыбнулась в ответ на изумлённый взгляд Гаспара. — Считаю эту идею моим подарком, на случай, если ты выживешь, чтобы использовать её.

— Величество, — сказал Мишель, — неразумно доверять эльфам такую силу. Может быть, одного или двух, в качестве проводников для крупных сил людей, но если они объединятся, соберутся вместе, то у них появятся собственные идеи.

— Они уже объединились, мой рыцарь, — хмуро ответила Селина. — И у них не было недостатка идей в Халамширале.

Гаспар фыркнул.

— Селина, прошу. Не зря же мы не выдаем им серебряных доспехов и боевых коней, запирая их в трущобах. Это? — он взгляделся в ослепительно сияющие на пути руны. — Этого достаточно, чтобы искусить кого угодно. А ты, кузина, очень уж много думаешь об эльфах.

— Посмотрим, — произнесла с улыбкой Селина.

Гаспар не вернул ей улыбку.

— Тебе пришлось спалить здоровый кусок Халамширала, и ты всё ещё думаешь, что они заслуживают доверия. Тот долийский клан спелся с демонами, чтобы получить доступ к зеркалам. Селина, эльфы никогда не будут счастливы. Ни в наших лесах, ни в наших тущобах... — он одарил её мрачным взглядом, — ...ни в наших постелях. Не будут, покуда Орлей остается империей людей.

Селина открыла было рот, готовая оспорить его слова. Эльфы заслуживали шанса доказать, что им можно доверять, и она знала, что они будут благодарны, если она даст им этот шанс. Древний Тевинтер выстроил империю на спинах рабов, и история показала, что труд из-под неволи и по принуждению не смог создать того величия, какого смогут достичь горожане, радеющие за своё дело. Эльфы, служащие Селине с любовью, энтузиазмом и преданностью ей и всему, что она представляет, дадут Орлею мощь, которая потребуется, чтобы пережить надвигающуюся бурю.

Но, в конце концов, спорить было бесполезно — если Селина победит, Гаспар умрет, а если проиграет — умрет сама. Каким бы ни был исход битвы, вряд ли она сможет убедить Гаспара, погрязшего в своём заблуждении.

Она вздохнула, погрузилась в молчание и поспешила нагнать ушедших вперёд эльфов.

* * *

Для Бриалы несколько последующих дней прошли в сиянии магии.

Когда они не спали, они шли по тропам. Бриала, Фелассан и Мирис оставались впереди. Как бы ни старались они не уходить вперед, эльфы каждый раз обнаруживали, что люди остались позади.

Когда тропа оканчивалась у очередного элувиана, они обследовали полуразрушенные руины по другую сторону, чтобы убедиться, что они одни. Потом принимали скудную пищу из запасов Гаспара и того немногого, что прихватил у долийцев Фелассан, и затем наконец наступало время отдыха.

А потом Бриала снова была с Селиной. Пусть времени им хватало лишь на недолгие объятия, они падали в руки друг друга, и во сне Бриала грезилась об огромных шпилях, достающих до небес, об эльфийских городах, построенных при помощи магии, где эльфы смеются, торгуют, дерутся и любят. Когда Фелассан расталкивал её по утрам, она просыпалась с разумом чистым и полным сил, тогда как Селина рядом с ней выглядела заторможенной и морщилась, как будто слишком много выпила прошлым вечером.

Мирис посмеивалась, видя, как шемлены, что на эльфийском означало "быстрые", двигаются так медленно. Бриала, прекрасно знающая, что значит потерять всю семью, позволила долийке наслаждаться своей горькой шуткой.

Теперь, когда она привыкла к согревающей красоте троп, было легко игнорировать Мирис и слушать едва уловимую мелодию, взывавшую к ней на каждом шагу. Словно она наконец оказалась именно там, где должна быть. Свет, звук, даже серая тусклость, присущая этому маленькому миру на тропе между элувианами, — всё это дарило ей ощущение дома, которого никогда не было в родовом поместье Селины. Шагая по сияющим дорогам, Бриала позволила этому чувству погрузить её в приятную медитацию.

Даже соединяющие элувианы комнаты были по-своему изумительны, хотя ни одна из них не могла сравниться размером с той, где они сражались с восставшими мертвецами. Они проходили через заставленные урнами и массивными саркофагами палаты, и даже миновали громадные опочивальни, где покоились те эльфы, что не умерли, но погрузились в вечный сон утенары.

Когда они подошли к первой из таких комнат, Фелассан остановился и посмотрел на древнее тело, полулежавшее под атласными покрывалами. По мнению Бриалы, оно ничем не отличалось от тех, с которыми они сражались в тот первый жуткий день, но лицо Фелассана исказило горе.

— Излишне, — тихо произнес он, и заинтересованная Бриала очнулась от своих мечтаний и посмотрела на тело.

Оно покоилось на чистой белой ткани, тщательно укрытое по грудь, открытыми оставались только голова и плечи. Умерший не просыпался перед смертью, не боролся. Иссохшая кожа туго обтягивала кости, ничто не очистило их от плоти.

Но на горле Бриала заметила один тонкий разрез и ещё следы старых брызг крови на подушке.

— Из сострадания? — спросила Бриала. — Быстрая смерть, чтобы он не умирал от голода вместе со слугами?

Мирис насмешливо усмехнулась.

— Глупая плоскоухая. Те, кто обретает мир в утенаре, не нуждаются в смертной подпитке. Они могут спать вечно и никогда не страдать от голода.

— Почти, дален, — сказал Фелассан, — большинство вошедших в утенару способны прожить на простом снадобье. Вода с мёдом и травами сохраняет тело живым. Служители должны были оросить снадобьем губы сновидца при полной луне, а затем обонять аромат обнажённого запястья сновидца в новолуние. Если ощущался аромат трав, это значило, что тело впитало концентрат, и служители будут продолжать питать сновидца. Если же запястье было лишено аромата, это означало, что сновидец научился вытягивать жизненные силы из самой Тени, и снадобье более никогда не потребуется. Такие истинные сновидцы помещались на ложе, застеленное чистейшим белоснежным бельем, отмечающим достижение сновидческого совершенства, — он улыбнулся и покачал головой. — По крайней мере, так говорится в древних песнях.

Бриала взглянула на белоснежное атласное покрывало.

— Значит, месть.

— Какое расточительство, — сетовал Фелассан. — Он мог бы нам помочь.

— Как? — спросила Бриала. — Их империя пала. Ты говорил, что вошедшие в утенару могут навещать спящих. Что они могут сказать, кроме как пожелать нам удачи в эльфаинажах?

— Ничего ты не знаешь, — сказала Мирис. — Древние могут наблюдать из Тени за всем миром. Они могут поведать нам, где наши враги, и какова их численность. Там, где Завеса тонка, они могут послать духов нам на помощь.

— Они могли убивать своих врагов во сне! — лицо Фелассана засветилось восхищением. — Они могли исполнять желания сновидцев, чистых душой! А ещё они могут лежать тут и ничего не делать, кроме вдохновения излишне романтических долийских сказочников, — он усмехнулся.

— Мы никогда не узнаем, что они могли бы для нас сделать, — Мирис плюнула на пол. — Потому что какой-то идиот больше заботился о возмездии, нежели о благе для народа.

Бриала обернулась.

— Я уверена, ты выше этого, Мирис.

В ответ на яростное, искажившее татуировки на её лице, выражение Мирис, Бриала улыбнулась.

— Знаю, ты винишь сэра Мишеля за гибель своего клана, но Императрица Селина — надежда на лучшее для эльфов, и я верю, что ты удержишь поднятую на её защитника руку.

Мирис сжала кулаки, и Бриале на мгновение почудилось, что в глазах у эльфийки сверкнуло пламя.

— Ты — мусор из сточной канавы, плоскоухая.

— А ты никогда даже не видела канав, в которых мы боремся за выживание, — спокойно ответила Бриала. — Твой клан мог помочь городским эльфам, сбившимся с пути, как сказал твой Хранитель. Вместо этого, вы кружите вокруг в аравелях и рыщете в поисках подарочков, оставленных нашими предками. Призываете демонов и обрекаете сами себя на погибель.

Мирис зарычала и, ничего не ответив, ушла в дальний конец комнаты.

— Довольно жёстко, дален, — заметил Фелассан, глядя вслед Первой.

— Как и она, — Бриала вздохнула. — Сколько раз я передавала тебе информацию, думая, что я вместе с ними? А они всё это время заботились только о себе, — она тряхнула головой. — По крайней мере, Гаспар честен насчет этого.

— А Селина — разве не заботится только о себе?

— Она заботится о... — Бриала снова посмотрела на тело в постели. — Она заботится обо мне. И она поможет эльфам, чтобы сделать меня счастливой.

Фелассан улыбнулся.

— Гаспар не единственный, кто был честен.

— Селина не знала в своей жизни ничего, кроме власти и роскоши. Очевидно, что самостоятельно ей не понять нуждающихся, — объяснила Бриала, глядя на элувиан, сквозь который они прошли. Люди всё ещё не подтянулись.

— Знаешь, есть одна старинная история о Фен'Хареле.

— Я поражена, хагрэн.

— Обижает, — улыбнулся он. — Так вот, в этой истории Фен'Харел был пойман богиней-охотницей Андруил. Он разгневал её охотой на галлу без благословения, и она привязала его к дереву и провозгласила, что он обязан прислуживать в её постели один год и один день, чтобы выплатить свой долг. Но когда она поставила лагерь той ночью, темный бог Анарис нашёл их и поклялся убить Фен'Харела за его преступления против Забытых. Андруил и Анарис решили сразиться за право судить Фен'Харела.

— И что случилось? — спросила Бриала.

— А как ты думаешь, — с улыбкой ответил Фелассан. — Ты узнала множество моих историй за эти годы.

Бриала задумалась.

— Фен'Харел нашёл способ обдурить обоих и сбежал.

— Он позвал Анарису во время битвы и сообщил ему о прорехе в броне Андруил прямо над бедром, — сказал, кивнув, Фелассан. — Анарис нанёс Андруил удар в это место, и она пала. Затем Фен'Харел сказал Анарису, что тот задолжал Ужасному Волку за победу и теперь обязан дать ему свободу. Анарис был настолько оскорблён дерзостью Фен'Харела, что развернулся и принялся выкрикивать пленнику обвинения. И не увидел, как позади него поднялась Андруил, раненая, но живая, и выстрелила в него из своего огромного лука, — он снова улыбнулся и посмотрел на Бриалу. — Анарис пал с золотой стрелой в спине, тяжело раненый, и пока оба бога задремали, исцеляя свои раны, Фен'Харел перегрыз свои путы и сбежал. Ты слышала достаточно моих сказаний, дален, — он не сводил с неё спокойного, но пронзительного взгляда. — Быть может, настало время написать своё собственное.

— Я же не бог, — Бриала чувствовала себя глупо, сказав это, а смешок Фелассана заставил её покраснеть.

— Это решать сказаниям, — он прервался, когда Селина, Гаспар и остальные люди наконец переступили через элувиан со страдальческими и измотанными выражениями лиц. — А пока иди к своей императрице.

* * *

К тому времени, когда Фелассан предложил всем отдохнуть, голова Селины уже раскалывалась, из чего она заключила, что наступил вечер. Комната, в которой они остановились, представляла собой небольшой круглый зал с расположенными по кругу соломенными тюфяками. В центре комнаты в большой металлической чаше весело потрескивало пламя, хотя топлива Селина не видела.

— Я нашла провиант в сундуке у стены, — сообщила Бриала. Селина обернулась и увидела, как она поджаривает над огнём что-то, похожее на кусок свежего хлеба. — Фелассан сказал, что это можно есть, мол, сохранилось при помощи какой-то магии.

— Приму в качестве дополнительного походного пайка, — Гаспар свалил на пол своё снаряжение и принялся отстёгивать броню. Она всё ещё была покрыта царапинами и вмятинами от последней схватки.

— Чем раньше была эта комната? — спросила Селина, устраиваясь у огня. Ей не было холодно, но настоящий свет пламени, несмотря на магическое происхождение, был благословением для её глаз после долгого блуждания при свете ослепляющих огней троп или потустороннего сияния посохов магов. — И готовить над этим огнём... Мы не нарушаем какие-нибудь традиции древних эльфов?

— Ничего важного, — весело ответил Фелассан.

— В этой палате Сомниари проводили великие ритуалы, — сообщила Мирис, сердито глядя на Бриалу с Фелассаном. — Священные травы бросали в вечное пламя, и дым от них проводил эльфийских сновидцев в Тень.

— Очаровательная история, Мирис, — улыбнулся Фелассан. — Это также могло быть местом, где они готовили. Или также возможно, это место для сновидцев, которые хотели спать в защищенном месте и не доверяли слугам, которые могли убить их прямо в постелях.

— Предусмотрительно, — заметил Гаспар, с кряхтением стаскивая с себя нагрудник.

Селина вспомнила о своём волшебном чайнике. Она всегда считала его обычным предметом роскоши, привилегией её положения. После прогулки от склепа к склепу и такого количества древнейших эльфийских загадок Селина могла понять крестьян, которых пугала подобная безделушка. Она и сама не будет больше так легко относиться к магии, когда вернётся на престол.

И всё же она протянула пальцы к огню, наслаждаясь теплом.

Бриала присоединилась к ней.

— О чём задумалась?

Селина подвинулась и прижалась к Бриале. От обеих исходил запах доспехов, видевших слишком много битв, пота, крови, дыма от костра, промокшей под дождем одежды. Ей бы никогда не пришло в голову, что даже так она сочтет Бриалу красивой, однако после долгого дня, проведённого в пути, она была готова просто лечь с ней в обнимку и позабыть обо всём.

— Я думаю об этом диковинном месте, — сказала она. — Хоть я и не вижу его так, как ты, но всё равно, здесь столько возможностей, — улыбаясь, она взглянула на Бриалу. — Конечно, после того, как мы вернем Орлей.

— Конечно, — вмешался Герцог Ремаш, сверля взглядом их обеих. Он тоже возился со своей бронёй, как и Гаспар. Мишель, как и каждый вечер до этого, занимался тем же — отбивал вмятины, оставленные смертельным заклинанием Мирис.

Селина проигнорировала его и снова посмотрела на Бриалу.

— Только подумай, что мы можем сделать, Бриа. Представь, что аристократы смогут попасть в Вал Руайо за считанные дни, вместо недель или даже месяцев. Сколько возможностей было упущено из-за того, что мои командиры не могут передвигаться быстрее курьерской лошади?

— Например, вывод эльфов из трущоб? — спросила Бриала, глядя в потрескивающий огонь.

— О, намного больше, чем это, — Селина почти видела всё это перед внутренним взором. — Торговля, Бриа. Средоточие мудрости в университете. Если бы мы могли безопасно переходить через элувианы, мы могли бы расположить их в каждом городе, и Вал Руайо будет на расстоянии короткой прогулки от любой точки империи.

Бриала хихикнула, но по её короткому вдоху перед смехом Селина поняла, что это был наигранный смех. Эльфийка засмеялась не спонтанно, а преднамеренно, и большие прекрасные глаза Бриалы не смеялись. Кольцо на пальце Селины, подарок Леди Мантильон, помогало ей видеть слабости врага в битве, придавало остроту её разуму, позволяя подмечать детали, которые иначе она упустила бы.

— Сознаюсь, — сказала Бриала. — Пока я мало что могу представить, кроме освобождения моего народа.

— О, у твоей императрицы есть планы на твой народ, — Гаспар не поднимал глаз, закрепляя ремешки наголенника, — она выведет их из трущоб и спустит сюда, в туннели. Эдакая маленькая личная шпионская сеть.

Селина фыркнула.

— После жизни в наших трущобах эльфы Орлея могут захотеть увидеть свою древнюю историю, как наши эльфийские спутники здесь. Учитывая, насколько это отратно для эльфов, думаю, такое соглашение принесет пользу всем.

Она посмотрела в дальний конец комнаты, где Мирис и Фелассан изучали старые руны на стене, а рядом с ними стояла скучающая Лиенн.

— О, сейчас, вы, конечно, думаете так, да, Ваше Великолепие? — спросил Ремаш, глядя на Бриалу.

— Вызволить эльфов из трущоб, чтобы сделать их своими личными ассасинами, — Гаспар улыбнулся и покачал головой. — Думаю, это привлечет на мою сторону ещё парочку аристократов.

— К тому времени ты уже будешь покоиться в ладонях Создателя, так что тебя это вообще не должно беспокоить, — сухо произнесла Селина. В ответ Гаспар рассмеялся и потянулся за хлебом.

Бриала передала ему кусок, который поджаривала.

— Если Её Императорское Величество получит любовь и поддержку каждого эльфа в каждом городе империи, аристократы не посмеют пойти против неё, — она улыбнулась Гаспару. — Быть может, мы всего лишь насекомые, Герцог, но не забывайте об осах. Мудрый человек не станет трогать их гнездо.

Гаспар взял хлеб.

— Конечно, нет. Мудрый человек выкурит ос дымом. Или сожжёт, — он с хрустом откусил большой кусок хлеба и кивнул. — Неплохо.

— Думаешь, я забыла Халамширал, — глухо и зло сказала Бриала, — и хочешь отдалить меня от Селины, напомнив об этом? Я помню, что это ты спровоцировал сожжение Халамширала.

— Императрица Селина никогда бы не атаковала город, если бы ты не вынудил её, — поддержал её Мишель, оторвавшись от своей работы, чтобы встретиться пристальный взгляд Гаспара.

— Правда. Но в той тюремной карете за городом Бриала говорила совсем другое, — сказал Гаспар и откусил ещё кусок хлеба. — И, насколько я помню, она даже знала, что я собирался сделать, но не смогла предупредить Селину.

— Вряд ли бы я послушала, — ответила Селина, хоть и взглянула на Бриалу с удивлением. — Всё, что имеет значение — это эльфы, чья жизнь станет лучше, когда мы закончим.

— Жизнь станет лучше, — сердито бросил Ремаш. — Ты заключаешь сделки с мусором из сточной канавы.

— Суть в чем, — сказал Гаспар Селине, не обращая внимания на Ремаша, — большинство эльфов? Не долиицы, не твоя служанка, но большинство? Они не заботятся о живущих в эльфинажах... Или в трущобах, в Халамширале. Их не волнует, кто провозгласит свободу, Великий Герцог или императрица. Они заботятся о крыше над головой и о еде на столе. Когда ты обнарудишь своё смелое решение, аристократы отвернутся и найдут способ забыть об эльфах.

— Тогда мы им напомним, — Бриала посмотрела на Гаспара, затем на Селину.

Селина без колебаний взяла её за руку.

— Я сделаю это ради твоего народа, Бриа. Клянусь.

Рука Бриалы сжалась в её ладони, а Гаспар и Ремаш неловко отвернулись, когда Селина теснее прижалась к ней. Мишель вернулся к своей работе над бронёй, словно ничего не заметил.

В пламени костра Селина видела голодающих эльфов и бунтующее простонародье, разъяренных аристократов, отправляющих шевалье так быстро, что даже она не успевает остановить их. Она видела имперских солдат, поджигающих дома торговцев, которые протестовали против своих эльфийских конкурентов, и эльфов, которые, едва вкусив вкус свободы, возжелали большего и стали примыкать к разбойникам и бунтовщикам.

Она видела, как горит её империя. Пожар уже занялся. Она лишь надеялась, что решать, кому сгинуть в огне, выпадет ей.

Глава 16

По подсчетам сэра Мишеля, прошло четыре ночи. Четыре ночи сушёного мяса, предложенного Гаспаром, и чёрствого хлеба, прихваченного Фелассаном из лагеря долиицев. Четыре ночи сна на твердых камнях после целого дня перехода в полной броне, которая была ещё не починена до конца после атаки Мирис. Гаспар приказал ей исцелить раны Мишеля, и она подчинилась, буравя Мишеля пылающим ненавистью взглядом, а её прикосновение обжигало ледяным холодом.

Четыре ночи наблюдения окаменевшими глазами, как его императрица делит одеяло с Бриалой.

— Странно видеть, что императрицы делят постель с кем-то так же, как и все, не так ли? — прозвучал тихий вопрос в ту ночь, и, повернувшись, Мишель увидел сидящего в нескольких шагах поодаль Гаспара. Тот старательно пытался сгладить небольшую прореху в нагруднике, насколько это было возможно, имея в распоряжении лишь полевой набор инструментов. В отличие от вмятин на броне Мишеля, такая дыра вполне могла поймать клинок, если её не починить.

Мишель вернулся к заточке своего меча.

— Немного, милорд.

— Создатель, Мишель, у тебя что, нет к ней чувств? — спросил, посмеиваясь, Гаспар.

— Нет, — Мишель тоже усмехнулся. — Несмотря на то, что я лелею нашу императрицу, я не думаю о ней в таком ключе. В юности я слышал истории о шевалье, обреченных из-за своей несчастной любви, погибших из-за ошибок, совершенных в пылу ревности или страсти.

— Я бы лучше прогулялся за ручку с проклятым порождением тьмы, — Гаспар затирает длинную царапину на нагруднике. — Если понадобится масло для полировки, дай мне знать.

— Благодарю, милорд, — Мишель осмотрел лезвие по всей длине, нашёл зазубрину и принялся за работу. В Вал Руайо он бы выбросил меч с таким изъяном или хотя бы попросил оружейника перековать его. Но здесь, в залах эльфийских мертвецов, такой роскоши у него не было. Спустя минуту работы он добавил: — Не мне судить. Я как-то делил ложе со случайной встречной крестьянкой. Почему же в случае императрицы должно быть иначе?

— Согласен, — Гаспар закричал, приложив силу на особо трудном участке брони, затем критически её осмотрел. — Если это всё.

Зазубрина на лезвии даст о себе знать, как только Мишель скрестит клинок с чем-нибудь достаточно твердым. Недовольно поморщившись, Мишель достал точильный камень. Сильверит — материал очень твёрдый, и заточить заново сильверитовый меч уже после того, как он потерял свою природную идеальную остроту, довольно сложно. Допустишь оплошность — и клинок будет безвозвратно испорчен.

— Так мне следует признаться в своих опасениях, милорд, и перейти на вашу сторону?

— Сделаешь это — и я убью тебя на месте, — без колебаний ответил Гаспар. — Мы шевалье, поклявшиеся честью и долгом. А ты поклялся быть её защитником.

— Вы не слишком беспокоились о чести, когда распускали против неё слухи.

— Я делал то, что нужно империи, — Гаспар, хмурясь, провел пальцами по своей броне. — Я сражался, чтобы победить. Как там говорят в Академии? Честь не исключает...

— ...тактики, — закончил Мишель старый урок. — А глупцу не дано узнать славу. Да, милорд.

— Селина всегда была мастером Игры. Дыхание Создателя, именно так она и получила престол, в конце-то концов. Я играл как мог, но правила устанавливала она, — Гаспар вздохнул. — Честно говоря, больше всего я сожалею, что натравил на тебя того барда. Знаешь, я поручил ей найти что угодно, что сможет опорочить твоё имя.

При мысли о Мельсендре и её издевательствах там, на складе, у Мишеля похолодела кровь. Но он наблюдал Игру достаточно долго и понимал, что выдаст свой страх, если спросит Гаспара, что тому известно. Вместо этого он лишь пожал плечами.

— Как вы и сказали, милорд, вы играли в Игру. Она основана на слухах и недомолвках. И в этом плане моя жизнь проста и незамысловата, чему я безмерно рад.

— Тем не менее, сэр Мишель, это было недостойно по отношению к другому шевалье, поэтому прими мои извинения, — Гаспар улыбнулся. — Когда мы доберёмся до этого зала, наше перемирие подойдет к концу, и мы приложим все усилия, чтобы убить друг друга. Ты это знаешь, и я это знаю, но мы будем биться с честью, свободные от Игры, сплетен и лжи. Как и подобает мужчинам, которые знают, кто они есть, и с гордостью могут показать это всему миру.

Гаспар не знает. Мишель был уверен, что Великий Герцог использовал бы эту информацию ранее, ещё перед атакой на Халамширал, но какая-то часть его всегда сомневалась, всегда ожидала удара от Гаспара.

Он вспомнил, как вскипела его кровь, тот горячий прилив сил, требующий смерти Мельсендре, когда та стала угрожать тем, что знала его тайну.

Мишель почувствовал, как где-то в глубинах сознания стал развязываться крошечный узелок напряжения. Он был там так долго, что мужчина успел забыть о его существовании, но теперь, когда он окончательно исчез, Мишель не мог не испытать облегчения, нахлынувшего на него приятной прохладной волной. Он был свободен. Он мог жить и умереть как сэр Мишель де Шевин.

— Да, милорд, — ответил Мишель и вернулся к зазубринам на своём оружии.

На следующий день, после прохождения очередной проклятой Создателем тропы, они прошли через элувиан и ступили в огромный круглый зал, самый большой из всех ими виденных.

В золотых жаровнях, освещая всю комнату, горел сотворенный магией огонь, сродни тому огоньку, над которым Бриала прошлой ночью поджаривала хлеб. Вдоль стен высились колоссальные опорные колонны, высеченные в виде фигур эльфов в доспехах или с посохами. Меж статуями располагались десятки элувианов, а над ними в потолок были врезаны гигантские монструозные формы. Мишель распознал демонов, драконов и тварей, для которых не нашёл имён.

Пол огромного зала был выложен в виде пологой чаши. Вдоль верхнего ската располагались изящные мраморные скамейки. Ниже пол испещряли руны, складываясь в узор, который Мишель не мог разобрать. Переплетенные подобно паутине элементы перекрывали друг друга, некоторые выглядели стилизованными существами, иные походили на пламя или на молнии, и ещё оставались геометрические фигуры, изгибающиеся в формы, которые казались совсем уж замысловатыми. Они напомнили ему руны на тропах, хотя и не сияли так ярко, и что-то в их форме было иным, хоть он не мог сказать, что именно.

В центре зала посередине громадного рунического круга возвышался массивный каменный пьедестал. Идеально гладкий, если не считать одного углубления, точь в точь повторяющего форму рубина, который Селине дал демон Имшаэль. До сего момента Мишель сомневался, не послал ли их демон сюда на верную смерть.

— Впечатляюще, — присвистнул Гаспар, и эхо его голоса, отскакивая от стен, прокатилось по всему залу.

— Это не погребальная камера, — заметила Бриала, и Мишель с лёгким беспокойством отметил, что её голос не породил эха. — Фелассан, что это такое? Траурный зал?

Эльфы вошли в комнату прежде Мишеля и остальных, и Бриала с Мирис благоговейно взирали на кричащую роскошь. Один Фелассан не был впечатлен.

— Отчасти, — ответил он. — Верующие могли приходить сюда помолиться.

— Чему? Своим языческим божкам? — спросил Ремаш, и шрам на его щеке изогнулся от насмешливой ухмылки.

— Нашим старейшим, погрузившимся в утенеру, — Если Фелассан и был задет выходкой Ремаша, то не подал вида. — Просители проходили через лабиринт, — сказал он, указывая на переплетения рун, — и в песнях говорится, что если они были достойны, то ночью, во сне, находили ответы на свои вопросы.

— Проходили через... — Ремаш уставился на руны, опоясывающие пьедестал. — Тут какая-то подсказка нарисована?

— Как, ты не видишь? — с улыбкой спросил Фелассан. — Должно быть, ты недостоин.

Ремаш опустил было руку на рукоять своего меча, но остановился, повинувшись отрывистому жесту Гаспара.

— Я так понял, ты видишь путь в этом хаосе? — дождавшись кивка Фелассана, Гаспар повернулся к Селине.

— В таком случае, кузина, похоже, наш союз приближается к концу, — он отступил от неё и, пусть и не обнажил клинок, но уже был готов к драке. — Мы владеем ключом к пробуждению элувианов. Побеждаю я, меня проведет моя эльфийка. Победишь ты — это сделает один из твоих. Вопрос только в том, как именно ты желаешь решить вопрос. Воспользуемся магией, рискуя разбудить ещё одного Создателем проклятого демона в попытке перебить друг друга, или твой рыцарь и я сразимся как мужчины?

Мишель встал между Селиной и Гаспаром и спросил, не оглядываясь:

— Величество?

Мирис уже стояла сбоку от Гаспара, нетерпеливо поглядывая на Мишеля, а Бриала заняла позицию, позволяющую ей точно подстрелить Лиенн или Мирис.

Ремаш переводил взгляд с Селины на Гаспара, задумчиво сузив глаза. Отметивший это Мишель сделал себе заметку убить Ремаша так быстро, как только можно, когда дело дойдет до драки. Тот неплохо владел мечом, и его не сдерживал никакой кодекс шевалье. И поэтому он, без сомнения, мог дожидаться начала битвы, затем вступить и неожиданно атаковать там, где нанесённый урон будет наибольшим.

Но прежде, чем Селина успела что-либо ответить, вмешалась Лиенн.

— Нет. Нет у нас элувианов. У нас ничего нет. Что-то пробуждается, что-то древнее и очень злое.

Гаспар бросил на нее взгляд.

— Лиенн, если хочешь что-то сказать...

— Я ощущаю всколыхнувшуюся магию. Я её чувствую, милорд. Это... — глаза Лиенн были широко распахнуты, она осматривалась, будто искала что-то. Потом сдвинула брови. — Оно вокруг нас. Или... — она подняла глаза вверх.

С оглушительным грохотом раскалывающегося камня на них обрушился потолок.

* * *

Как только раздался раскатистый грохот, Бриала без промедления метнулась в сторону и нырнула под ближайшую мраморную скамейку. Она слышала крики боли, когда каменная глыба рухнула вниз на тех, кто двигался недостаточно быстро.

Даже укрывшись под скамейкой, Бриала прислушивалась.

Затем, с рокотом, от которого задрожало всё внутри Бриалы, начал рушиться камень, и её выбросило из укрытия.

Но это был не обвал, поняла она. Обвалы обычно не метят в определённое место.

И не ходят.

Она перекатилась, приготовила лук и увидела нечто, похожее на здоровенную каменную колонну, как будто одно из вырезанных на потолке фантастических существ упало вниз. Когда оно поднялось из груды раскрошенного мрамора, она разглядела огромные когти у основания колонны, затем части колонны развернулись, складываясь в каменную ногу выше её роста.

Существо было массивным, но тощим для своих гигантских размеров, узкое тело держалось на пяти колючих длинных ногах, похожих на лапки насекомого. Крошечный торс располагал двумя когтистыми руками не длиннее человеческих и оканчивался безглазой головой с пастью, усеянной каменными клыками. Пасть распахнулась, когда существо зашипело и втянуло в себя воздух.

Бриала рассмотрела всё это в одно мгновение — перекатываясь в сторону и выпуская стрелу в грудь существа в надежде, что узкие места будут уязвимей. Стрела разбилась о каменную кожу.

С кажущимся невозможным при таких размерах проворством существо повернулось в её сторону, и огромная бронированная нога опустилась, разбивая вдребезги мрамор там, где только что была Бриала.

— Фелассан, что это?

— Вартеррал! — прокричал он в ответ, в ту же минуту Бриала увидела, как Ремаш и Мишель атаковали существо. — Очень плохо! Очень-очень плохо!

Фелассан пока не нападал. Может, на то была причина, а может, он знал, что существо слишком сильно. Когда бронированная нога вновь ударила в камень рядом с Бриалой, она отскочила в безопасное место, развернулась и выстрелила в ближайшую ногу, метя в сустав. И снова стрела бесполезно скользнула по каменной броне. Мишель и Ремаш без особого успеха рубили ноги твари с другой стороны.

Вартеррал ударил в землю, и под ногами у Бриалы вздыбился камень. Мишель и Ремаш отлетели прочь, гремя доспехами при падении, а Мирис, чьё лицо смертельно побелело под витиеватыми татуировками, выступила вперед с поднятым посохом. Гаспар позади неё тряс головой, рядом с ним стояла Лиенн, чей посох светился магией, окутывавшей её и Гаспара.

— Стойте! — крикнул Фелассан. Бриала рискнула бросить взгляд в его сторону и увидела, как он карабкается на скамью. — Заберитесь повыше и прекратите атаку!

— Ты серьёзно? — спросил шокированный Гаспар.

— Сейчас же!

Вартеррал зашипел, его челюсти щелкнули в направлении Гаспара, и в воздух ударили распыленные брызги кислоты. Гаспар вскинул щит и укрылся за ним от смертоносной струи. Великий Герцог проворно вскочил на скамью, затем протянул руку вниз и помог взобраться Лиенн. В тех местах, куда попала кислота, его щит дымился и шипел.

Бриала перекатилась назад, оставляя побольше пространства между собой и существом, и прыгнула обратно на скамью. На противоположной стороне то же самое сделала Селина, Мишель и Ремаш тоже карабкались вверх.

Минуту никто не шевелился. Вартеррал завертелся на месте, принялся к воздуху, распахнув чудовищную пасть ещё шире. Удивительно подвижный, он повернулся на своих пяти длинных ногах, роя землю. Он казался сбитым с толку, хотя Бриала могла только догадываться об эмоциях вартеррала по его уродливой безглазой морде.

Ну конечно же.

— Он не видит, — прошептала она.

— Верно, дален, — голос Фелассана прозвучал так же тихо, — он чувствует наши движения через землю, как змея, и греховность тех, кто осквернил это место. Он здесь для того, чтобы защищать священное скопление элувианов от вторжения людей. С эльфами он должен сражаться только в целях самозащиты.

— Очень полезно, — воскликнул Ремаш, — но не все из нас эльфы!

При этих словах вартеррал сгруппировался, затем подскочил невероятно высоко и быстро и приземлился, дробя камень когтями, всего в нескольких шагах от Ремаша. Лорд побледнел и замолчал. Огромная тварь тихо шипела в поисках, покачиваясь вперёд и назад.

— Он пытался убить Бриалу, — в голосе Гаспара не было обвинения. Глаза Великого Герцога сосредоточенно сузились.

— Она напала на него. Действуй она мирно, он мог бы её проигнорировать.

Гаспар кивнул и задумался.

— Значит, если он чувствует, что ты эльф, то не нападает.

— Ну, этот нападает. Один Фен'Харен знает, как себя ведут другие.

Вартеррал всё ещё искал замершего на карнизе без движения и бросающего на остальных отчаянные взгляды Ремаша. Со злобным шипением тварь ударила огромным когтём в землю, Ремаш покачнулся и потерял равновесие.

— Мишель, Волки Нападают на Медведя, — позвал Гаспар, и Мишель кивнул. Остальным Гаспар прокричал в полный голос: — Все, изматывайте его набегами! Эльфы, отвлекайте его от нас, пока мы нападаем! — Вартеррал отвернулся от Ремаша на голос Гаспара, и Великий Герцог ослабил: — Всё правильно, ты, здоровенная тварюга! Иди сюда и поймай меня!

Вартеррал снова подскочил, огромная длинная нога вывернула из земли камни и разрушила карниз, на котором стоял Гаспар. Едва он приземлился, Мишель обрушил град ударов на заднюю ногу вартеррала.

Бриала снова выстрелила, целясь на этот раз в голову, но вместо этого попала чудовищу в плечо. Оно взревело и повернулось к ней, зашипев от боли, когда его накрыла волна ледящего холода. Мирис, чей посох снова светился белым, с лицом, искаженным от усилий, отправила ещё волну холода на ногу вартеррала, сковывая его тонким слоем льда. Теперь тварь развернулась в сторону Мирис, а по комнате пролетел валун и врезался в ослабленную льдом ногу.

Вартеррал завизжал от боли и повернулся к Фелассану, припадая на раненую конечность.

У наставника Бриалы не осталось времени на побег. Из пола поднялась каменная глыба, укрывая его от удара вартеррала, но камень разбился от столкновения с чудовищем. Фелассан тяжело ударился о землю и больше не шевелился.

Вартеррал занёс колючую ногу над телом Фелассана для смертельного удара, но остановился, когда Гаспар заорал:

"Как нога, урод?" и рубанул по раненой конечности твари с такой силой, что каменная броня раскололась, и из раны брызнула сукровица. — Больно, наверное! — Гаспар, казалось, светился силой, и каждый раз бил мощнее, чем любой другой человек. За его спиной Лиенн подняла посох и не сводила с Гаспара сосредоточенного взгляда, придавая ему сил своей магией.

Бриала видела, как вартеррал, повернувшись к Гаспару, оставил позади себя Ремаша и Мишеля. А когда он развернулся к Ремашу и занес для удара когтистую ногу, перед ней промелькнуло лишённое брони брюхо. Без колебаний она вновь выстрелила.

Стрела Бриалы целиком ушла в брюхо вартеррала возле места соединения с одной из ног, и оттуда хлынула сукровица. Чудовище взвыло.

— Брюхо! — завопила она. — Доберитесь до его брюха!

Когда тварь развернулась на её голос, она осознала, насколько самоубийственной была её выходка, и бросилась прочь. Там, где она только что стояла, камень раскололся от удара и зашипел от кислотных брызг, извергнутых позади неё разъяренной тварью.

Мимо Бриалы пронеслась Селина и нырнула под вартеррала.

Бриала всё ещё бежала от яростного щелканья челюстей твари, но краем глаза она увидела, как встаёт после своего переката Селина, с кинжалами, вспыхнувшими змеящимся вдоль лезвий огнём. Женщина подпрыгнула и с молниеносной точностью вонзила клинки в брюхо чудовища. Бриала не знала, помогло ли Селине кольцо Леди Мантильон, но вартеррал пронзительно завизжал от боли.

Чудовище всем весом рухнуло на землю, но Селина успела выкатиться из-под него невредимой и встала с поднятыми кинжалами недалеко от Ремаша. Вартеррал повернул к ней безглазую морду, ещё более уродливую в из-за клыков и стекающей кислоты, и позади него Гаспар снова ударил клинком по раненой ноге.

Бриала видела слаженность атаки. Ремаш, Мишель и Гаспар равномерно расположились вокруг чудовища. Селина атакует снизу, а Бриала с Мирис бьют издалека, пока Лиенн поддерживает их, чем может.

Смертельная, безрассудная схватка, к таким битвам даже хвалёные шевалье Мишеля не готовились, но Бриала видела, что их тактика могла сработать.

Как и рассчитывала Бриала, вартеррал начал разворачиваться.

А затем она с ужасом увидела, как герцог Ремаш с размаху ударил Селину щитом в спину.

— За Лид, — спокойно произнес он, когда Селина полетела вперёд и тяжело врезалась в ногу вартеррала.

— Ремаш! Будь ты проклят! — гаркнул Гаспар, продолжая рубить чудовище сзади широкими ударами, но вартеррал проигнорировал его, получив лёгкую добычу, которая недавно так больно его ранила. Он наклонился и его маленькие, размером с человеческие, ручки протянулись к Селине.

С воплем Бриала выпустила стрелу, за ней ещё одну. Они не причинили чудовищу никакого вреда, и когти вартеррала сомкнулись.

На сэре Мишеле.

Отпихнув Селину с дороги, Мишель сам оказался заключен в цепких когтях, не прекращая отчаянно полосовать запястье существа. Удары отскакивали от каменной шкуры вартеррала, и чудовище, ухватив Мишеля, без труда подняло шевалье с земли.

Усеянное клыками рыло широко распахнулось, и вартеррал потащил взревевшего Мишеля прямо в гигантскую пасть.

И приостановился, услышав прозвучавший снизу призыв:

— Сражайся, мой рыцарь!

Императрица Селина из Орлея нырнула между ногами вартеррала, вскочила, оттолкнулась от внутренней стороны колена чудовища и вновь утопила кинжалы в его брюхе.

Бриала верила в Селину, любила её с тех пор, как они обе были детьми, и в жизни не могла представить, что увидит свою императрицу рискующей жизнью ради слуги.

Завизжав от боли, вартеррал бросил Мишеля на землю. Тот приземлился с грохотом, стонущий, но живой, и Селина бросилась прочь из-под чудовища, когда оно рухнуло вниз, намереваясь раздавить её.

Раскрасневшееся лицо императрицы светилось ликованием, которое, однако, сменилось паникой, когда ей пришлось отскочить от неотвратимо надвигавшегося герцога Ремаша.

— Ремаш! Где твоя честь? — Гаспар всё ещё рубил заднюю ногу вартеррала, поддерживаемый магией Лиенн. Вартеррал развернулся к нему и тут же получил заряд холода поперек туловища.

— Глупая тварь. Он ведь был у тебя в руках! — Мирис метнула ещё один заряд холода, затем проворно перепрыгнула на другой карниз, когда вартеррал разрушил тот, на котором она стояла.

Эта атака оставила вартеррала уязвимым для Бриалы, и, стоя внизу, на земле, она выпустила стрелу вверх, в незащищённое брюхо чудовища. Оно вновь взревело, и снова Бриала перекатилась по земле, потому что камень позади неё разлетелся от ответного удара.

Вартеррал уже разнёс в пыль большинство скамеек неподалёку. Бриала скользнула за раздробленные остатки одной из них, но камень взорвался вокруг неё крошкой, и она перекатилась в сторону. Вскочив на ноги, она увидела приближающуюся с разворота громадную каменную ногу. Удар выбил воздух из её лёгких, мгновение она провела в полете, затем её протащило по крупным обломкам камня, пока она не врезалась в

мраморный карниз, жёстко остановивший её падение. Оглушенная, отчаянно сражающаяся за единственный глоток воздуха, минуту она могла лишь лежать и смотреть.

Она ждала, что вартеррал придет за ней, но ледяной удар Мирис в зубастую морду отвлек его внимание, и гигантское чудовище со злобным шипением развернулось к эльфийской целительнице.

На другой стороне Ремаш кружил, пытаясь загнать Селину обратно к вартерралу. Он поднял меч, чтобы заставить её отойти назад.

Великий Герцог Гаспар встал между Селиной и Ремашем и отбил удар Ремаша в сторону щитом.

— Я ценю твою преданность, Ремаш, — печально произнес Гаспар и впечатал бронированный кулак в герцогский шлем.

— Но это... — он отбросил щит в сторону и освободившейся рукой сорвал забрало Ремаша.

— ...абсолютно... — он вогнал клинок в щель, и Бриала увидела вышедший с противоположной стороны шлема Ремаша конец.

— ...неприемлемо, — Ремаш упал на колени, Гаспар с силой пнул тело и рывком высвободил клинок. — Селина, приношу свои извинения за бесчестный поступок моего человека.

Бриала не услышала ответ Селины, так как к ней наконец вернулась способность дышать, и она заставила себя подняться на колени, затем на ноги. Лук лежал неподалёку, она схватила его и наложила стрелу. Руки дрожали. Битва длилась слишком долго, и последний удар лишил её сил.

Она повернулась к вартерралу как раз вовремя, чтобы увидеть падающую Мирис, неуклюже ударившуюся о землю и покотившуюся по засыпанному щебнем полу.

Мишель был вновь на ногах, но двигался медленно. Его броню кое-где разъедала кислота — туда брызнул яд вартеррала. С рёвом он нанес чудовищу несколько резких, мощных ударов. Но в них не было ярости. Бриала была не единственной, кого потрепала битва.

Вдруг возле неё появился Гаспар, игнорируя охотящегося на Мишеля вартеррала. Гаспар вернул себе щит, но сейчас он снимал одну из своих латных рукавиц. Бриала не понимала, зачем, пока не увидела на его пальце кольцо.

— Я хочу получить это назад, — заявил Гаспар, стягивая кольцо и бросая его Бриале. Эльфийка поймала его помимо своей воли.

Кольцо было крупным, рассчитанным на мужские пальцы, но на нём была та же замысловатая головоломка-узор, что и на кольце Селины, подаренном ей Леди Мантильон.

— Откуда это у тебя? — спросила Бриала, пока Селина рубила ноги вартеррала, отвлекая его от Мишеля.

— Леди Мантильон, — ответил он, выгнув бровь на её вопрос.

— После того, как я впервые впечатлил её Игрой.

Вартеррал был впереди, ревел в ярости, дробил камни, но на мгновение всё, что видела Бриала — это читальный зал и кровь на полу. Селина, вытягивающая её из укрытия. Новое кольцо на пальце Селины.

— Эй! — руки Гаспара грубо хлопнули её по плечам. — Соберись. Твои стрелы и кинжалы Селины ранят тварюгу сильнее, чем наши мечи, — он повернулся к Селине и Мишелю и повысил голос: — Мишель, защищаем эльфийку! — Мишель вздрогнул и кивнул. — Бриала всаживает в него стрелы, пока он не подохнет. Селина, будь готова снова залезть под него, если подвернется возможность. Лиенн? — он повернулся к магичке, та стояла на скамье, где и проторчала всё время, издали используя поддерживающие заклятия для Гаспара. — Забудь обо мне. Наведи порчу на слепого ублюдка.

Лиенн улыбнулась, несмотря на то, что вартеррал уже повернулся к Гаспару.

— Дух, рожденный из дерева, камня и воздуха, ты был создан защищать тех, кто ныне мертв. Ты не выполнил свой долг, — она воздела руку, и посох вспыхнул тусклым огнём. — И не исполнишь его вновь.

Вартеррал споткнулся, бледные и неясные огни замерцали вокруг него, и Бриала надела на палец кольцо Гаспара. Воздух вокруг неё замер и, поднимая лук, она чувствовала правильность своих движений. Ещё даже не выстрелив, она знала, как будет двигаться вартеррал, как он поднимет ногу и откроет крошечный пятачок незащищённого брюха.

Стрела пролетела мимо поднимающегося когтя и погрузилась в лишённую брони плоть.

Вартеррал зарычал и развернулся в её сторону, но перед ним оказались с поднятыми против огромных когтей щитами Мишель и Гаспар, и, хоть их и отбросило назад от силы удара, когти чудовища бесполезно проскользнули там, где ранее зацепились бы. Мишель и Гаспар споткнулись, но восстановили равновесие, и подняли щиты навстречу потоку кислоты, извергнутому разгневанным вартерралом.

Бриала снова выстрелила, на этот раз в открытую пасть, чудовище дёрнулось и взвизгнуло, яростно замолотив по земле. Во все стороны полетело каменное крошево, и Гаспар с Мишелем упали на колени. В мгновение ока вартеррал пронёсся мимо них и навис над Бриалой, подняв сразу две ноги, чтобы пронзить её на месте.

Бриала всё ещё была под воздействием магии кольца Гаспара. Она видела, пока расплывчато, как вартеррал собирается выбить из неё жизнь. Видела, как он перенёс вес на задние ноги, подняв передние, и остался незащищённым и уязвимым для атаки Селины, которая могла перерезать сухожилия чудовища и заставить его завалиться назад прежде, чем оно успеет ударить Бриалу. Видела Селину, рассчитавшую атаку и с кинжалами наготове.

Поэтому Бриала выстрелила ещё раз, отправляя стрелу прямо между поднятыми ногами вартеррала в голое брюхо.

Вартеррал вновь взвыл.

Селина заколебалась и осталась на месте.

Нога вартеррала с размаху опустилась вниз, и Бриала снова нырнула в сторону, но в этот раз слишком поздно. Вновь она была придавлена сокрушительной мощью, однако в этот раз удар, опрокинувший её на землю, принес с собой раздирающую боль. Она силилась вдохнуть, но всё её тело горело от боли. Она пыталась двигаться, бороться, сделать хоть что-нибудь, но перед глазами плясали звезды.

Селина не пошевелилась. Она рискнула своей жизнью ради Мишеля, но не сделала этого ради Бриалы.

Кашлянув, Бриала с усилием приподняла голову и сквозь алую пелену увидела возвышающегося над ней вартеррала.

И тогда Селина вступила в бой, она вновь и вновь вонзала вспыхивающие пламенем кинжалы в мягкое брюхо вартеррала. Вартеррал закричал и упал вперёд, Бриала попыталась пошевелиться, но её тело пронзила сильнейшая боль, и она осталась беспомощно смотреть, как на неё валится огромная туша чудовища.

Последнее, что она увидела — отпрыгивающая в безопасное место Селина.

Казалось, прошло лишь мгновение, но Бриала почти сразу поняла, что успела отключиться. Она лежала там же, где и упала, а огромная туша вартеррала была рядом. Мишель и Гаспар стояли около неё, пытаясь отдышаться, и Бриала поняла, что они, видимо, только что стащили с неё труп чудовища.

По всему телу распространялось тепло, и, опустив взгляд, она увидела Лиенн, возложившую руки на ей на живот.

— В следующий раз, когда на тебя упадет здоровенное чудовище, — произнесла та со спокойной улыбкой, — советую тебе реагировать вовремя.

— Я... — Бриала запнулась, поняв, что не знает, что сказать. Она была уверена, что Селина увидит то же уязвимое место и перережет сухожилия чудовища. В конце концов, у Селины было такое же кольцо, как у Бриалы. Кольцо, которое показывало возможности и перспективы.

Кольцо, которое дала Селине Леди Мантильон.

— Мирис и Фелассан? — спросила она Лиенн вместо этого.

— Оба в порядке, — ответил Гаспар, — ничего серьёзного. А вот тебе придётся поискать хорошего оружейника.

С помощью Лиенн Бриала поднялась на ноги. От удара о каменный пол всё болело, да и рана, исцелённая Лиенн, давала о себе знать тупой болью. Броня на ней странно висела, и, взглянув вниз, Бриала поняла, что имел в виду Гаспар. Добротный синий доспех из драконьей кожи был исполосован на груди, разодран колючими когтями вартеррала прямо посередине.

Какой бы хорошей броня ни была, она не могла принять на себя такой удар и спасти Бриалу. Эльфийка повернулась к Лиенн.

— Спасибо.

Молодая женщина снова улыбнулась:

— Мы все здесь делаем, что можем.

— И правда, — Бриала заметила Мишеля. — Ты тоже в порядке?

Мишель кивнул.

— Тёмные времена настали, раз защитник императрицы должен ждать спасения от императрицы.

— Да, — Бриала сглотнула. Ради него-то Селина рискнула.

Гаспар рассмеялся.

— Трое магов, два шевалье, плюс остальные, а мы едва завалили эту штуку. Возможно, ты права, Селина. Когда я заполучу элувианы, мне могут пригодиться эльфы. За ними хотя бы не будет охотиться эта Создателем проклятая тварь, — он бросил взгляд на Бриалу и добавил: — По крайней мере, не так яро.

— Сейчас это уже не важно, — сказал Фелассан, обходя тушу вартеррала. Он слегка прихрамывал. Казалось, туша интересует его больше, чем товарищи. — Он сдох. Ну, или отключился. Они во многом похожи на големов.

— Жаль, — сказал Гаспар. — Хорошего стража отыскать тяжело. Почти невозможно найти преданного человека в наши дни, — он глянул на тело павшего Ремаша и вздохнул.

— Я думала, убивать аристократов тебе не пристало, — заметила Бриала, и Гаспар отрывисто кивнул.

— Он был моим человеком, — пояснил Великий Герцог, — и он нарушил перемирие, ударил союзника в спину в разгар битвы. Его смерть была не просто дозволена. Она была обязательна, — он выглядел искренне опечаленным. — А ведь он мог бы оказать неоценимую помощь при дворе. Не надо было вообще тащить его сюда, раз он не понимал правил.

В ту минуту Бриала сама не была уверена, что понимает правила.

Она отыскивала взглядом Селину. Та сидела на одной из нескольких избежавших яростной атаки вартеррала мраморных скамеек. Женщина тяжело дышала, но, насколько Бриала могла судить, не была ранена. Лицо Селины всё ещё пылало от битвы. Это придавало её коже розовый оттенок, которого Бриала почти никогда не видела у неё в Вал Руайо, где Селина скрывала бледную кожу под маской.

Ей вспомнились те минуты спокойной лени после занятий любовью, когда всё казалось возможным, и Бриала могла поверить, что обещания исполнятся.

Селина улыбнулась, встретив взгляд Бриалы. Вид брони эльфийки заставил её глаза расшириться, но всё равно она выглядела искренне счастливой, видя Бриалу живой.

— А теперь, — сказал Гаспар прежде, чем Бриала успела придумать план дальнейших действий, — к сожалению, Селина, настало время решить, кто получит контроль над элувианами, а кто останется здесь с мертвецами.

Глава 17

Несмотря на то, что сердце Селины колотилось в бешеном темпе, брошенный ею на Гаспара взгляд был полон ледяного спокойствия.

— Ты намерен напасть сейчас, когда мой защитник ранен, а самого тебя поддерживают в идеальном состоянии целители?

Гулкий смех Гаспара прокатился эхом меж величественных стен огромного зала.

— Селина, если бы я намеревался так поступить, я бы не приказал Лиенн исцелить твою эльфийку. Дыхание Создателя, я мог просто позволить ей умереть под тушей этого исчадия, — он указал на мёртвого вартеррала.

У Селины перехватило дыхание. Когда огромная тварь атаковала, её сердце на мгновение остановилось. Она сделала всё, что могла, разве что не пожертвовала жизнью в надежде отвлечь его, и теперь никогда не сможет забыть ощущения беспомощности, которое испытала, глядя, как её возлюбленная исчезает под когтями чудовища.

— Так значит, ты не планируешь предательства, кроме тех, которые уже совершил?

Гаспар вздохнул и покачал головой.

— Это было бы проще. И никто на поверхности никогда бы не узнал, — улыбнулся он. — Но я бы знал. Я поклялся, так что мы разрешим это с честью, Селина.

— Мой защитник против тебя? — спросила Селина. — И никакой магии, кроме той, что вы носите на себе?

Она посмотрела на Лиенн, подчёркивая свои слова.

Во время формальных дуэлей в Орлее допустимое снаряжение, магия и даже боевые стили часто оговаривались заранее. Учитывая, что в этом подземелье дуэльных мечей было не найти, Селина могла лишь надеяться, что Лиенн не сможет подпитать своим волшебством Гаспара или навести на Мишеля порчу.

— Согласен, — кинул Гаспар. — Более того, я клянусь, что в случае победы пощажу твоих эльфов.

Селина увидела, как в ответ на эти слова на губах Бриалы появилась раздражённая улыбка, и её охватил тот же гнев, который, наверное, владел её возлюбленной.

— Если ты победишь, я умру, и сомневаюсь, что после этого ты сочтешь нужным сдержать данные мне клятвы — особенно по отношению к тем, кого ты называешь остроухими.

Гаспар пожал плечами:

— Хочешь верь, хочешь нет, Селина. Сэр Мишель, если вам требуются целительные силы Лиенн, она в вашем распоряжении, — он посмотрел на мёртвого вартеррала и поморщился. — После того, как эта тварь чуть было вас не сожрала, они наверняка пригодятся.

— Благодарю, — сказал Мишель. — Я был бы признателен.

— А я, в свою очередь, потрачу немного времени на то, чтобы отчистить мои доспехи и щит от проклятой кислоты этого чудовища, — Гаспар кивнул Мишелю, после чего отошёл и остановился поодаль, у нескольких уцелевших скамей.

Мирис пошла за ним, всё ещё качая головой и ступая осторожно. Лиенн задержалась, чтобы на несколько мгновений возложить на Мишеля свои сияющие руки, а потом направилась следом.

Удостоверившись, что Гаспар и его союзники больше не могут её услышать, Селина рухнула обратно на скамейку. В этот момент она была готова обменять половину своей империи на кровать.

— Итак, всё зависит от одного поединка, — прошептала она.

Великая Игра. Все её труды. Годы борьбы за верность различных фракций, попыток вытолкнуть самую могущественную империю Тедаса в век культуры и цивилизации — всё это теперь зависело от результатов одного боя в глубинах эльфийской гробницы.

— Мишель, — позвала она мягко, и он подошёл.

Бриала и Фелассан тоже приблизились, но остановились в нескольких шагах, понимая, что этот момент предназначен только для неё и её защитника.

— Ваше Императорское Величество, — поклонился он.

Она заставила себя успокоиться.

— Ты можешь победить его?

Мишель выпрямился.

— Он — шевалье, Императрица. Он хорошо обучен, хорошо снаряжен и готов сражаться насмерть, — он глубоко вдохнул. — Но я могу одержать над ним вверх — и одержу.

Селина, сама этого не понимая, задержала дыхание, и теперь из её груди вырвался вздох. Потом она улыбнулась:

— А сказал бы ты мне, если бы не мог, Мишель?

— Скорее всего нет, Величество, — улыбнулся он. — Но я приложу все усилия, чтобы оказаться человеком своего слова.

— Ты всегда им был. И когда я верну себе трон, это будет благодаря тебе, мой рыцарь.

— Нет, — всё ещё улыбаясь, он покачал головой. — Вы вернёте себе трон благодаря собственной силе, Величество. Никто из тех, кто видел, как вы надели доспехи мертвеца и резали глотки своим врагам, не посмеет сказать, что вы не заслужили сами своё право на власть.

— Спасибо тебе, Мишель. Сражайся хорошо.

Он снова поклонился и отошёл на несколько шагов, разминая плечи и руки.

Селина обернулась и увидела Бриалу с Фелассаном, которые всё ещё стояли, ожидая от неё каких-то слов.

— Фелассан, — сказала она. — Гаспар согласился на честную дуэль, но его первая атака под Халамширалом была предательской. Мы не можем доверять ему. Его маг-отступник, Лиенн, использует магию, способную сделать воина сильнее и ослабить его противников.

— Да, — Фелассан посмотрел на Лиенн, которая склонилась над Гаспаром. — Магия Созидания. Это сродни её целительным заклинаниям.

— Или твоему кольцу, — произнесла Бриала. — Тому, что дала тебе леди Мантильон.

Её голос был напряжён. Селина поняла, что Бриала, должно быть, до сих пор страдает от ранений.

— Да, думаю, кольцо Чёрного Лиса использует похожие чары, — она покрутила старинное кольцо на пальце.

— Вообще-то... — начал было Фелассан, но потом пожал плечами. — Да, что-то похожее. Однако, лучше побеспокойтесь о её проклятиях и порче. Она в них мастерица.

— Если она попытается вмешаться, — спросила Селина. — Сможешь ли ты её остановить?

Фелассан кивнул.

— Думаю, да.

Он наклонил голову, с любопытством глядя на Селину.

— Если бы я мог вдохнуть в Мишеля силы или ослабить Гаспара, попросила бы ты об этом?

— Мишель сказал, что может победить Гаспара, — произнесла Селина. — Мы отнесёмся к его уверенности с уважением.

Едва заметно улыбнувшись, Фелассан кивнул и отошёл.

Селина осталась с Бриалой наедине. Она протянула руку, и Бриала, немного поколебавшись, взяла её и села рядом. Её броня свисала, рассеченная ударом чудовища, а рубашка была разорвана и пропитана кровью.

— Когда эта тварь... — Селина не смогла договорить. — Я почти потеряла тебя.

Она всё ещё видела, как вартеррал навис над эльфийкой, готовясь нанести роковой удар. Видела, как Бриала продолжала стрелять, непокорная даже перед лицом ярости огромного чудовища, в то время как Селина с бешено колотящимся сердцем могла лишь стоять и смотреть, не в силах помочь без риска для собственной жизни.

Бриала, не поднимая глаз, сжала руку Селины.

— И всё же я здесь.

— Мы почти победили, любовь моя, — прошептала Селина.

Она вынула кристалл, который дал ей демон — рубин размером с детский кулачок — и несколько секунд подержала в руке.

— Когда Гаспар умрёт, мы завладеем элувианами. Завладев ими, мы овладеем Орлеем. И тогда, — договорила она, — мы подарим твоему народу новую жизнь.

Как бы много времени это ни заняло — ради безопасности как самих эльфов, так и империи.

Бриала опустила голову, и по её щеке скатилась слеза.

— Ты готова сделать мне этот изумительный дар, — её пальцы, всё ещё переплетенные с пальцами Селины, коснулись старого кольца. — Дары... Когда леди Мантильон преподнесла тебе этот?

Селина высвободила руку, вернула кристалл в кошелёк, висевший на её поясе, и посмотрела на кольцо-головоломку, замысловатые и переплетённые линии которого она никак не могла разгадать.

— Ты знаешь, я не уверена, что помню. После того, как умер мой отец, когда я была одна. Должно быть, она пожалела меня — сироту при дворе. Да, теперь я вспоминаю. Она сказала, что это кольцо поможет мне сохранить здравый рассудок, что оно мне понадобится.

В этой истории была и сладость, и горечь. В другой жизни она даже могла быть правдой.

Бриала кивнула, и вторая слеза, сверкнув, упала на броню из синей драконьей кожи.

— Конечно.

Она посмотрела на Селину и улыбнулась сквозь слезы.

— Ты всегда была такой рассудительной. Это одна из причин, из-за которых я всегда любила тебя.

Она наклонилась и с неожиданной силой притянула Селину для поцелуя. На этот раз её мягкие губы были настойчивы, горячее дыхание обжигало. Она покрыла лицо и шею Селины поцелуями, прижала к себе, положив одну руку на шею, а другую - на талию, пока Селина отвечала на её поцелуи своими.

— Я никогда не забуду этого, — прошептала Бриала и отстранилась. — Мне нужно кое-что вернуть Гаспару.

Она встала, смущённо поправляя свою разорванную броню, и отошла, всё ещё прихрамывавшая и измождённая схваткой.

Спустя мгновение Селина направилась к Мишелю:

— Ты готов?

— Да, Императрица.

Теперь он выглядел сильнее, спокойнее. Его грудь вздымалась ровно, хотя скрывающая её броня по-прежнему была измята и обожжена кислотой. Селина надеялась, что броня Гаспара в таком же состоянии.

— Тогда возьми это, — она протянула ему оба своих кольца. — В вашей дуэли с Гаспаром дозволено использовать лучшую экипировку и зачарованные предметы. В том, чтобы использовать все доступные средства, нет бесчестия.

Секунду поколебавшись, Мишель кивнул.

— Мы будем сражаться не на тренировочных мечах, это точно, — сказал он, взмахнув своим серебряным клинком.

Он надел рубиновое кольцо на мизинец, и пламя сразу же затанцевало вдоль лезвия. Кольцо леди Мантильон он надел на другую руку и поморщился, привыкая к нему.

Потом он поднял свой изрубленный, почерневший щит.

— Благодарю вас, Императрица. Я готов.

— Сэр Мишель, вы — шевалье и мой защитник. Одержите в этом сражении победу ради меня.

Она повернулась к Гаспару, готовая к дуэли, которой предстояло решить судьбу Орлея.

* * *

По обоюдному согласию Мишель и Гаспар решили начать свою дуэль подальше от того места, где

произошло сражение с вартерралом. Каменные осколки мешались бы под ногами, и ни один из них не желал быть обязанным своей победой или поражением случайному булыжнику.

В самой нижней, центральной части зала пол почти полностью был покрыт лабиринтом вьющихся рун. Однако между краем рунного круга и первым рядом мраморных скамей располагалось пустое пространство шириной примерно в десять шагов. Проверив опору, Мишель подметил, что пол шёл слегка под уклон, но недостаточно, чтобы повлиять на его боевой стиль.

Скамьи находились от него по левую руку, круг рун — по правую. На самом его краю стояли оставшиеся в живых члены группы. Лиенн и Мирис, Селина и Бриала, а также Фелассан, чуть поодаль от остальных.

Впереди, лицом к нему, стоял Великий Герцог Гаспар. Его щит, как и щит Мишеля, был обожжён кислотой, а на броне всё ещё оставались следы царапины, которую он пытался выправить. Царапина могла поймать клинок, если Мишель правильно направит удар, а по щиту мечу будет сложнее соскользнуть.

Он сражался с шевалье и прежде, как в благородных дуэлях, так и в сражениях с теми, кто навлёк на себя немилость Селины. Это были самые тяжёлые поединки в его карьере — если не считать тех, что он пережил в этих эльфийских руинах — но и самые простые.

Их всех тренировали в Академии. Они выполняли одни и те же упражнения, учили одни и те же техники, впитывали одни уроки. В этих поединках не было ничего неожиданного. Их выигрывал тот, кто тренировался усерднее.

И этим человеком всегда был Мишель.

Мишель выхватил меч, и пламя, сверкнув, растеклось по клинку. Гаспар отметил это и вынул из ножен свой клинок.

— Смерть прежде бесчестья, сэра Мишель.

— Смерть прежде бесчестья, сэра Гаспар, — здесь и только здесь звание шевалье было важнее любого титула.

Они отсалютовали.

А затем сорвались с места.

Гаспар атаковал с высоко поднятым щитом. Мишель обрушил на него удар и шагнул назад, когда клинок Гаспара скользнул вперед для низкого укола. Ударив по лезвию своим щитом, он отбил его, метнулся вперед, чтобы плечом увести в сторону щит Гаспара, и сделал высокий выпад.

Гаспар оказался на долю мгновения быстрее, и пламя на клинке Мишеля лишь облизнуло перья на шлеме великого герцога.

Сталь щитов зазвенела, когда они бросились друг на друга и разошлись, кружа.

Гаспар улыбнулся, от чего его усы изогнулись, и нанес высокий обратный удар, который Мишель легко парировал. Спустя мгновение Гаспар атаковал снова, и уже начав защитное движение, Мишель разгадал финт. Вместо того, чтобы продолжать движение, он развернулся и подставил щит под неожиданный низкий выпад, который мог бы пронзить его ногу. Щит Гаспара ударил его в бок, но Мишель проигнорировал это и нанес быстрый удар ногой, попав Гаспару позади колена.

— Проклятье...

Воспользовавшись тем, что великий герцог потерял равновесие, Мишель развернулся, быстро шагнул, наклонился и завершил вращение ударом, в который был вложен вес всего его тела. Гаспар успел поднять щит, но пылающее лезвие пробило ослабленную кислотой сталь и врубилось в броню чуть ниже плеча.

— Ха! Я мог бы это и предугадать.

Великий герцог отступил назад, пошатнулся и быстро взмахнул мечом, чтобы не дать Мишелю приблизиться. Он остановился с гримасой и быстро кивнул, после чего снова отсалютовал мечом.

— Вы — достойный защитник.

Мишель редко говорил во время поединков. Он всегда находил разговоры пустым отвлечением и считал, что люди, тратящие на них время, либо глупцы, пытающиеся подстегнуть свою уверенность, либо коварные лжецы, использующие слова как ещё одно оружие.

Гаспар снова атаковал, нанеся сильный рубящий удар. Мишель принял его на щит, и Гаспар приблизился прежде, чем тот сумел контратаковать. Их щиты сцепились, и Гаспар, шагнув вперед, ударил каблуком по стопе Мишеля, после чего сильно его толкнул.

Многие ученики Академии падали в грязь из-за таких приемов, с клинком у горла. Мишель упал на одно колено, позволяя толчку пройти над головой, и сделал выпад вверх. И вновь металл заскрежетал, когда горящее лезвие вгрызлось в броню Гаспара, на этот раз отрубив половину его наплечника.

Мишель был уверен, что нанес Гаспару роковую, быть может, даже смертельную, рану. Великий герцог отшатнулся назад.

В одно мгновение Мишель понял, что переоценил Великого герцога. Несмотря на то, что некоторые лорды пренебрегали тренировками и быстро забывали, чему их научили, как только получали желтое перо, он был уверен, что Гаспар находится на пике боевой формы. Быть может, он был непривычен к суровым условиям долгих поединков, быть может, слишком полагался на дорогие доспехи. В любом случае, поединок был окончен.

Мишель встал, готовый нанести удар последний милосердный удар.

И в ту же секунду падающий Гаспар крутанулся и со страшной силой ударил Мишеля ногой в грудь.

Мишель вскинул щит, клонясь назад, и последовавший удар скользнул по его поверхности. Он выставил щит, чтобы отбить следующий удар, однако в последний момент Великий герцог изменил направление, в котором летел его клинок. Лезвие меча скользнуло мимо щита и с целенаправленным изяществом рассекло набедренник Мишеля и его плоть.

Может быть, он всё же был прав в отношении Гаспара.

Он всё ещё не обрел равновесие, и острая боль в ноге почти отправила его на землю. Сжав зубы, Мишель нанёс вертикальный рубящий удар, однако Гаспар уже сделал шаг вбок, и меч рассёк лишь воздух. Крякнув от усилия, великий герцог ударил краем своего изрубленного, по прежнему дымящегося щита в забрало Мишеля.

Глаза Мишеля пронзила ослепляющая боль, и он инстинктивно пригнулся. Одновременно с этим другой удар миновал его щит и ужалил его в живот сквозь броню. Удар пришелся несколькими сантиметрами выше бедра, в то место, которое предводитель долийских воинов пробил удачным выпадом. Мишель упал назад, но только для того, чтобы почувствовать ещё один страшный удар ноги, посланный ему вдогонку.

Броня Мишеля лязгнула, когда он с силой врезался спиной во что-то твёрдое. Одна из мраморных скамеек. Он растерялся и потерял мысленную карту поля боя, ошибка, за которую в Академии его бы высекли кнутом. С усилием открыв глаз, Мишель заморгал, пытаясь прогнать из них застилавшее все красное марево. Он всё ещё был зряч. Забрало поглотило большую часть удара. Он увидел Гаспара, приближающегося, чтобы закончить дело.

Он поднял щит, отбил выпад и принял в грудь ещё один страшный пинок, достаточно сильный, чтобы вышибить из его лёгких весь воздух. Следующий удар отшвырнул его щит в сторону, и он перекатился следом, позволяя второму выпадку выбить осколок из мраморной скамьи, на которой он лежал.

Сквозь туман боли Мишель увидел Гаспара.

Великий герцог снова улыбался, уверенный в победе, и Мишелю было нечем пошатнуть его уверенность.

Бриала увидела, как ход поединка изменился. Сначала Мишель, казалось, побеждал, но потом все его удары начали сыпаться мимо цели, а Гаспар бил жестоко и без промаха.

Она и раньше видела, как в схватке быстро менялось равновесие. Она видела, как дуэлянты заманивали противника виртуозным притворством и лживой слабостью. Она видела, как воины на краю гибели вставали и побеждали бой одной неожиданной вспышкой силы.

Но сейчас происходило что-то иное.

Мишель с трудом поднялся на ноги, и ещё один удар отскочил от его доспехов. Он отчаянно парировал, но удары Гаспара раз за разом высекали искры из его брони.

Селина, стоявшая рядом с Бриалой, сжала кулаки. Её дыхание участилось.

Напротив них молча стояли Лиенн и Мирис.

В этот момент Бриала всё поняла.

Она повернулась и шагнула к ним.

— Прекратите, — сказала она, не повышая голоса.

— Прекратить что? — спросила Мирис, не глядя на неё.

— Ты наводишь на Мишеля порчу, — сказала Бриала Лиенн, которая в ответ только улыбнулась.

— А ты скрываешь это, пряча сияние, которое обычно окружает магию, — обратилась она к Мирис.

— Что? — Селина обернулась и, увидев улыбку Лиенн, закричала Гаспару, — Гаспар! Останови это немедленно!

Гаспар и Мишель скрестили клинки, и Гаспар отшвырнул Мишеля назад, отчего тот вновь рухнул на одну из мраморных скамей.

— Они тебя не слышат, — сказала Мирис.

— Великий герцог будет уверен, что выиграл этот поединок честно, — добавила Лиенн, продолжая улыбаться. — А когда ты возразишь, он сочтёт тебя бесчестной лгуньей, которая неспособна достойно принять поражение.

— Фелассан, — сказала Селина. — Прикончи их.

Губа Фелассана дёрнулась, но в тот момент, когда он поднял посох, Мирис вскинула свой. Его наверхие полыхнуло грязно-красным.

— Ты уверен, что это хорошая идея? — спросила она.

Татуировки на её лице искривились, когда она улыбнулась.

— Я заполнила этот зал сверху донизу энергией, чтобы замаскировать порчу Лиенн. Если ты используешь свой маленький трюк и уничтожишь окружающую нас магию, получившийся взрыв нанесет ужасный урон Завесе. Кто знает, что проникнет сквозь неё на этот раз?

— Тебе лучше знать, — сказала Бриала. — Ведь ты и сама оттуда, разве нет?

Мирис усмехнулась и ничего не ответила. Лиенн подняла посох, одновременно наблюдая и за Бриалой, и за поединком.

"Аристократка" — подумала Бриала. Талантливая, но плохо обученная, спасённая от Круга своими заботливыми родителями, непривычная к долгим походам и любому другому труду. Она была слабым звеном. Начать нужно было с неё.

— Как ты поняла, дален? — спросил Фелассан из-за её спины.

— Поняла что? — спросила Селина.

Мишель нанес мощный удар, но его клинок лишь беспомощно отскочил от щита Гаспара. Ответный удар Гаспара со скрежетом пробил броню и впился в бок Мишеля.

— Из-за сотни мелочей, — сказала Бриала. — В лагере Мирис была целительницей, но совсем не походила на одарённого мага — уж точно не на мага, способного изменить чары в своем посохе. Раньше он был белым, не так ли?

Лиенн посмотрела на сияющий красным посох Мирис, это было естественной реакцией после такого вопроса, даже в момент стресса. Она отвлеклась от Бриалы, всего на мгновение. Как та и планировала.

Бриала грациозно шагнула, не привлекая внимания, и плавным движением вонзила кинжал Лиенн в живот.

Юная аристократка вскрикнула и, смертельно побледнев, пошатнулась.

— Ты ведь умелый целитель, Лиенн, — Бриала поймала падающую девушку и мягко положила на землю. — Уверена, ты сможешь исцелить себя, если постараться. Как думаешь, получится у тебя одновременно лечить себя и поддерживать порчу на сэре Мишеле?

Лиенн, тяжело дыша от боли, взглянула на неё с ненавистью:

— Я... тебя... прикончу... остроухая сука.

Это была угроза аристократа. Бриала вспомнила, как мать Лиенн, леди Монтсиммар, жаловалась на еду, пока кастелянша не пригрозила выпороть слуг. Наверное, у неё Лиенн и научилась. Говори громко, угрожай слугам и дай всем понять, что можешь сделать с ними всё, что пожелаешь, без всяких последствий.

Но они были не в Вал Руайо.

— Действительно? Тогда с моей стороны было бы глупо оставить тебя в живых, правда? — сказала Бриала и перерезала ей горло.

Она сделала это ради поединка, да, но часть её хохотала, когда кинжал скользнул по коже, та же часть, которая увидела смерть леди Мантильон и нашла кроху правосудия в мире.

Среди мраморных скамей меч Гаспара рухнул вниз, но на этот раз щит Мишеля легко поймал его, а его клинок, взлетев вверх, вскользь ударил по шлему Гаспара. Великий герцог шатнулся назад, и Мишель поднялся, окровавленный, но всё ещё живой, способный вновь сражаться в полную силу.

— Мишель должен умереть, — Мирис подняла посох.

— Это будет твой выбор, — сказал Бриала, — Имшаэль.

Мирис замерла, а Селина недоверчиво посмотрела на Бриалу. Фелассан кивнул.

— Как я и говорила, — продолжила Бриала как ни в чём не бывало, будто забыв, что только что убила аристократку.

Она чувствовала поразительное спокойствие, словно её мысли превратились в кристаллы, складывающиеся в изощренную гномскую головоломку.

— Твоё знание магии возросло, и ты разбираешься в ней куда лучше, чем могла бы простая долийская целительница. Кроме того, прямо сейчас ты влияешь на Мишеля и Гаспара, не давая им нас заметить — то же самое сделал демон, чтобы подманить Мишеля к своему узилищу.

Всё это заставило меня задуматься — почему Имшаэль пощадил одну долийку, если, как ты нам поведала, он уничтожил всех остальных членов клана?

— Потому что она сделала выбор, — сказал Фелассан. — Она хотела отомстить Мишелю за то, что он отдал её клан на растерзание Имшаэлю, и была готова ради этого отдать ему своё тело.

Селина с отвращением посмотрела на Мирис.

— Ты одержима демоном?

— Духом, — поправила Мирис, а потом осознала свою ошибку и рассмеялась.

Когда она заговорила вновь, её голос зазвучал ниже, похожий на голос человека, который был заперт в круге камней:

— О, какая жалость. Вы немного умнее, чем выглядите. Да, Императрица. Я предложил юной Мирис немного могущества за возможность присоединиться к ней в её путешествии, — существо, вселившееся в Мирис, улыбнулось. — Тем не менее, мне ничего не мешает прикончить храброго сэра Мишеля прямо сейчас и выполнить свою часть сделки.

Мишель и Гаспар яростно сражались, их клинки громко звенели, подчиняясь воле двух виртуозных мечников, но Бриала не обращала на это внимания. Сейчас жизнь Мишеля и её план зависели от того, как быстро она могла думать.

— Ты мог убить его и раньше, сразу после нашего первого сражения. Но не убил. Почему?

— Потому что решение должна принять Мирис, — ответил Фелассан, и демон повернулся к нему с любопытствующей улыбкой. — Он дал Мирис возможность напасть, зная, что за это мы убьем её, или ничего не делать и блюсти перемирие. Она выбрала бездействие.

— В таком случае она уже сделала выбор, — сказала Бриала, посмотрев на Имшаэля. — А значит, твоя часть сделки выполнена.

Демон пожал плечами.

— Быть может, красавица. Но если ты и твоя прелестная императрица получите элувианы — какая разница? Всё, чего я хочу — это возможность исследовать мир и играть с отчаявшимися, целеустремлёнными людьми. Что может дать мне ваша империя, чего не сможет империя Гаспара?

— Я освобожу эльфов, — сказала Селина. — Представь себе этот хаос, возможности. Баланс сил...

— Будет, как и всегда, тщательно рассчитан, — демон понимающе посмотрел на Селину.

— Ты освободишь эльфов, когда будешь готова, когда это не будет тебе ничем грозить. Ты предлагаешь мне скромную трапезу, — сказал он, рассеяно качнув посохом Мирис, — а я жажду безумного, ненасытного чревоугодия умирающего от голода человека. Эльфы, храмовники и маги... Быть может, они убьют несколько тысяч человек, но это всего лишь огонь и мечи. Огонь и мечи — это скучно, — его глаза сверкнули.

— В этом изумительном мире столько всего интересного, столько способов проверить, чего стоит человек.

— Я не позволю тебе поставить мою империю под угрозу, — холодно сказала Селина. — Если твоя свобода так угрожает жизням моих поданных, я сама брошусь на меч Гаспара.

Имшаэль посмотрел на неё с удивлением.

— Ты и вправду бросишься, не так ли? А я-то думал, что для тебя нет ничего дороже твоего трона.

— А знаешь, ты прав, — сказал Фелассан. — Огонь и мечи ужасно скучны. Но что, если грядет что-то большее?

— Я слушаю тебя, Медленная Стрела, — сказал демон. — Что ты можешь сделать такого, чего я уже не видел раньше сотню раз, глядя, как потные смертные тратили свою жизни на похоть, склоки и кровопролитие?

Фелассан ничего не ответил, лишь улыбнулся, отчего татуировки на его лице искривились.

— Вот это да, — выдохнул Имшаэль. — Обещаешь?

— Признаться честно, я хотел оказаться куда опаснее, — Имшаэль повернулся к Селине, которая смотрела на него с неуверенностью. — Императрица, — сказал он, — желаю вам удачи. Уверен, она вам понадобится. Что бы ни произошло, сдаётся мне, что в ближайшее время Орлей будет крайне интересным местечком.

Вокруг Мирис вспыхнул свет, и она упала на колени. Её посох полыхнул льдисто-белым. Пару мгновений вокруг неё клубилась неясная фигура, туманное нечто, окружающее её тело. Потом оно метнулось через зал и исчезло в одном из зеркал. Зеркало вспыхнуло ослепительно красным, потом снова стало мутно чёрным. И демон исчез.

Гаспар и Мишель разошлись, и оба бросили взгляд на Лиенн и Мирис. Потом, не проронив ни звука, они снова кинулись друг на друга.

Бриала посмотрела на лабиринт рун. Рисунок был запутан, но несмотря на то, что Мишель и Селина не видели в нем никакого смысла, для Бриалы он был совершенно ясен.

Она посмотрела на Селину, которая благодарно ей кивнула и повернулась к схватке.

И, наконец, она посмотрела на Фелассана, который рассказал ей историю о привязанном к дереву Фен'Хареле.

* * *

— На секунду мне показалось, что я тебя достал, — выдохнул Гаспар, когда они с Мишелем обменялись ударами.

Мишель ничего не ответил. Слова Гаспара уже однажды почти его убили.

Он истекал кровью. Его тело переполняла жгучая и непрерывная боль, и он чувствовал, как кровь скапливается под броней. Глаза всё ещё жгли отголоски отчаянного трюка Гаспара, а раны в боку и над бедром вскоре должны были снизить его скорость. Его руки болели, а лёгкие горели при каждом вдохе. Он надеялся, что это простая усталость, а не более глубокая, чем ему показалось, рана.

Он проклинал свою неосторожность. Он не чувствовал себя таким небрежным со времён Академии. Тогда каждое упражнение было угрозой, риском раскрыть своё притворство и низкое происхождение.

Раскрыть ложь.

Гаспар атаковал, и вместо того, чтобы встать в защитную стойку, Мишель бросился навстречу. Они столкнулись с громким лязгом и оба дрогнули, но Мишель сохранил равновесие, поднял руку, чтобы отбить неловкий выпад Гаспара наручем, и с силой ударил рукоятью меча в его забрало. Великий герцог качнулся назад, и Мишель начал рубящее движение вниз, а потом ударил Гаспара щитом и повалил его на одну из скамеек.

В Академии он компенсировал свой страх гневом. Он впадал в ярость во время тренировок, сражался усердно и страстно, ввязывался в драки с другими учениками. Его учителя понимали, что этот гнев — уловка, и думали, что он скрывает за ним страх неудачи. За годы обучения они превратили его в превосходное оружие,

превратив агрессию в дисциплинированную боевую ярость, которая позволила Мишелю одержать верх во всех сражениях, в которых он участвовал.

Гаспар поднялся на скамью и посмотрел сверху вниз на Мишеля.

— Идёте, сэра Мишель?

Мишель был достаточно умен, чтобы не бросаться на человека, занявшего высоту, но он не мог ждать, так как всего через несколько минут его раны закончили бы дело за Гаспара. И тот, убудок, прекрасно это понимал.

Мишель вскочил на скамейку, а потом прыгнул с неё на следующую. Широко улыбаясь, Гаспар сделал то же самое, перепрыгнув на скамью рядом с Мишелем.

Скамьи разделял всего шаг, достаточно близко, чтобы сражаться. Они скрестили клинки, на этот раз осторожно, рассчитывая каждый удар, чтобы не потерять равновесие. Гаспар прыгнул на другую скамью, Мишель последовал за ним, и они продолжили рубить, парировать, ставить блоки и испытывать силы друг друга.

Мишель увидел, что Гаспар вновь собирается прыгнуть, и прыгнул сам, но уже в воздухе понял, что это было уловкой, и в момент приземления его ожидает удар. Извернувшись, Мишель вскинул щит, приземлился и тут же, спрыгнув со скамейки, метнулся вперед. Меч Гаспара отскочил от верхней части изрубленного щита Мишеля, и Мишель врезался в него весом всего своего тела.

Он перестал быть уличным мальчишкой-полуэльфом более десяти лет назад. Он был сэром Мишелем де Шевин.

Всё что оставалось от того мальчишки — отголоски страха бессилия, страха, который он испытывал, прячась среди мусора и надеясь, что шевалье, ищущие в трущобах приключений, не найдут его. Или наблюдая за каждым лицом на рынке, чтобы убедиться, что никто не узнает его, беглеца.

И ещё оставался гнев.

Когда Гаспар потерял равновесие, Мишель нанес ему яростный апперкот, отшвырнувший щит Гаспара в сторону, а потом отправил его на пол ударом ноги.

Великий герцог упал на спину и попытался подняться, и в этот момент пылающий клинок Мишеля врубился в его щит. Гаспар ударил в ногу Мишеля, и тот, блокировав удар, нанёс еще один рубящий удар, на этот раз проскользнув мимо щита Гаспара.

Удар пришелся на правое плечо Гаспара, на тот, наплечник, который был уже повреждён, и, окончательно оторвав его, глубоко ушел в плоть рядом с ключицей. Гаспар издал бессловесный крик и отшатнулся, сжимая раненную руку.

"Я — сэра Мишель де Шевин, защитник императрицы Селины" — прошептал Мишель, спрыгивая со скамейки и бросаясь к Гаспару, который всё ещё не обрел равновесие.

Он ударил своим щитом, отбивая щит Гаспара в сторону, и сделал выпад.

И Гаспар, раненный совсем не так сильно, как казалось, запрыгнул на скамейку и нанес щитом удар сверху, приземляясь, подкрепив удар всем весом закованного в броню шевалье.

Он идеально нацелил удар и попал в крошечную зазубрину на мече Мишеля, маленькое повреждение, которое могло погубить даже лучший серебряный клинок.

Пойманный между щитом и мраморной скамейкой, меч Мишеля со звоном сломался.

Гаспар спрыгнул со скамьи, воздев меч, и Мишель ударил вверх зазубренным обломком своего сломанного меча.

Он попал в длинную царапину на броне Гаспара, и зазубренной острие скользнуло, а потом застряло и прошло сквозь.

Великий Герцог Гаспар приземлился на Мишеля, и они упали на пол вместе, а потом откатились в стороны.

— О, Создатель, мне снова показалось, что я тебя достал, — выдохнул Гаспар, глядя вниз на меч Мишеля.

Несмотря на сломанное лезвие, Мишель сумел почти по самую рукоять погрузить его в бок Гаспара.

— Попал точно в ту щербину на твоём мече. Будь я проклят, если ты не присматривался к моей броне прошлой ночью так же, как я присматривался к твоему мечу.

Мишель позволил себе улыбнуться.

— Как однажды сказал мне один из величайших шевалье, честь не пресекает тактику.

Гаспар выдавил из себя смешок, и его лицо исказила гримаса боли.

— И зачем ты только послушал этого старого глупца?

Мишель опустился на колени, вытащил свой клинок, заставив Гаспара издать стон, и встал над великим герцогом.

Он посмотрел на клинок, а потом отбросил его в сторону и поднял с пола меч Гаспара. Великий герцог заслуживал чистой смерти, и Мишель сомневался, что зазубренные остатки его меча могли её подарить.

Гаспар проследил за его движениями и благодарно кивнул приближающемуся Мишелю. Приложив усилие, великий герцог перевернулся на живот, а потом с трудом приподнялся и встал на колени, высоко вскинув голову.

— Вы хорошо сражались, шевалье.

— И вы, шевалье, — Мишель поднял клинок.

— Сэр Мишель! — крикнул кто-то позади него, и Мишель обернулся.

Это была Бриала.

— Вы мне должны.

Холодный страх сжал своими когтями сердце Мишеля, и Бриала кивнула.

— Сдайтесь.

Селина почувствовала, как мир вокруг нее остановился, и обернулась к Бриале.

— Что ты делаешь?

Бриала не ответила. Она смотрела на Мишеля, который смертельно побледнел.

— Бриала! — Селина схватила её за плечи, заставляя посмотреть на неё, но это ничем не помогло.

Лицо Бриалы было лишено эмоций. Она была похожа на мертвеца.

— Почему?

Рядом с ними, пока момент триумфа Селины ускользал во тьму, Фелассан начал смеяться.

Селина отпихнула Бриалу, тряся головой, чтобы прийти в себя. Что бы ни произошло, какая бы глупость ни овладела ей, она могла разобраться с этим позже. Она повернулась к сэру Мишелю.

— Мишель, прикончи его!

Он посмотрел на неё, потом снова на Бриалу.

— Ты — мой защитник, — но, даже произнося эти слова, она знала, что ошибается.

Если бы это все еще было правдой, он бы уже нанес удар. И его взор никогда бы не остановился на Бриале.

— Он — шевалье, — произнесла Бриала, продолжая смотреть на Мишеля. — Смерть прежде бесчестья.

Гаспар, до сих пор стоявший на коленях, посмотрел на Селину, потом на Бриалу, а потом обернулся к Мишелю.

— Мишель?

Мишель замер, словно скованный льдом. Его меч всё ещё был занесен.

— Я — сэр Мишель де Шевин, — произнёс он наконец. — Но также я — незаконнорожденный ублюдок-полуэльф.

Меч со звоном упал на землю.

— Я сдаюсь.

Университеты с библиотеками, наполненными книгами до предела. Ровные дороги и ломящиеся от товаров повозки. Эльфы на рынках, с улыбками служащие величайшей империи в мире. Чашка чая каждое утро перед делами. Тонкие, сильные пальцы, мягко снимающие маску с её лица.

Два слова её чемпиона уничтожили всё её мечты.

Селина повернулась к Бриале, выхватив кинжалы.

Бриала сделала два шага и остановилась вне пределов досягаемости. Она не обнажила свои клинки, но теперь смотрела на Селину, и та прокляла себя, разглядев гнев в глазах своей любовницы.

— Почему? — спросила Селина, так крепко сжав кинжалы, что её пальцы пронзила боль.

— Скажи мне снова, как собираешься освободить мой народ.

— Я дала тебе слово! — Селина шагнула вперед, поднимая кинжал. — Я поклялась тебе!

— И, думаю, ты даже сама себе поверила, — Бриала сглотнула. — Но когда аристократы начали бы протестовать, когда это ослабило бы империю, ты бы пошла на попятную. Ты забыла бы обещания, которые мне давала, зная, что я всё равно тебя прощу. Что я всегда буду подле тебя, — теперь её клинки выскользнули из ножен. — В конце концов, я верила тебе даже после того, как ты убила моих родителей.

Селина взмахнула рукой.

— Это была леди Мантильон! О чём бы ты не...

— Гаспар! — крикнула Бриала. — Когда леди Мантильон подарила тебе твоё кольцо?

Согнувшись, Гаспар прислонился к одной из скамей.

— После того, как я доказал ей, чего стою.

— И как ты это сделал? — спросила Бриала, не отрывая глаз от Селины.

Гаспар закашлялся.

— Я приказал убить человека ради Игры.

Селина посмотрела на искажённое мукой лицо Бриалы и, как она часто делала в те часы перед рассветом, вспомнила свою встречу с леди Мантильон.

— Вы впечатлили меня, принцесса, — сказала леди Мантильон, чьё лицо было скрыто за многими слоями косметики. — Мой собственный сын уверен, что вы отдадите ему руку, если я вас поддержу. По совпадению, сын графини Жанвир уверен, что ваша рука достанется ему.

Это могло быть угрозой. Селина никак не выдала страха. Вежливо улыбнувшись, она ответила.

— Кто знает, что может взбрести в голову молодым мужчинам?

— Флориан умирает, — сказала леди Мантильон, — но, благодаря заботам всей империи, он может прожить ещё несколько лет — слабый, бесполезный, неспособный остановить расползающийся вокруг хаос. Если я представлю вас маркизу Этьену, сможете ли вы заручиться его поддержкой до той поры, когда Создатель сжалится на ваших дядей?

Ещё одна проверка.

— Если бы я не могла, — сказала она, продолжая улыбаться, — вы бы не прислали мне это щедрое приглашение, маркиза Мантильон.

Она потратила секунду, чтобы внимательно посмотреть на аристократку, а потом добавила:

— Но я надеюсь, во благо империи, что этой поры не придётся долго ждать.

Ей было шестнадцать, она была совсем одна в Вал Руайо, сирота без могущественных покровителей... И она только что попросила эту женщину убить императора Орлея.

— Если нас раскроют прежде, чем дело закончено, — сказала леди Мантильон, постукивая изящно лакированным ногтем по полированному подлокотнику кресла, — мы проиграем или будем убиты. И то, и другое неприемлемо.

— Тогда нас не должны раскрыть, — сказала Селина с уверенностью, которой не чувствовала, и сделала реверанс. — Делайте, что нужно. Я готова.

— Правда? — спросила леди Мантильон, глядя на неё с любопытством. — Насколько ты была осторожна? Насколько аккуратна? Есть ли кто-нибудь, кто способен путем подкупа, угрозы или купившись на ложь предать ваши намерения?

Селина задумалась. Она действовала безупречно, используя всё, чему научила её леди Мантильон, чтобы расставить фигуры для этого последнего отчаянного гамбита. Все игроки, все, кому она доверяла, потеряли бы столько же, сколько она, провались их план. Она вспомнила, как смаковала вино с сыном леди Мантильон, как пила кофе из Антивы с лордом Джозефом Монтбельяром, просчитывая каждое движение, замечая каждое мельчайшее изменение в их поведении, когда мимо проходили слуги.

Слуги...

Селина сглотнула.

— В моем поместье сейчас никого нет, — сказала она. — За исключением слуг. Нападение таинственных убийц может принести мне симпатию людей... И даст нам уверенность, что барды не услышат диких историй на рынке.

Леди Мантильон бросила на неё долгий взгляд.

А потом её идеальное лицо украсила улыбка.

— Я согласна, Ваше Императорское Величество.

— Если бы я не приказала убить слуг, леди Мантильон никогда бы меня не поддержала, Бриа. Гаспар бы расправился со мной.

Бриала медленно кивнула.

— Как я и думала. Поэтому Гаспар и побеждает в дуэли.

Все ещё опираясь на скамейку, Гаспар слабо рассмеялся.

— Я бы не стал тебя убивать, Селина. Но выдал бы замуж за какого-нибудь лорда в Ферелдене, чтобы убрать с глаз долой.

Она шагнула к нему с кинжалами наперевес.

— Ты не победил в этой дуэли, Гаспар. Ты проиграл прежде, чем... — она посмотрела на сэра Мишеля, который отвел глаза, — твой противник сдался, в тот момент, когда твои маги нарушили договор своим колдовством.

— А я-то гадал, что случилось с Лиенн, — сказал Гаспар, посмотрев мимо Селины на тело девушки.

— Её вмешательство означает, что ты проиграл, — Селина подняла кинжал, готовясь нанести удар.

Гаспар фыркнул.

— Это было бы правдой только в том случае, если бы я приказал ей вмешаться. Чего я, клянусь честью шевалье, не делал.

— Как удобно, — сказала Селина и атаковала.

Его латная рукавица отбила кинжал в сторону, и Гаспар, рыкнув, рванулся вверх. Его локоть ударил Селину в живот и отбросил назад.

— Я ранен, кузина. Но нё мертв, — сжав зубы, он откинулся на скамью. — А ты отдала своему чемпиону все прелестные колечки, которые скрывают тот факт, что ты так и не научилась как следует сражаться.

Он протянул руку вниз в вынул из-за голенища сапога короткий кинжал — уродливый, но практичный клин стали, который Гаспар, скорее всего, носил с собой в качестве последнего средства со времён Академии.

— Ну как, рискнешь?

Селина крутанула свой кинжал. Она не ожидала удара, и он причинил ей боль, даже сквозь кожаную кирасу.

— Почему бы и нет? Пускай императрице и не пристало марать руки, я убью тебя сама, а потом захвачу элувианы и верну себе Орлей.

— Бриала? — сказал Мишель, и Селина, отойдя на шаг от Гаспара, посмотрела в её сторону.

Бриала шла сквозь лабиринт рун, медленно и осторожно, но целеустремлённо. Она прошла уже почти половину круга.

— Но она не может! У неё нет...

Бриала так настойчиво поцеловала её несколько минут назад. Одна рука крепко сжала её шею, другая обвила талию.

Рука Селины метнулась к кошельку, в котором она хранила волшебный рубин. Он был пуст.

Гаспар рассмеялся.

— Она опасна.

Селина повернулась и бросилась к Бриале. Теперь она видела рубин, сжатый в её руке. Бриала уже почти прошла лабиринт. Селина подняла руку, прыгнула к ней, а потом, когда невидимая энергия отшвырнула её назад, упала на пол с криком боли. Руны у края лабиринта вспыхнули гневным красным.

— Бриала!

Она даже не обернулась.

Селина подняла кинжалы, готовая метнуть их.

— Бриа. Пожалуйста. Не делай этого.

А затем волна мороза ударила её в бок, ледяное оцепенение, которое быстро сменилась обжигающим холодом. Селина покачнулась, и кинжалы выпали из её разжавшихся пальцев.

— Я думаю, — сказала Мирис, поднимаясь на ноги с ярко сияющим посохом. — Что вновь готова выбирать.

Селина посмотрела не неё, а потом на Фелассана, пытаясь вернуть себе контроль над руками.

— Я так опасалась Гаспара, — сказала она. — Что даже не подумала о вас.

— Не переживай, — сказал он. — Со всеми случается.

У Селины не было больше уловок, не было хитростей. Ей оставалось только смотреть, как Бриала поднимается на пьедестал. Она возложила на него рубин, а потом прошептала слова, которые никто больше не мог услышать.

Она подняла голову, посмотрела Селине в глаза и, когда рубиново-красный свет залил зал, сказала:

— Отныне эти элувианы принадлежат эльфам Орлея.

* * *

Волна красного света разбудила все элувианы в зале, по крайней мере, на несколько мгновений.

Теперь они снова заснули, но Бриала чувствовала их энергию в воздухе, гул силы, растекающейся вокруг. Они проснутся, когда она того пожелает.

Гаспар и Мишель, перевязывающие свои раны, бросали на неё взгляды, когда думали, что она не видит. Она не обращала на них внимания. Мирис наблюдала за ней, не скрываясь.

В этот момент магия текла сквозь Бриалу, словно холодный ветер, от которого волосы на её руках встали дыбом на том пьедестале. Элувианы теперь принадлежали ей, все до единого, готовые отправить её и её людей туда, куда она пожелает. Чтобы изучить их и расправиться с одержимыми трупами и древними ловушками, способными навредить её людям, потребуется время. Но эти угрозы можно будет устранить.

И тогда она, наконец, сможет помочь своему народу.

— Я бы освободила их, Бриа.

Селина стояла в нескольких шагах от неё. Мирис и Фелассан прислонились к пьедесталам, как будто и не преграждая ей путь к Бриале.

— Даже если бы я тебе и поверила, — сказала Бриала. — Свободу нельзя получить. Её можно только завоевать.

— Одно не противоречит другому, — Селина покачала головой, вытирая слёзы из глаз.

Теперь она казалась меньше, чем была в Вал Руайо.

— Неужели ты ничего не видела за годы, что провела со мной? Перемены, произошедшие благодаря тщательным планам и компромиссам.

— Одним из этих компромиссов были мои родители.

В глазах Селины были слёзы, когда она кивнула. Без маски и макияжа Бриале стал виден румянец на её щеках.

— Мне было шестнадцать, Бриа. Моя мать только что погибла в Игре, а мой отец умер, пытаясь отомстить за неё. Если бы я не заслужила расположение леди Мантильон, меня бы убили. И тебя наверняка бы убили вместе со мной!

— Поэтому ты приняла своё решение? — спросила Бриала ровным голосом. — Принесла нескольких в жертву, чтобы спасти всех остальных?

Когда-то, она знала, признание Селины сломало бы её, уничтожив всё, что Бриала знала о мире и своём месте в нём. Теперь... Конечно, ей было больно, и ещё долгое время она будет вспоминать об этом и лить слёзы. Но худшую боль в своей жизни она уже пережила.

— Я... — Селина отвернулась. — Кровь твоей семьи на моих руках. Какая разница, почему я приняла то решение?

"Причины имеют значение", так сказал Фелассан. Бриала знала, что он обычно оказывался прав. Но не на этот раз.

— Ты не просто заслужила расположение леди Мантильон. Она оставалась на твоей стороне, даже когда я убила её, — сказала Бриала, и Селина вздрогнула. — Она могла забрать меня с собой, но не нанесла удар. Я всегда думала, что она промедлила, потому что чувствовала вину за убийство моих родителей. Но на самом деле она пощадила меня, потому что знала, что я буду служить тебе верой и правдой. Она поняла, что ты обвела меня вокруг пальца, и не хотела лишать тебя полезного инструмента, даже чтобы отомстить за свою смерть.

— Ты — не инструмент, Бриа.

— Теперь нет.

Страх и возбуждение момента начали ослабевать, и она почувствовала у себя внутри глубокую, сонную тьму. Она не дала тьме завладеть собой и задушила подступающие слёзы.

— Мишель и Гаспар ушли, — сказал Фелассан.

Он стоял возле элувиана, который, стоило Бриале посмотреть на него, снова помутнел.

Бриала предложила им безопасный проход. Теперь она чувствовала элувианы, как собственные руки, и направила Селину к одному из зеркал. Оно было целым, без каких-либо повреждений, и со странным воодушевлением Бриала почувствовала на другой его стороне свежий ветер, что означало, что Селина не окажется замурована в погребенном под землей склепе.

— Твоя очередь, — сказала она Селине. — Куда ты пожелаешь попасть?

— Вал Руайо, — улыбка Селины была полна горечи. — Мне нужно вернуть себе империю.

Бриала могла отправить её в Вал Руайо. Она почувствовала в себе движение магии, почувствовала, как она зашевелилась, чтобы выполнить её желание. Но Вал Руайо позволит Селине закончить эту войну быстро и легко.

Бриала больше не собиралась помогать Селине.

— Ступай, — сказала она, кивнув, чтобы скрыть свою ложь. — Сражайся за свой университет, за свою культуру. Я буду сражаться за других — тех, чью долю некому защитить.

Селина сглотнула.

— Я буду сражаться, чтобы спасти империю, Бриа. И я буду счастлива, зная, что моя возлюбленная нашла свой народ, пусть даже каждое мгновение без тебя моё сердце будет полно боли.

Селина подошла к зеркалу, и Бриала оживила его тихими словами.

— И моё тоже, — прошептала она, когда Селина исчезла.

Эпилог

Бриала шагнула из туннеля в свет утреннего солнца.

Укрытая белым покровом земля сияла, отражая солнечный свет. Первый снег этой зимы выпал, когда она бродила внизу между элувианами, и сейчас большая часть Орлея уже должна быть скрыта под ним. Перед ней поскрипывали под лёгким ветерком ветви заснеженных деревьев, позади раскинулись белеющие равнины.

Судя по деревьям, она находилась недалеко от Долов. Она вернулась юда по просьбе Фелассана, хотя планировала добраться до Вал Руайо как можно скорее. У неё была работа.

При помощи элувианов девушка могла перемещаться по Орлею быстрее, чем шевалье верхом, и этот шевалье никогда бы не нашёл её.

— Зима будет суровой, — Мирис позади неё поёжилась от холода. — Если Гаспар или Селина не прекратят всё это, погибнет много людей.

— Ни одна война не обходится без этого, — заметил Фелассан, выйдя на свет и щурясь от ярких лучей.

— Я имела в виду смерть от голода, — резко сказала Мирис.

— И почему это тебя волнует? — повернулась к ней Бриала. — Думаешь, долийки тоже пострадают? Ты беспокоишься о других кланах?

— Всегда, — ответила Мирис. Она смотрела на деревья, и Бриала знала, что те ей знакомы. Клан долийки жил в этих местах многие годы. Бриала гадала, собирается ли Мирис искать выживших, хоронить погибших или же просто уйти. Да это и не имело никакого значения. — Так же, как и тебя волнуют... Твои эльфы.

— Да, мои плоскоухие.

Бриала оглянулась на вход в туннель позади себя. Даже за несколько шагов он был совершенно неразличим, разглядеть его было почти невозможно, если только не искать специально. Тем не менее, она точно знала, где он, чувствовала его как часть самой себя благодаря сохранившемуся до сих пор тихому пению магии внутри неё.

— Я очень беспокоюсь за своих людей, Мирис. И сейчас я впервые могу им помочь.

— Если бы ты поведала секрет элувианов долиикам, — начала Мирис, — мы могли бы...

Бриала расхохоталась ей в лицо, и долийка умолкла.

— Каждый эльф в этих элфинажах думает о вас как о созданиях из легенд, — сказала она Мирис. — Эльфы, которые не сдались, когда пал Халамширал. Некоторые из них боятся вас, некоторые вдохновлены вами. Вы — эльфы, что продолжили сражаться, эльфы, владеющие древней магией. Они думают, вы готовы помочь им,

заняты чем-то большим, нежели игры с демонами и охота на старые реликвии, и если бы вы действительно помогли им, вы получили бы армию преданных сторонников, что вернули бы вам Арлатан.

Она улыбнулась.

— Но вы не помогли. Вы решили, что они больше не ваш народ, и бросили их умирать. Поэтому я помогу им. Я продолжу битву, — она кивнула на вход в туннель. — Я владею древней магией.

— Бриала, я не враг, — Мирис опустила глаза. — Я ведь помогла тебе.

— У меня есть то, что тебе нужно, — Бриала продолжала улыбаться. — И твои люди — это и мои люди тоже, даже если они забыли об этом. Я помогу долейцам, но только если они помогут всему нашему народу. Передай это следующему клану, когда встретишь его.

Мирис сглотнула и кивнула.

— Примешь ли ты меня в свой клан? — спросила она Фелассана.

— Не думаю, что ты действительно захочешь встретиться с моим кланом, дален, — ответил Фелассан. — Но я желаю тебе удачи с теми, кто примет тебя.

— К какому бы клану я ни присоединилась, он не будет иметь ничего общего с демонами, — сказала Мирис и направилась к деревьям. Её посох сиял и переливался теми же цветами, что и свежий утренний снег.

— Думаешь, я должна была её убить? — поинтересовалась Бриала, когда долейка скрылась среди деревьев.

Фелассан пожал плечами.

— Полагаю, ты вскоре это выяснишь.

Бриала усмехнулась, и он повернулся к ней.

— Ты говорила всерьёз? Ты воспользуешься тропами элувианов, чтобы помочь своему народу Бриала задумалась на мгновение.

— Селина и Гаспар говорили об армии, но это означало бы играть по их правилам. С элувианами я могу доставить продовольствие в эльфинажи, где эльфы умирают от голода. Они позволят мне обогнать армию и предупредить её противника, или же оказаться позади и атаковать линии снабжения.

— И которой из армий ты собираешься подрезать крылышки?

Бриала взглянула на Фелассана и улыбнулась, несмотря на то, что уже начинала зябко дрожать от зимней стужи.

— Той, которая будет побеждать. Как там было? Анарис и Андруил?

— Ты продлишь схватку, создашь хаос, среди которого твои люди смогут сбросить оковы? — Фелассан улыбнулся в ответ.

— Я думаю, это сработает, — Бриала обхватила себя руками. — Халамширал восстал из-за одного-единственного дворянина. Я найду готовых помочь мне эльфов в каждом городе Орлея, и ещё больше тех, кто боится сражаться в открытую, но с лёгкостью послужит моими ушами и глазами, если я помогу их детям пережить зиму.

— Это... — начал Фелассан и после короткой паузы продолжил: — Весьма необычное применение древних реликвий нашего народа, дален.

— Надо полагать, Фен'Харен одобрил бы, — сказала Бриала, и Фелассан удивлённо усмехнулся.

— Мог бы, — сказал её учитель. — Хотя я в этом сильно сомневаюсь.

— Ой, чуть не забыла, — воскликнула она. — Тайное слово, чтобы проникнуть к элувианам. Если мы разделимся, то...

Она замолчала от удивления, когда его пальцы коснулись её губ. Фелассан вновь улыбнулся, но глаза его были наполнены печалью и мудростью, какие Бриала не могла себе даже представить.

— Не надо.

Мгновение она молча смотрела на него, а потом вдруг поняла.

— Ты уходишь.

— Я должен.

— Долийцы?

Он фыркнул.

— Они? Я тебя умоляю.

Затем его лицо посуровело.

— Похоже, эльфы Орлея в хороших руках. Однако не везде это так, поэтому мне есть над чем поработать в других местах.

Девушка кивнула, хотя ей жгло глаза. Умолять его остаться бесполезно, она знала. На задворках разума билась протестующие мысли: она должна узнать больше, она не справится без него; Бриала загнала их подальше, пока они не обрели силу. Мудрейший из всех, кого она когда-либо знала, доверял ей свободу её народа. И, к своему удивлению, она обнаружила, что нисколько не сомневается в его решении.

— Тогда позволь задать последний вопрос, хагрэн. Всё это... — она указала на туннель, на лес, где в нескольких днях пути от них лежал погибший клан Вирнен, затем на север, где война, что могла подарить свободу ее народу, неотвратимо приближалась к Халамширалу. — Было ли всё это твоим планом с самого начала?

Он усмехнулся в последний раз.

— Нет, дален. Всё это сделала ты.

Фелассан наклонился и нежно поцеловал её в лоб. Его губы ей обожгли кожу, и голова девушки на мгновение закружилась.

Когда Бриала вновь открыла глаза, она была одна, и, куда бы она ни бросила взгляд, нигде не было никаких следов Фелассана.

Бриала ещё раз оглянулась на туннель. Она больше не дрожала. Быть может, Фелассан слегка коснулся её своей магией, чтобы защитить от зимнего холода. Или же Бриалу согревала её цель.

Она шепнула заветное слово, и туннель закрылся за её спиной, словно никогда и не существовал.

"Фен'Харел энансал", благословение Ужасного Волка.

Она приложит все силы.

* * *

Морщась от неестественного света, Селина сделала последние несколько шагов по тропе и прошла сквозь элувиан.

Она просила Бриалу отправить её обратно в Вал Руайо. В конце концов, это ведь и было её конечной целью, когда у неё ещё были любовница и телохранитель. Добраться до Орлея раньше Гаспара, убедиться, что его атака провалилась, а потом сплотить всю мощь орлесианской армии и сокрушить мятежников.

И всё бы получилось.

Но Селина видела лицо Бриалы, когда просила об этом. Она видела в томных глазах Бриалы крошечную искорку расчёта. Она знала, как поступила бы сама на месте Бриалы.

И поэтому не удивилась, когда, выйдя из элувиана и моргая от странной волны магии, оказалась в скромном обеденном зале, украшенном эльфийскими реликвиями.

Бывало, она завтракала в этой комнате, ведь здесь были такие прекрасные окна с видом на сады.

Императрица стояла посреди своего Зимнего Дворца неподалеку от Халамширала.

Вздохнув, Селина покачала головой. Что ж, могло быть и хуже. По крайней мере, Бриала была достаточно милостива, чтобы не отправить её умирать в каком-нибудь всеми забытом склепе. Обернувшись, она взглянула на элувиан, и, спустя мгновение, багряные тучи на его поверхности померкли до серо-голубого оттенка.

У нее не было ни защитника, ни армии, ни мастера шпионов. Она была очень далеко от своих владений, возле города, вероятно, уже захваченного Гаспаром.

Её сердце было разбито, и позже она ещё наплачется. Но сейчас в самой глубине темнейших закоулков её разума маленькая часть её хохотала в извращённом восторге. Селина снова чувствовала себя шестнадцатилетней девчонкой, осиротевшей и оставшейся в одиночестве в Вал Руайо... В последний раз, когда она испытывала подобное, она победила.

Она подозревала, что какое-то время точно не будет иметь проблем с пробуждением по утрам, даже если будет спать в одиночестве.

Селина прикрыла глаза, тщательно прислушиваясь, а затем тихо прокралась из столовой в коридор.

В детстве Селина проводила в родовом дворце каждую зиму, и с тех пор помнила наизусть все тайные проходы, которые могли скрыть её от нежелательных взглядов.

Спустя несколько минут она добралась до своих покоев. Схватив с тумбочки серебряный колокольчик, она громко позвонила и принялась ждать.

Вошедшая в комнату тучная почтенная дама из числа дворцовой челяди замерла в изумлении.

Селина, всё ещё облачённая в украденный доспех, вся в грязи и без маски, просто ждала.

Выдохнув, женщина поспешно присела в низком реверансе.

— Ваше Великолепие.

Как и всегда, ключом ко всему была уверенность.

— Мне нужен отчёт по Халамширалу, ванна и чашка крепкого чая, — распорядилась Селина и постаралась скрыть улыбку, когда служанка опрометью бросилась исполнять поручение.

Когда ванна была готова, Селина стащила с себя броню и приказала её сжечь. Отмокая и соскребая с себя грязь, она слушала дворцового сенешаля, высокого, тощего и старого, как само время, мужчину, которого знала с самого детства. Сенешаль сидел по ту сторону ширмы и докладывал о том, как Лорд Пьер сдался Гаспару, и о его последующем приказе страже Зимнего Дворца сложить оружие вслед за ним.

— Пошлите гонца в Халамширал и пригласите Лорда Пьера явиться сюда лично для обсуждения условий капитуляции, — сказала Селина и жестом приказала прислуге добавить побольше лавандового мыла.

Пока слуги затягивали её в корсет, она попробовала чай. Платье было тёмно-фиолетового цвета с вышитыми по подолу золотыми львами, символом одновременно и её семьи, и самого Орлея. Горячий крепкий чай был восхитительным, и она с наслаждением сделала ещё один большой глоток, а потом замерла, чтобы старая эльфийка-служанка могла нанести на её лицо макияж.

Едва Селина нашла свою запасную маску, как слуги объявили о прибытии Лорда Пьера. Она надела маску и тотчас ощутила её чуждое присутствие на своем лице, словно взор ей ограничили крошечные стены. Казалось, с тех пор, как она надевала маску в последний раз, прошли годы.

Императрица ожидала объявления о прибытии Лорда Пьера, стоя наверху белой винтовой лестницы, весьма удачно оставаясь вне поля зрения. Она услышала, как Пьер вошёл, сопровождаемый лязгом доспехов, который мог исходить как от её стражей, так и от его телохранителей. Он поприветствовал сенешаля с изысканной вежливостью высокогородного орлесианского лорда.

— Я прибыл, как вы и пожелали, — сказал он. — Готов выразить своё расположение вам и вашим людям. Спешу уверить, настали действительно суровые времена для всех нас, и я имею смелость свидетельствовать от имени всего Халамширала, что признание поражения перед лицом столь огромных сил ни в коем случае не будет считаться бесчестьем.

Когда Лорд Пьер заговорил, Селина начала спускаться по лестнице. Она идеально точно рассчитала время - сказывались годы практики дворцового этикета - и появилась в поле зрения присутствующих как раз в тот момент, когда Лорд Пьер умолк.

— Я рада слышать столь благородные слова от вас, Лорд Пьер, — обратилась Императрица Орлея Селина к ошеломлённо уставившемуся на неё Лорду Пьеру. — И, невзирая на то, что в более тёмные времена за подобный недостаток верности Император, не сходя с места, мог предать своего Лорда мечу я всё же тронута вашей речью.

Улыбаясь, она спустилась к основанию лестницы, и дворцовая стража расступилась перед нею.

— И поэтому я принимаю вашу капитуляцию.

Лорд Пьер из Халамширала был хорошим, добрым человеком, но никогда не отличался силой. Ему не хватило ни воли, чтобы остановить восстание эльфов, ни смелости, чтобы бросить вызов Гаспару, и ничто из этого не удивляло Селину.

Один долгий миг Лорд Пьер стоял, застыв, а затем упал на колени, и это тоже её не удивило.

— Императрица.

Так Селина взяла свой первый город всего лишь через несколько часов после своего возвращения.

* * *

Мишель и Гаспар, кряхтя, выбрались из тесных эльфийских развалин, где элувиан выбросил их обратно в мир людей. Они стояли среди заснеженной и продуваемой со всех сторон равнины с пробивающимися кое-где низкорослыми деревцами. Закат окрасил снег красноватыми росчерками, и цвет этот напомнил Мишелю поверхность элувиана. Он с радостью бы прожил остаток своих дней, никогда не видя этот цвет вновь.

Ледяной ветер продувал тонкий плащ Мишеля, и он зябко поёжился, но зима ещё не полностью вступила

в свои права, а его как шевалье готовили к выживанию в суровых условиях.

Впрочем, подумалось ему, он больше не был шевалье.

— Дыхание Создателя, — услышал он голос Гаспара позади, — я точно подхвачу простуду на этих проклятых тропах.

— Согласен, милорд.

Мишель оглядел деревья.

— Как Вы полагаете, где мы оказались?

Гаспар искоса глянул на него и рассмеялся.

— Не узнаёшь? Если память мне не изменяет, мы примерно в одном дне верхом от Вал Шевина.

Мишель огорчённо опустил голову.

— Я посещал город несколько раз, после того как Граф Бревин дал мне титул, однако я едва ли знаком со здешними краями.

— Бревин?

Мишель подумал, что не следовало бы поминать имя и репутацию благородного господина всуе, но тот ведь уже был мёртв. Кроме того, Мишель устал от лжи.

— Да, в Монфоре. Он заметил меня, мальчишку, дерущегося на улице, и взял к себе обучать вместе с домашней стражей, и в конечном итоге титул был... получен, надо полагать. Он сказал, что у меня есть потенциал.

— И он был прав, — кивнул Гаспар и обернулся. — Туннель закрылся за нами. Даже не могу разглядеть, где он был.

— Несомненно, какая-то магия.

Мишель не смотрел туда. От холода его раны снова дали о себе знать.

Оба двигались довольно медленно, и тем не менее добрались от Долов до Вал Шевина всего за несколько дней, быстрее, чем могла бы долететь почтовая птица. Они почти не разговаривали, экономя силы и оставаясь настороже, опасаясь угроз, которые так и не проявили себя. Ночью перед отдыхом им пришлось обрабатывать друг другу раны.

— Какая досада. Вообрази, что было бы, знай Император Драккон об элувианах. Насколько широко тогда раскинулся бы Орлей? — Гаспар покачал головой. — Нам никогда этого не узнать. Если только эльфийка Селины не решит сменить сторону.

Мишель наблюдал, как последний луч солнца скользнул вниз и скрылся далеко на западе за горизонтом.

— Она больше не эльфийка Селины, милорд.

Гаспар снова засмеялся.

— Верно, не Селины. Как и ты, если подумать.

— Так что же будет дальше? — повернулся к нему Мишель.

— Будь я проклят, если знаю, — Гаспар качнулся из стороны в сторону, разминая затёкшие мышцы, и поёжился. — Похоже, раны, которыми ты меня наградил, закончат мои боевые похождения. И ведь это уже после того, как я сломал твой меч.

— Я имел в виду, что станет со мной, милорд?

Гаспар взглянул на Мишеля.

— Академия вычеркнет из списков твоё имя и приговорит тебя к смерти.

Мишель кивнул. Он знал устав не хуже Гаспара.

— Скажи мне кое-что, — помолчав, попросил Гаспар. — Почему ты просто не убил меня?

— Я дал слово, — ответил Мишель, качнув головой. Хранить свой секрет за пределами склада в Вал Руайо казалось ему делом первостепенной важности. Знай он тогда, что обещание обойдётся ему такой дорогой ценой, поступил бы он иначе?

— Ну и зачем же было держать его? — настаивал Гаспар. — Ты ведь не настоящий шевалье, сынок.

Мишель потянулся за мечом и, не найдя его, вытащил кинжал.

— Если шевалье пожелают вычеркнуть меня из списков и убить, это их право, — заявил он, пристально глядя на Гаспара поверх клинка, — но им не отнять у меня честь. И я не стану терпеть оскорбления.

— Видишь? — улыбнулся Гаспар. — Вот поэтому я не сообщу о тебе в Академию.

Мишель моргнул.

— Не понимаю.

— Сэр Мишель, ты победил меня в честном поединке. Ты держишься за свою честь, чего бы это ни стоило. Проклятье, ты идеальный образец шевалье, и наплевать, какая кровь течёт у тебя в жилах, — он снова оглянулся на то место, где был туннель. — Две сотни лет тому назад они убили бы женщину, занявшуюся тем же, что и они, но появилась сэр Авелин, и принц Фрейан изменил закон.

Пока великий герцог говорил, Мишель опускал свой кинжал всё ниже. Затем он вложил его в ножны и сказал чуть слышно:

— Итак, вы позволите мне остаться в рядах шевалье...

— Ты — шевалье. Что с этим делать, решай сам, — усмехнулся Гаспар. — Хотя я сомневаюсь, что ты по-прежнему сможешь служить защитником Селины...

— Нет, милорд.

Селина дала это понять абсолютно точно. За совершённое предательство он лишится жизни, если снова попадётся ей на глаза.

— И я не стану оскорблять тебя просьбой служить мне, — Гаспар взглянул на Мишеля, и тот кивнул в знак признательности. — Тем не менее, империя в огне и, очевидно, на краю гибели. Я и Селина, храмовники и маги... Один Создатель знает, что сделают Ферелден и Тевинтер, когда увидят Орлей слабеющим. Становится только хуже. Я пошёл против Селины, потому что решил, что смогу провести Орлей через это... — он умолк на мгновение, затем слабо улыбнулся, — ...и ещё хотел трон, если честно. Но, что бы ни случилось, империи нужны те, кто больше заботится о чести, нежели о своих титулах.

Мишель сглотнул.

— Благодарю вас, милорд.

— Отблагодаришь на деле, когда потребуется, — ответил Гаспар и протянул руку. Мишель пожал её.

Великий Герцог направился в сторону Вал Шевина, насвистывая походный военный марш. Мишель смотрел ему вслед, пока фигура Герцога не скрылась в сумерках, и постоял ещё немного, глядя на звёзды.

Он понятия не имел, куда теперь идти.

Без доспеха, без лошади, даже без меча, указывающего на то, что он шевалье. Если кто-нибудь наткнётся на него по дороге, то примет не более, чем за странствующего крестьянина.

И, похоже, будет совершенно прав. Впервые за многие годы сэра Мишель не мог придумать лучшей лжи для защиты.

И тут он вспомнил об одном последнем долге. Долге, возникшем во время служения Селине, но Мишель знал, что исполнить его предстоит ему одному.

Из-за его, Мишеля, действий по миру бродил демон Имшаэль. Сейчас он мог быть в любом уголке Орлея или даже мира, и, где бы он ни был, он сеял хаос и подвергал опасности невинных людей.

Мишель не был ни шпионом, ни следопытом. Поиск демона мог стать делом всей его жизни, если возможность отыскать его вообще существовала.

Но это была достойная цель.

Выбрав наобум, куда идти, он отправился навстречу своей судьбе.

* * *

Во мраке ночи эльф, называвший себя Фелассаном, развёл костёр глубоко в лесной глуши. Вокруг стоянки он повесил охранное заклинание, тщательно сформировав круг силы, который разбудит его в случае приближения чего-либо... Хотя сейчас для него самой большой проблемой были бы только бродячие разбойники. Эта мысль позабавила его, и он снял охранный круг небрежным взмахом руки. Тем более, что эти чары всегда оставляли после себя малоприятный запах.

Днём ранее он поймал кролика. Он зажарил его над огнём и, не торопясь, съел, смакуя пахнущее дымом мясо. После ужина он стёр жир с рук и лица снегом, потом, прибегнув к магии, прогнал холод прочь.

Эльф смотрел на потрескивающее и шипящее от сырой древесины пламя. Дым поднимался завитками ввысь и терялся среди деревьев, растворяясь в мерцающем ореоле далёких звезд, рассыпавшихся по ночному небу подобно алмазному песку.

Ему пришлось на ум не спать в эту ночь. У него имелся запас трав, спасающих от дремоты на какое-то время, и охранное заклятие, которое наглухо закроет его от Тени, когда действие трав закончится. Да и вообще он мог бы прекрасно провести время, бегая, скрываясь и оглядываясь через плечо весь остаток жизни.

Но сэра Мишель держал своё слово, и Фелассан просто не мог позволить какому-то упрямому мальчишке выдать его.

Бессмысленно откладывать это.

Фелассан сунул руку в полы своей мантии и извлёк оттуда свёрток с травами. Он сел, скрестив ноги, успокоил дыхание, отыскал свою истинную сущность внутри узилища плоти, потом высыпал щепотку трав в огонь.

Пламя взвилось вверх и позеленело, запах от костра сменился чем-то еще — резким и древним.

Фелассан закрыл глаза и погрузился в сон.

Он по-прежнему сидел в лесу у костра, но мир вокруг него подёрнулся мягкой светящейся рябью Тени, а запах трав наполнился свежестью и многообразием, словно эльф бродил по цветущему летнему лугу.

Позади него зашуршали сухие листья, возвещая о чём-то приближении.

— Мне не известны слова, — не оборачиваясь, сказал Фелассан. — Бриала не сказала мне.

В какой-то степени это была ложь. Она бы сказала, если бы он не остановил её. И некто за его спиной слышал это в голосе эльфа.

— Да, я знаю. Она заслуживает шанса, — продолжил Фелассан. — Никому не будет от этого вреда, верно? Почему бы не позволить девочке попытаться?

Ни звука не донеслось в ответ. Не будет никакого обсуждения, и не помогут здесь логические доводы или страстные мольбы. Садясь перед костром, Фелассан знал это.

Фелассан вздохнул.

— Мне жаль. Я не стану отнимать у неё элувианы.

Сухие листья вновь зашуршали. Некто за его спиной придвинулся ещё ближе.

Фелассан выпрямился и, прикрыв глаза, в последний раз вдохнул напоённый травами воздух.

— Они сильнее, чем ты думаешь, и тебе это известно, — улыбнулся он. — Знаешь, тебе это не понравится, но она напоминает мне о...

Он не почувствовал смертельного удара.

Последняя мысль его была об одинокой эльфийке, лишённой магии, семьи, власти, но всё равно идущей вперёд в поисках своего народа.